КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

ЯНВАРЬ

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

ЯНВАРЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 20-го января 1882 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Январь, 1882 г.

I. КІЕВЪ, ЕГО СУДЬБА И ЗНАЧЕНІЕ СЪ XIV ПО XVI СТ., **Вл. Антоновича** 1

II. ЮЖНО-РУССКІЕ АРХІЕРЕИ XVI—XVII В. **О. Левицкаго** . 49

III. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ (Лизогубы), **А. Лазаревскаго** . 101

IV. ДНЕВНИКЪ ОСВѢЦИМА (въ извлеченіи и переводѣ), съ предисловіемъ **В. А.** 126

V. АЛЬБОМЪ М. А. МАКСИМОВИЧА, **С. Пономарева** . . 152

VI. ПОСМЕРТНЫЙ РАЗСКАЗЪ О. АНТОНІЯ КОВАЛЬСКАГО (къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кіевской губ. 1855 г.), сообщ. **П. Л-въ** 174

VII. АРХИВЪ МАЛОРОССІЙСКОЙ КОЛЛЕГІИ при Харьковскомъ Университетѣ, **П. Ефименко** 193

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: 1) Указатель книгъ и статей по исторіи южной Россіи за 1881 г. 2) Библіографическія замѣтки: а) Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія, выпускъ 1-й. — б) Остерскій уѣздъ. Вып. 1-й, ч. 1-я. М. Н. Александровича.—в) Памятная книжка кубанской области, Е. Д. Фелицына.—г) Гальшка княгиня Острожска, оповѣдане историчне д-ра Из. Шараневича 193

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Хмельницкій въ представленіи Кромвеля,—б) Властная гетманша,—в) Петръ 1-й въ Русской Равѣ въ 1698 г.,—г) Осиротѣлые колокола,—д) Скоромная водка,—е) Процессъ церковнаго суда въ малорусскихъ междометіяхъ,—ж) Забавная родословная (рисунокъ и стихи) и з) къ портрету Хмельницкаго 212

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Хмельницкаго (снимокъ съ оригинала XVII в.)

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб. — Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины.“ Кіевъ, Бульваръ № 36-й.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ I. 1882 г.

Январь.

I. КІЕВЪ, ЕГО СУДЬБА И ЗНАЧЕНІЕ СЪ XIV ПО XVI СТ., **Вл. Антоновича.** 1
II. ЮЖНО-РУССКІЕ АРХІЕРЕИ XVI—XVII В. **О. Левицкаго** . . 49
III. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ (Лизогубы), **А. Лазаревскаго**. . 101
IV. ДВЕВНИКЪ ОСВѢЦИМА (въ извлеченіи и переводѣ), съ предисловіемъ **В А.** 126
V. АЛЬБОМЪ М. А. МАКСИМОВИЧА, **С. Пономарева.** . . . 152
VI. ПОСМЕРТНЫЙ РАЗСКАЗЪ О. АНТОНІЯ КОВАЛЬСКАГО (къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кіевской губ. 1855 г.), сообщ. **П. Л-въ.** 174
VII. АРХИВЪ МАЛОРОССІЙСКОЙ КОЛЛЕГІИ при харьковскомъ университетѣ, **И. Ефименко.** 193
VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: 1) Указатель книгъ и статей по исторіи южной Россіи за 1881 г. 2) Библіографическія замѣтки: а) Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія, выпускъ 1-й.—б) Остерскій уѣздъ. Вып. 1-й, ч. 1-я. М. Н. Александровича.—в) Памятная книжка кубанской области, Е. Д. Фелицына.—г) Галька княгиня Острожска, оповѣдане историчне д-ра Из. Шараневича . . 199
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Хмельницкій въ представленіи Кромвеля.—б) Властная гетманша.—г) Петръ 1-й въ русской Равѣ въ 1698 г.—г) Осиротѣлые колокола.—д) Скоромная водка.—е) Процессъ церковнаго суда въ малорусскихъ междометіяхъ.—ж) Забавная родословная (рисунокъ и стихи) и з) Къ портрету Хмельницкаго 212
ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Хмельницкаго (снимокъ съ оригинала XVII в.).

Февраль.

I. ПАНЫ ХОДЫКИ, воротилы городскаго самоуправленія въ Кіевѣ въ XIV—XVII ст., **Вл. Антоновича** 233
II. УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ РУССКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ ПОЛЬШИ въ періодъ ея раздѣловъ 262
III. ПОЛЯКИ и РУСИНЫ (къ исторіи ихъ бытовыхъ отношеній). **Л. Мацѣевича**. 301
IV. РАЗГОВОРЪ ВЕЛИКОРОССІИ СЪ МАЛОРОССІЕЙ (Литературный памятникъ 2-й пол. XVIII в.) съ предисловіемъ Н. И. Петрова. . 313
V. ДНЕВНИКЪ ОСВѢЦИМА, съ предисловіемъ **В. А.** (*Продолженіе*). . 366
VI. ПОСМЕРТНЫЙ РАЗСКАЗЪ О. АНТОНІЯ КОВАЛЬСКАГО (къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кіевской губ. 1855 г), сообщ. П. **Л-въ.** (*Окончаніе*) 386
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: 1) Указатель книгъ по исторіи южной Россіи за 1881 г. (*Окончаніе*). 2) Библіографическія замѣтки: а) Терскіе козаки съ стародавнихъ временъ. Соч. Ивана Попко. Выпускъ первый—гребенское войско. В. А.—б) Исторія сѣверской земли до половины XIV в. Петра Голубовскаго. Д. Б.—в) Моравія и мадьяры съ половины IX до нач. X вѣка. К. Я. Грота. — г) Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной. издаваемые по Высоч. соизволенію В. Прохоровымъ. В. И. 397
VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Соборъ вмѣсто собора (къ исторіи кіевскихъ соборовъ).—б) Православный монастырь и его уніатская лѣтопись (къ исторіи сатановскаго монастыря подольской епархіи).—в) Компанейскія иголки.—г) Покрытка. Ст. фонъ-Носъ.—д) Илія Човпила, бѣсамъ въ службу записавшійся (изъ области народныхъ суевѣрій).—е) Gaudeamus igitur кіевской академіи.—ж) Запорожское расхищеніе (двѣ пѣсни о томъ, кому достались запорожскія земли.—з) Объясненіе приложенія 413
ПРИЛОЖЕНІЕ: Кіевская академія и ея студенты (1697—1702 г.).

Мартъ.

I. ТЫСЯЧЕЛѢТІЕ КІЕВА . . . . . I—VI
II. УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ РУССКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ ПОЛЬШИ, въ періодъ ея раздѣловъ (*Окончаніе*). **Е. Крыжановскаго** . . 441
III. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. (Милорадовичи), **Ал. Лазаревскаго** . 479
VI. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ. Письма Иннокентія 1820—1825 г., съ предисловіемъ **Л. М.** . . . 499

V. ОПИСАНІЕ БѢДСТВІЯ, ПОСТИГШАГО УМАНЬ И ВСЮ УКРАИНУ въ 1768 году 520
VI. СКАЗАНІЕ О БОНДАРЕНКѢ по народнымъ преданіямъ. . . 530
VII. ОБРАЗЦЫ ОБЛИЧИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ МАЛОРОССІИ. **П. Ефименко** 538
VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Матеріалы для историко-статистическаго описанія екатеринославской епархіи.—б) Описаніе рукописей виленской публичной библіотеки. Составилъ Ф. Добрянскій. Вильно. 1882 г.—в) Ченстоховская чудотворная икона Богоматери. Свящ. Н. С—лова. Вильно. 1881 г.—г) Исторія русской церкви. Макарія, митрополита московскаго и коломенскаго. Т. X. Спб. 1881 г. 560
IX. ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Историческое общество Нестора-лѣтописца въ 1881 г. —б) Неосуществившійся университетъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ.—в) Древній способъ публикаціи. — г) Одинъ изъ протестовавшихъ. — д) Исключеніе Т. Г. Шевченка за самовольную отлучку.—е) Мѣсторожденіе Семена Палія.—ж) Легенда и три пѣсни о Семенѣ Паліѣ.—з) Одесское общество исторіи и древностей въ 1881 году. . . 581
АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ I томѣ.

Богданъ Хмелницкій Гетманъ

Кіевъ, его судьба и значеніе

съ XIV по XVI столѣтіе (1362—1569).

При изученіи исторіи Кіева и всей юго западной Руси мы находимъ въ дошедшихъ до насъ источникахъ значительный пробѣлъ. Съ того времени, какъ кончились свѣдѣнія южныхъ лѣтописей въ исходѣ XIII столѣтія и до появленія новаго цикла лѣтописныхъ и архивныхъ извѣстій во второй половинѣ XVI вѣка, исторію южной Руси мы привыкли или обходить молчаніемъ, или, что гораздо хуже для исторической истины, очерчивать судьбы ея нѣсколькими штрихами, состоящими изъ общихъ мѣстъ и догадокъ, выдаваемыхъ за историческую характеристику, основанную будто бы на фактическихъ данныхъ.

Одно изъ такихъ общихъ мѣстъ, установившихся съ конца XVI столѣтія и, вслѣдствіе частаго повторенія, сдѣлавшихся общепринятымъ историческимъ убѣжденіемъ, составляетъ то мнѣніе, будто послѣ Батыева нашествія Кіевъ былъ превращенъ въ развалины, кіевская область совершенно опустѣла и перестала принимать какое-бы то ни было участіе въ политической и культурной жизни Руси. Опираясь на это общее положеніе и желая объяснить себѣ происхожденіе населенія, существовавшаго въ краѣ, по свидѣтельству историческихъ источниковъ конца XVI столѣтія, многіе историки пытались объяснить дѣло гипотезами болѣе или менѣе тенденціозными, не лишенными смѣлости, но къ несчастію не основанными ни на какихъ фактическихъ данныхъ. Такъ съ одной стороны Погодинъ предположилъ, что населеніе южной Руси будто поголовно убѣжало отъ татарскаго нашествія на сѣверъ, (замѣтимъ, гораздо болѣе юга пострадавшій отъ монголовъ) и мѣ-

сто его заняло новое племя, спустившееся съ Карпатъ на днѣпровскія равнины, причемъ переселеніе цѣлыхъ народныхъ массъ произошло будто ни для кого незамѣтно и не оставило никакого слѣда въ бытописаніи. Съ другой стороны пробѣломъ историческихъ свѣдѣній воспользовались польскіе писатели: Грабовскій, Шайноха и другіе и, настаивая на мысли мнимаго запустѣнія края, колонизовали его польскими выходцами, забывая при томъ пояснить, почему эти выходцы, пришедшіе будто-бы съ береговъ Вислы, представляютъ въ XVI вѣкѣ сплошную массу съ характеромъ русской, а не польской народности. Туманъ историческій, сгущаясь все болѣе и болѣе отъ частаго повторенія вымысловъ и фантастическихъ прикрасъ, сталъ сбивать съ пути и такихъ писателей, которые должны были-бы отличать въ данномъ случаѣ тенденціозность польскихъ писателей и нѣсколько болѣе критически относиться къ прошлому своей родины. Въ этомъ отношеніи, полагаю, достаточно указать, какъ на образецъ увлеченія чуждою исторической истины теоріею, на введеніе въ „исторію возсоединенной Руси“ г. Кулиша.

Между тѣмъ, вглядѣвшись безъ предъубѣжденія въ тѣ немногія, но точныя историческія свѣдѣнія, какія дошли до насъ о судьбѣ южной Руси съ XIII по XVI столѣтіе, мы не можемъ не признать, что общепринятое мнѣніе о запустѣніи ея въ это время есть не болѣе какъ историческій миражъ. Батыево разореніе есть послѣднее постигшее Кіевъ бѣдствіе, записанное древними русскими лѣтописями; затѣмъ, послѣ долгаго перерыва, въ XVI столѣтіи, путешественники, посѣщавшіе Кіевъ или писавшіе о немъ: Герберштейнъ, Гваньини, Ляссота, Гейденштейнъ и пр., описываютъ развалины, загромоздившія нагорную часть Кіева, и сожалѣютъ объ упадкѣ величія этого, нѣкогда знаменитаго, города. Уже съ исхода XVI вѣка мы замѣчаемъ у лѣтописцевъ стремленіе связать и сопоставить оба факта, какъ причину и послѣдствіе. Стремленіе это выражается у составителей лѣтописныхъ сводовъ дополненіями и приставками совершенно произвольныхъ подробностей къ исторіи Батыева погрома. Въ древнѣйшемъ извѣстіи о взятіи Кіева Батыемъ, записанномъ въ ипатской лѣтописи, указано только разрушеніе десятинной церкви, своды которой обрушились подъ тяжестью столпившагося на нихъ народа; затѣмъ о разрушеніи города нѣтъ вовсе упоминаній; говорится лишь, что изъ Кіева Батый прошелъ по Волыни, разрушилъ нѣсколько городовъ, другіе миновалъ или не успѣлъ взять и, по совѣту плѣннаго боярина Дмитрія, не оста-

навливаясь на пути, поспѣшилъ ворваться въ Венгрію, чтобы захватить эту страну въ расплохъ, а въ обратномъ пути его указываются грабежи, причиненные татарами въ сѣверной части волынскаго Полѣсья. Несомнѣнно, страна, лежавшая на западъ отъ Днѣпра, пострадала отъ орды въ весьма слабой степени, сравнительно, напримѣръ, съ разореніемъ земель ростовской или рязанской; между тѣмъ никому изъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ и историковъ не приходитъ въ голову утверждать, что земли эти запустѣли вслѣдствіе Батыева погрома; происходитъ же это лишь потому, что о послѣдующей судьбѣ тѣхъ земель позднѣйшіе составители лѣтописныхъ сводовъ и историки находили цѣлый рядъ послѣдовательныхъ сказаній въ дошедшихъ до нихъ лѣтописяхъ, между тѣмъ какъ свѣдѣній такихъ о кіевской землѣ не имѣли и позднѣйшее запустѣніе города пытались объяснить послѣднимъ, извѣстнымъ имъ, бѣдственнымъ событіемъ. Такъ въ лаврентіевскомъ лѣтописномъ спискѣ, дошедшемъ до насъ въ редакціи конца XIV столѣтія, въ той части его, которая составлена уже не въ кіевской землѣ, а въ ростовской, вмѣсто обстоятельнаго и исполненнаго подробностей разсказа ипатской лѣтописи, помѣщена краткая только замѣтка, но къ ней прибавлено нѣсколько фразъ объ ограбленіи церквей и поголовномъ истребленіи жителей Кіева. Составитель густинскаго списка, не смотря на то, что пользовался при составленіи своего свода ипатскимъ спискомъ, не ограничился его извѣстіями, но прибавилъ къ нимъ нѣсколько фразъ о разореніи города: „татаре изсѣкше людей безъ числа, а прочихъ связанныхъ въ плѣнъ поведоша, а градъ Кіевъ огнемъ и монастырѣ всѣ запалиша“. Воскресенскій сводъ дополняетъ эту картину разоренія еще болѣе печальными подробностями; по его словамъ: „иные (жители) бѣжаша въ дальные страны, иные-же крыяхуся въ пещерахъ земныхъ и въ горахъ и въ лѣсѣхъ“. Наконецъ Кіевскій Синопсисъ, сводя разсѣянные въ лѣтописяхъ легендарные наросты, изображаетъ слѣдующую картину: „татаре всея Россіи стольный и во всей подсолнечной славный царственный градъ Кіевъ взяша, церкви божественныя разориша, городъ и мѣсто огнемъ сожегоша, людей иныхъ посѣкоша, а иныхъ плѣниша и все государство кіевское ни во что обратиша“. Затѣмъ слѣдуетъ подробный разсказъ о разореніи окончательномъ кіево-печерскаго монастыря и храма. Такимъ образомъ, посредствомъ постоянныхъ наростовъ и украшеній, къ концу XVII столѣтія составилась полная картина разоренія Кіева

и запустѣнія кіевской области, освобождавшая писателей отъ дальнѣйшаго разсказа о ея судьбѣ, что было-бы для нихъ весьма затруднительно за отсутствіемъ источниковъ. Успокоившись на томъ, что объ исторіи пустыни писать нечего, лѣтописцы и историки свободно переходили изъ Кіева къ исторіи великаго княженія владимірскаго и московскаго и продолжали разсказъ, пользуясь источниками лѣтописными, уцѣлѣвшими въ сѣверо-восточной Руси. По разъ проложенному пути пошли дальнѣйшіе историки и установилось мнѣніе, что въ теченіи трехъ столѣтій о южной Руси, запустѣвшей и какъ бы изчезнувшей, слѣдуетъ умалчивать, такъ какъ полагать должно, что все это время она не могла оправиться отъ погрома.

Къ счастью, однако, составители лѣтописныхъ сводовъ были слишкомъ добродушны и владѣли слишкомъ слабыми критическими пріемами для того, чтобы тенденціозно провести придуманную гипотезу. Пользуясь краткими, доходившими до нихъ замѣтками о кіевской землѣ, они добросовѣстно вносили ихъ въ свои своды, не замѣчая противурѣчія, въ которомъ замѣтки эти находились съ сказаніемъ о Батыевомъ разореніи. Постараемся свести хотя нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ съ половины XIII по конецъ XIV столѣтія, чтобы убѣдиться, насколько картина запустѣнія Кіева и его области не подтверждается даже тѣми источниками, которые подали поводъ къ ея возникновенію.

Исторія всей второй половины XIII столѣтія пространно описана въ концѣ ипатской лѣтописи: мы не только не усматриваемъ въ разсказѣ этой лѣтописи признаковъ запустѣнія юго-западной Руси, но, напротивъ того, можемъ прослѣдить постепенный ростъ могущества галицко-волынскаго княжества подъ управленіемъ Даніила Романовича и его ближайшихъ наслѣдниковъ. Но сверхъ исторіи этого княжества, ипатская лѣтопись сообщаетъ въ данное время весьма интересныя извѣстія о земляхъ: подольской, болоховской, потетеревской, звягельской (двѣ послѣднія входили въ составъ кіевской области) и т. д., добровольно подчинившихся монголамъ и состоявшимъ въ зависимости отъ хановъ на весьма льготныхъ условіяхъ. Собственно о кіевской области лѣтопись говоритъ мало, такъ какъ область эта не входитъ въ районъ, избранный лѣтописцемъ, но по нѣсколькимъ намекамъ видно, что Кіевъ не былъ превращенъ въ пустыню. Подъ 1250 г. разсказано пребываніе Даніила Романовича на пути въ орду въ выдубецкомъ монастырѣ, а подъ 1257-мъ упоминается о намѣ-

реніи Даніила завоевать съ помощью литовцевъ Звягель и Кіевъ. Изъ помѣтокъ занесенныхъ въ густинскій сводъ, мы видимъ, что съ 1243—1249 г. Кіевъ находился подъ властью Ярослава Всеволодовича на основаніи ярлыка, полученнаго имъ отъ хана; затѣмъ на томъ-же основаніи владѣли Кіевомъ Александръ Ярославичъ (1249—1263) и Ярославъ Ярославичъ (1263—1271). Въ XIV столѣтіи таже лѣтопись называетъ кіевскихъ князей: Ѳеодора (1331—1362), Владиміра Ольгердовича (1362—1392), Скиргайла Ольгердовича (1392—1396) и Іоанна Борисовича (1396—1399).

Относительно состоянія города и украшавшихъ его церквей въ данное время мы находимъ весьма точныя свѣдѣнія. Кіево-печерскій монастырь и церковь его продолжали существовать въ XIII и XIV столѣтіяхъ: такъ подъ 1274 годомъ густинская и воскресенская лѣтописи занесли фактъ посвященія архимандрита кіево-печерскаго Серапіона въ епископы во Владиміръ. Подъ 1289 годомъ, при описаніи похоронъ волынскаго князя Владиміра Васильковича, упоминается другой архимандритъ кіево-печерскій—Агапитъ. Третій архимандритъ того-же монастыря, Давидъ, извѣстенъ какъ духовникъ второй жены Ольгерда. Въ концѣ XIV столѣтія мы имѣемъ свѣдѣнія о погребеніи въ кіево-печерскомъ монастырѣ многихъ знатныхъ лицъ: нареченнаго митрополита Діонисія (1385 г.), князя Іоанна (Скиргайла) Ольгердовича (1396 г.) и князя Владиміра Ольгердовича. Въ 1399 году кіево-печерскій монастырь, откупаясь отъ орды Темиръ-Кутлука, напавшей на Кіевъ, далъ татарамъ „окупу 30 рублевъ“. Такія-же данныя можно привести и о сохранности кіево-софійскаго храма: въ 1280 году въ соборѣ кіевскомъ погребенъ былъ митрополитъ Кириллъ, скончавшійся въ Переяславѣ суздальскомъ. Въ 1288—1289 годахъ митрополитъ Максимъ рукополагалъ „въ святѣй Софіи въ Кіевѣ“ Іакова въ епископы владимірскіе и Тарасія—въ ростовскіе. Замѣтимъ притомъ, что послѣдній изъ нихъ до рукоположенія своего былъ игуменомъ въ кіевскомъ богословскомъ монастырѣ. Съ 1375 по 1380 г. и потомъ съ 1382 по 1390 г. въ Кіевѣ, на митрополичьемъ дворѣ, у св. Софіи, жилъ непризнанный въ Москвѣ Дмитріемъ Ивановичемъ митрополитъ Кипріянъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ никоновская лѣтопись описываетъ его второй пріѣздъ въ Кіевъ: „пришедъ въ Кіевъ на свое мѣсто митропольское въ соборной церкви кіевской, матери всѣмъ церквамъ русскимъ. И пріятъ былъ митрополитъ отъ всѣхъ со многою честью и сретоша его далече отъ града со кресты и князи, и боляре, и вель-

можи и народы мнози съ радостью..... и пребываше Кипріянъ митрополитъ въ кіевскихъ странахъ..... и вси послушаху и чествоваху его". Въ 1396 году, за нѣсколько дней до своей кончины, кіевскій князь Скиргайло пировалъ „на митрополичьемъ дворѣ, у святой Софьи", у намѣстника Ѳомы. Полагаемъ, что приведенныхъ фактовъ достаточно для того, чтобы устранить положеніе о совершенномъ запустѣніи края и города.

Но если мы обратимъ вниманіе на степень развитія политическаго могущества и значенія Кіева въ XIII столѣтіи, то мы должны признать несомнѣнный политическій упадокъ кіевской области. Упадокъ этотъ былъ результатомъ событій, предшествовавшихъ монгольскому нашествію; причины его заключались въ той продолжительной борьбѣ, которую вели упорно въ теченіи XII столѣтія разныя вѣтви русскаго княжескаго рода за обладаніе кіевскимъ столомъ, съ которымъ связано было представленіе о старшинствѣ и гегемоніи на Руси. Ни одна изъ княжескихъ вѣтвей не успѣла упрочиться въ кіевской области, постоянныя же ихъ распри не дозволили самой землѣ выработать сколько нибудь правильный общественный строй. Убѣдившись въ невозможности прочно овладѣть Кіевомъ и основать на этомъ владѣніи свое главенство, князья вступаютъ на новый политическій путь: они стремятся унизить Кіевъ и перенести понятіе о старшинствѣ въ русской землѣ въ другіе, новые центры. Мало по малу около новыхъ средоточій государственной силы и дѣятельности группируются разрозненныя земли, нѣкогда подвластныя великимъ князьямъ кіевскимъ. Между ними первое мѣсто по могуществу занимаютъ: Владиміръ на Клязьмѣ и прикарпатскій Галичъ; затѣмъ—на второмъ планѣ: Новгородъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Черниговъ, Рязань. Каждый изъ этихъ городовъ притягиваетъ къ себѣ болѣе или менѣе обширную территорію, къ Кіеву-же тянетъ только его коренная незначительная область—„русская земля" въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Это древнее достояніе первыхъ кіевскихъ князей заключалось въ тѣсныхъ границахъ, опредѣлявшихся теченіемъ рѣкъ Случи, Припяти, Днѣпра и Роси. Между тѣмъ какъ съузилась территорія области и, вмѣстѣ съ съ тѣмъ, падало ея политическое значеніе, князья старались ускорить это паденіе, нанося древнему политическому центру Руси все болѣе и болѣе тяжелые удары. Въ раздраженіи борьбы они не щадятъ ни спорной области, ни ея стольнаго города. Среди княжескихъ междоусобій Кіевъ подвергся два раза разоренію го-

раздо болѣе тяжелому, по словамъ современныхъ лѣтописей, чѣмъ позднѣйшее разоренiе Батыево. Такъ въ 1169 году Мстиславъ Андреевичъ, во главѣ многочисленной рати, посланной Андреемъ Боголюбскимъ и его союзниками, овладѣлъ Кiевомъ и предалъ его разграбленiю; три дня суздальцы и черниговцы грабили и жгли церкви и дома и хватали жителей въ полонъ. Въ 1203 году князь Рюрикъ Ростиславичъ, оспаривавшiй кiевскую область у Романа галицкаго, раздраженный предпочтенiемъ, оказаннымъ кiевлянами его сопернику, овладѣлъ Кiевомъ съ помощью половцевъ и отдалъ городъ и церкви на разграбленiе, а жителей въ полонъ своимъ союзникамъ. Конечно, послѣ этихъ ударовъ, должно было оскудѣть богатство Кiева и быстро понизилось его политическое значенiе.

Въ этомъ состоянiи политическаго безсилiя кiевская область прожила XIII-е и большую половину XIV-го столѣтiй. Она не только потеряла значенiе первенствующаго, старшаго княженiя, но, среди раздробившихся русскихъ областей, занимала мѣсто второстепенное, незамѣтное. Но въ XIV столѣтiи въ судьбѣ Руси случился новый историческiй поворотъ, начертавшiй и для Кiева новую политическую роль на новомъ поприщѣ. Въ это время разъединенныя, ослабѣвшiя русскiя земли начинаютъ вновь объединяться въ болѣе крупные и прочно связанные политическiе организмы. Стремленiе это происходитъ одновременно на двухъ закраинахъ русскаго мiра: между тѣмъ какъ въ сѣверо-восточной Руси, благодаря настойчивой и предусмотрительной политикѣ владимiрскихъ и московскихъ великихъ князей, возникаетъ новое сильное русское государство, юго-западныя русскiя земли находятъ точку опоры въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Въ 1362 году, вслѣдствiе побѣды, одержанной Ольгердомъ Гедиминовичемъ надъ тремя татарскими темниками, Кiевъ вмѣстѣ съ подольскою землею переходитъ безъ сопротивленiя со стороны мѣстнаго населенiя подъ власть великихъ князей литовскихъ, успѣвшихъ уже до того времени объединить подъ своею державою княжества: полоцкое, туровское, брянское, черниговско-сѣверское и волынское, и вскорѣ послѣ занятiя Кiева овладѣвшихъ Смоленскомъ. Такимъ образомъ многочисленныя русскiя земли оказались вновь соединенными въ предѣлахъ быстро развившагося русско-литовскаго государства. Государство это состояло изъ двухъ элементовъ, разнородныхъ въ этнографическомъ, религiозномъ, бытовомъ и культурномъ отношенiяхъ. Инородческое племя,

положившее начало государству и выдвинувшее изъ своей среды княжескую династію, оказалось, послѣ объединенія западно русскихъ земель этою династіею, слабѣйшимъ и въ количественномъ, и въ культурномъ отношеніяхъ. Занимая менѣе $^{1}/_{10}$ доли всей территоріи великаго княжества литовскаго, литовцы не обладали ни развитою культурою, ни письменностью, ни выработанными формами общественнаго быта, ни историческою государственною традиціею. Между тѣмъ, вошедшія въ составъ литовскаго государства, русскія земли, составлявшія болѣе $^{9}/_{10}$ всего его пространства, принесли съ собою старую общественную культуру, выработанную продолжительною историческою жизнью и почерпавшую постоянно новыя силы въ христіанствѣ, единственномъ тогда проводникѣ высшихъ формъ развитія. При взаимномъ воздѣйствіи обоихъ національныхъ началъ, несомнѣнно—литовское должно было подчиниться русскому, заимствовать его цивилизацію и занять въ общемъ государствѣ второстепенное мѣсто. Дѣйствительно въ XIV столѣтіи, подъ руководствомъ Гедимина и Ольгерда, жизнь великаго княжества литовскаго и слагается въ этомъ направленіи. Русскія области получили, благодаря объединенію, гарантіи для спокойнаго развитія своей внутренней жизни. Литовскіе князья не только не стѣсняютъ этого развитія, но съ удивительнымъ политическимъ тактомъ и безпристрастіемъ поддерживаютъ его и постепенно подчиняются его культурному вліянію, сознавая, что государство ихъ можетъ развиться, опираясь лишь на русское народное начало. Уже во второмъ поколѣніи русское вліяніе охватываетъ княжескую семью: многочисленные сыновья Гедимина принимаютъ крещеніе по православному обряду, вступаютъ въ родственныя связи съ русскими князьями, живутъ въ русскихъ областяхъ, гдѣ усваиваютъ себѣ языкъ, бытъ, понятія, традиціи и письменность русскаго населенія. Гедиминовичи считаютъ свой родъ вступившимъ во всѣ права русскаго княжескаго рода и примѣняютъ къ себѣ всѣ понятія о княжеской власти и ея отношеніяхъ къ землѣ, выработанныя потомками Владиміра Святаго; русскій языкъ становится языкомъ разговорнымъ и оффиціальнымъ при ихъ дворѣ; на немъ пишутъ грамоты и производятъ судъ не только въ русскихъ, но и въ коренныхъ литовскихъ земляхъ. Православіе распространяется мирнымъ путемъ, незамѣтно, среди литовцевъ; еще при Гедиминѣ въ новоосновавной имъ столицѣ—Вильнѣ возникаютъ православныя церкви. Ольгерда окружаетъ православная семья и духовенство и

онъ основываетъ и надѣляетъ помѣстьями православныя церкви. Такимъ образомъ западная Русь, окрѣпнувъ въ политическомъ отношеніи при починѣ литовской народности, пріобщала послѣднюю къ своей цивилизаціи путемъ мирнаго распространенія своей культуры. Къ несчастію, этотъ естественный ходъ развитія слагавшагося западно-русскаго государства встрѣтилъ неожиданную преграду вслѣдствіе внѣшней, политической комбинаціи. Сынъ и наслѣдникъ Ольгерда, великій князь Ягайло, вступивъ въ бракъ съ наслѣдницею польскаго престола, Ядвигою, сталъ королемъ польскимъ. Новое государство отвлекло его вниманіе отъ Литвы и вскорѣ этотъ слабохарактерный потомокъ Гедимина подчинился всецѣло вліянію окружившей его новой среды. Находясь подъ ея давленіемъ, онъ видоизмѣнилъ свои отношенія къ литовскимъ своимъ подданнымъ и намѣтилъ по отношенію къ нимъ то направленіе внутренней политики, котораго потомъ держались всѣ его потомки. Направленіе это состояло въ стремленіи передѣлать государственный строй и убѣжденія жителей великаго княжества литовскаго на подобіе того строя, который выработала польская историческая жизнь. Ягайло считаетъ своею задачею водвореніе въ Литвѣ католичества, польскаго общественнаго порядка, основаннаго на сословной дворянской исключительности, польскихъ юридическихъ установленій, и, наконецъ, пріобщенія къ польской народности жителей великаго княжества литовскаго. Конечно задача эта была невозможна и неисполнима, но подъ вліяніемъ грубаго фанатизма Ягайло рѣшился связать съ ея выполненіемъ призваніе своей династіи; всѣ усилія его потомковъ не могли конечно сдѣлать невозможнаго—измѣнить національныя черты многочисленной и культурной народной группы, но они затормозили ея естественное развитіе, извратили нормальный ростъ и заставили истратить на самозащиту въ внутренней борьбѣ всѣ лучшія силы народнаго духа. Первыя усилія Ягайло обратилъ на области населенныя литовскимъ племенемъ и составлявшія его вотчинное непосредственное владѣніе; не ожидая постепеннаго перехода ихъ въ христіанство при мирномъ вліяніи православія, онъ поспѣшилъ крестить литовскихъ язычниковъ по обряду римскому и назначилъ католическую іерархію въ литовскія епархіи; затѣмъ привилегіею 1400 года онъ объявилъ, что земли эти онъ присоединяетъ навсегда къ польской коронѣ и дворянамъ литовскихъ областей жалуетъ права дворянъ польскихъ подъ условіемъ, что пожалованіе его будетъ относиться лишь къ лицамъ, принявшимъ

католичество. Въ пользу дворянъ католиковъ онъ отказывался отъ своего верховнаго права на находившуюся въ ихъ пользованіи поземельную собственность и снималъ съ нихъ всѣ феодальныя обязательства, вытекавшія изъ литовскаго строя, оговариваясь формально, что льготы эти не будутъ относиться къ послѣдователямъ восточнаго обряда. Затѣмъ, переходя къ русскимъ областямъ великаго княжества литовскаго, онъ потребовалъ отъ удѣльныхъ князей присяги на вѣрность себѣ и коронѣ польской послѣ кончины великаго князя Витовта, котораго онъ вынужденъ былъ признать правителемъ Литвы, и сталъ дѣлить русскія области на католическія епархіи и назначать въ нихъ католическихъ епископовъ, въ надеждѣ, что жители, привлекаемые льготами и сословнымъ интересомъ, вскорѣ обратятся къ римской церкви.

Руси литовской такимъ образомъ стала угрожать опасность со стороны собственнаго правительства, попавшаго теперь подъ вліяніе чуждаго народнаго начала и рѣшившагося проводить свои воззрѣнія безъ всякаго вниманія на національныя, историческія и бытовыя особенности народонаселенія. Русскія области, сознавая наступавшую опасность, стараются отстоять свои національныя начала, отклоняя по возможности стремленія правительства къ объединенію ихъ съ Польшею и отстаивая свои бытовыя особенности. Во главѣ русской реакціи становятся обрусѣвшіе князья Гедиминова рода и, опираясь на сочувствіе своихъ областей, отстаиваютъ самостоятельность литовско-русскаго государства и отклоняютъ введеніе въ немъ польскаго общественнаго строя. Между тѣмъ какъ усилія Ягайла и его наслѣдниковъ опираются на Вильно, весьма рано сдѣлавшееся средоточіемъ административно-полонизаторской дѣятельности правительства, русская партія сосредоточивается въ Кіевѣ и находитъ во всѣхъ слояхъ народонаселенія кіевской области прочную поддержку своимъ стремленіямъ. Представители русской партіи особенно дорожатъ кіевскимъ удѣломъ, и кіевская земля получаетъ значеніе твердыни русской народности. Значеніе это въ борьбѣ съ польско-латинскимъ вліяніемъ она занимаетъ въ исходѣ XIV столѣтія и удерживаетъ за собою до окончательнаго рѣшенія въ южной Руси спорнаго вопроса въ пользу русской народности въ половинѣ XVII ст. Главная задача борьбы остается постоянно неизмѣнною, но мѣняются ея средства и составъ общественныхъ элементовъ, выступавшихъ на защиту своей народности, сообразно съ понятіями и условіями

времени. Борьбу начинаютъ обрусѣвшіе князья литовско-русскаго происхожденія, продолжаютъ ее представители церкви и завершаютъ народныя массы, сгруппировавшіяся подъ знаменемъ козачества. Во всѣхъ трехъ фазисахъ борьбы Кіевъ и его область составляютъ надежную точку опоры для поборниковъ русскаго народнаго начала.

Мы попытаемся, насколько позволяютъ скудные источники, сгруппировать факты, относящіеся къ первому періоду этого народнаго призванія нашего города, такъ какъ два другіе момента борьбы гораздо болѣе изслѣдованы и для уясненія ихъ существуетъ значительное количество цѣльныхъ и давно приведенныхъ въ извѣстность источниковъ.

Первымъ кіевскимъ удѣльнымъ княземъ послѣ присоединенія его къ великому княжеству литовскому былъ одинъ изъ старшихъ сыновей Ольгерда, Владиміръ. Князь этотъ былъ родоначальникомъ извѣстнаго своею преданностью русской народности и православію рода Олельковичей. О тридцатилѣтнемъ княженіи въ Кіевѣ самаго Владиміра до насъ дошло весьма мало свѣдѣній, что впрочемъ естественно, такъ какъ болѣе продолжительная, первая половина его княженія относится къ тому еще времени, когда русская народность не подвергалась опасности со стороны правительства великихъ князей литовскихъ. Владиміръ Ольгердовичъ не принималъ участія въ распряхъ, волновавшихъ Гедиминовичей въ другихъ областяхъ великаго княжества, и очевидно преданъ былъ исключительно интересамъ своей земли. Изъ дошедшихъ до насъ извѣстій видно, что онъ заботился весьма ревностно о судьбѣ православной церкви; кромѣ дарственныхъ и подтвердительныхъ грамотъ въ пользу разныхъ церквей, находившихся въ предѣлахъ кіевской области, онъ извѣстенъ вмѣшательствомъ въ дѣло объ устройствѣ русской митрополіи. Желая возстановить митрополичью каѳедру въ Кіевѣ, Владиміръ Ольгердовичъ призналъ и постоянно поддерживалъ митрополита Кипріяна, не признаннаго Дмитріемъ Ивановичемъ въ Москвѣ, и такимъ образомъ первый споспѣшествовалъ реальному возстановленію кіевской митрополіи; во время смутнаго періода, случившагося послѣ смерти московскаго митрополита Алексія, когда за русскую митрополію спорило нѣсколько лицъ, рукоположенныхъ патріархомъ, кіевскій князь постоянно признавалъ митрополичій санъ за Кипріяномъ, жившимъ въ Кіевѣ, и устранилъ одного изъ

претендентовъ — Діонисія, задержавъ его въ Кіевѣ, гдѣ онъ и скончался.

Послѣ возведенія на польскій престолъ Ягайла, послѣдній, желая примѣнить къ Руси задуманные имъ планы, обращаетъ особенное вниманіе на Кіевъ и старается заручиться согласіемъ брата, княжившаго здѣсь; въ теченіи трехъ лѣтъ (1387—1389) онъ три раза присылалъ кіевскому князю для подписи грамоты, заключавшія въ себѣ обязательство вѣрности „regi, reginae et regno Poloniae". Но очевидно подписи этихъ грамотъ мало обезпечивали вѣрность кіевской земли, потому, что уже три года спустя правитель Литвы—Витовтъ пошелъ войною на кіевскаго князя, выставляя какъ причину похода то обстоятельство, что Владиміръ, „бывши въ Кіевѣ, не всхоте покоры учинити и челомъ ударити". Въ 1392 году Витовтъ занялъ кіевскіе пригороды: Овручъ и Житомиръ, отклонилъ предложеніе мира, сдѣланное ему Владиміромъ, и перевелъ его въ ничтожный и отдаленный копыльскій удѣлъ, передавъ кіевское княженіе Скиргайлу Ольгердовичу. Владиміръ Ольгердовичъ уступилъ Кіевъ не безъ борьбы, онъ отправился искать помощи въ другомъ центрѣ русскаго міра —у Василія Дмитріевича московскаго. Но современныя политическія отношенія не позволяли послѣднему принять подъ свою защиту кіевскаго князя и Владиміръ долженъ былъ смириться; онъ дожилъ вѣкъ въ Копылѣ и только останки его возвратились въ городъ, съ которымъ онъ былъ тѣсно связанъ при жизни,—онъ былъ похороненъ въ кіево-печерской лаврѣ. Впрочемъ эта первая попытка искать поддержки для кіевской Руси въ Руси московской глубоко запала въ память Ягайлы и его потомковъ и сдѣлала въ глазахъ ихъ подозрительными родъ Владиміра Ольгердовича: шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ его смерти, когда его внуки Симеонъ и Михаилъ Олельковичи обратились къ великому князю Казимиру Ягайловичу съ требованіемъ раздѣла между ними кіевской земли, на правахъ вотчины, Казимиръ отказалъ имъ въ этомъ. Онъ заявилъ, что Олельковичи потеряли вотчинное право на Кіевъ, ибо „дѣдъ вашъ, князь Володимеръ, бѣгалъ на Москву и тѣмъ пробѣгалъ отчизну свою Кіевъ".

Преемникомъ Владиміра Ольгердовича на кіевскомъ столѣ былъ родной братъ Ягайлы—Скиргайло Ольгердовичъ, въ крещеніи по православному обряду носившій имя Іоанна. Князь этотъ связанъ былъ съ Ягайломъ тѣснѣйшею личною дружбою и оказалъ ему много услугъ на военномъ и дипломатическомъ попри-

щахъ; владѣя обширнымъ удѣломъ въ кривичской землѣ: Полоцкомъ, Минскомъ и т. д., Скиргайло былъ по убѣжденіямъ, привычкамъ и симпатіямъ всецѣло преданъ русскому народонаселенію, которое и признавало его своимъ представителемъ. О преданности ему русскихъ жителей великаго княжества свидѣтельствуютъ всѣ источники: Длугошъ говоритъ, что „русскіе въ высшей степени преданы Скиргайлу, какъ своему единовѣрцу", Стрыйковскій замѣчаетъ, что князь этотъ „болѣе старался объ умноженіи святыни по греческому обряду, нежели объ распространеніи вѣры католической, потому что съ первоначальнаго возраста онъ воспитывался среди русскихъ". Польскіе и нѣмецкіе источники упоминаютъ имя его съ эпитетомъ „Schismaticus", между тѣмъ какъ русская лѣтопись называетъ его „чюдный, добрый князь Скиргайло".

Послѣ вступленія на польскій престолъ, Ягайло, предвидя сопротивленіе своимъ планамъ въ русскихъ областяхъ и разсчитывая какъ на личную преданность себѣ Скиргайла, такъ и на популярность его на Руси, рѣшился употребить его орудіемъ своей политики и въ 1388 году, не безъ долгаго колебанія, назначилъ его своимъ намѣстникомъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Событія не позволяютъ намъ судить, насколько Скиргайло оправдалъ-бы разсчетъ короля; во всякомъ случаѣ, въ теченіи четырехлѣтняго управленія его литовскимъ княжествомъ, мы не встрѣчаемъ ни одного факта, свидѣтельствующаго о томъ, чтобы онъ измѣнилъ свои отношенія къ русской народности и популярность его на Руси нисколько не уменьшается. Вскорѣ впрочемъ свой постъ намѣстника Скиргайло долженъ былъ уступить болѣе сильному сопернику. Двоюродный братъ его Витовтъ Кейстутовичъ заявилъ свои притязанія на великое княженіе литовское. Витовтъ имѣлъ въ виду совершенно самостоятельный образъ дѣйствія, не согласный ни съ видами короля Ягайла, ни съ направленіемъ представителей русской партіи. Если съ одной стороны онъ стремился къ обособленію великаго княжества литовскаго отъ Польши и снисканію ему полной политической самостоятельности, то съ другой онъ считалъ необходимымъ прекращеніе раздробленія государства на удѣлы и замѣну ихъ управленіемъ старостъ и намѣстниковъ, назначаемыхъ великимъ княземъ и зависимыхъ отъ него непосредственно. Послѣднее направленіе нарушало сложившіяся на Руси привычки и тѣ стремленія отдѣльныхъ русскихъ земель къ областной автономіи, которыя нахо-

дили для себя удовлетвореніе въ удѣльной обособленности. Послѣ долгихъ усилій Витовтъ, опираясь на сочувствіе коренныхъ литовскихъ земель, на помощь ордена крестоносцевъ, для которыхъ выгодно было разъединеніе Литвы и Польши, и болѣе всего на личныя выдающіяся дарованія, успѣлъ одолѣть Скиргайла, дѣйствія котораго были въ значительной степени парализированы подозрительностью короля, изъявшаго изъ подъ его управленія многія области и города и отдавшаго ихъ въ управленіе польскимъ воеводамъ. Но Витовтъ сознавалъ, что онъ можетъ утвердиться на великомъ княженіи литовскомъ лишь въ томъ случаѣ, если уступками успѣетъ снискать симпатію или по меньшей мѣрѣ нейтралитетъ русской части населенія; потому, побѣдивъ Скиргайла, онъ заключилъ съ нимъ договоръ, по условіямъ котораго, въ вознагражденіе за уступку великаго княженія, онъ передалъ ему въ удѣлъ кіевскую область, въ обладаніи которою русская партія видѣла достаточную гарантію для своихъ интересовъ. Дѣйствительно около Скиргайла въ Кіевѣ стала сосредоточиваться вся западная Русь; области и города присылали ему грамоты съ изъявленіемъ преданности и вѣрности. Кіевъ сдѣлался центромъ Руси, съ которымъ великій князь литовскій долженъ былъ считаться и принимать во вниманіе его интересы при установленіи общаго направленія своей политики. Впрочемъ княженіе Скиргайла въ Кіевѣ продолжалось не долго; въ 1396 г. онъ, послѣ пира у митрополичьяго намѣстника, отправился на охоту за Днѣпръ, заболѣлъ, вѣроятно отъ простуды, и скончался на канунѣ Рождества Христова. Молва приписывала его смерть отравѣ. Съ большимъ торжествомъ и горемъ похоронили его кіевляне въ кіево-печерской лаврѣ, у гроба преподобнаго Ѳеодосія.

Послѣ смерти Скиргайла Витовтъ не дозволилъ никому изъ русско-литовскихъ князей утвердиться въ кіевскомъ удѣлѣ и рѣшился управлять имъ непосредственно черезъ своихъ намѣстниковъ. Первымъ такимъ намѣстникомъ или воеводою кіевскимъ былъ одинъ изъ самыхъ приближенныхъ и довѣренныхъ сподвижниковъ Витовта, Іоаннъ Альгимунтовичъ князь Гольшанскій. Объ управленіи первыхъ кіевскихъ воеводъ и объ отношеніяхъ, въ какихъ они стали къ мѣстному населенію, не сохранилось извѣстій. Очевидно, что подъ зоркимъ надзоромъ Витовта и его намѣстниковъ, кіевская область теряетъ на время значеніе средоточія русской партіи и, замѣстившій Скиргайла, представитель этой партіи, младшій изъ Ольгердовичей, Свидригайло, долженъ былъ

передвинуть ея центръ въ другія русскія области, которыми онъ владѣлъ поочередно. Сопротивленіе Руси Витовту, во главѣ котораго стоялъ Свидригайло, попеременно опирается на земли сѣверскую, волынскую и наконецъ сосредоточивается въ вотчинныхъ удѣлахъ Свидригайла: Витебскѣ и Полоцкѣ. Историческіе источники молчатъ о Кіевѣ до самой кончины Витовта, случившейся въ 1430 году, послѣ которой, вмѣстѣ съ преобладаніемъ русской партіи въ великомъ княжествѣ литовскомъ, возвращается и политическая роль старѣйшему изъ русскихъ городовъ.

Послѣдніе годы Витовтъ провелъ въ упорной борьбѣ и съ престарѣлымъ польскимъ королемъ Ягайломъ за обособленіе Литвы въ качествѣ самостоятельнаго независимаго королевства, и съ представителемъ русскаго начала, Свидригайломъ, стремившимся занять великокняжескій столъ и доставить господство въ государствѣ русскому удѣльному строю. Лишь только онъ скончался, Ягайло передалъ должность намѣстника въ великомъ княжествѣ литовскомъ Свидригайлу, разсчитывая, что постоянный антагонистъ Витовта не пойдетъ по пути своего предшественника и будетъ служить покорнымъ орудіемъ въ рукахъ Ягайла для утвержденія въ Литвѣ его политическихъ стремленій. Одновременно съ назначеніемъ Свидригайла поляки заняли землю подольскую и потребовали уступки Волыни; но оказалось, что, ведя многолѣтній споръ съ Витовтомъ, Свидригайло не имѣлъ въ виду потери самостоятельности своего отечества и уступокъ въ пользу Польши. Онъ еще рѣзче, чѣмъ его предшественникъ, сталъ стремиться къ разрыву съ Польшею: посылалъ посольства и вступалъ въ сношенія съ иностранными государствами отъ имени великаго княжества литовскаго, заключалъ договоры отъ своего имени, исключая отъ участія въ нихъ Ягайла, и рѣшительно воспротивился уступкѣ областей требуемыхъ поляками. Когда пришло въ Вильно извѣстіе, о томъ, что поляки измѣною овладѣли Каменцемъ и заняли подольскую землю, Свидригайло пришелъ въ неописанную ярость, арестовалъ короля Ягайла, находившагося тогда въ Вильнѣ, вмѣстѣ съ его совѣтниками, и отпустилъ ихъ только тогда, когда сдѣланы были распоряженія о возвратѣ Подоліи. Вслѣдъ за тѣмъ онъ отправился на Волынь защищать ее отъ посягательствъ поляковъ и, послѣ продолжительной кампаніи, заставилъ короля снять осаду Луцка и отступить въ Польшу. Въ походѣ этомъ приняли участіе многіе князья, сановники и контингенты русскихъ земель. Въ числѣ ихъ мы встрѣ-

чаемъ и кіевскаго воеводу Юршу, который затворился въ луцкомъ замкѣ и стойкостью защиты болѣе всего повліялъ на удачный исходъ кампаніи.

Поведеніе Свидригайла конечно раздражило въ высокой степени польскихъ совѣтниковъ Ягайлы; не будучи въ состояніи смѣнить его при томъ сочувствіи, какимъ пользовался литовскій князь въ западной Руси, они постарались отдѣлаться отъ него путемъ заговора. Въ 1432 году отправлено было въ Литву посольство для заключенія договора съ Свидригайломъ, но, въ сущности, оно имѣло другія, тайныя инструкціи. Польскіе послы вступили въ переговоры съ дворянами литовскими, принявшими католичество и получившими за то многія льготы отъ короля польскаго. Во главѣ организованнаго ими заговора стали: родственникъ жены короля, князь Семенъ Гольшанскій и братъ Витовта, Сигизмундъ Кейстутовичъ, князь стародубскій, внушавшій довѣріе полякамъ какъ ревностный католикъ. Заговорщики напали неожиданно въ городѣ Ошмянѣ на Свидригайла, полонили его семью и дворъ и провозгласили отъ имени Ягайла великимъ княземъ Сигизмунда Кейстутовича. Самъ Свидригайло спасся бѣгствомъ въ Полоцкъ и призвалъ на помощь русскихъ князей. Въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ великое княжество литовское роспадается на двѣ части, согласно племенному составу своихъ жителей: коренныя литовскія земли признаютъ власть Сигизмунда, всѣ русскіе князья и области стоятъ подъ знаменемъ Свидригайла. Оба великіе князья вступаютъ въ упорную борьбу; но Свидригайло, располагавшій безъ сравненія большими силами, лишенъ былъ и политическаго такта и военныхъ способностей, въ слѣдствіе этого онъ терпѣлъ одно пораженіе за другимъ и, наконецъ, въ рѣшительной битвѣ у Вилькомира былъ разбитъ на голову. Болѣе 10 удѣльныхъ князей русскихъ пало на полѣ сраженія или попало въ плѣнъ; русскія области и города: Смоленскъ, Витебскъ и Полоцкъ сдались побѣдителю и литовско-польская католическая партія, казалось, окончательно восторжествовала. Въ эту тяжелую минуту Свидригайло и остатки его партіи нашли убѣжище въ Кіевѣ, который вмѣстѣ съ Волынью и остались вѣрны до конца своему представителю. Попытка Сигизмунда овладѣть Кіевомъ была успѣшно отражена кіевлянами и ихъ воеводою Юршею и обѣ земли въ теченіи пяти лѣтъ не признавали надъ собою власти этого великаго князя литовскаго. Это неопредѣленное положеніе прекратилось въ 1440 году смертью Сигизмунда Кейсту-

товича, погибшаго вслѣдствіе заговора, составленнаго волынскими князьями Чарторыйскими, кіевляниномъ Скобейкомъ и нѣкоторыми изъ литовскихъ вельможъ. Послѣ смерти Сигизмунда призванъ былъ на великокняжескій престолъ малолѣтній Казимиръ Ягайловичъ. Управлявшій отъ имени послѣдняго, виленскій воевода Янъ Гаштолдъ счелъ необходимымъ упрочить власть новаго великаго князя широкими уступками въ пользу русской партіи въ великомъ княжествѣ. Среди уступокъ этихъ на первомъ планѣ положено было возстановить кіевскій удѣлъ подъ управленіемъ князя, вполнѣ преданнаго русской народности. Въ 1440 году кіевское княженіе получилъ въ удѣлъ Олелько (Александръ), сынъ смѣщеннаго нѣкогда Витовтомъ Владиміра Ольгердовича. Князь этотъ, остававшійся понынѣ на незначительномъ копыльскомъ удѣлѣ, былъ тѣмъ не менѣе самымъ виднымъ представителемъ русской партіи какъ по происхожденію, такъ и по личному вліянію. Женатъ онъ былъ на Анастасіи, дочери великаго князя московскаго, Василія Дмитріевича и, происходя изъ одной изъ старшихъ линій Ольгердовичей, могъ оспаривать по династическимъ счетамъ права на великокняжескій столъ у потомковъ Ягайлы. Дѣйствительно, послѣ смерти Витовта многіе русскіе князья предлагали избрать его великимъ княземъ литовскимъ. Этотъ несостоявшійся выборъ навлекъ на Олелька Владиміровича сильное гоненіе: послѣ вилькомирской битвы Сигизмундъ Кейстутовичъ, зорко слѣдившій за всѣми русскими князьями, приказалъ схватить его и заточилъ въ темницу вмѣстѣ съ женою и двумя сыновьями, гдѣ онъ и томился въ заключеніи, въ теченіи пяти лѣтъ, до смерти Сигизмунда; освободившись изъ плѣна, онъ вслѣдъ за тѣмъ получилъ свой вотчинный кіевскій удѣлъ. По свидѣтельству современниковъ, князь этотъ отличался выдающимся умомъ, стойкостью и храбростью и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Во время княженія въ Кіевѣ онъ оказалъ огромную услугу русской церкви, предотвративъ первую попытку церковной уніи. Въ 1441 году, митрополитъ Исидоръ, возвращаясь изъ флорентскаго собора, заѣхалъ въ Кіевъ съ цѣлью провозгласить здѣсь унію; но кіевляне, увидѣвъ его „въ кардинальской одеждѣ, оттуда изгнаша его“. Какъ извѣстно, такая-же участь постигла Исидора и въ Москвѣ, и Казимиръ Ягайловичъ, уступая представленіямъ князя Олелька, призналъ власть новопоставленнаго въ Москвѣ митрополита Іоны надъ русскими епархіями, находившимися въ предѣлахъ ~~великаго~~ княжества ли-

товскаго. Заботы Олелька о кіевской митрополіи видны изъ единственной грамоты его, дошедшей до насъ; въ ней онъ обезпечиваетъ неприкосновенность доходовъ кіевской митрополіи и освобождаетъ отъ княжескаго суда жителей митрополичьихъ помѣстій.

Въ 1455 г. скончался Олелько Владиміровичъ, „князь и наслѣдственный панъ кіевской земли", принявши предъ смертью монашество, какъ гласила надгробная надпись на памятникѣ, воздвигнутомъ надъ его гробомъ въ кіево-печерской лаврѣ. Но этой именно наслѣдственности въ кіевской области за родомъ Олелька не желали признать потомки Ягайла. Когда два сына Олелька: Симеонъ и Михаилъ, обратились къ великому князю съ заявленіемъ желанія раздѣлить между собою кіевскую вотчину, то Казиміръ Ягайловичъ воспротивился этому; онъ не призналъ Кіева вотчиною Олельковичей и далъ его лишь въ пожизненный ленъ старшему изъ братьевъ, Симеону, предоставляя Михаилу на правахъ вотчины Копыль и Слуцкъ.

Симеонъ Олельковичъ отличался, подобно предкамъ своимъ, преданностью православію и русской народности; притомъ, обладая военными дарованіями и храбростью, онъ оказалъ важныя услуги кіевскому княжеству, отражая съ большимъ успѣхомъ нападенія крымской орды, наносившей въ XV столѣтіи самые тяжелые удары кіевской области и разорившей въ нѣсколько пріемовъ стольный ея городъ. Во внутреннихъ отношеніяхъ великаго княжества литовскаго Симеонъ Олельковичъ занимаетъ то положеніе, которое возлагали на него и семейныя его традиціи, и занимаемый имъ постъ кіевскаго удѣльнаго князя,—онъ является постояннымъ поборникомъ и представителемъ русскихъ народныхъ интересовъ. Современникъ его, великій князь Казиміръ Ягайловичъ, отличался совершенною безхарактерностью: вступивъ на польскій престолъ, онъ находился постоянно подъ вліяніемъ двухъ противуположныхъ теченій и поддавался всегда тому изъ нихъ, которое непосредственно его окружало: въ Литвѣ онъ приносилъ присягу въ томъ, что сохранитъ неприкосновенно территорію великаго княжества и не будетъ принуждать его жителей къ уніи съ Польшею; вслѣдъ затѣмъ, переѣзжая въ Польшу, онъ давалъ совершенно противуположныя обязательства и подтверждалъ ихъ также клятвами и грамотами. Литовцамъ онъ обѣщалъ возвратить Подоліе, захваченное поляками; полякамъ клялся присоеди-

нить къ коронѣ Волынь и Подляхію. Конечно, ни того ни другого обѣщанія онъ не исполнилъ и, легкомысленно поддерживая взаимныя претензіи, пререканія и раздраженіе обѣихъ сторонъ, усиливалъ напряженное состояніе въ обоихъ государствахъ, которыя готовы были ежеминутно прибѣгнуть къ оружію для возстановленія своихъ правъ. Такъ какъ Казимиръ большую часть времени проживалъ въ Польшѣ, то положеніе Литвы было обыкновенно болѣе тревожное; русскіе князья и вельможи опасались постоянно, чтобы ихъ великій князь не сдѣлалъ подъ вліяніемъ поляковъ такихъ уступокъ, которыя будутъ грозить опасностью самобытности русскихъ областей. Желая выйти изъ неопредѣленнаго положенія, они рѣшились настоять на томъ, чтобы Казимиръ или безотлучно жилъ въ Литвѣ, или поручилъ управленіе великимъ княжествомъ намѣстнику. Два раза отправляются къ Казимиру посольства изъ Литвы (1456—1461 г.) и оба раза, заявляя указанное требованіе, предлагаютъ въ качествѣ намѣстника кіевскаго князя Симеона Олельковича; оба раза Казимиръ отклонилъ предложеніе, но значеніе Олельковича смутило его; онъ постановилъ принять мѣры для того, чтобы унизить этотъ родъ, стоявшій уже въ лицѣ трехъ поколѣній во главѣ русскаго движенія, и съ этою цѣлью рѣшился отнять у него главную его опору—кіевское княженіе, для чего выжидалъ лишь удобнаго случая.

Между тѣмъ Симеонъ Олельковичъ, охраняя свою область отъ татаръ, заботился не менѣе о народной святынѣ, какъ и о безопасности страны. Еще съ 1416 года кіево-печерская лавра лежала въ развалинахъ; въ этомъ году Эдигей съ крымскими татарами взялъ и разрушилъ Кіевъ; въ числѣ другихъ зданій, татары пожгли и печерскій монастырь и ограбили и разорили въ немъ успенскую церковь; храмъ этотъ пришелъ въ запустѣніе. Симеонъ Олельковичъ, сознавая значеніе этой древнѣйшей кіевской святыни для всего русскаго міра, озаботился ея возстановленіемъ; онъ обновилъ успенскую церковь „едва не отъ основанія воздвигши“, „украсилъ ее иконнымъ писаніемъ и обогатилъ златомъ, и сребромъ, и сосуды церковными“. Это былъ послѣдній подвигъ послѣдняго русскаго удѣльнаго князя кіевской области. Въ 1470 году, кончена была постройка успенской церкви, а въ 1471 г. подъ сводами ея почилъ „умершій по христіански Симеонъ Александровичъ Олельковичъ, наслѣдственный панъ земли кіевской“, какъ значилось на надгробной надписи, вырѣзанной на его гробницѣ.

Смертью Симеона воспользовался Казимиръ Ягайловичъ для того, чтобы устранить Олельковичей изъ Кіева: онъ не передалъ княженія ни брату его Михаилу, ни сыну Василію, но рѣшилъ, что впредь Кіевъ будетъ состоять подъ управленіемъ воеводъ, назначаемыхъ великимъ княземъ; въ качествѣ перваго воеводы и посланъ былъ Мартынъ Яновичъ Гаштолдъ, сынъ бывшаго опекуна Казимира. Извѣстіе о новомъ распорядкѣ ихъ земли привело кіевлянъ въ крайнее смущеніе; они не впустили въ городъ новаго воеводу, „яко не токмо не князь бѣ, но болѣе яко ляхъ бѣ". Затѣмъ кіевляне отправили посольство къ королю, прося назначить правителемъ Кіева Михаила Олельковича, или другого князя православной вѣры, заявляя, что они готовы скорѣе всѣ умереть, или искать другого государя, чѣмъ повиноваться литвину римской вѣры. Король, находившійся тогда въ Вильнѣ, подъ вліяніемъ пановъ литовской католической партіи, остался непреклоннымъ въ своемъ рѣшеніи. Гаштолдъ отправленъ былъ на воеводство съ литовскимъ войскомъ и долженъ былъ начать свое управленіе съ того, что взялъ приступомъ главный городъ своей области. Кіевляне, „принуждены бывша" оружіемъ корлевскаго войска, должны были подчиниться присланному воеводѣ.

Впрочемъ удаленіемъ Олельковичей изъ Кіева не была ни подавлена окончательно русская княжеская партія, ни устранено значеніе Кіева, какъ главной поддержки этой партіи. Еще два раза городъ этотъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ послѣднихъ попытокъ русскихъ князей къ возстановленію правъ народнаго начала, все болѣе и болѣе отстраняемаго польско-литовскимъ правительствомъ.

Первая попытка относится къ 1482 году и однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ ея является князь Михаилъ Олельковичъ. Во время смерти брата Симеона, князь этотъ находился въ Великомъ Новгородѣ, въ качествѣ намѣстника Казимира, куда вызванъ былъ партіею Борецкихъ, для противудѣйствія политикѣ Іоанна III. Узнавъ о смерти брата, онъ поспѣшилъ разстаться съ Новгородомъ и отправился въ Кіевъ; но прибылъ сюда слишкомъ поздно: Гаштолдъ владѣлъ уже кіевскимъ замкомъ и управлялъ областью. Скрѣпя сердце, князь Михаилъ направился въ свой копыльскій удѣлъ, но сознаніе обиды, нанесенной его роду, глубоко запало въ его сердце; между тѣмъ все теченіе дѣлъ въ великомъ княжествѣ возбуждало общее недовольство русскихъ князей, результатомъ котораго былъ обширный заговоръ, со-

ставленный въ ихъ средѣ. Руководителями заговора источники называютъ двухъ внуковъ Владиміра Ольгердовича кіевскаго, князей Ѳедора Ивановича Бѣльскаго и Михаила Олельковича копыльскаго, а также родственника королевскаго по матери, одного изъ князей Гольшанскихъ. Цѣль заговора не вполнѣ согласно обозначена въ источникахъ: русская лѣтопись утверждаетъ, что князья имѣли намѣреніе отторгнуть отъ Литвы значительную часть русскихъ земель, прилегавшихъ къ восточной границѣ великаго княжества, и подчинить ихъ великому князю московскому, другіе источники приписываютъ заговорщикамъ намѣреніе посягнуть на жизнь Казимира, третіе предполагаютъ, что по видимому составляетъ самую правдоподобную догадку, что князья имѣли въ виду овладѣть особою Казимира, заставить его отказаться отъ велико-княжескаго стола и возвести на его мѣсто Михаила Олельковича. Въ 1481 году заговоръ предположено было привести въ исполненіе: князь Ѳедоръ Бѣльскій, празднуя свою свадьбу, пригласилъ на празднество Казимира; здѣсь, во время пира, заговорщики должны были овладѣть его особою. Случайно, за нѣсколько дней до осуществленія, заговоръ былъ открытъ, слуги Бѣльскаго арестованы и подъ пыткою дали показанія, компрометировавшія князей. Узнавъ объ арестѣ своихъ слугъ, князь Федоръ Бѣльскій вскочилъ ночью съ постели и, полуодѣтый, бросился на коня и ускакалъ за московскій рубежъ. Менѣе счастливы были другіе заговорщики: князья Гольшанскій и Михаилъ Олельковичъ были арестованы и заключены въ темницу въ кіевскомъ замкѣ; надъ ними произведенъ судъ, вѣроятно въ глубокой тайнѣ, потому что ни одного документа, относящагося къ процессу, не сохранилось ни въ подлинникѣ, ни въ копіи. По приговору суда, утвержденному великимъ княземъ, оба подсудимые были приговорены къ смертной казни, которая и приведена была въ исполненіе. Въ Кіевѣ, на лобномъ мѣстѣ, передъ воротами кіевскаго литовскаго замка, 30 августа 1482 года, кіевляне увидѣли обезглавленный трупъ одного изъ представителей излюбленнаго ими княжескаго рода, котораго нѣкогда они призывали, какъ своего отчича, на княжескій столъ своей земли.

Послѣдняя попытка реакціи русскихъ князей противъ польско-литовскаго направленія вспыхнула въ 1508 году подъ руководствомъ князя Михаила Львовича Глинскаго. Этотъ князь происходилъ изъ знатнаго татарскаго рода, переселившагося въ Русь и принявшаго крещеніе еще при великомъ князѣ Витовтѣ. Имѣ-

нія, пожалованныя князьямъ Глинскимъ и выслуженныя ими въ теченіи цѣлаго столѣтія у господарей литовскихъ, были весьма обширны и богаты; большая часть ихъ расположена была въ княжествѣ кіевскомъ и въ земляхъ, тянувшихъ къ кіевской области, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, сверхъ того многія волости Глинскихъ лежали въ бассейнѣ Припяти и далѣе за Припятью въ Бѣлой и Черной Руси. Въ XV столѣтіи родъ Глинскихъ распадался уже на нѣсколько вѣтвей и многіе его представители занимали важныя областныя должности намѣстниковъ или старостъ, по большей части въ земляхъ кіевской и сѣверской. Такъ документы того времени упоминаютъ князей Глинскихъ: Богдана Федоровича, намѣстника путивльскаго, Ивана Борисовича, намѣстника черниговскаго, Григорія Борисовича, намѣстника овручскаго, Михаила Ивановича и его 5 братьевъ, господарскихъ дворянъ въ волковыскомъ повѣтѣ и т. д. Но, среди всѣхъ вѣтвей княжескаго рода Глинскихъ, знатностью и богатствомъ найбольше отличались три брата Львовичи: Василій, Иванъ и Михайло; послѣднему и суждено было занять видную роль въ исторіи своей родины. По способностямъ и образованію, князь Михаилъ превосходилъ далеко современное ему общество: всю молодость онъ провелъ за границею, вначалѣ занимаясь науками, потомъ состоя на службѣ у разныхъ иноземныхъ государей. Поочередно онъ перебывалъ въ Саксоніи, при дворѣ германскаго императора Максимиліана, въ Испаніи и Италіи. За границею онъ пріобрѣлъ репутацію даровитаго военнаго человѣка, участвуя въ кампаніяхъ: итальянской, на службѣ у императора, и фрисландской, на службѣ у саксонскаго курфирста Альбрехта. На родину князь Михаилъ возвратился уже человѣкомъ не молодымъ и сразу занялъ видное положеніе въ средѣ литовско-русскихъ вельможъ; по родственнымъ связямъ, симпатіямъ, вѣрѣ и происхожденію онъ примкнулъ къ русской княжеской группѣ и на услугу русскому дѣлу рѣшился посвятить свои дарованія и вліяніе. Первый разъ мы его встрѣчаемъ во главѣ многочисленной группы русскихъ князей: Олельковичей, Гольшанскихъ, Мстиславскихъ и т. д. Послѣ смерти Казимира Ягайловича, при выборѣ его преемника, русскіе князья, желая предъупредить сліяніе вновь въ одномъ лицѣ управленія польскою короною и великимъ княжествомъ литовскимъ и зная, что въ Польшѣ будетъ избранъ Іоанъ Альбрехтъ Казимировичъ, поспѣшили возвести на великокняжескій столъ его младшаго брата, Александра, и такимъ образомъ добились обособленія Литвы отъ Польши. Этотъ

искусный политическій шагъ, равно какъ и способности и образованіе Глинскаго сразу сблизили его съ новоизбраннымъ великимъ княземъ. Александръ пожаловалъ князя Михаила въ званіе дворнаго маршала и сталъ постоянно пользоваться во всѣхъ дѣлахъ его совѣтомъ и слѣдовать его взглядамъ. Вліяніе свое Глинскій направилъ къ укрѣпленію русской партіи и членамъ ея сталъ доставлять значеніе, должности, помѣстья и вліяніе. Литовская католическая партія, привыкшая при Казимирѣ искать опоры и находить ее въ Польшѣ, смотрѣла съ неудовольствіемъ на то, какъ русскіе мало по малу оттискали ее изъ литовской рады, овладѣвали должностями и землями въ великомъ княжествѣ; сторонники ея пытались протестовать противъ новаго теченія, требуя несмѣняемости административныхъ чиновниковъ, но протестъ ихъ оказался безплоднымъ; тогда они обратили все свое раздраженіе на Глинскаго и стали его заподозрѣвать и обвинять въ измѣнѣ. Они упрекали его то въ желаніи постепенно захватить власть въ великомъ княжествѣ и потомъ, усилившись, присвоить себѣ великокняжескій столъ, то указывали на его связи въ кіевской землѣ, на преданность ему жителей этой области и утверждали, что онъ стремится къ возстановленію въ свою пользу самостоятельнаго кіевскаго княжества, независимаго отъ Литвы, то наконецъ подозрѣвали, что Глинскій имѣетъ намѣреніе передать всю литовскую Русь во власть великаго князя московскаго. Но, пока живъ былъ Александръ, ропотъ противъ Глинскаго раздавался лишь сдержанно или, въ случаѣ болѣе рѣзкихъ обвиненій, подвергалъ обвинителей немилости великаго князя. Такъ, когда въ 1506 году, послѣ смерти кіевскаго воеводы, князя Дмитрія Путятича, должность эта передана была, по совѣту Михаила Глинскаго, его брату князю Ивану Львовичу, то самый упорный изъ противниковъ Михаила, троцкій воевода Янъ Заберезинскій, обвинилъ его въ явной подготовкѣ къ обособленію русскихъ земель. Основать впрочемъ своего предположенія на точныхъ доказательствахъ обвинитель не могъ и самъ былъ лишенъ троцкаго воеводства, которое передано было одному изъ друзей Глинскаго. Но въ 1507 году обстоятельства внезапно и круто измѣнились; великій князь Александръ тяжело заболѣлъ и Глинскій, возвратившись изъ похода, въ которомъ одержалъ блистательную побѣду надъ татарами, засталъ его при смерти. Немедленно послѣ кончины Александра на престолъ литовскій вступилъ его младшій братъ Сигизмундъ, воспитанный и проведшій всю молодость въ Польшѣ; онъ конечно сблизился съ партіею

враждебною Глинскому и сталъ дѣйствовать въ направленіи противуположномъ своему предшественнику: русскіе люди должны были уступить мѣста и вліяніе литовцамъ-католикамъ, и, въ случаѣ ихъ жалобъ, имъ отвѣчали подозрѣніями въ измѣнѣ и въ неблагонадежности. Такъ въ 1507 году князь Иванъ Глинскій былъ лишенъ безъ вины кіевскаго воеводства въ пользу литвина Юрія Монтовтовича и на жалобу князя Михаила Заберезинскій отвѣтилъ обвиненіемъ его въ государственной измѣнѣ. Глинскій потребовалъ суда, но никакими средствами не могъ его добиться у великаго князя, знавшаго, что Заберезинскій не имѣетъ доказательствъ въ подтвержденіе своего обвиненія. Тогда только Глинскій созналъ, что путемъ законнымъ русскіе не успѣютъ добиться не только причитающейся имъ доли вліянія въ великомъ княжествѣ, но и обыкновенной справедливости суда, и рѣшился прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Онъ вошелъ въ сношенія съ Василіемъ Ивановичемъ московскимъ и, заручившись его помощью, рѣшился отторгнуть отъ Литвы ея русскія области. Весною 1508 года онъ поднялся съ братьями и небольшимъ вооруженнымъ отрядомъ въ окрестности Гродна, захватилъ и приказалъ казнить своего главнаго врага, Заберезинскаго, и направился, медленно подвигаясь къ востоку, на встрѣчу московской рати, зазывая на помощь все русское населеніе края и предлагая ему отложиться отъ Литвы; въ тоже время онъ отправилъ брата Василія съ такими-же предложеніями въ Кіевъ. Жители кіевскаго княжества встрѣтили Василія Глинскаго радушно. Узнавъ, что попытка Глинскихъ клонится къ возстановленію самостоятельнаго русскаго княжества, города отворяли ему ворота, земяне являлись въ его лагерь и приносили присягу. Знаменитый староста черкасскій и каневскій, Остафій Дашкевичъ, соединился съ нимъ во главѣ ополченія своихъ повѣтовъ. Кіевляне полагали, что пришло время, когда городъ ихъ опять станетъ главою обширнаго русскаго княжества. Къ несчастью, обаяніе это продолжалось не долго; другія русскія земли отнеслись далеко не съ такимъ сочувствіемъ къ попыткѣ возстановить народное дѣло. Въ сѣверозападной Руси Михаилъ Глинскій встрѣтилъ или равнодушіе, или враждебное настроеніе: въ земляхъ этихъ преобладало сословіе земянъ (т. е. мелкихъ дворянъ, обязанныхъ государству военною службою), которое давно уже свыклось съ мыслью о всевозможныхъ сословныхъ благахъ, которыя низольются на него при развитіи въ Литвѣ польскаго

права. Земяне сѣверозападнаго края не были воодушевлены, подобно кіевскимъ, національнымъ стремленіемъ и предпочли сословныя выгоды отъ ожидавшейся уніи съ Польшею возстановленію народной политической самобытности; они остались глухи къ призыву Глинскаго или отнеслись къ нему враждебно, а между тѣмъ, по тогдашней организаціи государства, они составляли главную военную силу края. Князья, сочувствовавшіе Глинскому и нѣкогда поддерживавшіе его стремленія, оказались изолированными, многіе скрылись, другіе рѣзко повернули на сторону правительства; только немногіе второстепенные князья: Друцкіе и Лигвеновичи-Мстиславскіе, имѣли достаточно мужества, чтобы стать на сторону предпріятія, успѣхъ котораго становился весьма сомнительнымъ. Между тѣмъ московская помощь медлила приходомъ, а съ другой стороны приближался Сигизмундъ съ сильною польскою арміею. Глинскій послѣ нѣсколькихъ безъуспѣшныхъ переходовъ, увидѣлъ, что дѣло его проиграно; вмѣстѣ съ братьями и болѣе скомпрометированными сторонниками, онъ отступилъ въ предѣлы великаго княжества московскаго.

Такъ кончилась послѣдняя попытка княжеской Руси, предпринятая въ защиту своего народнаго дѣла. Очевидно, княжеское сословіе было безсильно въ этой борьбѣ; его сословныя понятія, удѣльно-федеративные идеалы были въ то время уже анахронизмомъ, они не обнимали интересовъ всего населенія и не могли его подвинуть на борьбу за общее народное дѣло. Княжеская партія сталкивалась съ интересами или съ равнодушіемъ другихъ сословныхъ группъ и оказалась для своего времени немощною. Первый актъ борьбы западной Руси съ польскимъ вліяніемъ, веденный подъ стягомъ русско-литовскихъ князей, былъ проигранъ. Но въ нѣдрахъ кіевской области, стойко поддерживавшей до конца этотъ стягъ, скрывались зародыши новыхъ общественныхъ силъ, которымъ суждено было вступить въ борьбу съ большимъ успѣхомъ въ послѣдующую эпоху.

Разсмотримъ составъ и отношенія разныхъ общественныхъ группъ въ кіевской области въ разсматриваемое нами время, укажемъ на характеръ и условія самой территоріи и мы найдемъ въ этихъ данныхъ объясненіе дальнѣйшаго политическаго значенія Кіева и его области.

Послѣ присоединенія къ Литвѣ кіевскаго княжества, предѣлы его нѣсколько видоизмѣнились и раздвинулись, частью вслѣдствіе присоединенія къ Кіевщинѣ порубежныхъ округовъ сосѣднихъ княжествъ, частью вслѣдствіе колонизаціи южныхъ степей,

двигавшейся медленно, но упорно внизъ по Днѣпру. Съ конца XIV до половины XVI столѣтія границы кіевскаго княжества могутъ быть приблизительно очерчены въ трехъ направленіяхъ. На западѣ оно отдѣлялось отъ земли брацлавской, т. е. отъ той части Подолія, которая осталась подъ властью великихъ князей литовскихъ, „Чернымъ Шляхомъ". Такъ назывался путь, пролегавшій по водораздѣльной линіи между бассейнами южнаго Буга съ одной стороны, Роси и Припяти съ другой; по этому пути обыкновенно врывались въ юго-западную Русь татаре, избиравшіе эту дорогу во избѣжаніе переправъ и болотъ. Отъ „Чернаго шляха" граница переходила на русло рѣки Случи въ окрестности города Любара и совпадала съ ея теченіемъ вплоть до ея впаденія въ Припять, отдѣляя кіевскую землю отъ волынской. Далѣе отъ устья Случи сѣверная граница кіевскаго княжества на нѣкоторомъ пространствѣ шла по теченію Припяти и затѣмъ переходила на сѣверный берегъ этой рѣки, захватывая здѣсь обширный мозырскій повѣтъ, и опять возвращалась къ Припяти не вдалекѣ отъ ея впаденія въ Днѣпръ. Отъ устья Припяти Днѣпръ составлялъ восточную границу Кіевщины на небольшомъ только пространствѣ: она переходила на лѣвую его сторону и охватывала въ низовьяхъ Десны и вдоль по теченію ея притока Остра—повѣтъ остерскій.—Съ южной стороны границы кіевской области постоянно колебались и потому не могутъ быть установлены даже приблизительно. Когда въ началѣ XV столѣтія Витовтъ осилилъ на время татаръ, предѣлы Кіевщины быстро раздвинулись и достигли береговъ Чернаго моря. Витовтъ немедленно оградилъ эти новыя южныя границы рядомъ крѣпостей и поселеній: вдоль по Днѣпру онъ возстановилъ и укрѣпилъ Каневъ, основалъ Черкасы, Кременчугъ, Мишуринъ Рогъ, таможню на островѣ Тавани. Затѣмъ на берегу моря была построена крѣпость Дашовъ (Очаковъ) и устроена гавань на отнятой у татаръ стоянкѣ Хаджи-бей (на мѣстѣ нынѣшней Одессы). При устьѣ Днѣстра, противъ генуезской крѣпости Монкастро (Аккермана), воздвигнутъ былъ новый литовскій замокъ, а нѣсколько выше по Днѣстру построена крѣпость Тягинь (Бендеры). Сверхъ того въ степи упоминаются крѣпости и замки: Караулъ, Гербедеевъ, Упскъ, слѣдовъ и мѣстоположенія которыхъ невозможно опредѣлить.—Но эти широкія границы, начертанныя для Кіевщины Витовтомъ, исчезли чрезъ полъ-вѣка послѣ его смерти подъ напоромъ крымской орды. Основатель ея могущества, ханъ Менгли-Гирей, воспользовав-

шись вялостью и нерадѣніемъ Казимира Ягайловича, разрушилъ дѣло Витовта; онъ овладѣлъ возникшими крѣпостями и, уничтоживъ ихъ, опустошилъ страшными набѣгами всю кіевскую область, на сѣверныхъ же берегахъ Чернаго моря онъ расположилъ кочевья подвластной ему ногайской орды. Между этими кочевьями и заселенною частью кіевскаго княжества образовалось обширное, почти пустынное пространство, пролегавшее отъ береговъ Роси до пороговъ и средняго теченія Ингула; на этомъ пространствѣ велась постоянная партизантская война между удальцами татарскими и русскими и подъ прикрытіемъ послѣднихъ медленно и постепенно выдвигалась въ степь южнорусская колонизація изъ кіевской области.

Къ сѣверу отъ Роси страна, не смотря на татарскіе набѣги, была заселена и правильно устроена. Подъ властью кіевскаго удѣльнаго князя, кромѣ стольнаго города его земли, находились многочисленные кіевскіе пригороды: Овручъ, Житомиръ, Звенигородъ, Переяславль, Каневъ, Черкасы, Остеръ, Чернобыль, Мозырь. Большинство названныхъ пригородовъ возникли еще до XIII столѣтія и вмѣстѣ съ Кіевомъ достались Литвѣ, другіе, какъ Мозырь, Остеръ и Переяславль присоединены были къ кіевскому княженію отъ сопредѣльныхъ русскихъ княжествъ уже послѣ литовскаго завоеванія; нѣкоторые, какъ Черкасы и Чернобыль, возникли по иниціативѣ литовскихъ князей.—Пригороды эти, въ разсматриваемый періодъ времени, носятъ названіе „замковъ господарскихъ“ и получаютъ важное административное значеніе; удѣльный кіевскій князь назначалъ въ нихъ правителей, носившихъ названіе намѣстниковъ, державцевъ или старостъ. Намѣстникъ княжескій управлялъ не только городомъ, въ которомъ находился господарскій замокъ, но и обширнымъ территоріальнымъ округомъ, который тянулъ къ замку. Округи, на которые распадалось кіевское княженіе, носили названіе „повѣтовъ“ [1]). Всѣ жители повѣта, къ какой-бы сословной категоріи ни принадлежали, были подчинены намѣстнику въ военномъ, судебномъ и

[1]) Терминъ „повѣтъ“ возникъ вѣроятно отъ того, что намѣстникъ созывая жителей своего округа „на военную потребу“, призывая ихъ въ судъ или сообщая имъ административныя распоряженія, „повѣщалъ“ ихъ или „давалъ имъ вѣсти“, какъ тогда выражались официально. Для разсылки „вѣстей“ староста располагалъ особыми „замковыми слугами“ или такъ называемыми „путными боярами“, которые по его приказанію „ѣздили въ путь“ развозить „вѣсти“.

административномъ отношеніяхъ, несли по его распоряженію извѣстныя въ пользу князя повинности и давали намѣстнику извѣстныя дани. Удѣльный князь оставлялъ за собою верховную власть, выражавшуюся въ подчиненіи ему намѣстниковъ, въ правѣ верховнаго предводительства на войнѣ контингентами всѣхъ повѣтовъ, въ правѣ аппеляціи къ нему отъ суда намѣстниковъ и, наконецъ, въ исключительномъ правѣ раздачи въ пользованіе поземельной собственности. Когда кіевское княжество было переименовано въ воеводство и удѣльныхъ князей замѣнили кіевскіе воеводы, то вмѣстѣ съ тѣмъ и разрушено было административное единство кіевской земли. Великій князь вошелъ во всѣ права бывшаго князя удѣльнаго и самъ сталъ назначать старостъ въ замки кіевскаго княжества; старосты замковъ господарскихъ оказались въ прямой зависимости отъ особы великаго князя, который ихъ назначалъ и смѣнялъ, судилъ и контролировалъ; такимъ образомъ связь пригородовъ съ главнымъ городомъ области изчезла и каждый повѣтъ сталъ независимою отъ Кіева единицею областнаго управленія. Кіевскій воевода оказался, съ другимъ только титуломъ, равноправнымъ съ намѣстниками пригородовъ, административнымъ чиновникомъ, и отличался отъ нихъ только тѣмъ, что подъ властью его находился болѣе богатый городъ съ его непосредственнымъ округомъ и что, по причинамъ, не разгаданнымъ для насъ, два сѣверные повѣта: мозырскій и чернобыльскій, остались въ зависимости отъ него въ военномъ отношеніи; жители этихъ повѣтовъ обязаны были ходить на войну не подъ начальствомъ своего старосты, а „при воеводѣ кіевскомъ, якъ ихъ обошлетъ“.—Такимъ образомъ при замѣнѣ князей воеводами кіевская земля потеряла связь административную, объединявшую ея повѣты, распалась на нѣсколько независимыхъ отъ главнаго города областей, но понятіе объ историческомъ единствѣ земли сохранилось какъ въ сознаніи жителей, такъ и въ отношеніи къ нимъ правительства. Еще Витовтъ, упраздняя кіевское княженіе, выдалъ его жителямъ „право добровольное христіанское“, т. е. уставную грамоту, обезпечивавшую ихъ права и опредѣлявшую отношеніе къ нимъ великокняжеской власти. Права эти и отношенія были одинаковы для всѣхъ повѣтовъ кіевскаго княжества и въ числѣ ихъ было обязательство со стороны великаго князя—раздавать намѣстничества въ кіевскихъ пригородахъ и поземельную собственность въ предѣлахъ кіевскаго княжества исключительно только уроженцамъ этой

области [1]). Уставная грамота Витовта подтверждалась потомъ много разъ его наслѣдниками: Казимиромъ, Александромъ, Сигизмундомъ и послужила основаніемъ, объединявшимъ жителей кіевской земли, послѣ того, какъ разрушена была внѣшняя связь отдѣльныхъ ея частей.

Изъ текста этой грамоты, данной всей землѣ кіевской, равно какъ изъ грамотъ болѣе частныхъ Витовта и его преемниковъ, опредѣляются и взаимныя отношенія жителей страны между собою, и распредѣленіе ихъ на общественныя группы.—Послѣ установленія новаго литовскаго распорядка въ кіевской землѣ общественный строй ея значительно измѣнился, сравнительно съ тѣмъ, какимъ онъ былъ при удѣльныхъ русскихъ князьяхъ: основнымъ принципомъ новаго порядка вещей служило то положеніе, что вся земля принадлежитъ государству и состоитъ въ распоряженіи князя, который раздаетъ ее въ пользованіе частнымъ лицамъ, въ видѣ временнаго условнаго владѣнія, подъ условіемъ исполненія извѣстной государственной службы. Такъ какъ государство прежде всего заботилось о томъ, чтобы обезпечить и организовать свои военныя силы, то исполненіе военной повинности составляло первое и важнѣйшее условіе землевладѣнія. Земельная собственность была раздѣлена на опредѣленные участки, такъ называемыя „службы“; каждая служба заключала 10 литовскихъ волокъ (199 десятинъ) и то лицо, которое получало землю въ пользованіе, обязано было, по каждому призыву князя или его намѣстника, доставлять съ каждой „службы“ одного вооруженнаго воина. Лица, получавшія на такихъ условіяхъ землю, назывались „земянами“ и составляли классъ землевладѣльческій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, военное сословіе края. Земяне могли владѣть землею лично, во все время, пока исполняли возложенную на нихъ повинность, но, если они оказывали важныя услуги и снискивали расположеніе князя, имъ давалось право передачи своей земли по наслѣдству на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ сами ею владѣли; въ такомъ случаѣ служба ихъ называлась „выслугою“ или „отчиною“. Впрочемъ „выслуга“ могла быть передана только прямымъ наслѣдникамъ земянина или же постороннимъ лицамъ по завѣщанію, но отчуждать ее при жизни, мѣнять, дѣлить, отказывать въ пользу церкви и т. п. выслужившій ее земянинъ не могъ безъ разрѣшенія князя.

[1]) „А волости кіевскія—Кіяномъ держати, а иному никому. А городки кіевскіе, въ нашой воли: Кіяномъ будемъ давати, кому ся будетъ годити“.

Уже съ XIV столѣтія слагается такимъ образомъ въ кіевской землѣ классъ землевладѣльцевъ; въ XV и XVI столѣтіяхъ количество раздаваемыхъ князьями выслугъ все болѣе и болѣе умножается и образуется многочисленное военное сословіе, связанное съ областью и происхожденіемъ, (такъ какъ, по уставной грамотѣ Витовта, князья обязаны были службы и выслуги въ кіевской землѣ раздавать исключительно уроженцамъ этой земли), и землевладѣніемъ, и мѣстомъ постояннаго жительства. Классъ этотъ впрочемъ былъ неравномѣрно распредѣленъ на территоріи кіевскаго княжества: въ сѣверной, лѣсной его полосѣ земяне были весьма многочисленны и отчины въ этой мѣстности были разобраны весьма рано; всѣ болѣе древніе и богатые роды земянскіе помѣщались въ этой территоріи; жалованныя грамоты на свои земли они выслужили „на великихъ князьяхъ“: Витовтѣ, Казимирѣ и Александрѣ, или получили ихъ отъ кіевскихъ князей Олельковичей. Такъ въ повѣтахъ: мозырскомъ, овручскомъ, чернобыльскомъ, въ сѣверныхъ частяхъ кіевскаго и житомирскаго мы встрѣчаемъ въ теченіи многихъ поколѣній представителей всѣхъ знатныхъ и богатыхъ земянскихъ родовъ кіевской земли [1]). Совершенно другое отношеніе встрѣчаемъ въ южныхъ, черноземныхъ и степныхъ повѣтахъ: въ черкаскомъ, каневскомъ, въ южныхъ частяхъ кіевскаго и житомирскаго; здѣсь земяне или вовсе не берутъ службъ и выслугъ, или берутъ ихъ весьма неохотно; только въ началѣ XVI столѣтія мы встрѣчаемъ въ каневскомъ повѣтѣ нѣсколько выслугъ земянскихъ, и то онѣ принадлежатъ земянамъ, имѣвшимъ главныя отчины и постоянно жившимъ въ кіевскомъ Полѣсьи, и едва можемъ назвать 2—3 рода земянъ, поселившіеся во всей степной полосѣ княжества [2]).—Наконецъ, въ двухъ самыхъ южныхъ повѣтахъ: звенигородскомъ и переяславскомъ земянъ вовсе не было; правда, оба эти повѣта были

---

[1]) Вотъ перечень болѣе выдающихся земянскихъ родовъ въ Кіевщинѣ: въ мозырскомъ повѣтѣ: Обухи, Балакиры, Еськовичи, Лозки, Костюшковичи, Леньковичи, Служки; въ чернобыльскомъ и кіевскомъ: Кмитичи, Проскуры, Горностаи, Сурины, Заморенки, Полозовичи, Дашковичи, Тыши, Волчковичи, Лемеши; въ овручскомъ и житомирскомъ: Немировичи, Дедовичи, Ельцы, князья Сенскіе, Халецкіе, Щеневскіе, князья Капусты, Тышковичи, Стрыбели, Вороны, Прежовскіе, Корчевскіе и т. д.

[2]) Въ описаніи господарскихъ замковъ 1552 года въ каневскомъ повѣтѣ названо только нѣсколько земянскихъ отчинъ, принадлежавшихъ: Дашковичамъ, Служкамъ, Балакирамъ, Ельцамъ, князьямъ: Капустамъ, Глинскимъ и Корецкимъ; въ черкасскомъ-же повѣтѣ были только два земянскіе рода: Морозовичи и князья Домонты-Черкашенины.

въ XV столѣтіи совершенно опустошены татарами, замки разорены и князья перестали даже посылать намѣстниковъ въ эти опустѣвшія области. Причина неравномѣрнаго распредѣленія земянъ заключалась какъ въ самыхъ условіяхъ землевладѣнія, такъ и въ современномъ экономическомъ положеніи края. Южные повѣты, подверженные постояннымъ татарскимъ набѣгамъ не могли представить удобной почвы для прочнаго установленія хозяйства, а между тѣмъ военная служба съ земли была гораздо тягостнѣе, земяне должны были проводить большую половину времени то въ походахъ, въ погонѣ за татарами, то въ караулахъ или такъ называемой „полевой сторожѣ“ на стоянкахъ, устроенныхъ украинными старостами въ степи, для предъупрежденія набѣговъ.

Съ другой стороны степныя черноземныя пространства, представлявшія одну изъ лучшихъ мѣстностей для земледѣлія, при тогдашнихъ экономическихъ условіяхъ не обѣщали богатаго дохода; хлѣбъ не составлялъ предмета вывозной торговли и хлѣбопашествомъ занимались только въ размѣрахъ необходимыхъ для собственнаго прокормленія; напротивъ, хозяйство въ лѣсныхъ округахъ изобиловало всѣми продуктами вывозной торговли. Пересматривая дошедшія до насъ описи имѣній, составленныя даже въ XVI столѣтіи, мы видимъ, что главными статьями поземельнаго дохода признавались „борти“ и вообще продукты пчеловодства, „бобровыя гоны“ и вообще мѣха, затѣмъ рыбная ловля и продукты лѣснаго хозяйства. Не удивительно потому, что земяне позаботились главнымъ образомъ занять земли въ Полѣсьи, относительно безопасныя отъ татарскихъ набѣговъ и дававшія болѣе цѣнные въ то время предметы для сбыта.

Кромѣ сословія земянъ въ кіевской землѣ находимъ еще другое сословіе, обязанное также нести военную службу. Сословіе это носило названіе „бояръ“ и составляло какъ бы переходъ отъ земянъ къ сословіямъ мѣщанскому и крестьянскому; бояре по всему вѣроятію были потомки бывшихъ княжескихъ дружинниковъ. Въ концѣ удѣльнаго періода на Руси дружинники стремятся поселиться въ мѣстахъ своего пребыванія и не переходить вслѣдъ за каждымъ княземъ изъ области въ область; они предпочитаютъ, оставаясь въ данномъ княжествѣ, поступать на службу къ тому князю, который овладѣетъ областью. Такимъ образомъ дружина привязывается къ землѣ, а не къ лицу, т. е. становится „земскою“. Въ литовское время за земскими дружинниками сохраняется названіе „бояръ“; они приписаны къ госпо-

дарскимъ замкамъ, въ районѣ которыхъ владѣютъ поземельною собственностью, по большей части весьма не значительною, и обязаны нести военную службу не только полевую, но и гарнизонную въ самой крѣпости и отбывать разнаго рода повинности, какъ въ пользу государства, такъ и въ пользу намѣстника. Они отличались отъ земянъ тѣмъ, что служба ихъ, гораздо болѣе тяжелая, не находилась въ зависимости отъ количества земли, бывшей въ ихъ пользованіи, но возлагалась на нихъ въ силу того, что они принадлежали къ боярскому сословію. Съ конца XV вѣка, когда окончательно утвердилось земянское сословіе, оно мало по малу не только превзошло бояръ знатностью и богатствомъ, но и подчинило ихъ себѣ въ значительной степени; подчиненіе это выразилось въ томъ, что въ случаѣ, если земельные участки, принадлежавшіе боярамъ, находились въ селахъ розданныхъ земянамъ, то князья и ихъ намѣстники уступали въ пользу послѣднихъ свою военную, а въ послѣдствіи и судебную власть надъ боярами, или, какъ тогда выражались, бояре обязаны были „служити и послушными быти“ земянину, а, въ случаѣ неповиновенія, должны были оставить свою землю и съѣхать прочь, сохраняя за собою лишь движимое имущество.

Вся остальная масса сельскихъ жителей составляла категорію крестьянъ или „людей“, какъ ихъ тогда называли, и если они жили на земляхъ „замковыхъ“, т. е. государственныхъ, то назывались „людьми служилыми“, а если земли, обработываемыя ими, розданы были земянамъ, то они и сами опредѣлялись терминомъ „люди панскіе и земянскіе“. Какъ тѣ, такъ и другіе лично были свободны и имѣли право перехода съ мѣста на мѣсто; поселяясь на данной землѣ, они обязаны были нести извѣстную долю натуральныхъ повинностей и давать опредѣленныя дани деньгами и натурою въ пользу владѣльца земли, сообразно съ договоромъ и установившимся обычаемъ; многіе изъ нихъ притомъ владѣли собственною землею, составляя категорію такъ называемыхъ „данниковъ“, и обязаны были давать государству съ земли своей дань, въ качествѣ подати. Дань эту, взимавшуюся по большей части натурою, правительство уступало въ пользу земянъ, обязанныхъ, въ такомъ случаѣ, сообразно съ количествомъ дохода отъ данниковъ, усиливать контингенты, доставляемые ими на войну. Во всякомъ случаѣ большинство крестьянъ сидѣло не на своей землѣ и пользовалось лишь свободою перехода. Эта свобода въ Кіевщинѣ была весьма заманчива; между тѣмъ, какъ въ населен-

ной части княженія умножалось народонаселеніе и постепенно тяжелѣе становились условія пользованія землею, въ южной полосѣ много было незанятой земли и она, за рѣдкими исключеніями, не была даже de jure роздана въ частное владѣніе; крестьянину слѣдовало только подняться съ мѣста, перейти за Рось и поселиться на пустоши, чтобы пользоваться землею безусловно и безконтрольно и развести богатое хозяйство. Современные документы свидѣтельствуютъ, что такіе переселенцы дѣйствительно пользовались своимъ положеніемъ: „пашутъ, гдѣ хотятъ и сколько хотятъ“, говоритъ описаніе одного замка; „уставичне въ каневскихъ уходахъ живутъ на мясѣ, на рыбѣ, на меду и сытятъ тамъ собе медъ яко дома“, свидѣтельствуетъ другой такой-же документъ.—Благоденствіе это впрочемъ доставалось не безъ риска: крестьяне, разводившіе въ степи хозяйство, находились подъ постояннымъ страхомъ татарскаго набѣга и, очевидно, должны были думать о защитѣ и организовать ее, если хотѣли обезпечить свой трудъ и свое пребываніе въ степи. Въ этомъ отношеніи они нашли опору, поддержку и руководство въ представителяхъ мѣстнаго управленія—въ старостахъ украинныхъ замковъ какъ Кіевщины, такъ и сопредѣльной съ нею Брацлавщины. Старосты хмѣльницкіе, брацлавскіе, винницкіе и особенно каневскіе и черкаскіе берутъ на себя иниціативу въ дѣлѣ организаціи крѣпкой военной силы изъ народонаселенія, поставленнаго, изъ-за экономическихъ своихъ выгодъ, въ необходимость самозащиты. Старосты эти относятся къ пришлому и все болѣе и болѣе умножающемуся народонаселенію, какъ къ единственному средству защитить свои повѣты, охранить свои замки и возстановить русскую колонизацію въ подвѣдомственныхъ имъ округахъ. Почти при полномъ отсутствіи земянъ въ этихъ округахъ, малочисленные бояре и мѣщане рѣдкихъ городовъ конечно не могли составить сколько нибудь значительнаго военнаго ополченія; недостатокъ этотъ пополняли стремившіеся въ плодоносныя степи „люди“. Уже съ конца XV столѣтія въ источникахъ появляется упоминаніе объ образованіи изъ этихъ „людей“ новаго сословія въ южныхъ степяхъ Кіевщины;—появляется новый терминъ, заимствованный у татаръ—„козаки“. Подъ нимъ не разумѣются ни мѣщане, ни бояре; это сословіе состоитъ изъ людей свободныхъ, но въ большинствѣ бездомныхъ, ищущихъ занятія и осѣдлости. Встрѣчаются козаки въ городахъ въ услуженіи у бояръ и мѣщанъ, упоминаются и такіе, которые имѣли

уже свои дома; одни изъ нихъ ходятъ на низъ Днѣпра на звѣриный и рыбный промыселъ и ведутъ торговлю продуктами этихъ промысловъ, другіе занимаются хлѣбопашествомъ и разводятъ пасѣки, третіе промышляютъ угономъ лошадей и захватомъ добычи у татаръ. Старосты не только не противудѣйствуютъ переходу населенія въ южные повѣты, но, напротивъ, поощряютъ его, облагая лишь самыми льготными пошлинами всѣ козацкія промыслы и занятія. Такъ, жившіе въ Черкасахъ козаки не несутъ никакихъ повинностей, а только за право пользованія рыбною и звѣриною ловлею или другимъ промысломъ на всемъ пространствѣ обширнаго староства (въ низъ по Днѣпру до пороговъ, а также по Орели, Самарѣ, Ворсклѣ, Тясьмину и обоихъ Ингулахъ) платятъ „колядки“ по 6 грошей въ годъ и косятъ 2 дня въ годъ сѣно—„толокою, за стравою и за медомъ“ старосты.— Въ Каневѣ старосты признавали собственностью козаковъ всякую добычу, захваченную ими въ татарской землѣ, подъ условіемъ, что незначительная часть ея должна быть отдана въ подарокъ старостѣ и т. п. При такихъ отношеніяхъ болѣе энергическіе и предпріимчивые сельскіе люди изъ сѣверной Кіевщины стремились постоянно въ степь и въ каневскомъ и черкасскомъ старостваxъ быстро формировались свободныя, воинственныя, козацкія „околицы“, доставлявшія вооруженныя „роты“ для походовъ на татаръ. Съ начала XVI столѣтія предпріимчивые старосты украинскіе: Остафій Дашковичъ, Михаилъ и Дмитрій Вишневецкіе, Лянцкоронскій, кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій, находятъ возможнымъ, опираясь на козацкія ополченія, перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ татаръ. Въ степной Кіевщинѣ, подъ охраною сформировавшихся козацкихъ ополченій, колонизація становится смѣлѣе; новые выходцы изъ кіевскаго Полѣсья не ограничиваются уже староствами каневскимъ и черкаскимъ, а занимаютъ новыя мѣста; съ одной стороны вновь заселяется поднѣпровская часть бывшаго переяславскаго княжества и пріобщается къ козачеству, съ другой народонаселеніе двигается въ опустѣлый въ XV столѣтіи повѣтъ звенигородскій и образуетъ поселенія въ никому не подвѣдомственныхъ и никѣмъ неуправляемыхъ пустыряхъ между Тясьминомъ, Синюхою и Росью; заселяются обширныя пространства, такъ называемые „грунты уманскій и звенигородскій“, въ которыхъ только въ концѣ XVI столѣтія правительство оффиціально признаетъ существованіе поселеній и лишь въ началѣ XVII назначаетъ коммиссію для

осмотра края и опредѣленія его пространства.—Такимъ образомъ съ конца XV столѣтія въ Кіевщинѣ зарождается новое военное и землевладѣльческое сословіе, сформировавшееся на основаніяхъ равноправности между его членами и внесшее въ свой бытъ старые принципы вѣчеваго строя. Сословію этому предназначено было въ скоромъ времени вступиться за національныя права Кіевской Руси, упорно за нихъ бороться и выиграть дѣло, проигранное раньше привилегированными сословіями страны.

Кромѣ перечисленныхъ сословій: земянъ, бояръ, крестьянъ и, выдѣлявшихся изъ среды послѣднихъ, козаковъ, въ Кіевщинѣ было еще сословіе мѣщанское. Какъ въ самомъ Кіевѣ, такъ и во всѣхъ пригородахъ кіевской земли, жители ихъ составляли особенныя городскія общины, отличавшіяся правами, повинностями и устройствомъ своимъ отъ другихъ жителей края. Но не вездѣ община городская пользовалась въ равной степени независимостью и обязанности, лежавшія на ней, не вездѣ были одинаковы; въ большинствѣ пригородовъ община городская была въ полной зависимости отъ старостъ, находилась подъ ихъ „присудомъ“ и обложена была довольно тяжелыми повинностями: на мѣщанъ возлагалась обязанность нести военную службу какъ полевую, такъ и гарнизонную, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, они обложены были многочисленными податями и данями въ пользу правительства и намѣстниковъ. — Другое положеніе было мѣщанской общины въ самомъ городѣ Кіевѣ: еще великій князь Витовтъ обезпечилъ ея права особою грамотою, которая, къ несчастью, не дошла до насъ и вѣроятно погибла во время разоренія кіевскаго замка Менгли—Гиреемъ. Въ 1494 году, двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ этого разоренія, ее возобновилъ великій князь Александръ Казимировичъ, а въ 1499 онъ пожаловалъ городу Кіеву новую грамоту, обезпечивавшую самоуправленіе жителей по магдебургскому праву, которымъ разрѣшалось имъ пользоваться въ полномъ его объемѣ, безъ всякихъ исключеній, наравнѣ съ жителями стольнаго города Вильна. Въ силу этой грамоты, кіевскіе мѣщане становились независимыми и неподсудными мѣстному воеводѣ; городомъ управляли двѣ выборныя коллегіи подъ предсѣдательствомъ выборнаго-же войта; городскіе промыслы, торговля и занятія были или вовсе освобождены отъ пошлинъ, или обложены умѣренною и точно опредѣленною въ грамотѣ податью въ пользу государства и воеводы; сверхъ того кіевскіе мѣщане получили право безпошлинной торговли во всѣхъ зем-

ляхъ и городахъ великаго княжества литовскаго. Обязанности, возложенныя на общину состояли въ томъ, что мѣщане должны были по призыву воеводы ѣздить въ погоню за татарами, держать полевую сторожу на татарскихъ шляхахъ и „отправовати оборону и сторожу“ въ кіевскомъ замкѣ.

Подъ охраною названныхъ привилегій городская община быстро развилась, пріобрѣла значительныя богатства и силу. Съ незапамятныхъ временъ, благодаря своему удобному географическому положенію, Кіевъ служилъ центромъ обширной торговли: складочнымъ мѣстомъ продуктовъ вывоза со всего днѣпровскаго бассейна съ одной стороны, и предметовъ привоза торговли цареградской и восточной съ другой [1]). Это значеніе торговаго центра Кіевъ удерживаетъ въ описываемое время. Въ Кіевъ направлялись многочисленные караваны сухимъ путемъ и водою изъ крымской орды и изъ Царьграда; первые переправлялись черезъ Днѣпръ у Тавани, слѣдовали по большей части сухимъ путемъ вдоль Днѣпра до Черкасъ или Канева, здѣсь перегружались на „комяги“ и достигали такимъ образомъ Кіева. Царьградскіе товары отправлялись изъ Хаджибея, а послѣ разрушенія его Менгли-Гиреемъ въ 1490 году, изъ генуезскаго Монкастра (Аккермана) и, слѣдуя по степи черезъ мосты, построенные на Бугѣ Витовтомъ, доставлялись въ Кіевъ. Благодаря указаніямъ современныхъ актовъ, мы можемъ указать хотя нѣкоторые товары, привозимые этими караванами; это были—шелковыя и парчевыя восточныя ткани, „камка александрійская на золоте“, восточные ковры, шелкъ, восточныя издѣлія изъ кожи: «сафьянъ, тижмы и тебенки» и восточныя пряности: перецъ, „дзиндзиверъ“ шафранъ и т. п. Тѣми-же путями изъ Кіева отправлялись караваны на востокъ; они везли мѣха бобровъ, лисицъ, горностаевъ, куницъ, бѣлокъ и т. п., готовыя шубы, „шлыки“ и колпаки; затѣмъ издѣлія кіевскихъ оружейныхъ мастеровъ: луки, стрѣлы, сагайдаки, сѣдла и т. п. Сверхъ того черезъ Кіевъ прохо-

---

[1]) Не говоря о многочисленныхъ указаніяхъ на обширную торговлю Кіева съ Царьградомъ и дальнимъ востокомъ въ удѣльное время, укажемъ только на свидѣтельства о районѣ кіевской торговли, въ гораздо болѣе древнее время, доставляемыя намъ монетными кладами, находимыми въ Кіевѣ и его области. Въ этомъ отношеніи довольно указать на большой кладъ римскихъ монетъ времени Антониновъ, найденный нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Чернобылѣ, на такой-же кладъ монетъ, чеканенныхъ въ Антіохіи, III—IV ст., открытый въ 1875 году въ самомъ Кіевѣ, и на нѣсколько кіевскихъ кладовъ съ монетами Саманидскими IX—X столѣтій.

дили караваны съ „коштовными“ товарами изъ Москвы въ Турцію и Крымъ и обратно. Въ предѣлахъ кіевской земли купеческіе караваны пользовались покровительствомъ и охраною властей: старосты остерскіе, черкаскіе и каневскіе и воеводы кіевскіе снабжали ихъ вооруженнымъ конвоемъ, оберегавшимъ купцевъ отъ нападеній татаръ въ степи, и получали за то отъ каравана опредѣленные обычаемъ и грамотами подарки. Кромѣ этой обширной внѣшней торговли, склады которой находились въ Кіевѣ, въ силу особой на то привилегіи, пожалованной городу в. к. Александромъ, Кіевъ представлялъ богатый рынокъ и для внутренней торговли: здѣсь находились склады соли, привозимой изъ береговъ Чернаго моря и расходившейся потомъ по всему великому княжеству литовскому, рыбы, доставлявшейся съ „низу“ и „съ верху“ Днѣпра, воску, меду, хлѣба и т. п. Торговая дѣятельность Кіева привлекала въ этотъ городъ многочисленныхъ иноземцевъ; уже въ XV столѣтіи въ Кіевѣ существовала многолюдная армянская колонія, члены которой владѣли домами и лавками въ городѣ и землями въ кіевскихъ повѣтахъ; сверхъ того въ XV-же вѣкѣ въ Кіевѣ имѣли торговый дворъ генуезцы и проживали многочисленные торговцы: турецкіе, татарскіе, московскіе, греческіе, молдаванскіе и польскіе.

Торговля не составляла впрочемъ единственнаго занятія кіевскихъ горожанъ; разнообразныя ремесла развиты были среди городского населенія. Въ XV уже столѣтіи документы указываютъ на многочисленные цехи, состоявшіе подъ присудомъ кіевскаго магистрата, въ числѣ ихъ поименованы слѣдующіе: „кравцы, кушнеры, шевцы, постригачи, золотари, лучники, стрѣльники, сѣдельники, ковали, конвисары, винники, хлѣбницы, перекупники, рыболовы, плотники, цырульники“. Между ними особенно славились золотари, металлическія издѣлія которыхъ находили обширный сбытъ во всей Руси и Литвѣ, и стрѣльники, стрѣлы которыхъ, кованныя изъ желѣза и обдѣланныя въ древка съ орлиными перьями, составляли одинъ изъ предметовъ сбыта въ Крымъ; Михалонъ Литвинъ сохранилъ извѣстіе, что за 10 такихъ стрѣлъ татаре давали обыкновенно въ обмѣнъ возъ соли.

Вслѣдствіе богатой торговли и производительности рано чувствуется потребность въ постоянныхъ знакахъ цѣнности. Уже съ XIV столѣтія въ Кіевѣ находился монетный дворъ; до насъ дошли монеты кіевскаго чекана, носящія имена князей: Владиміра Ольгердовича, Витовта и Казимира; деньги эти чеканились, какъ кажется, по образцу генуезскихъ монетъ города Кафы и очевидно

возникли изъ-за потребности облегчить торговыя сношенія съ Крымомъ; нѣкоторыя изъ нихъ носятъ на лицевой сторонѣ изображенія и надписи христіанскія, на оборотѣ же тамги и надписи татарскія.

Самостоятельность, обезпеченность и богатство кіевской городской общины доставляютъ ей первенствующее значеніе въ землѣ. Кіевскіе воеводы относятся съ уваженіемъ къ ея правамъ и привилегіямъ и, въ случаѣ попытки нарушить ихъ, получаютъ строгіе выговоры и напоминанія отъ великихъ князей; земяне кіевской области тяготѣютъ къ городу, пріобрѣтаютъ въ его чертѣ дома, роднятся съ знатными мѣщанскими семействами и нерѣдко переходятъ въ мѣщанское сословіе, и обратно—встрѣчаемъ частые случаи, когда богатые мѣщане пріобрѣтаютъ куплею или на основаніи княжеской жалованной грамоты земли и „службы“ и становятся въ ряды земянъ; встрѣчаются такіе роды, какъ Крикуновичи, Криницкіе, Шавулы, Мелешкевичи, которые появляются поочередно то въ качествѣ земянъ, то въ рядахъ кіевскаго мѣщанства. Въ началѣ XVI столѣтія, когда польскія понятія объ исключительности дворянскаго сословія проникаютъ въ среду русскихъ земянъ и когда появляется у нихъ желаніе установить внѣшніе признаки своего родоваго достоинства, земяне кіевской земли находятся въ весьма затруднительномъ положеніи: они не владѣютъ потомственными гербами, подобно польскому дворянству, и употребляютъ лишь печати съ начальными буквами своихъ именъ и прозвищъ; оказывается зато, что единственное сословіе края (кромѣ княжескихъ родовъ), владѣвшее выработанными геральдическими знаками, было кіевское мѣщанство; ихъ фамильныя клейма и печати и послужили матеріаломъ для установленія дворянской туземной геральдики въ южной Руси послѣ люблинской уніи 1569 года.

Вообще, обозрѣвая сословія, на которыя распадалось народонаселеніе кіевской области въ данную эпоху, мы не можемъ не замѣтить общей черты въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ: сословія не отдѣляются рѣзко другъ отъ друга, сливаются и смѣшиваются между собою на всѣхъ пунктахъ; понятія о потомственности и незыблемой наслѣдственности правъ и сословныхъ преимуществъ не существуетъ; старыя вѣчевыя преданія о равноправности всѣхъ жителей земли продолжаютъ господствовать среди всѣхъ слоевъ населенія и довольно свободно укладываются въ литовскій распорядокъ, который открываетъ самый широкій

просторъ для личныхъ дарованій и личныхъ заслугъ. Такъ земяне, хотя и представляютъ сословіе землевладѣльческое, стремящееся установить потомственно свои права на землю, но оно далеко еще не упрочилось въ этомъ направленіи: земянинъ, не исполнявшій службы, привязанной къ землѣ, находившейся въ его пользованіи, терялъ эту землю, хотя бы она и составляла выслугу его предковъ; онъ обязанъ былъ переуступить ее другому лицу, способному исполнять службу; пріобрѣтателемъ являлось нерѣдко лице, принадлежавшее до того времени къ другому сословію [1]) и становилось послѣ пріобрѣтенія въ ряды земянъ. Уступки эти совершались вполнѣ, законно съ разрѣшенія князя или его намѣстника. Земянинъ, оставившій свою землю и службу, свободно переходилъ въ сословіе мѣщанское или боярское, или отправлялся искать счастья въ козачествѣ. Мѣщане точно также, по смыслу княжескихъ грамотъ, могли во всякое время оставить свою общину, переселиться въ другой городъ или перейти въ другое сословіе. Мы уже указали на то, что переходъ въ козачество крестьянъ былъ совершенно нормальнымъ явленіемъ, но такой переходъ былъ не единственнымъ возможнымъ выходомъ изъ крестьянскаго сословія: въ грамотѣ, данной великимъ княземъ Александромъ на имя кіевскаго воеводы, князя Дмитрія Путятича, послѣднему предписано, чтобы онъ не воспрещалъ магистрату зачислять въ мѣщане всѣхъ тѣхъ людей „митрополичихъ, воеводиныхъ, панскихъ и земянскихъ“, которые, проживая въ Кіевѣ и въ селахъ кіевскаго повѣта, занимаются торговлею или ремесломъ. Такимъ образомъ кіевская городская община, притягивая въ свой составъ и знатныхъ земянъ, и промышленниковъ изъ крестьянскаго сословія, являлась центромъ, въ которомъ сливались всѣ сословныя категоріи кіевской земли и фактически устанавливалась между ними земская равноправность.

Постараемся теперь собрать разрозненныя черты для того, чтобы составить себѣ понятіе о физіономіи самого города въ описываемое время.

Въ разные періоды своего историческаго существованія центръ города Кіева передвигался въ различныя мѣстности, сооб-

---

[1]) Такъ напримѣръ боярин Зубрикъ пріобрѣтаетъ у путивльскаго князя земли въ черкаскомъ повѣтѣ и становится черкаскимъ земяниномъ; такъ кіевскій мѣщанинъ Ходыка-Криницкій пріобрѣтаетъ громадную поземельную собственность въ переяславскомъ повѣтѣ и занимаетъ самое видное мѣсто среди его земянъ; такъ „козакъ звинигородецъ“ Дмитрій Базановскій, владѣетъ селами въ грунтѣ звенигородскомъ и т. д.

разно съ историческими условіями его быта. Въ древнѣйшее время извѣстнаго намъ существованія города, еще вѣроятно въ до-княжескую эпоху, центръ городской жизни помѣщался правдоподобно на нынѣшней Оболони и на окаймляющихъ ее взгорьяхъ; въ этой по крайней мѣрѣ мѣстности найдены понынѣ древнѣйшіе монетные клады и языческія кладбища. Послѣ того, какъ Кіевъ сдѣлался центромъ обширнаго государства, князья устроили крѣпость на вершинѣ горъ, господствующихъ надъ Подоломъ. Княжескій дворецъ, лучшія церкви и частные дома расположены были на такъ называемой „Горѣ", у подошвы которой разстилался торговый городъ „Подолье". Великій князь Ярославъ раздвинулъ предѣлы верхняго города, включивъ въ его составъ загородное поле; онъ „осыпа" этотъ „великій Кіевъ—великимъ валомъ" и устроилъ въѣзжія Золотыя Ворота. Послѣ Ярослава нагорная часть Кіева не разширялась дальше намѣченныхъ имъ предѣловъ и вѣроятно оскудѣла среди княжескихъ усобицъ и половецкихъ набѣговъ, не разъ обрушивавшихся на старый княжескій стольный городъ. Литовскіе князья, овладѣвъ Кіевомъ, устроили центръ своего управленія на новомъ мѣстѣ; они выбрали для своего жительства одну изъ горъ, стоящихъ отдѣльно отъ всего нагорнаго кряжа, и потому болѣе безопасную отъ нападеній; гора эта, названная впослѣдствіи Киселевкою, по имени послѣдняго польскаго воеводы, обитавшаго на ней, Адама Киселя, находилась между старымъ нагорнымъ городомъ и торговымъ Подоломъ. Здѣсь былъ построенъ „литовскій замокъ", въ которомъ жили Олельковичи и гдѣ, въ 1374 году, кіевскій воевода Мартинъ Гаштолдъ принималъ венеціанскаго посла, Амвросія Кантарини. Изъ словъ послѣдняго мы знаемъ, что замокъ этотъ былъ срубленъ изъ дерева и что внутри его ограды находился домъ воеводы, но подробнаго описанія его мы не имѣемъ. Замокъ этотъ въ 1482 году былъ взятъ Менгли-Гиреемъ и совершенно разрушенъ, а жившій въ немъ въ то время кіевскій воевода Иванъ Ходкевичъ уведенъ въ плѣнъ, въ которомъ и скончался. Новый замокъ построенъ былъ на мѣстѣ стараго только въ первомъ десятилѣтіи XVI вѣка; для постройки его вызваны были „добродеревцы зъ верху", т. е. жители кіевскаго Полѣсья, слывшіе хорошими плотниками. Замокъ этотъ занималъ всю вершину горы Киселевки, стѣны его были срублены изъ прочнаго дерева и укрѣплены столбами; распадались онѣ на 133 участка или „городни", каждую городню городили земяне или жители извѣстныхъ

волостей, и каждая волость или отдѣльное лице, строившее городню, имѣло право къ внутренней сторонѣ ея примкнуть постройку для храненія своихъ пожитковъ и для собственнаго помѣщенія во время осады. На стѣнахъ выдавались 15 башень—башни были шестиугольныя, каждая въ 3 этажа, и каждый этажъ снабженъ былъ бойницами; въ двухъ башняхъ помѣщались въѣзжія ворота: одни были обращены на сѣверъ, противъ горы Щекавицы, и назывались „Воеводиною брамою", другія на югъ, противъ горы Клинецкой и носили названіе „брамы Драбской". Небольшая площадка передъ этими воротами, находившаяся внѣ замковыхъ укрѣпленій, на уступѣ горы, составляла лобное мѣсто, на которомъ приводились въ исполненіе смертные приговоры. На одной изъ башень замка помѣщались большіе городскіе часы, которыми кіевляне очень дорожили. Для наблюденія надъ ними и для ихъ починки назначено было особое жалованье, довольно значительное для того времени (15 копъ грошей и 5 локтей французскаго сукна); жалованье это получалъ обыкновенно одинъ изъ замковыхъ пушкарей (артилеристовъ), умѣвшій обращаться съ механизмомъ часовъ. На внутренней площади замка тѣснились многочисленныя постройки: здѣсь былъ домъ воеводы, ротмистра, командовавшаго гарнизономъ, 30 домовъ, въ которыхъ помѣщались солдаты; затѣмъ здѣсь-же находился „шпихлеръ", въ которомъ сберегали порохъ, ядра, пули, свинецъ и т. п., и „шопа", въ которой хранилась крѣпостная артилерія, состоявшая (въ 1545 г.) изъ 17 пушекъ и около 100 гаковницъ. Кромѣ этихъ зданій въ замкѣ находилось 3 православныя церкви, въ томъ числѣ важнѣйшая, по преимуществу „замковая церковь св. Николая", и одна католическая каплица, имѣвшая вѣроятно значеніе домовой церкви воеводы, если послѣдній былъ католикомъ. Сверхъ того болѣе знатныя лица изъ числа земянъ и мѣщанъ добивались постоянно возможности имѣть свои дома въ замкѣ: здѣсь мы встрѣчаемъ домъ пана войта, домъ пана Горностая, пана Ходыки и т. п. У подножія замка простирался Подолъ, застроенный неровными и тѣсными улицами, въ которыхъ кипѣла торговая и промышленная жизнь горожанъ. Всѣ дома были деревянные, невзрачные и плохіе, по свидѣтельству Кантарини [1]); принадлежали они мѣщанамъ, земянамъ, духовенству и служилымъ людямъ. Среди Подола находился также и армянскій кварталъ съ

[1]) Pan Martin fece mi dare un alloggiamento, assai cattivo, secondo il paese. (Библ. иностр. писат. о Россіи,—изд. Семенова, стр. 135).

своею церковью и генуэзскій торговый дворъ. Старый городъ въ концѣ XV столѣтія пришелъ въ запустѣніе. Два раза въ теченіи этого столѣтія онъ подвергался татарскому разоренію: въ 1416 сподручникъ Тамерлана, Эдигей, овладѣвъ городомъ, ограбилъ его и сжегъ; не успѣлъ еще городъ оправиться подъ управленіемъ Олельковичей, какъ въ 1482 году „перекопскій царь Менгли-Гирей „Кіевъ взя и огнемъ сожже". Послѣ этого удара старый городъ не подымался уже изъ развалинъ до половины XVII столѣтія. Еще въ концѣ XVI вѣка кіевскій воевода, князь Константинъ Острожскій, вкопалъ около церкви св. Софіи, „на горѣ, межи валы", столбъ и зазывалъ на слободу „на оное мѣсто, здавна пустое, людей вшелякого стану вѣры христіанское"; среди опустѣвшаго, нѣкогда великокняжескаго города, по словамъ Герберштейна, Гваґнини и Гейденштейна, виднѣлись лишь „слѣды церквей и опустѣвшихъ монастырей и зданій". Ляссота, видѣвшій Кіевъ въ 1594 году, нашелъ въ верхнемъ городѣ тоже запустѣніе; среди развалинъ уцѣлѣли лишь церкви св. Софіи и св. Михаила и небольшая церковь на Золотыхъ Воротахъ. Видъ этихъ развалинъ, возбуждая въ путешественникахъ соболѣзнованіе о паденіи нѣкогда великолѣпнаго города, и подалъ поводъ къ утрированнымъ разсказамъ о кіевскомъ разореніи. Такъ Ляссота невольно, подъ вліяніемъ непосредственнаго впечатлѣнія, рисуетъ слѣдующую картину: „Кіевъ былъ очень укрѣпленъ на обширномъ пространствѣ и украшенъ великолѣпными церквами и зданіями, какъ можно судить объ этомъ по древнимъ развалинамъ, равно и по валу, охватывавшему городъ, и простиравшемуся, какъ говорятъ, на *девять миль (?)* въ окружности". Конечно такія преувеличенныя картины, дававшія впослѣдствіи тему для разсказовъ о мнимомъ запустѣніи Кіева послѣ Батыева погрома, относились только къ нагорной части Кіева и свидѣтельствовали лишь о бѣдствіи, постигшемъ городъ въ 1482 году, и о томъ, что центръ городской жизни и дѣятельности передвинулся теперь въ другую часть города.

Кромѣ указанныхъ нами сторонъ общественной и народной жизни Кіева въ разсматриваемую нами эпоху, мы должны въ заключеніе обратить вниманіе на религіозное значеніе Кіева, которое не только не ослабѣло, но было въ значительной степени возстановлено въ теченіи указаннаго времени.

Въ половинѣ XIII столѣтія религіозное значеніе Кіева нѣсколько поколебалось по причинѣ политическаго его упадка. Ми-

трополиты кіевскіе, вслѣдствіе развитія болѣе могущественной государственной жизни въ сѣверо-восточной Руси, равно какъ и вслѣдствіе возникновенія многихъ новыхъ епископскихъ каѳедръ на сѣверѣ, должны были обратить на этотъ край особенное вниманіе; они значительную часть времени жили во Владимірѣ на Клязьмѣ, а въ началѣ XIV столѣтія и вовсе туда переселились, изрѣдка только посѣщая свою митрополичью столицу и управляя кіевскою церковью посредствомъ намѣстниковъ. Послѣ присоединенія кіевской области къ Литвѣ, какъ литовскіе великіе князья, такъ и удѣльные князья кіевскіе стремятся къ возстановленію митрополіи на прежнемъ мѣстѣ. Уже Владиміръ Ольгердовичъ успѣлъ на время достигнуть этой цѣли, пригласивъ въ Кіевъ митрополита Кипріяна, непринятаго въ Москвѣ; послѣ его смерти великій князь Витовтъ рѣшился возстановить самобытность кіевской митрополіи и подчинить ей православныя епархіи въ великомъ княжествѣ литовскомъ; онъ не призналъ жившаго въ Москвѣ митрополита Фотія и, созвавъ въ 1414 году девять православныхъ епископовъ западной Руси на помѣстный соборъ въ Новгородокъ-Литовскій, предложилъ имъ избрать отдѣльнаго кіевскаго митрополита [1]). Выборъ этотъ состоялся и на кіевскую митрополичью каѳедру вступилъ Григорій Цимлакъ. Впрочемъ возстановленіе митрополіи утвердилось не сразу; въ теченіи пятидесяти лѣтъ послѣ выбора Цимлака замѣчаемъ колебаніе: кіевская митрополія то объединяется съ московскою, то управляется отдѣльнымъ іерархомъ. Причина этого колебанія заключается въ опасеніи православныхъ жителей западной Руси, чтобы отдѣльные кіевскіе митрополиты, находясь подъ давленіемъ своего правительства, не приняли церковной уніи съ Римомъ и не подчинились папѣ, такъ какъ къ тому именно времени относилась первая попытка уніи, провозглашенная на флорентинскомъ соборѣ;

[1]) Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Витовтъ мотивировалъ свое предложеніе собору въ грамотѣ, изданной имъ къ православнымъ жителямъ великаго княжества литовскаго: „извѣщаемъ всѣхъ русскихъ, состоящихъ въ послушаніи кіевской митрополіи, что мы издавна усмотрѣли, что митрополія эта управляется не въ должномъ порядкѣ, но съ дня на день все болѣе и болѣе ослабѣваетъ и скудѣетъ; уже въ наше правленіе нѣкоторые митрополиты управляли ею не такъ, какъ слѣдовало по старинѣ; они собирали церковные доходы и увозили ихъ за границу; ризницы, казну и св. мощи изъ здѣшнихъ церквей они отнимали и увозили въ чужую страну (перечисляются мощи и церковные предметы); да и кто можетъ перечислить, сколь многочисленные сборы золота и серебра они нагромоздили и сколь значительные убытки причинили кіевской церкви.“

Тѣ-же мотивы приводитъ и густынская лѣтопись (стр. 353).

въ силу этого опасенія кіевскіе князья Олельковичи, дорожившіе болѣе всего возстановленіемъ кіевской митрополіи, оставляютъ свое стремленіе и заботятся о признаніи власти московскаго митрополита. Не смотря на ихъ сопротивленіе, въ 1458 году рукоположенъ былъ уніатскимъ константинопольскимъ патріархомъ Исидоромъ его ученикъ, болгаринъ Григорій, въ кіевскіе митрополиты и явился въ Литву съ намѣреніемъ, подъ покровительствомъ Казимира Ягайловича, принять въ управленіе митрополію; но расположеніе православныхъ жителей в. к. литовскаго къ уніи было столь сильно, что правительство не было въ силахъ установить власть новаго митрополита. Источники не сохранили свѣдѣній о дѣятельности Григорія: правдоподобно онъ проживалъ при княжескомъ дворѣ и не вступалъ въ управленіе митрополіею. Въ Кіевѣ имя этого митрополита умалчивали; такъ напримѣръ, помѣчая фактъ обновленія кіево-печерской лавры въ 1470 году, еще при жизни Григорія, и лѣтопись, и надгробная надпись Симеона Олельковича упоминаютъ, что событіе это случилось „при королѣ Казимирѣ и при архимандритѣ Іоаннѣ“, но имени митрополита не упоминаютъ. Въ 1472 году Григорій умеръ въ Новогродкѣ-Литовскомъ и избранный на его мѣсто въ 1474 году смоленскій епископъ Михаилъ возстановилъ окончательно кіевскую митрополію и вмѣстѣ съ тѣмъ отклонилъ попытки ввести унію, испросивъ посвященіе у константинопольскаго патріарха. За Михаиломъ слѣдуетъ уже непрерывный рядъ кіевскихъ митрополитовъ до конца XVI вѣка, управлявшихъ православною западно-русскою церковью и признававшихъ себя въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха. Великіе князья литовскіе: Казимиръ, Александръ и Сигизмундъ не стѣсняютъ независимости ихъ духовной власти; напротивъ того, цѣлымъ рядомъ грамотъ подтверждаютъ полную свободу церковнаго управленія, гарантируютъ и точно опредѣляютъ независимость митрополичьяго суда въ дѣлахъ, касавшихся религіознаго ученія и правильнаго устройства семейныхъ отношеній, а также неприкосновенность поземельной собственности митрополичьей и церковной. Представители православной церкви по собственной иниціативѣ безпрепятственно собираютъ помѣстные соборы, производятъ выборы высшихъ духовныхъ сановниковъ и т. д. Кіевъ становится вновь центромъ религіозной жизни западной полосы Россіи и сообщаетъ церковному устройству свойственныя древней христіанской церкви черты чисто соборнаго управленія: мі-

ряне получаютъ право голоса въ выборѣ епископовъ и право участія въ засѣданіяхъ соборовъ; образуются церковныя братства для охраненія чистоты православнаго ученія и наблюденія за нравственною жизнью какъ мірянъ, такъ и духовныхъ лицъ, не исключая епископовъ. Чувствуя себя живыми членами церкви, православные жители западной Руси проникнуты глубокою къ ней любовью и искреннимъ религіознымъ чувствомъ; черты эти явственно видны въ исторіи всѣхъ кіевскихъ церквей и духовныхъ учрежденій. Татарское разореніе, два раза въ теченіи XIV столѣтія обратившее въ развалины Кіевъ и большинство кіевскихъ церквей, не уничтожило святыни, находившей прочную поддержку послѣ каждаго удара въ готовности всего народонаселенія нести всевозможныя жертвы въ пользу ея возстановленія. Такъ кіевская печерская обитель, возобновленная Симеономъ Олельковичемъ послѣ погрома 1416 года и вновь разрушенная въ 1482, весьма скоро возстановляется усиліями духовенства и содѣйствіемъ всѣхъ кіевлянъ. Уже въ 1522 году архимандритъ Игнатій получилъ грамоту отъ великаго князя Сигизмунда, въ которой подтверждались древнія права монастырской общины; великій князь освобождаетъ ее вполнѣ отъ всякой зависимости отъ кіевскихъ воеводъ и признаетъ право на управленіе общиною исключительно за архимандритомъ; послѣдняго должны выбирать „старцы, совмѣстно съ князьями, панами и земянами кіевской земли“, великій же князь даетъ обязательство не утверждать другого архимандрита, кромѣ кандидата представленнаго ему избирателями. Обитель кіево-печерская быстро оправляется отъ претерпѣннаго ею разоренія; вслѣдствіе отказовъ, получаемыхъ постоянно путемъ дарственныхъ записей и духовныхъ завѣщаній, поземельныя владѣнія общины достигаютъ громадныхъ размѣровъ: во всѣхъ повѣтахъ кіевскаго княженія кіево-печерскій монастырь владѣетъ многочисленными землями и угодьями, въ остерскомъ же повѣтѣ большая часть земли составляетъ его собственность. Вскорѣ владѣнія этой обители, пользовавшейся громаднымъ уваженіемъ въ западной Руси, простираются далеко за предѣлы кіевской области, монастырь получаетъ въ даръ земли и имѣнія на сѣверномъ берегу Припяти: въ Бѣлой Руси и Литвѣ, въ повѣтахъ: слуцкомъ, логойскомъ, глускомъ, бобруйскомъ, могилевскомъ и виленскомъ, и становится однимъ изъ самыхъ богатыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества литовскаго.

Усердіе православныхъ къ благосостоянію церкви не ограничивается кіево печерскою обителью,—дарственныя записи и отказы имущества распредѣляются и между другими кіевскими церквами и монастырями. Между ними первое мѣсто занимаетъ кіевскій пустынно-николаевскій монастырь. Объ обители этой мы не имѣемъ опредѣленныхъ свѣдѣній до начала XV столѣтія и не знаемъ, кѣмъ и когда она была основана; но съ 1411 года, когда мы встрѣчаемъ первое о ней точное извѣстіе, она быстро возрастаетъ и пользуется особенною любовью князей, воеводъ и земянъ кіевской земли. И великіе князья Казимиръ и Александръ, и кіевскіе православные воеводы Юрій Монтовтовичъ и Андрей Немировичъ, и всѣ почти знатные земянскіе роды кіевской земли: князья Глинскіе, Дашковичи, Тышковичи, Полозовичи, Горностаи, Лозки и т. д. наперерывъ отказываютъ въ пользу этого монастыря имѣнія, земли, угодія, села и разнаго рода имущество. Онъ владѣетъ помѣстьями во всѣхъ повѣтахъ кіевскаго княжества и занимаетъ послѣ кіево-печерской обители первое мѣсто какъ по богатству, такъ и по уваженію къ нему кіевлянъ. Религіозное настроеніе жителей кіевской области въ XV столѣтіи выразилось не только въ заботахъ объ устройствѣ церковной іерархіи, о церковностроительствѣ и обезпеченіи церковнаго достоянія; оно глубоко проникло въ убѣжденія, руководило поступками какъ общественной, такъ и повседневной, частной жизни кіевлянъ. Всѣ грамоты, записи, документы носятъ въ слогѣ и выраженіяхъ признаки неподдѣльнаго глубокаго религіознаго чувства. Настроеніе это выразилось въ XV столѣтіи еще тѣмъ важнымъ для характеристики общества признакомъ, что два новыя лица были причтены къ лику святыхъ, вслѣдствіе сложившагося о ихъ дѣятельности народнаго убѣжденія въ современномъ обществѣ.

Первый изъ нихъ принадлежалъ къ знатному княжескому роду—это былъ князь Ѳедоръ Даниловичъ Острожскій. Жизнь этого князя протекла среди военныхъ подвиговъ какъ въ отечествѣ, такъ и внѣ его предѣловъ. Первое упоминаніе о немъ относится къ 1386 году, когда великій князь Витовтъ и король Ягайло утвердили въ его владѣніи княжества: острожское, заславское и корецкое на Волыни. Затѣмъ въ первой четверти XV столѣтія князь Ѳедоръ Острожскій появляется въ числѣ сподвижниковъ Сигизмунда Корибутовича, ходившаго по порученію Витовта съ сильнымъ русскимъ ополченіемъ въ Чехію на подмогу

гусситамъ. Въ теченіи восьми лѣтъ (1422—1430) онъ принималъ весьма дѣятельное и видное участіе въ геройской борьбѣ чеховъ со всѣми силами германской имперіи; [1]) но въ 1430 году онъ долженъ былъ возвратиться на родину, вслѣдствіе важныхъ событій, происходившихъ тогда въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Въ этомъ году скончался Витовтъ и возгорѣлась борьба между Ягайломъ, желавшимъ присоединить къ Польшѣ спорныя русскія области, и Свидригайломъ, отстаивавшимъ достояніе литовскаго княжества. Въ борьбѣ этой князь Ѳедоръ Острожскій принялъ самое дѣятельное участіе; на долю его пришлось защищать или скорѣе возвратить занятую уже поляками подольскую землю. Несмотря на превосходство польскихъ силъ, благодаря энергіи и дѣятельности князя Ѳедора, цѣль эта была въ значительной степени достигнута: онъ успѣлъ отстоять все южное Подоліе до Буга и Мурахвы, образовавшее впослѣдствіи такъ называемую Брацлавщину, и даже временно овладѣлъ Каменцемъ. Дѣльнѣйшимъ его успѣхамъ помѣшала подозрительность Свидригайла, отозвавшаго его изъ Подоліи. Тѣмъ не менѣе, три года спустя, князь Ѳедоръ является опять въ числѣ многихъ другихъ русскихъ князей на защиту Свидригайла въ его борьбѣ съ Сигизмундомъ Кейстутовичемъ. Но когда русскіе князья потерпѣли рѣшительное пораженіе у Вилькомира, престарѣлый князь Ѳедоръ Острожскій почувствовалъ, что энергія его сокрушена вмѣстѣ съ тѣмъ народнымъ русскимъ дѣломъ, которому онъ служилъ всю жизнь и которому теперь, какъ казалось, нанесенъ былъ окончательный ударъ. Онъ рѣшился удалиться отъ міра и искать успокоенія въ тиши монастыря. Прибывъ въ Кіевъ въ печерскую обитель, князь Ѳеодоръ Даниловичъ, „оставивъ прелесть міра сего и княжескую славу, взявъ на себя святое иночество, и такъ подвизався крѣпко, угождаючи Богу ажъ до смерти, душу свою всяко украшаючи, Господеви въ руцѣ отдалъ“. Онъ „сподобился

[1]) Пребыванію князя Ѳедора Даниловича въ Чехіи военное искусство въ южной Руси обязано было весьма важнымъ нововведеніемъ: княземъ этимъ усвоенъ былъ изобрѣтенный чешскими таборитами новый военный строй, названный по ихъ имени „таборомъ“. Строй этотъ состоялъ въ томъ, что войско двигалось во время похода какъ бы въ подвижной крѣпости, составленной изъ нѣсколькихъ рядовъ повозокъ: благодаря изобрѣтенію этого строя предводитель таборитовъ, славный Янъ Жижка, одержалъ много блистательныхъ побѣдъ надъ нѣмцами. Перенесенный въ южную Русь Ѳеодоромъ Острожскимъ „таборъ“ былъ впослѣдствіи усвоенъ козаками, которымъ онъ доставилъ не одну побѣду надъ турками, татарами и поляками.

стать превыше въ сонмѣ святыхъ отцевъ печерскихъ", гдѣ по нынѣ почиваютъ его нетлѣнныя мощи.

Другой святитель, причтенный къ лику святыхъ, былъ кіевскій митрополитъ Макарій. Въ 1495 году избранный въ митрополиты изъ архимандритовъ виленскаго троицкаго монастыря, св. Макарій, получивъ благословеніе константинопольскаго патріарха, отправился въ 1497 году въ Кіевъ, чтобы принять въ управленіе свою каѳедру. Онъ уже достигъ предѣловъ кіевской земли, проѣхалъ Мозырь и направился оттуда къ Кіеву, но на переправѣ черезъ Припять у села Скриголова его застигъ загонъ татарской орды, ворвавшейся тогда въ кіевское Полѣсье, и митрополитъ былъ убитъ хищниками. Тѣло его перевезено въ Кіевъ, гдѣ мощи его почиваютъ по нынѣ въ кіево-софійскомъ соборѣ.

Вотъ тѣ черты быта кіевской области, какія можно было собрать въ весьма скудныхъ историческихъ источникахъ даннаго времени. Конечно, по дошедшимъ до насъ источникамъ составить подробной и полной картины не возможно, но историческій матеріалъ, по нашему мнѣнію, достаточенъ для того, чтобы признать, что въ описываемую эпоху Кіевъ съ своею областью не представлялъ полнаго запустѣнія, ожидавшаго иноземныхъ колонистовъ, но, напротивъ, принималъ дѣятельное участіе въ исторической жизни западной половины Россіи, по большей части руководилъ развитіемъ этой жизни и, во всякомъ случаѣ, занималъ въ ея теченіи весьма почетное мѣсто.

В. Антоновичъ.

Южно-русскіе архіереи

въ XVI—XVII в. *).

Извѣстно, что конецъ XVI вѣка въ исторіи южно-русской церкви, т. е. время непосредственно предшествовавшее введенію уніи, характеризуется поразительнымъ упадкомъ чистоты нравовъ въ средѣ высшаго южно-русскаго духовенства. Между пред-

---

*) Подъ этимъ заглавіемъ авторъ предлагаемой статьи располагаетъ представить на страницахъ нашего изданія рядъ бытовыхъ очерковъ изъ жизни южно-русскаго высшаго духовенства въ XVI и XVII ст. Съ помощью такихъ очерковъ намъ яснѣе представится тогдашнее неестественное положеніе южно-русской церкви и рѣзче очертится значеніе уніи, какъ очистительнаго клапана или какъ болѣзненнаго нарыва, открывшаго истокъ для скоплявшихся вѣками нечистыхъ соковъ въ церковно-общественномъ организмѣ. Путемъ долгихъ и тяжкихъ страданій южно-русскій народъ вырабатывалъ потомъ въ себѣ сознаніе неестественности союза, къ которому онъ приведенъ былъ силою исторической судьбы, и необходимости сплотиться въ одно цѣлое съ другою, давно оторванною и не менѣе его страдавшею частію обще-русскаго организма. Глядя съ этой точки зрѣнія на событія избираемой авторомъ эпохи и сферы, намъ нечего смущаться предъ густотою самыхъ темныхъ красокъ, какими судебные акты и извѣстія частныхъ лицъ рисуютъ намъ явленія того времени въ такой сферѣ, которую мы привыкли считать высшею и болѣе свободною отъ недостатковъ, а разсматривая эти явленія въ общемъ тогдашнемъ государственномъ и общественномъ строѣ, во многихъ изъ нихъ мы усмотримъ скорѣе проявленія общаго недуга, нежели личной слабости и порока. Такими въ особенности представляются намъ эти безпрерывные „гвалтовные наѣзды“ и страсть къ самоуправству, отъ которой, по словамъ автора, не свободны были и лучшіе изъ православныхъ южно-русскихъ іерарховъ. Въ тѣ времена всеобщаго безправія, полнаго безсилія королевской власти, такъ рѣзко обозначившагося въ правленіи Сигизмунда III, отсутствія власти административной, слабости власти общественной, самому правому и спокойному человѣку что оставалось дѣлать, какъ не прибѣгать къ помощи внѣшней силы для огражденія своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ? Тѣмъ болѣе позволительнымъ казался такой способъ въ тѣхъ случаяхъ, когда попираемы

ставителями тогдашней православной іерархіи можно указать не мало лицъ, обладавшихъ блестящимъ образованіемъ и разносторонней ученостью, но весьма трудно найти между ними людей, нравственныя качества которыхъ строго соотвѣтствовали бы высотѣ ихъ пастырскаго служенія. Обыкновенно это явленіе объясняютъ тогдашней системой замѣщенія высшихъ церковныхъ должностей въ православной іерархіи. Древній обычай свободнаго избранія клиромъ и народомъ лицъ, достойныхъ занятія высшихъ церковныхъ должностей, къ началу XVI в. почти совсѣмъ вышелъ изъ практики и былъ замѣненъ простой рекомендаціей претендента со стороны особенно-знатныхъ духовныхъ или свѣтскихъ сановниковъ. Польскіе же короли, унаслѣдовавъ отъ литовскихъ великихъ князей право утвержденія избранныхъ кандидатовъ, съ теченіемъ времени распространили это право до того, что, не прибѣгая къ избранію, сами назначали на высшія іерархическія мѣста въ южно-русской церкви, кого хотѣли. Послѣ короля Сигизмунда-Августа, особенно сильно злоупотреблялъ этимъ правомъ Стефанъ Баторій, назначившій однажды (правда, по ошибкѣ) архимандритомъ минскаго православнаго монастыря явнаго католика [1]). Его преемникъ Сигизмундъ III, именуя себя „верховнымъ подавцею столицъ духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ“, также неограниченно пользовался правомъ раздачи по своему усмотрѣнію православныхъ епископій и монастырей лицамъ шляхетскаго сословія, оказавшимъ какія-нибудь услуги республикѣ [2]), или же иногда просто вносившимъ за это въ ко-

---

были права церкви и ни во что ставились королевскія и сеймовыя опредѣленія. Такимъ способомъ и въ такихъ обстоятельствахъ, при величайшемъ изъ кіевскихъ іерарховъ Петрѣ Могилѣ, игуменъ Антоній Мужиловскій съ 500 вооруженныхъ „подгорнулъ подъ его власть св. Софію, отбивши замки, лѣта нароженія Божого 1633 іюля 12“. Во всякомъ случаѣ въ самоуправствѣ отдѣльнаго лица трудно разобраться между печальною необходимостью и личнымъ стремленіемъ, между порокомъ общимъ и частнымъ. Тоже должно сказать и объэтихъ непрерывныхъ „позвахъ“, которые обнаруживаютъ, по видимому, въ тогдашнемъ духовенствѣ одну лишь страсть къ сутяжничеству. Ихъ вызывали непрерывныя правонарушенія въ самой безобразной и насильственной формѣ, а усиливали и поддерживали судебныя „волокиты“, тянувшіяся, какъ показываетъ одинъ изъ процессовъ львовскаго ставропигіальнаго братства, по 150 и болѣе лѣтъ. Ред.

[1]) Акты Зап. Россіи, т. III, № 110.

[2]) Такъ, напр., изъ актовъ въ Литовской Метрики (Зап. кн. 77, л. 111) видно, что по кончинѣ полоцкаго архіепископа Аѳанасія Терлецкаго король Сигизмундъ, грамотою своею отъ 16 февраля 1592 г., предоставилъ полоцкую епархію *ротмистру* Богдану Селицкому въ награду за *военные его подвиги*. Вступивъ въ монашество, онъ принялъ имя Наѳанаила и былъ послѣднимъ православнымъ владыкою на полоцкой каѳедрѣ.

ролевскую казну извѣстную денежную сумму; подобная же система, какъ извѣстно, употреблялась польскимъ правительствомъ при раздачѣ староствъ, королевскихъ имѣній и другихъ бенефицій. Такъ какъ православныя епархіи въ южной Руси и большинство монастырей обладали значительными имѣніями, пожалованными имъ древними князьями русскими, великими князьями литовскими и другими благочестивыми лицами, то отсюда понятно стремленіе шляхтичей, часто изъ знатныхъ русскихъ фамилій, всякими путями пріобрѣтать королевскія жалованныя грамоты на извѣстныя епископіи или архимандритства, причемъ пріобрѣвшій могъ передать свое право другому лицу за извѣстное вознагражденіе [1]). Конечно, при такомъ способѣ замѣщенія высшихъ церковныхъ должностей почти вовсе не было обращаемо вниманіе на нравственныя качества претендента, на его призваніе и подготовку къ пастырскому служенію; отчего нерѣдко случалось, что въ составъ южно-русской іерархіи, вопреки каноническимъ постановленіямъ, попадали, напр., второженцы, какъ Онисифоръ Дѣвочка, митрополитъ кіевскій, и даже лица, совершившіе убійства и другія уголовныя преступленія, какъ Тимоѳей Злоба, архимандритъ супрасльскій, и др. Получивъ королевскую грамоту, шляхтичи не особенно спѣшили принимать посвященіе въ церковный санъ: иногда они по нѣскольку лѣтъ управляли пожалованными имъ епархіями или монастырями, оставаясь въ свѣтскомъ званіи и нося титулъ *нареченныхъ* владыкъ или архимандритовъ, и часто нужны были со стороны митрополита чрезвычайныя понудительныя мѣры, въ родѣ неблагословенной грамоты или жалобы королю, чтобы заставить подобныхъ своевольцевъ принять посвященіе [2]). Нѣкоторые вступали въ управ-

---

[1]) См. напр., такую переуступочную запись Станислава Жолковскаго, намѣстника староства белзскаго, владимірскому епископу Мелетію Хребтовичу въ 1580 году, въ которой Жолковскій заявляетъ, что, получивъ отъ короля Стефана Баторія жалованную грамоту на епископію владимірскую, онъ уступилъ свое право Мелетію Хребтовичу, который за эту уступку „ему *досыть учинилъ*“. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. I. т. 1, № 24.

[2]) Для примѣра укажемъ на шляхтича Марка Жоравницкаго, который съ 1561 по 1567 годъ, т. е. до самой своей смерти, управлялъ луцкой епархіей, оставаясь въ мірскомъ состояніи, а также на его преемника Ивана Борзобогатаго-Красенскаго, который лишь на четвертомъ году своего управленія епархіей, да и то вынужденный крайними мѣрами митрополита, принялъ посвященіе подъ именемъ Іоны. Ibidem, стр. XXV—XXVI.

леніе епархіями и монастырями, имѣя живыхъ женъ, и посвятившись не разводились съ ними, но продолжали вести прежнюю семейную жизнь; такъ въ 1585 году галицко-русскіе православные дворяне упрекали митрополита Онисифора Дѣвочку въ томъ, что, благодаря его небреженію о порядкахъ церковныхъ, на епископскихъ каѳедрахъ сидятъ такія лица, которые „съ женами своими кромъ всякаго стыда живутъ и дѣтки плодятъ, а въ монастырехъ честныхъ, вмѣсто игуменовъ и братьи, игумены съ женами и дѣтми живутъ и церквами святыми владѣютъ и рядятъ: съ крестовъ великихъ малые чинятъ и собѣ поесы и ложки и сосуды злочестивые къ своимъ похотемъ справуютъ, изъ ризъ—саяны, съ петрохилевъ брамы“ [1]). Въ другой разъ, въ 1592 году, львовское братство доносило патріарху константинопольскому Іереміи, что епископы—холмскій Діонисій Збируйскій и пинскій Леонтій Пельчицкій „со женами живутъ, еще же и перемышльскій владыка (Михаилъ Копыстенскій) со женою на епископство възведенъ“ [2]).

Нечего и говорить, что, выросшіе и воспитанные въ нравахъ и привычкахъ тогдашней дворянской среды, южно-русскіе владыки, вопреки иноческимъ своимъ обѣтамъ, и въ новомъ званіи нисколько не измѣняли прежняго образа жизни; напротивъ, привлеченные въ большинствѣ случаевъ къ духовному сану богатствами церковныхъ имѣній, они въ своемъ частномъ быту старались во всемъ походить на знатныхъ пановъ и подобно имъ вели праздную, роскошную и веселую жизнь, ничѣмъ въ своихъ поступкахъ не отличаясь отъ богатыхъ мірянъ. А нравы тогдашняго шляхетно-русскаго общества были таковы, что самый снисходительный моралистъ не могъ бы отнестись къ нимъ иначе, какъ съ строгимъ порицаніемъ. Извѣстно, что XVI вѣкъ вообще характеризуется рѣзкимъ переломомъ въ общественномъ быту литовско-русскаго государства. То было время, когда Литва, благодаря начавшемуся еще раньше сближенію съ западной Европой, сдѣлала блестящіе успѣхи въ развитіи своей гражданственности, выразившіеся въ разширеніи промысловъ и торговли, умноженіи и укрѣпленіи городскихъ общинъ, улучшеніи благосостоянія частныхъ лицъ, распространеніи образованности и проч. Естественно, что всѣ эти культурныя перемѣны въ соціальномъ строѣ произвели сильныя измѣненія въ понятіяхъ, нравахъ и

[1]) Акты зап. Россіи. т. III, № 146.

[2]) Ibidem, т. IV, № 33.

обычаяхъ если не всего западно-русскаго общества, то по крайней мѣрѣ въ средѣ высшихъ его сословій. Рядомъ съ усвоеніемъ новыхъ понятій и формъ европейской цивилизованной жизни, въ обществѣ западно-русскихъ дворянъ быстро изчезала простота и патріархальность старыхъ предковскихъ обычаевъ и соединенная съ нею строгость и чистота нравовъ. Въ этомъ отношеніи гибельнѣе всего вліяло на общественные нравы юго-западной Руси сближеніе съ Польшей, гдѣ въ средѣ высшей шляхты, а особенно при дворѣ тогдашнихъ польскихъ королей, нравственная распущенность достигла высшаго развитія. Литовско-русскіе писатели XVI в. единогласно жалуются на упадокъ нравовъ въ современномъ имъ обществѣ, а въ позднѣйшихъ редакціяхъ литовскаго Статута замѣчается все большее усиленіе строгости по отношенію къ цѣлому ряду преступленій, о коихъ въ первой редакціи Статута совсѣмъ не упоминается. Наиболѣе распространенными пороками тогдашняго общества были: пьянство, разнаго рода противосемейныя преступленія, тайныя убійства при помощи ядовъ и отравы [1]), поединки и особенно склонность къ самоуправству, выражавшаяся въ отнятіи собственности, буйствахъ и убійствахъ. Общая нравственная распущенность коснулась и высшаго католическаго духовенства, которое въ то время въ Литвѣ и Польшѣ, какъ и во всей западной Европѣ, необуздданно предавалось страсти къ обогащенію, заботилось лишь о суетѣ мірской и утопало въ разнаго рода пресыщеніяхъ и открытомъ развратѣ, что и способствовало болѣе всего быстрому распространенію здѣсь реформаціи. По свѣдѣніямъ, заимствованнымъ изъ актовъ виленской капитулы, развратъ въ средѣ столичнаго литовско-католическаго духовенства дошелъ до такой степени, что загородныя дачи и фольварки виленскихъ канониковъ и даже прелатовъ сдѣлались чуть не публичными домами, а въ 1629 г. виленская капитула, стараясь хоть чѣмъ-нибудь удержать отъ распутства своевольное духовенство, вынуждена была изгнать изъ предѣловъ епархіи всѣхъ развратныхъ женщинъ [2]). Въ то же время, когда реформаціонное движеніе появилось въ Литвѣ и Польшѣ, оно наглядно обнаружило нравственную несостоятельность католическаго духовенства и отсутствіе въ немъ искренности вѣры и твердости убѣжденій. Извѣстно, что въ первое

[1]) По свидѣтельству современныхъ польско-литовскихъ писателей, порокъ этотъ былъ занесенъ въ Польшу и Литву королевой Боной, италіанкой, и ея дворомъ.

[2]) Jaroszewicz, Obraz Litwy, III, 10 и 161.

время духовенство оказалось безсильнымъ для борьбы съ новымъ движеніемъ и само подчинилось ему. Не говоря о низшемъ клирѣ, члены котораго охотно женились и переходили въ протестантизмъ, извѣстны случаи, когда прелаты и бискупы (какъ, напр., кіевскій бискупъ Пацъ) легко измѣняли своему долгу и становились вѣроотступниками. Съ другой стороны, тѣ изъ лицъ высшаго католическаго духовенства, которые выступали на борьбу съ реформаціей, почти всегда обнаруживали грубое безразличіе въ выборѣ къ тому средствъ и пріемовъ, сплошь и рядомъ прибѣгали къ возмутительнымъ насиліямъ и при случаѣ не гнушались тайными убійствами своихъ противниковъ.

Тѣ-же пороки и въ тѣхъ же формахъ мы встрѣчаемъ и въ жизни представителей высшаго православнаго духовенства того времени. Современникъ, постриженецъ Аѳона, Іоаннъ Вишенскій не находитъ достаточно выразительныхъ словъ, когда обличаетъ современныхъ ему владыкъ, архимандритовъ и игуменовъ въ любостяжательствѣ, сребролюбіи, корыстолюбіи, въ пьянствѣ, чревоугодіи и другихъ пресыщеніяхъ; тѣ-же обличенія повторяются почти всѣми южно-русскими писателями того времени. Развратъ среди высшаго южно-русскаго духовенства, правда, не доходилъ до такой степени или, по крайней мѣрѣ, не совершался такъ открыто, какъ то бывало у католическихъ канониковъ и прелатовъ; но тѣмъ не менѣе сохранилось нѣсколько судебныхъ актовъ XVI—XVII в., изъ которыхъ видно, что и южно-русскіе пастыри были не совсѣмъ чужды этому грѣху. Такъ, въ 1594 году луцкій епископъ Кириллъ Терлецкій формально на судѣ былъ обвиняемъ въ изнасилованіи нѣкоей „дѣвки“ Палажки (о чемъ скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ), а въ одной актовой луцкой книгѣ мы находимъ декретъ духовнаго митрополичьяго суда по дѣлу объ архимандритѣ жидичинскаго монастыря Никодимѣ Мокосіи Шибинскомъ, обвиненномъ въ убійствѣ, растратѣ монастырскихъ имѣній и наконецъ въ томъ, что онъ, разогнавъ братію, „в монастыре своемъ наложницъ ховалъ и съ ними справу Богу и людемъ добрымъ мерзкую мевалъ“ [1]). Говорить-ли о слабости вѣры у тогдашнихъ православныхъ архіереевъ, о шаткости и непостоянствѣ ихъ религіозныхъ убѣжденій, о слабомъ развитіи сознанія ими пастырскаго долга, когда исторія введенія въ южной Руси церковной уніи представляетъ живую картину легкомысленнаго

[1]) Книга гродская Луцкая 1627 года, л. 350.

равнодушія большей части тогдашнихъ южно-русскихъ іерарховъ къ вопросу объ истинности того или другаго христіанскаго исповѣданія и преступной рѣшимости ихъ „для лакомства нещасного“ и ради „дочасныхъ пожитковъ сегосвѣтныхъ“ предать самыя завѣтныя вѣрованія своей паствы! А затѣмъ, когда введеніе уніи встрѣтило извѣстное противодѣйствіе со стороны православныхъ, то уніатскіе владыки, подражая своимъ католическимъ собратьямъ, выказали такое же возмутительное безразличіе въ выборѣ средствъ для борьбы и съ тѣмъ же безсердечіемъ и жестокостью пускали въ ходъ и ложные доносы, и открытое насиліе, и покушенія на жизнь противниковъ посредствомъ отравы, и тайныя убійства. И благо, еслибы еще этотъ бездушный фанатизмъ могъ быть оправданъ искренностью убѣжденія въ правотѣ своего дѣла, такъ вѣдь о большинствѣ ревнителей уніи и этого нельзя сказать.

Но самыми распространенными среди высшаго южнорусскаго духовенства пороками нужно признать тѣ, которые были наиболѣе господствующими и въ современномъ имъ обществѣ: то были—склонность къ самоуправству, выражавшаяся въ безпрестанныхъ наѣздахъ на имѣнія сосѣдей и сопряженныхъ съ этимъ безчинствахъ, буйствахъ и грабежахъ, и—страсть къ нескончаемымъ тяжбамъ. Отъ перваго изъ этихъ пороковъ рѣшительно не были свободны даже лучшіе изъ православныхъ іерарховъ XVI—XVII в. Владѣя громадными средствами, получаемыми изъ церковныхъ имѣній, южнорусскіе владыки содержали многочисленные отряды слугъ, гайдуковъ и ратныхъ людей, вооружали ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, даже пушками, и часто лично предводительствовали ими въ наѣздахъ, разбояхъ, грабежахъ, штурмомъ брали и отнимали чужія имѣнія, мѣстечки и села, и въ свою очередь часто выдерживали въ своихъ укрѣпленныхъ замкахъ и монастыряхъ правильныя осады со стороны такихъ же самоуправцевъ. Случалось, что они отказывались иногда подчиняться невыгоднымъ для нихъ распоряженіямъ правительства и въ такихъ случаяхъ, при помощи своихъ людей, силой отражали посылаемыя противъ нихъ по приказу короля повѣтовыя ополченія [1]). А въ промежутки между этого рода военными занятіями владыки разъѣзжали по городамъ и трибуналамъ, заносили въ судовыя книги свои протестаціи, манифестаціи, позвы

[1]) См. Архивъ Юго-зап. Россіи, ч. 1, т. I, стр. XXIII.

и аппеляціи, требовали возныхъ, являлись на „*рочки*“ [1]), подвергались „*баннціямъ*“, сносили ихъ и снова навлекали новыя и т. д. Такимъ образомъ знаменитый Іоаннъ Вишенскій былъ совершенно правъ, когда обличалъ современныхъ ему владыкъ въ томъ, что они, „вмѣсто правила, книжного чтенія и изученія закона Господня, день и ночь *надъ Статутомъ* и лжею (т. е. сочиненіемъ аппеляцій и репротестацій) весь вѣкъ свой упражняются“ [2]). Свидѣтельство Вишенскаго вполнѣ подтверждается судебными документами того времени. Всякій, напримѣръ, кому случалось знакомиться съ актовыми книгами, хранящимся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ, безъ сомнѣнія былъ поражаемъ обиліемъ судебныхъ процессовъ, которые велись тогдашними русскими духовными сановниками; иной разъ кажется, будто гродскіе и земскіе суды того времени ничѣмъ другимъ и не занимались, какъ исключительно процессами православнаго духовенства. И нельзя не замѣтить, что въ веденіи большей части этихъ процессовъ видна знающая и искусная рука, навыкшая къ юридической практикѣ и при случаѣ не чуждая казуистическихъ фортелей. Оно и понятно, если вспомнить, что нѣкоторые изъ православныхъ владыкъ въ предшествовавшій, мірской періодъ своей жизни занимались про-

[1]) *Рочками* назывались сессіи тогдашнихъ судовъ, а суды тогда были двухъ родовъ: *гродскіе* въ городахъ, открытые для всѣхъ въ теченіи всего года, и *земскіе*, открывавшіе свои засѣданія въ повѣтахъ три раза въ годъ, по тогдашнему *року*, откуда и названіе *рочки*. *Баннціею* называлось опредѣленіе суда гродскаго или земскаго, которымъ извѣстное лицо объявлялось лишеннымъ покровительства законовъ. При отсутствіи въ то время административной или иной власти, которая могла бы заставить подсудимаго явиться въ судъ или выполнить его рѣшеніе, баннціи употреблялись какъ единственное побудительное для сего средство, а не какъ мѣра наказанія за извѣстное преступленіе. По тогдашнимъ порядкамъ и правамъ подвергшійся баннціи рисковалъ своею безопасностію и даже имуществомъ и жизнью, такъ какъ всякій, изъ побужденій корысти, мести или просто своевольства, могъ произвести надъ нимъ какое угодно насиліе, даже просто убить его, не подвергаясь за то преслѣдованію суда и наказанію. Впрочемъ баннціи скоро утратили свое значеніе и какъ мало ихъ пугались, лучшимъ примѣромъ можетъ служить извѣстный въ польской исторіи коронный стражникъ первой половины XVII ст. Самуилъ Лащъ, который, по свидѣтельству Ерлича, получивъ 236 баннцій и 37 инфамій, сшилъ изъ нихъ или подшилъ *ферезію* и въ такомъ костюмѣ явился въ королевскій дворецъ, возбудивъ тѣмъ лишь удивленіе короля такой находчивости и не подвергшись наказанію за такое наругательство надъ закономъ. Правда, впослѣдствіи король, Владиславъ IV лишилъ Лаща за новыя его буйства и насилія должностей, староствъ и имѣній, но для приведенія въ исполненіе королевскаго декрета понадобилось объявить поголовное ополченіе и кіевскій воевода Тишкевичъ во главѣ 12,000 ополченцевъ шелъ выселять Лаща изъ его имѣнія Макарова.

[2]) Акты Ю. и З. Р. т. 2, стр. 226.

фессіонально адвокатурой; такъ о холмскомъ епископѣ Діонисіи Збируйскомъ упомянутый выше Іоаннъ Вишенскій свидѣтельствуетъ, что онъ, до вступленія въ духовное званіе, „коли въ Луцку жилъ, Саксономъ и Майдебурскимъ правомъ свое черево кормилъ.“ [1]) Поэтому многіе изъ упомянутыхъ процессовъ между одними и тѣми-же лицами тянулись по нѣскольку лѣтъ, восходили по аппеляціи на рѣшеніе трибунала и часто прекращались лишь за смертью одного изъ тяжущихся. Нечего и говорить о томъ, какой богатый матеріалъ для исторіи южнорусской церкви вообще и для характеристики нравовъ высшаго духовенства XVI и XVII в. въ частности представляютъ судебные акты того времени, относящіеся къ означеннымъ процессамъ и сохранившіеся въ огромномъ количествѣ въ книгахъ кіевскаго центральнаго архива. Достаточно намѣтить извѣстное іерархическое лице того времени и выбрать изъ актовыхъ книгъ всѣ касающіяся его жалобы, протестаціи, судебныя рѣшенія, чтобы въ результатѣ получилась рельефная картина нравовъ и быта высшихъ церковныхъ сановниковъ данной эпохи. А матеріаловъ такъ много, что невольно затрудняешься ихъ выборомъ. Для означенной цѣли можно было-бы съ одинаковымъ удобствомъ воспользоваться, напримѣръ, судебными процессами Ѳеодозія Лозовскаго, епископа холмскаго, взявшаго штурмомъ епископскій замокъ и соборную церковь въ г. Владимірѣ и впослѣдствіи утвердившагося на этой каѳедрѣ; Марка Жоравницкаго, нареченнаго владыки луцкаго, или его преемника Іоны Красенскаго, умершаго баннитомъ, и многихъ другихъ. Но изъ цѣлаго ряда личностей этого типа я останавливаю свой выборъ на судебныхъ актахъ, относящихся къ біографіи человѣка, получившаго впослѣдствіи печальную извѣстность по дѣятельному участію въ проведеніи брестской уніи, — разумѣю Кирилла Терлецкаго, епископа луцкаго и острожскаго, въ жизни котораго всего рельефнѣе обрисовываются типическіе пороки владыкъ того времени. Я не имѣю, впрочемъ, въ виду представить здѣсь полную біографію этого въ своемъ родѣ замѣчательнаго человѣка, хотя, замѣчу мимоходомъ, подобный трудъ былъ-бы весьма желателенъ, а при богатствѣ изданныхъ по настоящее время историческихъ документовъ онъ къ тому-же легко выполнимъ. Біографическій элементъ войдетъ въ мой очеркъ лишь настолько, насколько даютъ матеріаловъ избранные мною источники и насколько это окажется нужнымъ

[1]) Тамъ-же стр. 231.

для указанной частной задачи. Такъ, дѣятельности Терлецкаго по проведенію церковной уніи я совсѣмъ не намѣренъ касаться, а буду обращать преимущественное вниманіе на его частныя дѣла и отношенія, насколько указанія о нихъ сохранились въ актовыхъ книгахъ, при чемъ съ большею относительно подробностью изложу тѣ судебные процессы, которые представляютъ особенно важный интересъ для моей цѣли.

I.

Кириллъ Семеновичъ Терлецкій происходилъ изъ обѣднѣвшей отрасли нѣкогда знатнаго русско-шляхетскаго рода, имѣвшаго свои помѣстья въ перемышльскомъ повѣтѣ. Правдоподобно родиной его можно считать пинскую область въ Полѣсьѣ, гдѣ онъ въ г. Пинскѣ былъ первоначально священникомъ замковой церкви св. Дмитрія, при чемъ, по свидѣтельству І. Вишенскаго, былъ такъ небогатъ, что въ качествѣ слуги „только дячка за собою волочилъ, которому кермашами пирожными заплату чинилъ.“ Въ 1576 г., по смерти пинскаго епископа Макарія Евлашевскаго, Кириллъ Терлецкій, по жалованной грамотѣ короля Стефана Баторія, „яко человѣкъ цнотливый, во всякихъ справахъ духовныхъ статечный и въ писмѣ наученый,“ былъ возведенъ въ санъ епископа пинскаго и туровскаго,[1]) откуда въ 1585 г. былъ переведенъ на епископію луцкую и острожскую. О болѣе раннемъ періодѣ жизни Терлецкаго, главное же о его образованіи, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, хотя, судя по его послѣдующей дѣятельности, необходимо заключить, что онъ обладалъ кое-какимъ богословскимъ[2]) и юридическимъ образованіемъ, пріобрѣтеннымъ, какъ кажется, путемъ начитанности, чему много помогали его блестящія способности, восполнявшія недостаточность его школьнаго образованія.[3]) Обращаясь къ нравственной характеристикѣ личности Терлецкаго, нужно отмѣтить прежде всего, какъ наиболѣе выдающіяся черты его характера, хитрость,

[1]) Акты Западн. Р. т. III, № 65.

[2]) Въ жалованной королевской грамотѣ Терлецкому упоминается, что Кіевскій митрополитъ Іона рекомендовалъ его королю какъ человѣка „в писмѣ святомъ добрѣ научоного“.

[3]) О „*значительномъ*“ образованіи, какое приписываетъ Терлецкому авторъ „Литовской Церк. Уніи“ г. Кояловичъ, не можетъ быть рѣчи уже по тому одному, что, какъ достовѣрно извѣстно, Терлецкій не былъ знакомъ съ латинскимъ языкомъ, исключительнымъ органомъ тогдашняго школьнаго образованія.

изворотливость и склонность къ происканъ; не даромъ одинъ изъ современниковъ Кирилла охарактеризовалъ его мѣткимъ прозвищемъ „*райскаго змія*“ и *коварной лисицы*.“ [1]) Далѣе, это былъ человѣкъ безмѣрно честолюбивый, раздражительный и мстительный до жестокости. Въ своей частной жизни онъ рѣшительно не отличался свойственными его сану добродѣтелями и, какъ увидимъ ниже, ему были вполнѣ присущи всѣ пороки того вѣка. Современные южно-русскіе лѣтописцы и историки заклеймили память этого человѣка рядомъ позорнѣйшихъ преступленій. Такъ неизвѣстный авторъ „Перестороги“, а за нимъ составители „Книги о единой вѣрѣ,“ густынской лѣтописи и другіе единогласно свидѣтельствуютъ о сребролюбіи Терлецкаго, о его невоздержаніи, чужеложствѣ, убійствахъ и „иныхъ симъ подобныхъ выступкахъ“, о коихъ „мало не весь свѣтъ вѣдалъ“; въ частности же обвиняютъ его въ убійствѣ какого-то Филиппа маляра и попа Стефана, въ преступной связи съ невѣсткой, женой брата, въ дружбѣ съ ворами и дѣланіи фальшивой монеты и проч. Нѣсколько раньше порочность Терлецкаго вызвала противъ себя обличенія даже изъ отдаленнаго востока, со стороны южно-русскаго монаха аѳонской горы, Іоанна Вишенскаго. Вотъ тѣ обвиненія, которыя бросилъ ему открыто, предъ лицемъ всей Руси, этотъ знаменитый современникъ его и строгій ревнитель чистоты нравовъ въ своемъ окружномъ посланіи къ высшему южно-русскому духовенству: „пощупайся только въ лысую голову, ксенже бискупе луцкій, колко еси за своего священства живыхъ мертво къ Богу послалъ: одныхъ—сѣканою, другихъ—водотопленою, третихъ—огнепалною смертію отъ сея жизни изгналъ. Такъ розумѣю, ижъ (что) помятаешъ, ваша милость, всѣхъ тыхъ, если схочешъ покаятелное исповѣди правду отригнути. Вспомяни и *Филиппа маляра* многопѣняжного: камо тые румяные золотые по его неволномъ отходѣ остались и въ чіемъ нынѣ везеню седятъ [2])“?

Подобныя же обвиненія часто повторялись и послѣдующими историками и, казалось, репутацію Терлецкаго можно было считать прочно установившеюся въ исторіи. Но въ послѣднее время,

---

[1]) Въ 1595 г. митрополитъ Мих. Рагоза въ одномъ изъ своихъ писемъ къ князю Острожскому, такъ выразился о Терлецкомъ: „найболѣе же благоволите в. м. беречься того *райскаго змія* и *коварной лисицы*, о которомъ я говорилъ вашей милости.“ Апокризисъ, стр. 25—26. и Опис. Кіево-Соф. Собора м. Евгенія, приложеніе № 14, ст. 63.

[2]) Акты Ю. и З. Р. т. II, стр. 230.

и притомъ въ одномъ изъ наиболѣе цѣнныхъ сочиненій по исторіи южнорусской церкви, сдѣлана была попытка обѣлить этотъ печальный образъ одного изъ виновниковъ уніи и представить его „достойнѣйшимъ между западнорусскими епископами того времени“: попытка эта была сдѣлана г. Кояловичемъ въ его книгѣ „Литовская церковная унія“. „Провѣряя, говоритъ онъ, безпристрастною историческою критикою всѣ общепринятыя извѣстія о порочности Кирилла, мы никогда не признавали ихъ вѣрными. Преувеличенія и ненависть въ нихъ слишкомъ явны и не подтверждаются никакими оффиціальными памятниками того времени“ [1]) Исходя изъ этого соображенія, г. Кояловичъ весьма рѣшительно отвергаетъ всѣ неблагопріятныя для памяти Терлецкаго извѣстія его современниковъ, объясняя ихъ злобой его недоброжелателей или, по отношенію къ позднѣйшимъ историкамъ, ошибочнымъ перенесеніемъ на него дѣяній, совершенныхъ его предшественникомъ, Іоной Красенскимъ. Не будемъ входить въ споръ съ почтеннымъ историкомъ. Задача нашего изслѣдованія иная и пріемы, какъ увидитъ читатель, другіе. Положительныхъ доказательствъ въ пользу Терлецкаго г. Кояловичъ не представляетъ, а факты говорятъ противное его умозаключеніямъ. Очень можетъ быть, что нѣкоторыя изъ приписываемыхъ Терлецкому преступленій (какъ напр., дѣланіе фальшивой монеты, кровосмѣшеніе) взведены на него и незаслуженно, подъ вліяніемъ злобы за его измѣну православію; но на немъ тяготѣетъ такая масса обвиненій, что однимъ этимъ предположеніемъ никакъ нельзя обѣлить его, а тѣмъ болѣе поставить его въ рядъ „достойнѣйшихъ“ іерарховъ того времени. Не одинъ Терлецкій измѣнилъ тогда православію, однако ни о комъ изъ подобныхъ ренегатовъ современники не передаютъ такихъ позорящихъ извѣстій, хотя сподвижникъ Терлецкаго, Ипатій Потѣй, несравненно энергичнѣе его преслѣдовалъ православныхъ и занималъ болѣе видное мѣсто въ уніатской партіи. Притомъ же, такъ называемые г. Кояловичемъ „оффиціальные памятники“, если таковыми считать судебные акты того времени, не только въ главныхъ чертахъ подтверждаютъ извѣстія современниковъ о порочной жизни Терлецкаго, но, какъ увидимъ ниже, свидѣтельствуютъ сверхъ того о цѣломъ рядѣ другихъ, еще болѣе тяжкихъ, его преступленій. Конечно, не всегда обвиненія и на судѣ бываютъ вполнѣ добросовѣстны. Но судеб-

[1]) Кояловичъ, т. I, стр. 269.

ные акты того времени тѣмъ и драгоцѣнны, что въ нихъ съ равнымъ безпристрастіемъ заносились какъ данныя обвиненія, такъ равно и доказательства защиты; поэтому, при изложеніи болѣе важныхъ процессовъ Терлецкаго, я постараюсь передавать и сущность судебныхъ преній, если онѣ сохранились, и такимъ образомъ читатель самъ будетъ поставленъ какъ бы въ положеніе судьи даннаго дѣла.

Луцкая епархія, править которою былъ призванъ Кириллъ Терлецкій, была одною изъ самыхъ богатыхъ въ юго-западной Руси. Ей принадлежали четыре мѣстечка и тридцать четыре селенія, изъ коихъ нѣкоторыя мѣстечки имѣли укрѣпленные замки съ пушками, гаковницами и другимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Вступивъ въ управленіе всѣмъ этимъ богатствомъ, владыка зажилъ по обычаю магнатовъ того времени: его окружала многочисленная толпа бояръ и слугъ, въ числѣ которыхъ находился и молодой князь Флоріанъ Гедройть, потомокъ нѣкогда знаменитаго литовскаго рода; сундуки въ его „коморахъ“ были переполнены „шатами златоглавыми, сукнами фалендышевыми, аксамитами и едвабами, мѣхами куньими и собольими“ [1]); въ его кладовыхъ постоянно хранился неистощимый запасъ, цѣлыми бочками, мальвазіи, рейнскаго и другихъ напитковъ [2]), а въ луцкомъ замкѣ всегда былъ наготовѣ многочисленный и хорошо вооруженный отрядъ гайдуковъ, услугами которыхъ владыка пользовался довольно часто и притомъ не противъ однихъ только татаръ. Сверхъ того Терлецкій окружилъ себя многочисленной родней, которую онъ тотчасъ же вызвалъ изъ Полѣсья и Подгорья въ помощь себѣ по управленію церковными имѣніями. Такъ при немъ жила его родная дочь Ганна, выданная имъ впослѣдствіи замужъ за Ивана Велятицкаго, писаря земскаго пинскаго. Одинъ изъ его родственниковъ, Иванъ Терлецкій, былъ урядникомъ въ с. Терем-

---

[1]) См. въ I т. Актовъ Ю. и З. Россіи (№ 128) опись части имущества Терлецкаго, отданной имъ на храненіе пинскому мѣщанину Гр. Крупѣ, съ обозначеніемъ стоимости каждаго предмета. Если перевести тогдашнюю монету на нынѣшнюю, то окажется, что общая цѣнность всей этой части его имущества, вмѣстѣ съ долговыми расписками разныхъ лицъ, простиралась на сумму свыше 22,000 рубл. Любопытно, что въ числѣ должниковъ Терлецкаго мы встрѣчаемъ здѣсь и такихъ магнатовъ, какъ князь Острожскій, воевода кіевскій и др.

[2]) См. осмотръ возимымъ кладовыхъ Терлецкаго въ Луцкѣ. Архивъ Юго-зап. Р., ч. 1, т. I, № 76.

номъ, принадлежавшемъ епископіи луцкой; другой—Прокопъ управлялъ м. Фалимичами. Въ такой же должности, какъ кажется, состоялъ и двоюродный братъ владыки, Василій Григорьевичъ Терлецкій, владѣлецъ нѣсколькихъ селъ въ повѣтѣ перемышльскомъ. Но самымъ довѣреннымъ лицемъ владыки, такъ сказать его правой рукой, былъ родной его братъ Ярошъ Терлецкій, котораго онъ держалъ при себѣ неотлучно въ замкѣ луцкомъ и всегда посвящалъ его въ самыя сокровенныя свои намѣренія. У этого же Яроша была жена Марина Богухваловна Туровна, о которой тогда злые языки говорили, будто бы владыка съ нею „въ чужоложствѣ мѣшкаетъ“ [1]).

Не прошло и года по вступленіи Терлецкаго въ управленіе новой епархіей, какъ въ судебныхъ актахъ того времени встрѣчаются уже жалобы разныхъ лицъ на слишкомъ рѣшительныя его дѣйствія. Дѣло въ томъ, что новый владыка нашелъ свою епископію въ самомъ жалкомъ видѣ: одни изъ церковныхъ имѣній были совершенно опустошены, другія присвоены разными лицами, крестьяне отовсюду разогнаны и пр. Одно изъ такихъ имѣній, именно м. Жабче, оказалось въ незаконномъ пользованіи старостича луцкаго, Марка Жоравницкаго. Вмѣсто того, чтобы возстановить нарушенное право владѣнія при помощи суда, Терлецкій поступилъ проще: онъ послалъ отрядъ своихъ гайдуковъ, которые, изгнавъ незаконныхъ владѣльцевъ, овладѣли имѣніемъ и силою подчинили его власти епископа. Подробности этого наѣзда, изложенныя въ жалобѣ Жоравницкаго, по ихъ грубости поразительны даже для того вѣка. Отрядъ Терлецкаго, по своей численности, простирался свыше 1000 человѣкъ; въ составъ его входили, кромѣ архіерейскихъ слугъ, гайдуковъ и крестьянъ, множество татаръ, венгровъ, сербовъ и волоховъ, съ пушками, гаковницами, полгаками [2]), ружьями и топорами. Отрядомъ предводительствовалъ братъ владыки, Ярошъ Терлецкій, а помощниками его были клирошане капитулы луцкой. Нападеніе сдѣлано было ночью, „праве на свѣтаню“. Такъ какъ м. Жабче имѣло укрѣпленный замокъ, то нападавшіе осадили его со всѣхъ сторонъ и, устроивъ шанцы, открыли стрѣльбу и вообще принялись штурмовать его по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Самого Жаровницкаго въ то время не было въ имѣніи, но здѣсь гостили его сестры, которыя, заслышавъ пальбу, укрылись

[1]) Акты зап. Россіи т. 4, стр. 210.

[2]) Особый видъ ружья.

со страху въ отдаленную комнату дома, окруживъ себя женской прислугой. Между тѣмъ осаждавшіе ворвались въ замокъ и потомъ во дворъ, гдѣ началась дикая оргія убійствъ и грабежа. Нѣкоторые вломились въ домъ, ограбили его, раздѣли до нага перепуганныхъ женщинъ и многихъ изнасиловали. Къ счастью, сестры жалобщика успѣли къ тому времени тайно уйти изъ замка и укрылись въ сосѣднемъ имѣніи [1]). Жоравницкіе два раза подавали въ судъ жалобу объ этомъ насиліи, но король Стефанъ Баторій принялъ епископа подъ свое покровительство, оправдалъ его и самыя жалобы въ актовыхъ книгахъ приказалъ уничтожить [2]).

Не менѣе строго поступилъ Терлецкій и съ подчиненнымъ своимъ, Саввой, священникомъ Фалицкимъ, который, будучи урядникомъ въ одномъ изъ церковныхъ имѣній, причинилъ владыкѣ какіе-то убытки и выпустилъ изъ подъ ареста убійцу Ивана Малышка, который умертвилъ слугу епископскаго Морочка. За это владыка приказалъ схватить нераспорядительнаго священника вмѣстѣ съ женой и дѣтьми и посадить ихъ въ тюрьму, гдѣ и морилъ ихъ голодомъ и холодомъ болѣе шестнадцати недѣль, имущество же ихъ велѣлъ отобрать въ свою пользу [3]). Тесть священника, шляхтичъ Вижовскій, позвалъ было за это Терлецкаго къ суду; но, два года спустя, Савва помирился съ владыкой и представилъ въ судъ подписку о прекращеніи дѣла.

Скоро, однако, времена перемѣнились. Покровитель Терлецкаго, король Стефанъ Баторій умеръ и на польскій престолъ вступилъ Сигизмундъ III, покровитель будущей уніи. Наступило время, когда Терлецкій не только опасался нападать на другихъ, но ему самому приходилось постоянно защищаться отъ преслѣдованій и оскорбленій, коимъ съ того времени все чаще стали подвергаться лица православнаго духовенства со стороны королевскихъ сановниковъ католическаго исповѣданія. Такъ въ 1590 г. дворянинъ и королевскій секретарь Броневскій сдѣлалъ воору-

---

[1]) Архивъ Югозап. Россіи, ч. I, т. I, №№ 51 и 52.

[2]) Кромѣ этого дѣла, въ актахъ Люблинскаго трибунала мы находимъ еще жалобу, относящуюся къ 1586 г., шляхтича Александра Вороны-Боронынскаго на Кирилла Терлецкаго объ отнятіи у него грунта, урочища Завальнаго, и „о позбиванье паробковъ его дворныхъ и о порубанье плуговъ его“ (Кн. Трибунала 1591 г. справа 45). Трибунальскій судъ предоставилъ Воронѣ-Боротынскому позвать владыку къ духовному суду, рѣшеніе котораго намъ неизвѣстно.

[3]) Арх. Югозап. Россіи, ч. I, т. I, № 56.

женный наѣздъ на принадлежавшее луцкой епископіи м. Филимчи и заграбилъ находившееся тамъ церковное и архіерейское имущество [1]). Вслѣдъ за тѣмъ Терлецкому пришлось вынести упорную вражду со стороны луцкаго старосты Александра Семашка, потомка древней русской фамиліи, незадолго предъ тѣмъ перешедшаго въ католичество и потому со всею яростью ренегата преслѣдовавшаго православнаго епископа. Такъ какъ луцкая соборная церковь Іоанна Богослова и епископскій дворъ находились въ верхнемъ замкѣ луцкомъ, состоявшемъ въ завѣдываніи старосты, то Семашко имѣлъ возможность дѣлать на каждомъ шагу притѣсненія Терлецкому и его клиру. Такъ въ одно время онъ у входа въ замокъ поставилъ отрядъ гайдуковъ, приказавъ имъ брать мыто за право входа въ церковь съ духовенства и народа, а въ праздникъ пасхи 1591 года и совсѣмъ не пустилъ въ замокъ никого изъ духовенства, кромѣ одного епископа, вслѣдствіе чего въ соборной церкви въ тотъ день не было совершено богослуженіе; самъ же староста, будучи навеселѣ, проводилъ время въ притворахъ церковныхъ, гдѣ заводилъ танцы и игры, а гайдукамъ приказалъ для развлеченія стрѣлять въ куполъ и крестъ церкви [2]). Въ другой разъ онъ не пропустилъ въ замокъ строительныхъ матеріаловъ, приготовленныхъ Терлецкимъ для починки церкви; а вслѣдъ затѣмъ возбудилъ лично противъ епископа судебное преслѣдованіе, какъ противъ нарушителя общественнаго спокойствія, за то, что будто бы тотъ во время судебныхъ засѣданій входилъ въ замокъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, что было строго запрещено закономъ [3]). Сверхъ того староста постоянно вмѣшивался въ духовную юрисдикцію епископа и бралъ подъ свою защиту духовныхъ лицъ, подвергаемыхъ имъ наказанію, при чемъ однажды, во время разбора жалобы одного священника, когда Терлецкій, отстаивая свое право юрисдикціи надъ подвластнымъ ему духовенствомъ, упрекалъ жаловавшагося священника въ порочной жизни, то староста въ присутствіи суда, публично заявилъ, что онъ знаетъ немало грѣховъ и за самимъ епископомъ, при чемъ, обратившись къ адвокату священника, шепнулъ: „ска-

[1]) Архивъ Юго-з. Россіи, ч. I, т. I, № 67. Жалоба объ этомъ Терлецкаго 1590 г., октября 4.

[2]) См. жалобу объ этомъ Терлецкаго — тамъ же № 70.

[3]) Тамъ-же, № 73.

жи, что къ владыкѣ приводили развратную женщину“ [1]). Нѣсколько лѣтъ продолжались эти преслѣдованія епископа со стороны старосты. Терлецкій не разъ обращался съ жалобами въ суды гродскій и трибунальскій, которые иногда постановляли рѣшенія въ его пользу; но это нисколько не останавливало своевольнаго старосту, дѣйствовавшаго, какъ кажется, въ данномъ случаѣ не безъ воли польскаго правительства, разсчитывавшаго быть можетъ посредствомъ подобныхъ преслѣдованій поколебать въ Терлецкомъ вѣрность его православно-пастырскому долгу и приготовить въ его лицѣ покорное орудіе для замышляемаго тогда церковнаго переворота. И точно, честолюбивый владыка не былъ способенъ долѣе переносить тѣхъ униженій, какимъ иногда подвергалъ его самоуправный староста. Онъ обратился къ князю Константину Острожскому и браславскому воеводѣ князю Яну Збаражскому съ просьбой примирить его съ Семашкомъ, и тѣ взяли на себя заботу уладить всѣ возникшія между противниками несогласія. Въ іюнѣ 1592 года Терлецкій и Семашко явились въ гродскій владимірскій судъ и подали заявленіе о томъ, что они навсегда уничтожаютъ возникшія между ними тяжбы и взаимныя обвиненія [2]). Съ этихъ поръ староста дѣйствительно прекратилъ прежнія преслѣдованія епископа, за то послѣдній становится открытымъ другомъ и поборникомъ уніи.

Примирившись со старостой и заручившись снова расположеніемъ польскаго правительства, Кириллъ Терлецкій не имѣлъ болѣе побужденій сдерживать буйные порывы своей широкой натуры, и съ этого времени въ актовыхъ книгахъ безпрестанно встрѣчаются самыя разнообразныя жалобы на своеволіе епископа.

Прежде всего Терлецкій задумалъ отобрать церковное имѣніе м. Фалимичи, которое присвоилъ было королевскій секретарь Мартинъ Броневскій въ то время, когда епископъ былъ занятъ тяжбой съ луцкимъ старостой. Онъ вооружилъ своихъ слугъ и, поручивъ начальство надъ ними своему зятю Ивану Велятицкому, ночью 27 ноября 1592 послалъ ихъ въ Фалимичи. Здѣсь въ то время проживалъ пріятель Броневскаго, шляхтичъ воеводства люблинскаго, Петръ Гижовскій. Во время штурма онъ былъ тяжело раненъ пулей и ему отрубили кисть правой руки. Когда его, истекавшаго кровью, привели къ Терлецкому, послѣдній не

[1]) Тамъ же, № 75.

[2]) Тамъ же, № 79.

только воспретилъ допустить къ нему фельдшера для подачи необходимой помощи, но еще приказалъ посадить несчастнаго шляхтича въ тюрьму, гдѣ голодомъ и холодомъ морилъ его въ теченіи 12-ти недѣль, приказывая по временамъ истязать его въ своемъ присутствіи. Когда Гижовскій получилъ свободу, онъ позвалъ епископа къ суду. Защитительная рѣчь повѣреннаго Терлецкаго, произнесенная во время судебныхъ преній по этому дѣлу, можетъ служить прекраснымъ образцемъ діалектическихъ ухищреній южно-русскихъ софистовъ XVI вѣка. Терлецкому хотѣлось всячески уклониться отъ подсудности по этому дѣлу свѣтскому суду, и вотъ его адвокатъ, при помощи ссылокъ и на конституціи польскихъ королей, и на правила св. отецъ, силился доказать, что епископъ, какъ особа духовная, можетъ подлежать только духовному суду, при чемъ некомпетентность свѣтскаго суда въ рѣшеніи уголовныхъ проступковъ духовныхъ лицъ онъ доказывалъ слѣдующимъ софизмомъ: кара, опредѣленная закономъ за уголовныя преступленія, можетъ быть приведена въ исполненіе надъ духовнымъ лицемъ не прежде, какъ по снятіи съ него духовнаго сана, а это послѣднее дѣйствіе принадлежитъ всецѣло духовной власти; слѣдовательно, свѣтскій судъ, произнося надъ духовнымъ лицемъ приговоръ по уголовному дѣлу, тѣмъ самымъ вторгается какъ-бы въ предѣлы юрисдикціи духовнаго суда. Гродскій судъ, однако, не согласился съ доводами софиста-адвоката и призналъ дѣло Гижовскаго съ Терлецкимъ себѣ подсуднымъ; но по апелляціи обвиняемаго оно было перенесено въ трибуналъ и дальнѣйшая судьба его не извѣстна [1]).

Дѣло Гижовскаго не было еще окончено, какъ противъ Кирилла Терлецкаго возбуждено было обвиненіе, представляющее по своей чрезвычайности, быть можетъ, единственный примѣръ въ лѣтописяхъ уголовныхъ проступковъ высшаго православнаго духовенства. Нѣкто Адамъ Закревскій, слуга шляхтича Циминскаго, явился 2 го февраля 1594 г. въ гродскій владимірскій судъ и занесъ слѣдующую жалобу на Терлецкаго. Посылалъ-де его наканунѣ панъ Циминскій въ с. Копыловъ къ пану Подорецкому за полученіемъ долга на большую сумму. Возвращаясь назадъ, Закревскій взялъ съ собою „швачку“ своей госпожи, дѣвку Палажку, которую пани Погорецкая „позычала на потребу свою“. Такъ какъ въ пути ихъ застигла ночь, то они заѣхали въ м.

[1]) Жалоба Гижовскаго и судебное разбирательство ея находятся въ гродскихъ владимірскихъ книгахъ 1592 и 1594 г., л. 404 и 56.

Фалимичи, церковное имѣніе луцкой епископіи, гдѣ и остановились ночевать у одного крестьянина Ювка Петрашеняты. Поздно ночью, когда уже всѣ спали, сюда неожиданно явился въ пьяномъ видѣ и съ большимъ числомъ слугъ самъ его милость владыка луцкій, проживавшій въ то время въ любимомъ имъ Фалимичскомъ замкѣ. Онъ началъ бранить за что-то Закревскаго, отобралъ у него „торбу“ съ деньгами, лошадь, возъ съ упряжью и разнымъ имуществомъ и приказалъ отправить все это въ свой дворъ; затѣмъ онъ взялъ съ собою дѣвку Палажку, привелъ ее къ себѣ въ замокъ и, запершись съ нею „въ коморѣ“, изнасиловалъ ее, послѣ чего приказалъ слугамъ посадить ее въ погребъ, откуда она, улучивъ удобную минуту, въ туже ночь убѣжала во Владиміръ, гдѣ и встрѣтилась съ Закревскимъ.—Въ виду чрезвычайности жалобы, судъ въ тотъ же день отрядилъ для провѣрки ея возныхъ, которые подвергли Палажку допросу и она лично подтвердила все вышесказанное, представивъ имъ на то свои вещественныя доказательства; когда же возные выразили подозрѣніе, не была-ли то „прирожоная кровь“, то Палажка подъ присягой подтвердила, что это подлинные знаки насилія, совершеннаго надъ ней его милостью владыкой луцкимъ [1]).

На другой день въ тотъ же гродскій владимірскій судъ явился и Кириллъ Терлецкій и занесъ въ книги свой протестъ противъ обвиненія, взведеннаго паномъ Циминскимъ чрезъ посредство своихъ слугъ, называя его жалобу наглой клеветой, разсчитанной на то, чтобы лишить его, владыку, добраго имени. 14-го марта того же года обѣ стороны были позваны въ судъ для производства слѣдствія. Такъ какъ по закону Палажка, какъ особа нешляхетскаго званія, не могла быть обвинительницей шляхтича, то на судѣ въ роли обвинителя долженъ былъ явиться ея помѣщикъ Циминскій. Терлецкій прибылъ на судъ съ своимъ повѣреннымъ Андреемъ Дахновичемъ, лучшимъ изъ тогдашнихъ адвокатовъ луцкихъ, тѣмъ самымъ, который защищалъ его по дѣлу съ Гижовскимъ. Такъ какъ въ актовыхъ книгахъ, къ счастью, сохранился подлинный протоколъ судебныхъ преній по настоящему дѣлу, то въ виду особой важности процесса мы приведемъ важнѣйшіе доводы, представленные сторонами за и противъ обвиненія.

Предварительно обѣ стороны, по требованію суда, лично дали присягу въ томъ, что не подкупали и не нанимали свидѣте-

[1]) Архивъ Юго Зап. Р. ч. 1, т. 1, № 94 и 95.

лей по настоящему дѣлу. За тѣмъ повѣренный Циминскаго потребовалъ, чтобы и Палажка, какъ обвинительница, была допущена къ такой же присягѣ, но судъ отказалъ ему въ этомъ требованіи. Тогда повѣренный Терлецкаго заявилъ, что владыка, прежде чѣмъ приступить къ доказательствамъ своей невинности, требуетъ, чтобы Циминскій, какъ не имѣющій въ мѣстномъ повѣтѣ земельной собственности, представилъ за себя, согласно статуту, надежнаго поручителя, такъ какъ обвиняемый не удовлетворится однимъ оправданіемъ со стороны суда, въ которомъ онъ заранѣе увѣренъ, но сверхъ того намѣренъ привлечь Циминскаго къ отвѣтственности за безчестіе и клевету. Противъ этого Циминскій возразилъ, что онъ находитъ неумѣстнымъ требованіе противной стороны относительно поручительства, потому что обвиненіе возбуждено не имъ, а его служанкой, отъ имени которой онъ, въ качествѣ ея господина, обязанъ по закону искать на судѣ удовлетворенія, такъ какъ она, будучи простаго званія, лишена права сама сдѣлать это; притомъ же всѣмъ извѣстно, что онъ владѣетъ родовымъ имѣніемъ с. Шкленемъ, на что и представилъ суду надлежащіе документы. На это повѣренный обвиняемаго замѣтилъ, что владыка считаетъ себя оклеветаннымъ не со стороны Палажки, противъ обвиненія которой, какъ лица простаго званія, онъ, будучи знатнымъ шляхтичемъ, по закону не обязанъ оправдываться, а со стороны Циминскаго; ибо, допустивъ даже справедливость обвиненія, трудно предположить, чтобы потерпѣвшая, простая служанка, могла, никѣмъ не руководимая, являться въ суды, заносить протестаціи, требовать возныхъ и исполнять другія законныя формальности. Ясно, что она дѣйствовала при помощи и по подговору своего господина. Что же касается вопроса объ осѣдлости, то обвинитель напрасно указываетъ на яко-бы принадлежащее ему с. Шклень, такъ какъ, вопервыхъ, это имѣніе записано имъ своей женѣ, а во вторыхъ—оно находится въ другомъ повѣтѣ, луцкомъ. Судъ объявилъ, что онъ признаетъ достаточными доказательства Циминскаго относительно его осѣдлости въ воеводствѣ волынскомъ, и, удаливъ стороны, приступилъ къ допросу представленныхъ ими свидѣтелей.

На другой день, въ присутствіи многочисленной публики, судъ возобновилъ засѣданіе по тому же дѣлу, причемъ Циминскій, въ дополненіе къ даннымъ произведеннаго уже слѣдствія, представилъ копіи жалобъ и заявленій, своевременно учиненыхъ потерпѣвшей Палажкой въ судахъ: гродскомъ, бурмистровскомъ и

войтовскомъ, и сверхъ того присяжныя показанія двухъ „вѣрныхъ", производившихъ по порученію войтовскаго суда дознаніе и видѣвшихъ знаки насилія „на кошули у тое-то Палажки". Послѣ этого судъ приказалъ сторонамъ приступить къ преніямъ по существу дѣла. Тогда повѣренный владыки, возражая противъ дѣйствительности самого предмета обвиненія, представилъ слѣдующія соображенія: а) нельзя предположить, чтобы Циминскій могъ довѣрить полученіе значительной суммы долга отъ п. Подорецкаго своему шинкарю Закревскому; б) невѣроятно, чтобы Закревскій, имѣя при себѣ большія деньги, рѣшился выѣхать въ путь противъ ночи и остановиться для ночлега въ имѣніи владыки, зная о непріязненныхъ отношеніяхъ послѣдняго къ его пану, тѣмъ болѣе, что по пути ему раньше встрѣчалось с. Хоболтово, гдѣ онъ съ большею безопасностью могъ бы переночевать; в) допустивъ, что все случилось подлинно такъ, какъ разсказано въ жалобѣ, спрашивается: какая была нужда владыкѣ, лицу столь почтенному, собственой особой вторгаться ночью въ домъ своего подданнаго? развѣ онъ не могъ-бы приказать слугамъ отправиться туда и привести къ нему Палажку? г) какимъ образомъ могло случиться, что Палажка, убѣжавъ будто-бы изъ погреба владыки, ушла не домой, а въ г. Владиміръ, гдѣ въ это время находился уже и Закревскій? Наконецъ повѣренный обвиняемаго представилъ въ судъ трехъ свидѣтелей: п. Томаша Шимковича Шкленскаго, живущаго въ одномъ селѣ съ Циминскимъ, его боярина Ивана Лазкевича и п. Евфима Ощовскаго, которые по совѣсти показали, что Палажка—вовсе не дѣвка, а что она около трехъ лѣтъ уже находится въ замужествѣ и дѣтей имѣетъ, причемъ Лазкевичъ заявилъ, что онъ эту Палажку изъ своего дома и замужъ выдалъ за крестьянина п. Циминскаго. На основаніи этихъ данныхъ повѣренный Терлецкаго просилъ судъ признать настоящее обвиненіе клеветой, посредствомъ которой Циминскій хотѣлъ отомстить владыкѣ за то, что послѣдній неоднократно заставлялъ его, путемъ судебныхъ декретовъ, возвращать захваченныя имъ церковныя земли, причемъ Циминскому приходилось уплачивать значительные штрафы; что онъ и раньше неоднократно пробовалъ обвинять владыку въ вымышленныхъ преступленіяхъ: въ укрывательствѣ воровъ-цыганъ [1]), въ грабежѣ 500 золотыхъ и

[1]) Кстати, не этотъ-ли случай послужилъ поводомъ къ тому, что современники Терлецкаго обвиняли его „в обцованю съ злодѣями, которые волы до кухни его вожывали"? Къ сожалѣнію, намъ не удалось найти въ актовыхъ книгахъ слѣдовъ этого дѣла.

проч., но затѣмъ самъ отказывался отъ своихъ обвиненій. Въ заключеніе адвокатъ Терлецкаго обратилъ вниманіе суда на отсутствіе въ обвиненіи Циминскаго прямыхъ и ясныхъ доказательствъ, а всѣ сомнительные случаи судъ обязанъ по закону истолковать въ пользу обвиняемаго.

На эти возраженія повѣренный обвинителя представилъ слѣдующія объясненія: а) фактъ посылки Закревскаго за долгомъ къ п. Подорецкому Циминскій доказываетъ представленіемъ суду подлиннаго письма Подорецкаго, въ которомъ послѣдній извѣщаетъ его о посылкѣ денегъ чрезъ Закревскаго; б) Закревскій не остановился ночевать въ Хоболтовѣ, а заѣхалъ въ Филимичи—во-первыхъ, потому что Филимичи лежатъ на самой дорогѣ, а Хоболтовъ въ полмилѣ отъ нея; во вторыхъ, имѣя при себѣ большія деньги и ѣдучи съ дѣвушкой, онъ опасался остаться ночевать въ Хоболтовѣ, гдѣ въ корчмахъ собираются по ночамъ и пьянствуютъ подозрительные люди; в) относительно возраженія: какая была нужда владыкѣ лично врываться въ домъ своего подданнаго и самому похищать Палажку?—обвинитель напомнилъ, что владыка былъ въ то время очень пьянъ и, вѣроятно, плохо сознавалъ, что дѣлалъ; г) что касается встрѣчи Палажки съ Закревскимъ на другой день во Владимірѣ, то она естественно объясняется тѣмъ, что Закревскій, послѣ того какъ былъ ограбленъ владыкой въ Фалимичахъ, въ ту-же ночь отправился въ городъ, чтобы занести въ судъ жалобу, куда утромъ для той же цѣли явилась и Палажка, убѣжавъ изъ заключенія. Относительно замужества Палажки, Циминскій, отвергая показанія свидѣтелей противной стороны, какъ имѣвшихъ противъ него личныя неудовольствія, сослался на свидѣтельство самой Палажки, которая, будучи спрошена судомъ, лично показала, что она Лазковича, выдавшаго будтобы ее замужъ, никогда не знала, мужа никогда не имѣла и оставалась дѣвицей до того дня, когда владыка обезчестилъ ее, что она готова подтвердить и присягой. Возражая далѣе на замѣчаніе противной стороны, будто защита владыки болѣе доказательна, чѣмъ обвиненіе его противника, повѣренный Циминскаго замѣтилъ, что такъ какъ владыка несомнѣнно богаче и знатнѣе его повѣрителя, то поэтому ему „все дей не трудно и все снадне (легко) приходитъ“. Притомъ же весьма трудное дѣло доказывать на судѣ подлинность подобныхъ настоящему преступленій, которыя всегда совершаются скрытно и тайно, тѣмъ болѣе что данный проступокъ совершенъ владыкой въ своемъ имѣніи: не могутъ же свидѣтельство-

вать противъ противъ него собственные его слуги и подданные, а еслибы и согласились, то по закону ихъ показанія не могутъ имѣть никакой силы. По его мнѣнію, главный свидѣтель въ настоящемъ дѣлѣ — это сама потерпѣвшая, которую судъ и обязанъ допустить къ присягѣ и показанію. А что владыка ссылается на постановленіе статута, по которому онъ будтобы не обязанъ оправдываться противъ обвиненія со стороны лица простаго званія, то это постановленіе относится лишь къ тѣмъ случаямъ, когда нѣтъ вещественныхъ уликъ совершеннаго преступленія, а въ настоящемъ дѣлѣ значеніе такихъ уликъ имѣютъ кровавые знаки насилія. Поэтому онъ настаиваетъ, чтобы потерпѣвшая была спрошена на судѣ, оставляя за собой право въ другомъ мѣстѣ и въ другое время доказать, что „его милости пану владыкѣ не естъ новина такіе и тымъ подобные выступки пополнять (совершать).“

Обмѣнявшись еще нѣсколькими неважными замѣчаніями, стороны прекратили пренія, послѣ чего судъ объявилъ слѣдующее рѣшеніе: имѣя въ виду, что его милость владыка луцкій свидѣтельствомъ лицъ извѣстныхъ и вѣры годныхъ и другими способами явно доказалъ свою невинность, а панъ Циминскій не представилъ достаточныхъ доказательствъ въ пользу своего обвиненія, ссылаясь главнымъ образомъ на показаніе своей служанки, со стороны которой голословный оговоръ особы знатной, духовной и шляхетскаго званія по закону не можетъ имѣть никакой силы, судъ объявляетъ владыку вполнѣ оправданнымъ отъ взведеннаго противъ него обвиненія. — Циминскій заявилъ недовольство этимъ рѣшеніемъ и потребовалъ аппеляціи въ трибуналъ, а Терлецкій въ свою очередъ заявилъ, что онъ намѣренъ преслѣдовать судомъ Циминскаго за безчестіе и клевету; вслѣдствіе чего судъ назначилъ обѣимъ сторонамъ срокъ для перенесенія ихъ дѣла въ трибуналъ. [1])

Чтобы не нарушать порядка предметнаго въ изложеніи, я позволю себѣ забѣжать нѣсколько впередъ. Дѣло это почему-то тянулось еще девять лѣтъ и лишь въ маѣ 1603 года, когда потерпѣвшей Палажки не было уже въ живыхъ, состоялось наконецъ трибунальское опредѣленіе, которымъ декретъ владимірскаго гродскаго суда относительно Терлецкаго былъ

[1]) Архівъ Юго-зап. Россіи, ч. і. т. I. №№ 98—100

утвержденъ, но въ искѣ его къ Циминскому за безчестье было отказано. [1])

Таковы сущность и рѣшеніе изложеннаго процесса. Было-ли въ дѣйствительности совершено Терлецкимъ приписываемое ему преступленіе, или же онъ въ этомъ случаѣ явился лишь жертвой низкой интриги—для меня это вопросъ второстепенный и потому я вполнѣ предоставляю его рѣшеніе усмотрѣнію читателя, для характеристики же вѣка совершенно достаточно уже того, что одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей церковной іерархіи нѣсколько лѣтъ публично выступаетъ въ столь унизительномъ процессѣ и это нисколько не смущаетъ его самого, не колеблетъ его служебнаго и общественнаго положенія, не лишаетъ благосклонности короля, не нарушаетъ его личныхъ отношеній. Но еслибы кто-либо, отрицая виновность Терлецкаго, сталъ объяснять дѣйствія его обвинителей побужденіями религіозной мести и злобы на епископа за его измѣну православію, тому, въ интересахъ исторической правды, я долженъ противупоставить, что а) изъ судебныхъ актовъ не видно, чтобы обвинитель Терлецкаго шляхтичъ Янъ Циминскій былъ лицемъ православнымъ, и въ такомъ случаѣ самъ Терлецкій въ своей защитѣ, вѣроятно, не преминулъ-бы указать на религіозные мотивы, руководившіе обвинителемъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ сослался лишь на ссоры и тяжбы съ Циминскимъ за церковныя имѣнія; б) не нужно забывать, что въ февралѣ 1594 года, когда началось это дѣло, всѣ продолжали еще считать Терлецкаго лицемъ православнымъ; по крайней мѣрѣ спустя полгода послѣ этого, 27 іюля того-же года, онъ еще участвовалъ въ сокальскомъ съѣздѣ православныхъ епископовъ и на него здѣсь было возложено порученіе отправиться къ королю съ просьбой о защитѣ православія отъ притѣсненія католиковъ, [2]) извѣстная же поѣздка Терлецкаго въ Римъ къ папѣ относится къ концу слѣдующаго 1595 года; в) нужно знать, что Циминскій, вчиная настоящее дѣло, подвергалъ себя очень серьезной опасности: по литовскому Статуту лице, возбудившее противъ кого-либо ложное обвиненіе, само подлежало той карѣ, какая опредѣлялась закономъ за преступленіе, служившее предметомъ обви-

[1]) Кн. Главнаго Трибуьана Люблинскаго, воеводства Волынскаго, 1603 г., справа 555.

[2]) Архивъ Югозап. Россіи, ч. I, т. I, № 109.

ненія, т. е. въ данномъ случаѣ лишенію жизни. — Покойный проф. Иванишевъ, также отвергавшій дѣйствительность приписываемаго Терлецкому преступленія, ссылался на оправдательное рѣшеніе суда по этому дѣлу. Но я полагаю, что, послѣ изложенныхъ мною подробностей процесса, ссылка на оправдательное рѣшеніе суда не можетъ имѣть никакой доказательной силы, такъ какъ для всякаго ясно, что при тогдашнемъ порядкѣ судопроизводства, когда въ дѣлахъ, касавшихся шляхтичей, показанія лицъ недворянскаго званія немогли быть принимаемы судомъ, Терлецкій, или всякій другой шляхтичъ на его мѣстѣ, несомнѣнно былъ-бы оправданъ и въ томъ случаѣ, когда-бы дѣйствительно совершилъ подобное преступленіе. Весьма знаменательно, что люблинскій трибуналъ не согласился подвергнуть Циминскаго наказанію за клевету, какъ того добивался Терлецкій, тогда какъ это было-бы лучшимъ средствомъ окончательно смыть позоръ, нанесенный репутаціи владыки обвиненіемъ Циминскаго. А не нужно забывать, что въ то время, когда трибуналъ постановлялъ свое рѣшеніе по этому дѣлу, т. е. въ 1603 году, само правительство польское не могло не быть заинтересовано возстановленіемъ добраго имени Терлецкаго, какъ одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей уніатской партіи.

Дѣло о Палажкѣ не было еще окончено, когда въ томъ же 1594 г. на Терлецкаго была подана со стороны шляхтича Якима Обуховича жалоба о томъ, что епископъ, воспользовавшись смертью жены Обуховича и отсутствіемъ въ то время его самого, неизвѣстно по какому праву забралъ все движимое имущество жалобщика и даже присвоилъ его домъ въ Луцкѣ. [1]) Окончаніе этого дѣла, тянувшагося многіе годы, намъ не извѣстно. Въ томъ же году сосѣдка Терлецкаго по имѣнію, шляхтянка Смыковская жаловалась, что владыка, самъ своею особой, съ отрядомъ до 200 человѣкъ своихъ пріятелей, слугъ, бояръ и другихъ людей, конныхъ и пѣшихъ, съ гаковницами, полгаками и другимъ оружіемъ, напалъ на ея земли въ с. Смыковѣ, выгналъ законныхъ владѣльцевъ, послѣ чего, согнавъ до ста плуговъ своихъ крестьянъ, приказалъ перепахать прежнія межи и присоединилъ отнятыя земли къ своимъ имѣніямъ. [2]) Каковы были по-

---

[1]) Книга Луцк. земская 1597. г., л. 625.

[2]) Архивъ Югозап. Россіи, ч. I т. I, № 103.

слѣдствія этой жалобы, на это въ актовыхъ книгахъ указаній не находится. Весьма вѣроятно, что судъ, по волѣ правительства польскаго, не далъ хода этой жалобѣ, такъ какъ Терлецкій былъ занятъ въ то время приготовленіями къ важному государственному дѣлу, именно къ отъѣзду въ Римъ къ папѣ; по крайней мѣрѣ въ іюлѣ слѣдующаго 1595 г. послѣдовало открытое распоряженіе короля Сигизмунда III о томъ, что всѣ судебныя дѣла, касающіяся епископовъ Кирилла Терлецкаго и Ипатія Потѣя, отправленныхъ къ папѣ по государственному дѣлу, должны быть пріостановлены. [1])

Едва успѣлъ Терлецкій возвратиться изъ Рима, какъ у него начался процессъ съ архимандритомъ жидичинскаго николаевскаго монастыря Григоріемъ (въ монашествѣ Гедеономъ) Балабаномъ, продолжавшійся до самой смерти владыки луцкаго. Главной причиной непріязненныхъ отношеній между ними служило давнее стремленіе Терлецкаго получить въ свою власть жидичинскій монастырь съ его значительными имѣніями. Нужно замѣтить, что богатства этого монастыря и раньше не разъ служили яблокомъ раздора между православными владыками. Такъ въ 1570 г. жидичинскимъ монастыремъ завладѣлъ Іона Красенскій, епископъ луцкій, который въ теченіе десятилѣтняго управленія имъ успѣлъ такъ сильно раззорить его казну и имѣнія, что король Стефанъ Баторій въ 1580 г. приказалъ князю Константину Острожскому отобрать у Іоны монастырь и передать въ управленіе Ѳеофану Греку, епископу мегалинскому. Но Іона рѣшился воспротивиться королевской волѣ и однажды, собравъ отрядъ вооруженныхъ людей, выгналъ Ѳеофана и снова овладѣлъ монастыремъ. Тогда король приказалъ старостѣ луцкому, князю Александру Пронскому, вторично водворить Ѳеофана въ жидичинскомъ монастырѣ, изгнавъ узурпатора. Первое нападеніе князя Пронскаго Красенскій успѣлъ отразить силою, встрѣтивъ его отрядъ ружейными выстрѣлами; но когда Пронскій вторично подступилъ подъ монастырь съ увеличеннымъ отрядомъ и съ пушками, Іонѣ пришлось бѣжать, послѣ чего король объявилъ его баннитомъ [2]). Но и Ѳеофанъ не долго управлялъ жидичинскимъ монастыремъ: въ слѣдующемъ 1585 г. монастырь этотъ силою былъ отнятъ у него львовскимъ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ, успѣвшимъ потомъ выхлопотать

[1]) Тамъ-же, № 110.

[2]) Арх. Югозап. Россіи, ч. I, т. I, стр. XXVII—XXVIII.

себѣ и королевскія привилегіи на архимандрію жидичинскую. Самъ Гедеонъ, впрочемъ, не долго пользовался своимъ правомъ и въ 1589 г. уступилъ его своему племяннику Григорію Балабану, бывшему прежде королевскимъ коморникомъ, каковая передача была утверждена грамотой Сигизмунда III. Что за личность былъ этотъ Григорій, можно видѣть отчасти изъ слѣдующаго случая: однажды въ имѣніи жидичинскомъ сгорѣло монастырское гумно съ хлѣбомъ. Подозрѣвая въ поджогѣ Ѳеофана Грека, епископа Меглинскаго, Григорій Балабанъ искалъ случая отомстить ему, и когда однажды Ѳеофанъ, отправляясь съ письмами патріарха Іереміи къ владимірскому епископу Мелетію Хребтовичу, остановился ночевать въ м. Чернеховѣ, имѣніи кіевскаго судьи Іосифа Немирича, сюда неожиданно прибылъ съ толпой слугъ Григорій Балабанъ, схватилъ нечаявшаго бѣды епископа, жестоко избилъ его, отнялъ бывшія при немъ деньги и имущество, затѣмъ отвелъ его въ дворъ Немирича и просилъ посадить его въ тюрьму, какъ поджигателя. Ѳеофанъ началъ было дѣло въ судѣ по этому поводу, но скоро прекратилъ его, получивъ отъ львовскаго епископа Гедеона въ удовлетвореніе за побои, нанесенные его буйнымъ племянникомъ, полтораста червоныхъ золотыхъ [1]).

Такой то человѣкъ теперь оказался ближайшимъ сосѣдомъ Терлецкаго, такъ какъ жидичинскій монастырь находился почти въ самомъ предмѣстьи Луцка. Какъ извѣстно, ссоры между львовскимъ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ и луцкимъ владыкой, и главнымъ образомъ за жидичинскій монастырь, начались задолго до этого времени. Еще въ 1589 г. ихъ судилъ по этому дѣлу патріархъ константинопольскій Іеремія, ставшій на сторону Терлецкаго [2]). Послѣ того, какъ Гедеонъ Балабанъ въ іюлѣ 1595 года торжественно разоблачилъ продѣлку Терлецкаго съ бланками, врученными ему православными епископами на сокальскомъ съѣздѣ, и громко протестовалъ противъ замышляемой тогда уніи,—отношенія къ нему Терлецкаго сдѣлались еще враждебнѣе. Ненависть къ своему врагу Терлецкій, какъ видно, перенесъ и на его племянника, тѣмъ болѣе что Григорій Балабанъ, находясь въ близкомъ сосѣдствѣ, имѣлъ возможность слѣдить за

---

1) Тамъ же, № 65. Мировая сдѣлка Ѳеофана съ Гедеономъ, при посредничествѣ митрополита и другихъ епископовъ.

2) Акты Зап. Россіи, т. IV, № 21.

каждымъ шагомъ Терлецкаго и доносить обо всемъ своему родственнику. Отсюда легко могло зародиться въ Терлецкомъ стремленіе всякими средствами освободиться отъ непріятнаго сосѣда и при этомъ кстати подчинить себѣ жидичинскій монастырь съ его богатствами. И вотъ въ актовыхъ книгахъ мы находимъ жалобу Григорія Балабана о двукратномъ покушеніи на его жизнь со стороны владыки луцкаго.

Первое покушеніе совершилось такимъ образомъ. Въ мартѣ 1595 г. Григорію Балабану было доставлено однимъ изъ священниковъ капитулы луцкой письмо, присланное изъ Рима Терлецкимъ и Потѣемъ и адресованное на имя львовскаго владыки, Гедеона. Григорій Балабанъ долго не рѣшался принять это письмо, а тѣмъ болѣе отказывался вскрыть его; но посланецъ Терлецкаго съумѣлъ возбудить его любопытство, намекнувъ, что письмо безъ сомнѣнія должно заключать въ себѣ интересныя новости изъ Рима,—и Балабанъ рѣшился, наконецъ, распечатать его. Едва онъ поднесъ письмо къ свѣчѣ, чтобы разобрать подпись, какъ его вдругъ обдало какою-то пылью („порохомъ“) и онъ внезапно впалъ въ обморокъ. Къ счастью, при немъ случился его братъ, который бывалъ въ чужихъ земляхъ и зналъ, что тамъ подобные ядовитые порошки часто посылаются въ письмахъ и даются инымъ способомъ, причемъ ему извѣстны были нѣкоторыя противоядія, при помощи которыхъ и удалось спасти Григорія отъ явной смерти. А затѣмъ случайно пріѣхалъ на богомолье въ монастырь князь Константинъ Острожскій и, найдя Балабана больнымъ, помогъ ему своими лѣкарствами [1]).

Не успѣлъ Балабанъ оправиться послѣ этого случая, какъ совершена была вторичная попытка отравить его. 23-го апрѣля того же года, въ то время, когда Балабанъ сидѣлъ съ гостями во своемъ домѣ въ монастырѣ жидичинскомъ, къ нему пришли слуги Терлецкаго, не задолго предъ тѣмъ возвратившіеся изъ Рима: портной Василій Коростель и пѣвчій Павелъ. Войдя въ комнату и прокричавъ громко привѣтствіе: „вашей милости наша служба!“—они подошли къ Балабану и протянули ему руки.

---

[1]) Книга гродск. Владимірская 1595 г., л. 106 (Документъ напечатанъ въ Архивѣ Югозап. Россіи, ч. I, т. I, № 116). Кстати, благодаря лишь этому случаю, для насъ сохранилось и самое письмо Терлецкаго и Потѣя объ ихъ пребываніи въ Римѣ, такъ какъ Балабанъ, при своей жалобѣ, занесъ въ актовыя книги и это письмо, послужившее орудіемъ для его отравленія.

Наученный горькимъ опытомъ, осторожный Балабанъ не сразу подалъ имъ свою руку, а распросивъ, кто они и зачѣмъ пришли, сказалъ: „вы были въ Италіи и потому хорошо знаете италіанскіе обычаи: такъ поцѣлуйте же прежде свои руки, а потомъ уже я буду здороваться съ вами". Слуги Терлецкаго махнули руками мимо своихъ устъ, послѣ чего Балабанъ довѣрчиво поздоровался съ ними пожатіемъ рукъ и сталъ подчивать ихъ медомъ. Выпивъ и самъ, Балабанъ вытеръ ротъ рукою. „Тотчасъ, жаловался онъ, я обомлѣлъ и почувствовалъ необыкновенную слабость: ядъ и отрава изъ руки вошли въ уста и распространились во мнѣ; я измѣнился въ лицѣ, сталъ блѣденъ, а по тѣлу у меня появились желтыя пятна". Его полумертвымъ вынесли изъ комнаты; слуги Терлецкаго тотчасъ бѣжали. На другой день больнаго осматривалъ возный и донесъ уряду, что нашелъ его едва живымъ, а на тѣлѣ его видѣлъ желтыя пятна величиною съ таляръ; возный свидѣтельствовалъ также слюну больнаго, которая была столь густа, что тянулась непрерывной нитью длиннѣе человѣческаго роста [1]).—Балабанъ долго болѣлъ послѣ этого случая, а выздоровѣвъ, позвалъ на судъ Кирилла Терлецкаго, обвиняя его въ двукратномъ покушеніи на его жизнь. Дѣло это разсматривалось въ луцкомъ гродскомъ судѣ почему-то лишь три года спустя послѣ совершенія преступленія, причемъ судъ съ явнымъ пристрастіемъ и вопреки справедливости принялъ сторону Терлецкаго, отказавшись, согласно настоянію послѣдняго, приступить къ разспросу свидѣтелей подъ тѣмъ предлогомъ, что истецъ и отвѣтчикъ, будучи лицами духовными, должны подлежать духовному, а не свѣтскому суду. Недовольный этимъ рѣшеніемъ, Балабанъ аппеллировалъ въ трибуналъ, но его дѣло и тамъ не было рѣшено [2]).

Послѣ этого Терлецкій открыто и настойчиво началъ преслѣдовать Григорія Балабана. Не успѣвъ отравить, онъ задумалъ выгнать его изъ жидичинскаго монастыря, воспользовавшись, какъ предлогомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что Балабанъ все еще продолжалъ оставаться лицемъ свѣтскимъ. Съ этой цѣлью Терлецкій въ августѣ того-же 1596 года посылалъ своему про-

---

[1]) Жалоба Балабана и осмотръ его возными—Архивъ Югозап. Россіи, ч. I, т. I, № 117.

[2]) Судебное преніе по жалобѣ Балабана на Терлецкаго объ отравленіи—книга гродск. Луцкая 1599 г., л. 422.

тивнику оффиціальнымъ порядкомъ, т. е. чрезъ вознаго, „наломинальный листъ", въ которомъ требовалъ, чтобы Балабанъ, какъ человѣкъ свѣтскій, не смѣлъ долѣе оставаться въ жидичинскомъ монастырѣ и управлять монастырскими имѣніями, или, въ крайнемъ случаѣ, чтобы онъ поспѣшилъ явиться къ нему, какъ своему владыкѣ, для принятія установленнаго посвященія въ санъ духовный [1]). Хотя Балабанъ, получивши этотъ листъ, велѣлъ возному передать, что-де владыкѣ нѣтъ до него никакого дѣла, но, желая, однако, отнять у Терлецкаго предлогъ къ дальнѣйшему вмѣшательству въ его управленіе монастыремъ, онъ рѣшился принять посвященіе, тѣмъ болѣе, что и митрополитъ кіевскій Рагоза не разъ напоминалъ ему о томъ-же. Для этого Балабанъ немедленно отправился къ своему дядѣ, львовскому епископу Гедеону, и принялъ отъ него рукоположеніе въ санъ архимандрита подъ именемъ Гедеона же, послѣ чего владыка львовскій, желая укрѣпить права своего племянника на жидичинскій монастырь, явился въ гродскій владимірскій судъ и лично внесъ въ актовыя книги новую переуступочную запись на означенный монастырь, въ коей отрекся навсегда въ пользу своего родственника даже отъ титула архимандрита жидичинскаго [2]).

Но это мало упрочило положеніе молодаго Балабана. Два мѣсяца спустя, въ октябрѣ 1596 г. происходило засѣданіе извѣстнаго брестскаго собора по дѣлу объ уніи. На этомъ соборѣ партіей уніатскихъ епископовъ, съ митрополитомъ Рагозой во главѣ, торжественно провозглашено было отлученіе тѣмъ изъ членовъ высшаго православнаго духовенства, которые не согласились на принятіе уніи, причемъ эти лица были объявлены лишенными духовнаго сана. Въ частности, такому отлученію въ числѣ прочихъ подверглись и оба Балабаны. Это было какъ нельзя болѣе на руку Терлецкому. Воспользовавшись соборнымъ опредѣленіемъ, онъ побудилъ митрополита немедленно обратиться къ королю съ ходатайствомъ о приведеніи въ исполненіе стариннаго постановленія Сигизмунда Августа, по которому лица, преданныя церковному отлученію, лишались права владѣть церковными имѣніями, причемъ прежде всего обратилъ вниманіе короля на жидичинскій монастырь. Слѣдствіемъ этого былъ королевскій универсалъ отъ 24 декабря того же года на имя луцкаго ста-

---

[1]) Кн. гродск. Луцкая 1596 г. л. 585 на обор.

[2]) Кн. гродск. Владимірск. 1596 г., л. 336.

ростви Александра Семашка, въ коемъ король, ссылаясь на постановленіе брестскаго собора касательно церковнаго отлученія обоихъ Балабановъ, приказывалъ старостѣ немедленно отобрать отъ Григорія Балабана жидичинскій монастырь со всѣми его землями и имуществомъ и присоединить его, впредь до дальнѣйшаго распоряженія, къ замку луцкому. Любопытно, что въ этомъ универсалѣ Григорій Балабанъ постоянно именуется „свѣтскимъ человѣкомъ", причемъ указывается, что онъ и церковному отлученію подвергся главнымъ образомъ будто бы за то, что, не смотря на частыя напоминанія со стороны своихъ старшихъ, „взять на себе посвященія не хочетъ, але, свѣтскимъ будучи, отъколько лѣтъ въ томъ манастыру мешкаетъ" [1]). Очевидно, что Терлецкій и Рагоза, а чрезъ нихъ и правительство польское, не хотѣли признать законнымъ посвященіе, которое Григорій Балабанъ несомнѣнно принялъ въ августѣ того же года отъ рукъ своего дяди, владыки львовскаго.

Получивъ королевскій универсалъ, Семашко чрезъ вознаго немедленно увѣдомилъ объ этомъ Балабана, приказавъ ему въ теченіе 12-ти недѣль оставить монастырь и вывезти оттуда свое частное имущество. Срокъ этотъ приходилъ къ концу, а Балабанъ и не думалъ исполнять приказанія старосты. Между тѣмъ нужно замѣтить, что отношенія къ нему старосты издавна были враждебны. Такъ еще въ 1591 г. Балабанъ жаловался въ судъ на Семашка о насильственномъ вторженіи въ жидичинскій монастырь, о присвоеніи монастырскихъ доходовъ, о побояхъ и грабежѣ; [2]) въ другой разъ мы находимъ жалобу Балабана о томъ, что староста, питая къ нему давнюю злобу за недопущеніе присвоить монастырскія земли, чинилъ противъ него угрозы, обѣщая лишить его жизни и проч. [3]). Подобныя преслѣдованія продолжались до тѣхъ поръ, пока Балабанъ не выхлопоталъ себѣ въ 1593 г. заручный королевскій листъ, въ коемъ предписывалось Семашку оставить Балабана въ покоѣ, подъ закладомъ 2000 копъ грошей литовскихъ, въ случаѣ нарушенія имъ этого предписанія. Понятно послѣ этого, съ какою готовностью Семашко вступилъ въ союзъ съ Терлецкимъ для борьбы противъ ихъ общаго врага, архимандрита жидичинскаго. Потерявъ на-

[1]) Книга гродск. Луцкая 1595—1597 г., л. 86.

[2]) Архивъ Югозап. Россіи ч. I, т. I. № 71.

[3]) Книга земск. Луцкая 1597 г., л. 550.

дежду вытѣснить его изъ монастыря законнымъ путемъ, союзники прибѣгли къ обыкновенному въ то время средству—насилію. Для этого они собрали многочисленный отрядъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, изъ бояръ, слугъ и гайдуковъ старосты, а равно изъ слугъ и подданныхъ владыки, вооружили его надлежащимъ образомъ и, подъ предводительствомъ урядниковъ града луцкаго и нѣкоторыхъ своихъ пріятелей, послали его въ жидичинскій монастырь. Это было въ ночь съ 20 на 21 августа 1597 года. Подъѣхавъ къ монастырю и окруживъ его со всѣхъ сторонъ, отрядъ по данному сигналу разомъ открылъ ружейную пальбу и съ крикомъ бросился на монастырскія стѣны. Проломавъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ частоколъ и отбивши ворота, хищники толпой ринулись во дворъ, гдѣ немедленно обступили архимандричій домъ и открыли частую стрѣльбу по немъ, другіе же начали отбивать двери и окна. Балабанъ и нѣсколько человѣкъ ночевавшихъ у него гостей спали въ то время. Разбуженные необычайнымъ шумомъ, всѣ они въ испугѣ выбѣжали чернымъ ходомъ на дворъ, чтобы узнать, что случилось. Увидя, что весь дворъ наполненъ вооруженными людьми и понявъ всю опасность своего положенія, Балабанъ, пользуясь темнотою ночи, бросился по лѣстницѣ на крышу главной монастырской церкви; его примѣру послѣдовали растерявшіеся со страху гости и нѣсколько человѣкъ слугъ. Нападавшіе не сразу замѣтили, куда дѣвался архимандритъ. Онъ былъ уже высоко на церкви, когда въ толпѣ вдругъ раздалось: „онъ Балабанъ! бый. забый!“—и ему въ слѣдъ пущено было нѣсколько выстрѣловъ. Пуля одного изъ нихъ ранила его въ ногу, а его слугу въ руку. Наконецъ, подъ градомъ выстрѣловъ, бѣглецы достигли шеи церковнаго купола („бани“) и тамъ укрылись.

Не видя возможности лично схватить Балабана, нападавшіе принялись грабить и уничтожать все, что попадалось имъ подъ руки. Прежде всего они отбили двери церковныя и, забравшись въ церковь, ограбили все, что нашли: деньги, серебро, золото, иконы съ ризами, свѣчи, облаченія и проч. Отсюда бросились въ домъ архимандрита, гдѣ похитили: шкатулку съ деньгами и документами, книги, посуду, оружіе и дорогія сѣдла, платье, бѣлье и проч. Не перечисляя всего награбленнаго имущества Балабана, я назову лишь такіе предметы, присутствіе которыхъ сколько нибудь рисуетъ домашній бытъ южно-русскаго духовенства того времени; такъ, въ числѣ прочихъ вещей, въ домѣ архимандрита

были похищены: „мережа одна, неводовъ два, заячихъ сѣтей три, тетерячихъ двѣ, куропатвенныхъ чотыри"; кромѣ того: „котелъ броварный одинъ, бань двѣ, котловъ горѣлчаныхъ два" [1]). Затѣмъ были разграблены монастырскія кладовыя, гдѣ, въ числѣ другихъ предметовъ, было взято: „меду присного колодъ шесть, солоду пшеницкого мартового мацъ дванадцать, а житного и зъ ячменемъ солодовъ—шесть, *солонины* полтевъ сорокъ, *сала*—тридцять, вялыхъ осетровъ десять и рыбъ сухихъ полтораста, и иншихъ рыбъ немало; пива пшеницкого у пивници бочокъ пять, меду пять бочокъ, росходного пива бочокъ дванадцать, вина полъ-куфы, горилки бочка" и пр. Такому же грабежу подверглись скотный и птичій дворы, откуда было уведено штукъ до 80-ти рогатаго скота, лошади и разная домашняя птица, въ числѣ которой упоминаются „журавливъ осмь выхованныхъ, заправленыхъ, зъ пирьми бѣлыми",—указаніе, что южно-русскіе монахи и въ то время, какъ и теперь, любили вскармливать эту птицу. Затѣмъ грабители забрались въ монастырскій садъ, гдѣ разорили пасѣку, а также „щепы грушевыя и яблоневыя добрыя о килька-десять поломили, попсовали, а въ винограде все вино выламали, витоптали, овощи—груши, яблука потрясли и попсовали; рыбу изъ сажавокъ одну зловили, а другую безводя поморили" и проч. Цѣлыхъ пять дней продолжался открытый грабежъ монастырскаго имущества, причемъ даже хлѣбъ съ монастырскихъ полей былъ свезенъ на гумна старосты и его помощниковъ [2]).

Между тѣмъ въ теченіи всего этого Балабанъ съ своими людьми сидѣлъ на церкви, окруженный внизу толпой гайдуковъ, которые, принявъ лѣстницы, день и ночь стерегли плѣнниковъ и для развлеченія время отъ времени стрѣляли въ куполъ церковный. Не разъ пріѣзжали сюда возные и урядники гродскіе и требовали отъ имени старосты, чтобы Балабанъ, не сопротивляясь королевской волѣ, сошелъ внизъ и уступилъ имъ монастырь, грозя, въ случаѣ дальнѣйшаго его упорства, взорвать порохомъ

---

[1]) *Баня*—снарядъ для перегонки водки. Читая это, невольно вспоминаешь то мѣсто изъ посланія І. Вишенскаго, гдѣ онъ обличая тогдашнее высшее духовенство въ роскошной и сластолюбивой жизни, говоритъ: „горѣлки пропущаные курите, пиво троякое превыборное варите и въ пропасть несытнаго чрева вливаете, сами и съ гостьми своими просыщаетесь" и пр.

[2]) Жалоба Гедеона Балабана—книга гродск. Владимірская 1597 г., л. 602. Книга Луцкая земск. того же года. л. 187, 206, 208, 219.

церковь, на которой онъ укрывался. Но Балабанъ настаивалъ лишь, чтобы они вывели изъ монастыря толпу своевольцевъ, и рѣшительно отказывался уступить кому бы то ни было монастырь, ссылаясь на то, что онъ управляетъ имъ на основаніи „королевскаго привилегія“ и по уполномочію своего дяди и потому считаетъ послѣднее королевское распоряженіе основаннымъ на недоразумѣніи, въ которое очевидно король былъ введенъ старостой и владыкой луцкими. Наконецъ, потерявъ надежду сломить упорство архимандрита, урядники обратились къ монастырской братіи съ требованіемъ сдать монастырь на имя старосты, что̀ послѣдними безпрекословно было исполнено. Трудно сказать, какъ долго Балабанъ просидѣлъ бы еще на церкви, еслибы не вмѣшался въ это дѣло его братъ Ѳеодоръ. Онъ пригласилъ изъ другого повѣта возныхъ и пріѣхалъ съ ними въ жидичинскій монастырь, гдѣ они и составили протоколъ о томъ раззореніи, какое нашли здѣсь, послѣ чего толпа грабителей удалилась и злосчастный архимандритъ могъ, наконецъ, спуститься изъ своего страннаго заключенія, просидѣвъ въ немъ почти пять сутокъ. Монастырь, однако, остался въ рукахъ урядниковъ старосты.

Торжество Семашка и Терлецкаго было непродолжительно: спустя двѣ недѣли послѣ того, Балабанъ, при помощи брата, въ свою очередь собралъ вооруженный отрядъ, неожиданно напалъ съ нимъ на жидичинскій монастырь и овладѣлъ имъ вооруженною рукою, изгнавъ оттуда старостинскаго урядника [1]). А вслѣдъ за тѣмъ онъ занесъ въ земскій луцкій судъ жалобу на Александра Семашка и его помощниковъ—Кирилла Терлецкаго и многихъ другихъ, принимавшихъ участіе въ нападеніи и ограбленіи жидичинскаго монастыря, причемъ, въ подтвержденіе своей жалобы, представилъ донесенія возныхъ, видѣвшихъ слѣды монастырскаго разоренія и свидѣтельствовавшихъ раны, нанесенныя архимандриту въ то время, когда онъ уходилъ на церковь. 10-го октября 1597 г. происходило судебное разбирательство по жалобѣ Балабана. Главныя возраженія обвиняемыхъ заключались въ слѣдующемъ: они указывали, что Балабанъ, какъ лице преданное церковному проклятію на брестскомъ соборѣ, долженъ считаться, наравнѣ съ баннитами, лишеннымъ покровительства законовъ; что онъ, будучи свѣтскимъ, самовольно и самозванно присвоилъ санъ архимандрита, не бывъ никѣмъ по-

[1]) Кн. гродск. Луцк. 1597 г. л. 695.

священъ въ тотъ санъ, а потому не имѣетъ права вести искъ о монастырскомъ имуществѣ, и что, наконецъ, никакого наѣзда на жидичинскій монастырь никѣмъ не было совершено, а было лишь со стороны старосты отобраніе этого монастыря, согласно королевскому распоряженію, причемъ Балабанъ, сопротивляясь волѣ короля, спрятался съ своими слугами на церкви, предварительно заготовивъ тамъ для себя продовольствіе, а также оружіе и веревки. Судъ не принялъ, однако, во вниманіе этихъ возраженій и приказалъ сторонамъ перейти къ дальнѣйшимъ преніямъ по существу обвиненія. Обвиняемые продолжали настаивать на прежнихъ своихъ заявленіяхъ и потребовали перенесенія ихъ дѣла въ надворный королевскій судъ или въ трибуналъ. Но тутъ въ самомъ составѣ суда произошелъ разладъ: судья и подсудокъ разошлись въ оцѣнкѣ законности этого требованія, и дѣло на этотъ разъ не было окончено [1]). Тогда Балабанъ возобновилъ свою жалобу въ гродскомъ луцкомъ судѣ, гдѣ въ іюнѣ 1599 г. происходило ея разбирательство. Но и здѣсь повторилась та-же исторія: обвиняемые протестовали противъ подсудности дѣла гродскому суду и требовали аппеляціи въ трибуналъ; судъ уважилъ ихъ требованіе и передалъ это дѣло на рѣшеніе люблинскаго трибунала [2]).

Между тѣмъ въ сентябрѣ 1599 г. Балабанъ принесъ въ луцкій гродскій судъ новую жалобу на Терлецкаго, въ коей, перечисляя всѣ прежнія свои обиды и притѣсненія со стороны послѣдняго, жаловался, что онъ не имѣетъ покоя вслѣдствіе безпрестанныхъ угрозъ Терлецкаго лишить его здоровья и имущества; что не задолго предъ тѣмъ, когда онъ однажды находился въ полѣ при своихъ жнецахъ, его замѣтилъ проѣзжавшій мимо владыка, остановился и послалъ къ нему своихъ слугъ, которые, подъѣхавъ ближе, бранили его „соромными и уцiпливыми словами“ и между прочимъ сказали: „счастливъ ты, что теперь на полѣ людей много, а то заснулъ бы ты здѣсь на вѣки, какъ Гулевичи недавно позасыпали! [3]). Однако знай, что рано или поздно тебя постигнетъ такая же участь; не только ты самъ, но

---

[1]) Кн. земск. Луцкая 1597 г., л. 389, 399, 407, 416 и др.

[2]) Кн. гродск. Луцк. 1599 г., л. 537, 585, 587, 624, 640 и др.

[3]) Намекъ на случившееся незадолго предъ тѣмъ возмутительное убійство трибунальскаго депутата Демьяна Гулевича и его родственниковъ изъ побужденій личной мести.

и все имущество твое въ рукахъ пана нашего будетъ“ [1]). Узнавъ объ этомъ, Терлецкій немедленно внесъ въ гродскія книги свой протестъ, объявляя жалобу противника клеветой, измышленной съ цѣлью лишить его добраго имени, и жалуясь, что напротивъ Балабанъ постоянно злоумышляетъ на его жизнь и здоровье [2]).

Въ то же время Терлецкій съ успѣхомъ пользовался и другимъ средствомъ для борьбы съ своимъ противникомъ: онъ постоянно жаловался на него королю, въ чемъ ему охотно содѣйствовалъ его пріятель, староста, съ своей стороны доносившій на Балабана. Результатомъ этого было то, что король въ декабрѣ 1597 г. выдалъ Терлецкому жалованную грамоту на жидичинскій монастырь, приказавъ старостѣ немедленно ввести его во владѣніе новой бенефиціей. Получивъ же донесеніе о вторичномъ захватѣ Балабаномъ монастыря, король особымъ универсаломъ обратился ко всѣмъ обывателямъ волынскаго воеводства, приказавъ имъ содѣйствовать старостѣ въ отобраніи у Балабана жидичинскаго монастыря и передачѣ его Терлецкому. Скоро послѣ того Александръ Семашко умеръ. Его преемникъ не разъ пытался исполнить королевское повелѣніе, но не имѣлъ успѣха: Балабанъ рѣшительно отказывался оставить монастырь, соглашаясь явиться по этому дѣлу въ задворный королевскій судъ. Напрасно также Сигизмундъ III угрожалъ ему инфаміей (лишеніемъ чести) и штрафомъ въ 10,000 копъ, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства: Балабанъ оставался непреклоненъ. Тогда въ іюнѣ 1599 г. послѣдовалъ королевскій декретъ, по коему Балабанъ былъ объявленъ баннитомъ, т. е. лишеннымъ покровительства законовъ; но и это не заставило его покориться. Наконецъ въ августѣ 1600 г. король осудилъ его на изгнаніе изъ отечества, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ почему то отмѣнилъ свой декретъ или, вѣрнѣе, отсрочилъ его исполненіе, позвавъ Балабана въ свой королевскій судъ въ ближайшее засѣданіе сейма. Состоялся ли этотъ судъ и какое послѣдовало на немъ рѣшеніе, объ этомъ я не нашелъ указаній въ актовыхъ книгахъ. Достовѣрно лишь извѣстно одно, что Терлецкому до самой смерти не удалось получить въ свои руки жидичинскій монастырь и изгнать оттуда своего противника. Балабанъ до конца своей жизни оставался жидичинскимъ архимандритомъ, признаваемый въ этомъ званіи

[1]) Кн. гр. Луцкая 1599 г., л. 663.

[2]) Тамъ же, л. 714.

и польскимъ правительствомъ[1]). Мало того, ему удалось даже возмѣстить убытки, понесенныя имъ во время наѣзда въ 1597г. на монастырь бывшаго старосты, когда Балабану пришлось спасаться на церкви,—такъ какъ люблинскій трибуналъ рѣшилъ, наконецъ, это дѣло и притомъ въ его пользу. Рѣшеніе это послѣдовало лишь въ іюнѣ 1608 года: ни Александра Семашка, ни самого Терлецкаго, ни большинства участниковъ наѣзда не было уже въ живыхъ; изъ числа 22-хъ лицъ, поименованныхъ въ жалобѣ Балабана, на трибунальскій судъ въ качествѣ отвѣтчиковъ были позваны всего два лица: вмѣсто умершаго владыки, его братъ Ярошъ Терлецкій и нѣкто шляхтичъ Ѳеодоръ Свищовскій. Перваго, какъ не участвовавшаго въ наѣздѣ, судъ призналъ свободнымъ отъ отвѣтственности, но предоставилъ Балабану право требовать съ имущества умершаго владыки Кирилла Терлецкаго удовлетвореніе за причиненные ему послѣднимъ убытки; что же касается Свищовскаго, отказавшагося явиться къ разбирательству дѣла, то судъ за неявку объявилъ его пожизненнымъ баннитомъ, а за грабежъ монастыря присудилъ взыскать съ имущества осужденнаго въ пользу жалобщика крупную сумму 6,120 золотыхъ польскихъ.

Въ то время, когда Кириллъ Терлецкій велъ упорную борьбу съ архимандритомъ жидичинскимъ и измышлялъ всевозможныя средства къ тому, чтобы вытѣснить его изъ монастыря, противъ него самого было возбуждено новое позорное обвиненіе. Въ генварѣ 1597 года шляхтичъ Ѳеодоръ Шемковичъ-Шклинскій занесъ жалобу о томъ, что владыка, получивъ отъ него денежный долгъ и выдавъ надлежащую квитанцію, удержалъ у себя именной бланкъ долговой записи Шимковича подъ предлогомъ, будто онъ сгорѣлъ или былъ украденъ слугой, а впослѣдствіи продалъ этотъ бланкъ врагу Шимковича, гродскому владимірскому писарю Станиславу Кандыбѣ, который, подложно написавъ въ немъ вымышленное долговое обязательство на сумму 200 копъ грошей литовскихъ, представилъ его въ судъ и взы-

---

[1]) Это обстоятельство, равно какъ и явно благосклонное отношеніе къ нему короля, даетъ основаніе предполагать, что Балабанъ, приблизительно около 1600 г., принялъ унію. По крайней мѣрѣ его преемникъ по архимандріи жидичинской, Никодимъ Шибинскій, былъ несомнѣнно уніатомъ.

сказъ съ жалобщика означенную сумму [1]). Дальнѣйшій ходъ этого процесса, къ сожалѣнію, не извѣстенъ.

Спустя полгода послѣ того, своевольному владыкѣ неожиданно самому пришлось стать жертвою насилія со стороны своевольцевъ, въ числѣ которыхъ находились самыя близкія ему лица. Въ сентябрѣ 1597 года, когда Терлецкій, отпявъ незадолго предъ тѣмъ у Балабана жидичинскій монастырь, поѣхалъ въ Варшаву хлопотать о выдачѣ жалованной грамоты на жидичинскую архимандрію, противъ него былъ составленъ заговоръ со стороны его сосѣдей и давнихъ враговъ, земянъ Костюшковичей-Хоболтовскихъ и Яковицкихъ, къ которымъ присоединился зять Терлецкаго, извѣстный уже намъ Иванъ Велятицкій, вмѣстѣ съ своей женой Ганной Кирилловной. Этотъ буйный шляхтичъ и раньше не разъ ссорился съ своимъ тестемъ, отнималъ у него имѣнія, присвоилъ однажды 12 барокъ съ хлѣбомъ, отправленныхъ Терлецкимъ въ Гданскъ для продажи. Теперь онъ открыто перешелъ на сторону его враговъ, готовый на самыя рѣшительныя противъ него дѣйствія. Прежде всего Костюшковичи и Яковицкіе, вооруживъ своихъ людей, напали на епископское имѣніе м. Фалимичи, овладѣли тамошнимъ замкомъ, забрали находившіяся тамъ пушки и военные припасы и все найденное здѣсь имущество перевезли въ свои имѣнія. Зная, что владыка долженъ былъ самъ скоро пріѣхать въ Фалимичи, заговорщики задумали напасть на него и, если окажется возможнымъ, лишить его жизни. Для этого они разставили по дорогамъ развѣдчиковъ для наблюденія за проѣздомъ Терлецкаго, а сами устроили засаду у плотины, при въѣздѣ въ Фалимичи, и спрятавъ здѣсь вооруженныхъ людей, стали ждать своего врага. На другой день, лишь только архіерейскій экипажъ взъѣхалъ на плотину, заговорщики выскочили изъ-за засады и встрѣтили его градомъ ружейныхъ выстрѣловъ, при чемъ самого Терлецкаго опасно ранили въ ногу и убили подъ нимъ лошадь. Слугамъ архіерейскимъ съ трудомъ удалось защитить своего владыку отъ дальнѣйшей опасности и, повернувъ назадъ, они увезли его изъ-подъ выстрѣловъ и укрылись съ нимъ въ ближайшемъ крестьянскомъ дворѣ. Но заговорщики не хотѣли оставить въ покоѣ свою жертву и, окруживъ дворъ, принялись обстрѣливать его со всѣхъ

[1]) Кн. Земск. Луцкая 1597 г., л. 44.

сторонъ. Раненный и истекавшій кровью владыка принужденъ былъ искать болѣе надежнаго убѣжища въ другомъ мѣстѣ пока слуги его, при помощи подоспѣвшихъ на мѣсто происшествія сосѣднихъ крестьянъ, успѣли прогнать своевольную толпу. На другой день раненнаго владыку осматривалъ возный и нашелъ его лежавшимъ въ крестьянской хатѣ въ Фалимичахъ; платье на немъ было во многихъ мѣстахъ прострѣлено, а на лѣвой ногѣ зіяла свѣжая „кривавая“ рана; многіе изъ архіерейскихъ слугъ также оказались раненными.

Выздоровѣвъ, Терлецкій позвалъ къ суду своихъ зложелателей и въ томъ числѣ—зятя и родную свою дочь, обвиняя ихъ въ посягательствѣ на его жизнь съ цѣлью овладѣть его маетностями [1]).

Помимо того, Терлецкій уничтожилъ написанное имъ еще въ 1595 году духовное завѣщаніе и взамѣнъ его составилъ новое, по которому устранилъ ихъ отъ участія въ наслѣдствѣ по его смерти. „Вѣдаютъ, писалъ онъ въ завѣщаніи, почтивые люди, што ся мнѣ дѣяло отъ нихъ (зятя и дочери) и дѣеть, якъ добродѣйство мое мнѣ отдали и заплатили: на горло мое стояли, кровь мою разливалъ панъ зять мой, стреляючи самъ зъ ручницы на мене,—нехай онымъ Богъ заплатить!“ [2]). Чѣмъ кончилось начатое Терлецкимъ судебное дѣло о покушеніи на его жизнь—не извѣстно; но спустя нѣсколько лѣтъ онъ примирился съ своими бывшими врагами и возвратилъ зятю и дочери отнятое было у нихъ право на участіе въ наслѣдствѣ по его смерти.

Въ 1598 году, въ самый разгаръ тяжбы Терлецкаго съ жидичинскимъ архимандритомъ, противъ него было возбуждено новое тяжкое обвиненіе, о которомъ неоднократно упоминаетъ авторъ *„Перестороги“*,—въ убійствѣ и утопленіи священника Стефана Добринскаго. Обстоятельства этого неслыханнаго между христіанскими пастырями злодѣянія представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Стефанъ Добринскій былъ священникомъ въ спасскомъ черничицкомъ монастырѣ, находившемся въ самомъ предмѣстьѣ Луцка, Черничахъ, имѣніи князя Константина Острожскаго. Это былъ весьма популярный человѣкъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ въ

---

[1]) Кн. гродск. Луцк. 1597 г., л. 577, и такая же книга 1599 г., л. 550.

[2]) Археограф. Сборникъ, т. I, стр. 218.

народѣ. Онъ присутствовалъ на брестскомъ соборѣ 1596 года и его имя мы встрѣчаемъ въ числѣ лицъ, подписавшихъ соборный актъ и давшихъ здѣсь торжественный обѣтъ стоять крѣпко за вѣру православную и всѣми силами противодѣйствовать распространенію уніи [1]). За это онъ, въ числѣ другихъ ревнителей православія, былъ преданъ проклятію со стороны уніатскаго синода и объявленъ лишеннымъ священническаго сана [2]). Живя въ чернчицкомъ монастырѣ, подъ защитой могущественнаго князя Острожскаго, Стефанъ Добринскій смѣло и открыто боролся противъ уніи и, пользуясь огромнымъ вліяніемъ среди православнаго населенія, оказывалъ сильное противодѣйствіе замысламъ уніатской партіи. Когда Кириллъ Терлецкій принялся въ Луцкѣ обращать православныя церкви въ уніатскія, то луцкіе горожане, лишенные своихъ православныхъ пастырей, всѣ, по словамъ автора „Перестороги", „обернулись" къ чернчицкому священнику „и тамъ у него набоженства заживати почали". Этого не могъ простить о. Стефану владыка луцкій и, со свойственною ему неразборчивостью въ средствахъ къ достиженію задуманной цѣли, готовился прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ, чтобы только избавиться отъ вреднаго сосѣда.

Однажды, въ началѣ декабря 1597 года, Стефанъ Добринскій былъ по дѣламъ въ Луцкѣ, гдѣ, между прочимъ договорилъ какого то кузнеца Павла подковать ему лошадь. Многіе видѣли какъ о. Стефанъ, въ сопровожденіи кузнеца, поздно вечеромъ 13-го декабря отправился пѣшкомъ въ свой монастырь, но потомъ оказалось, что онъ не возвращался домой и вообще съ той поры какъ его самого, такъ равно и бывшаго съ нимъ Павла кузнеца и слѣдъ простылъ. Когда слухъ о таинственномъ исчезновеніи о. Стефана распространился въ Луцкѣ, то многіе—сначала шепотомъ, а далѣе все громче—стали называть виновникомъ его гибели Кирилла Терлецкаго: говорили, что священникъ былъ убитъ слугами владыки и тѣло его утоплено въ рѣкѣ; но толки эти были довольно неопредѣленны и дѣло о гибели Добринскаго грозило уже быть преданнымъ вѣчному забвенію. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Но весною, когда рѣка Стырь вскрылась, случайно были найдены тѣла погибшихъ: сначала Павла кузнеца подъ Луцкомъ, а въ апрѣлѣ всплыло тѣло и самого о. Стефана въ нѣсколькихъ верстахъ ниже, подъ с. Маловшами.

[1]) Архивъ Юго-Зап. Р. ч. I. т. I, стр. 529.

[2]) Акты Зап. Россіи, т. IV, стр. 149.

Случай этотъ разомъ возбудилъ полузабытые толки народа о виновникѣ гибели священника. Нашлись лица, которыя открыто обвиняли въ этомъ дѣлѣ владыку луцкаго, называли по именамъ слугъ Терлецкаго, совершившихъ убійство священника, передавали подробности преступленія. Тогда братъ погибшаго священника шляхтичъ Николай Добринскій, собравъ ходившіе въ народѣ слухи и основываясь на показаніяхъ крестьянъ чернчицкаго монастыря, занесъ въ судъ жалобу на владыку луцкаго, обвиняя его въ убійствѣ и утопленіи своего брата Стефана. Но въ рукахъ обвинителя долгое время небыло достаточныхъ уликъ противъ Терлецкаго, какъ виновника преступленія, такъ какъ единственными свидѣтелями убійства священника могли быть только слуги епископа, которые не имѣли побужденій или боялись его выдать. Многіе, возмущенные совершеннымъ злодѣяніемъ, всѣми мѣрами старались содѣйствовать открытію его виновниковъ. Въ числѣ такихъ лицъ были слуги и урядники князя Острожскаго, дѣйствовавшіе въ этомъ случаѣ, вѣроятно, не безъ воли своего патрона. Съ помощію хитрости и даже насилія, имъ удалось однажды увезти изъ города нѣкоторыхъ слугъ Терлецкаго, на которыхъ молва указывала, какъ на свидѣтелей преступленія, и передать ихъ въ руки обвинителя, который не замедлилъ представить ихъ въ судъ, какъ очевидцевъ и участниковъ убійства и утопленія его брата. Показанія этихъ лицъ сразу пролили яркій лучъ свѣта на это темное дѣло. Вотъ, для примѣра, показаніе архіерейскаго дьяка Демяна, которое дышетъ такой живостью и непосредственностію, что не можетъ быть передано иначе, какъ подлинными его словами: „милъ (имѣлъ) давній вазнь (ненависть) владыка луцкий на попа чернчицкого и заказовалъ, абы жаденъ (никто) у него не бывалъ и сакраменту не приймовалъ, и мене неразъ посылалъ, которыи тамъ хожували, абымъ я описывалъ. И часу одного в декабру, в року прошлымъ, здамися (кажется) дня осмого, на свято Миколы руского, панъ владыка луцкий в пятницю, поздно, не вимъ отъкуль до Луцка приехалъ, и назавтрее в суботу сказано ему, же (что) тутъ попъ спаский чернчицкий есть в месте (въ городѣ). Онъ заразъ послалъ мене и другого хлопця Мартинка, абысьмы того попа вышпекговали (выслѣдили). И мы его вышпекговавши, бо на тотъ часъ до коваля до Луцка приходилъ, и скоро есмо пану владыце дали знаты, заразъ послалъ Войтеха кухара, Василя Коростеля, Вижгу венгрина и мы з Мартинкомъ хлопцемъ

шли есмо за ними. Тамъ же, догонивши того попа с ковалемъ противко церкви Воскресения Христова, мовили есмо попови, абы до владыки шолъ. А было то година въ ночъ. Тотъ попъ пьяный былъ и не хотивъ ити; оны его, яко пьяного, узяли и вели берегомъ Глушца, мимо двора пана воеводы Киевского, на гору, дирею, до замку. Тамъ же кгды (когда) его привели, оддали его до рукъ владыце, на покой до него. Тамъ же намъ тылко двомъ хлопятамъ до избы ити не казано, одно они, што его привели, зостались и избу замкнули, а намъ никому поведати казали (т. е. приказали никому не разсказывать). А потомъ не вимъ, што се з нимъ дияло. Тылко жъ назавтрее, в недилю, кгды руморъ (молва) межи людми почалъ быти, же попъ згинулъ, и ему самому сказано у столу (за обѣдомъ), владыка реклъ: „ото проклятство Берестейское и молитвы наши его побили!“ а потомъ самъ реклъ: „ахъте мни! ахъте мни! Люди змовятъ, же (что) владыка попа втопивъ!“ [1]).

Въ октябрѣ 1598 года Кириллъ Терлецкій былъ позванъ въ луцкій гродскій судъ для участія въ производствѣ судебнаго разслѣдованія по дѣлу объ убійствѣ священника Добринскаго. Самъ владыка не явился въ судъ, а прислалъ вмѣсто себя повѣреннаго, славившагося тогда въ Луцкѣ адвоката Войтеха Станишевскаго. Не приступая къ производству слѣдствія, повѣренный Терлецкаго заявилъ, что его кліентъ не намѣренъ оправдываться по возбужденному противъ него обвиненію передъ свѣтскимъ судомъ, такъ какъ не признаетъ его компетентности въ настоящемъ дѣлѣ, а что онъ, какъ особа духовная, считаетъ себя подсуднымъ единственно суду духовному, предъ которымъ готовъ будетъ представить доказательства своей невинности. Тогда между сторонами возгорѣлся жаркій споръ о „форумъ“, т. е. о подсудности даннаго дѣла гродскому суду. Адвокатъ Терлецкаго, основываясь на тѣхъ соображеніяхъ, что въ данномъ случаѣ особа духовная обвиняется въ убійствѣ особы, принадлежавшей къ тому же сословію, что установленная закономъ кара за убійство не можетъ быть исполнена надъ духовнымъ лицемъ прежде, чѣмъ оно подвергнется со стороны духовныхъ властей лишенію церковнаго сана,—доказывалъ, что свѣтскій судъ не только не компетентенъ въ рѣшеніи настоящаго дѣла, но даже не долженъ производить разслѣдованіе о немъ, въ подкрѣпленіе чего защитникъ ссылался на краковскій статутъ короля Сигизмунда

[1]) Книга гродск. Луцк. 1598 г., л. 415.

I. Противъ этого обвинитель Добринскій возразилъ, что въ данномъ случаѣ какъ судъ, такъ и стороны должны руководствоваться не правами и статутами „коронными“ т. е. собственной Польши, а правомъ Волынскимъ, которое учитъ, что всѣ сословія, какъ свѣтскія, такъ и духовныя, отъ князей и до лицъ низшаго стана, должны быть судимы однимъ правомъ, по силѣ котораго всѣ уголовные проступки подлежатъ юрисдикціи суда гродскаго или земскаго; что церковному суду духовныя лица должны подлежатъ лишь по такимъ преступленіямъ, которыя касаются области вѣры, т. е. нарушенія ими церковныхъ законовъ или обязанностей пастырскаго сана, а въ данномъ случаѣ владыка обвиняется въ преступномъ дѣяніи, которое должно быть отнесено къ разряду общихъ, а никакъ не церковныхъ проступковъ; что наконецъ, задача настоящаго суда состоитъ пока не въ разрѣшеніи самаго существа даннаго дѣла, а лишь въ производствѣ судебнаго слѣдствія, которое одинаково необходимо, будетъ ли дѣло рѣшаться въ свѣтскомъ, или въ духовномъ судѣ. Выслушавъ эти „контроверсіи“, судъ объявилъ, что онъ присоединяется къ доводамъ обвинителя, и приказалъ сторонамъ приступить къ производству самаго слѣдствія. Защитникъ обвиняемаго не хотѣлъ подчиниться этому рѣшенію и потребовалъ перенесенія дѣла въ трибуналъ, но судъ отказалъ ему въ этомъ требованіи, какъ незаконномъ. Тогда повѣренный Терлецкаго торжественно протестовалъ „*o gravamen*“, т. е. что его кліентъ терпитъ якобы насиліе въ своихъ правахъ, и затѣмъ оставилъ мѣсто судебнаго засѣданія. Судъ нашелъ возможнымъ и безъ его присутствія приступить къ производству слѣдствія. Тогда обвинитель Добринскій принесъ обычную присягу въ томъ, что онъ не нанималъ и не подкупалъ представленныхъ имъ свидѣтелей, послѣ чего эти послѣдніе были допрошены въ присутствіи суда. Къ сожалѣнію, мы лишены возможности знать ихъ показанія, такъ какъ по обычаямъ тогдашняго судопроизводства свидѣтельскія показанія не были вносимы въ судебные протоколы, а записывались отдѣльно и затѣмъ въ запечатанныхъ конвертахъ вручались сторонамъ для представленія въ тотъ судъ, на рѣшеніе котораго восходило самое дѣло.[1]).

Дальнѣйшій ходъ этого любопытнаго процесса не вполнѣ извѣстенъ. Восходилъ ли онъ обычнымъ порядкомъ на разсмотрѣніе высшей судебной инстанціи, т. е. люблинскаго трибунала, или

[1]) Книга гродск. Луцк. 1598 г. л. 265.

былъ переданъ на рѣшеніе духовнаго суда, объ этомъ въ судебныхъ актахъ кіевскаго архива не имѣется свѣдѣній. Во всякомъ случаѣ ни тамъ, ни здѣсь онъ не получилъ окончательнаго рѣшенія, такъ какъ спустя два года дѣло объ убійствѣ чернчицкаго священника было перенесено Добринскимъ на рѣшеніе варшавскаго сейма, происходившаго въ началѣ 1600 года. Въ то же самое время православные обыватели рѣчи-посполитой позвали на сеймовый судъ Терлецкаго и его сподвижника по введенію уніи Ипатія Потѣя, обвиняя ихъ въ вѣроотступничествѣ и въ самовольномъ подчиненіи южнорусской православной церкви папѣ римскому, а также въ томъ, что, не взирая на опредѣленіе брестскаго православнаго собора о низложеніи и церковномъ отлученіи обоихъ названныхъ владыкъ, они продолжаютъ оставаться въ епископскомъ санѣ и вопреки всѣмъ церковнымъ и гражданскимъ законамъ, пользуются церковными имѣніями. [1]).

О томъ, что происходило на варшавскомъ сеймѣ, мы находимъ свѣдѣнія въ извѣстной „Перестороге“, историко-полемическомъ сочиненіи начала XVII вѣка. По словамъ автора „Перестороги“, дѣло Добринскаго было назначено еще къ разсмотрѣнію предшествовавшаго сейма 1598 года, но „за зволокою“ не было тогда разсмотрѣно и вмѣстѣ съ другими церковными „справами“ отложено до слѣдующаго сейма. Въ виду этого Николай Добринскій обратился къ православнымъ депутатамъ отъ воеводства волынскаго, отправлявшимся на сеймъ, съ просьбой настоять, чтобы дѣло объ убійствѣ Терлецкимъ его брата было наконецъ разсмотрѣно сеймомъ и чтобы король „обачилъ справы того, который унѣю чинитъ и зводитъ.“ Дѣйствительно, при самомъ почти закрытіи своихъ засѣданій сеймъ приступилъ къ разсмотрѣнію жалобы Добринскаго совмѣстно съ дѣломъ по обвиненію Терлецкаго и Потѣя относительно уніи. По словамъ „Перестороги,“ уніатскіе архіереи съ видомъ угнетенной невинности „удались“ подъ защиту своего всегдашняго покровителя, короля Сигизмунда III, съ представленіемъ, что вотъ-дескать, милостивый господарь, совершается „новая и неслыханая рѣчъ: овечки на пастырей жалуются и насъ за пастырей своихъ не признаваютъ, а мы почувалися, же-смо ничого такого не учинили, для чого вряды и достоинства наши духовные маемо тратити“ и т. под. Въ отвѣтъ на это одинъ изъ депутатовъ, членъ православнаго братства

[1]) Позовы Терлецкаго и Потѣя на сеймовый судъ—кн. гродск. Луцк. 1599—1600 г., л. 411 и 412.

львовскаго, произнесъ длинную обвинительную рѣчь, въ которой между прочимъ укорялъ уніатскихъ архіереевъ, что они ожесточенно преслѣдуютъ ревнителей православія, проливаютъ кровь, совершаютъ убійства, „о чомъ свѣдѣтства полные книги в судѣхъ знайдешъ,“ и этимъ такъ успѣли устрашить многихъ, что тѣ боятся открыто ратовать за свою вѣру, справедливо опасаясь, что бы ихъ „не поткала бѣда, якъ Стефана попа, котораго в Луцкой рѣцѣ утоплено за тое, ижъ противъ васъ (уніатовъ) стояти обѣцался и оповѣдался. И мѣщаномъ львовскимъ и виленскимъ, церковному братству, и тежъ берестейскимъ мѣщаномъ дали еще ся знати: вѣдаетъ то ихъ хребетъ и мѣшокъ, и попъ ихъ Павло в Берестью, якъ есте в темницѣ смродливой его мордовали, и иншимъ побожнымъ священникомъ головы и бороды есте пообголѣвали. И самого отца Никифора, великого протосингела, в заточеніе отпровадивши, уморили; и Стефана Зизанія, дидаскала школного и казнодѣю (проповѣдника), обезчестнили есте и на его здоровье такъ есте ся важили, ажъ черезъ коминъ (печная дымовая труба) вытиснувшися, утекъ з Вилна.“ [1]) Въ общемъ интересъ возбужденнаго противъ Терлецкаго и Потѣя обвиненія касательно уніи былъ такъ великъ, что, можно думать, совершенно заслонилъ вниманіе сейма отъ другаго, сравнительно меньшей важности дѣла — объ убійствѣ священника. Не извѣстно даже, состоялось-ли какое либо сеймовое рѣшеніе по этому дѣлу. Можно предполагать, что польское правительство всѣми мѣрами постаралось замять это дѣло, столь сильно компрометировавшее одного изъ главныхъ дѣятелей уніятской партіи; по крайней мѣрѣ въ королевской грамотѣ отъ 16 марта 1600 г., выданной въ подтвержденіе сеймоваго декрета по жалобѣ православныхъ на уніатскихъ архіереевъ, ничего не упоминается о дѣлѣ Добринскаго.

Насколько доказательнымъ представляется обвиненіе Терлецкаго въ убійствѣ чернчицкаго священника, объ этомъ пусть судитъ самъ читатель. Съ своей же стороны напомнимъ, что это убійство составляетъ не единственное преступленіе подобнаго рода, приписываемое луцкому епископу: современники обвиняли его сверхъ того въ убійствѣ какого-то Филиппа маляра „многопѣняжного“ съ цѣлью присвоенія его „румяныхъ золотыхъ“, въ чемъ будто-бы Терлецкій формально былъ уличенъ предъ лицемъ

1) Акты Зап. Россіи, т. IV, л. 221—225.

князя Константина Острожскаго [1]), а знаменитый Іоаннъ Вишенскій, какъ мы видѣли, обличалъ луцкаго владыку, что онъ кромѣ того и многихъ другихъ „живыхъ мертво къ Богу послалъ: однихъ сѣканною, другихъ—водотопленою, третихъ—огнепалною смертью".

Въ началѣ 1600 года Кириллъ Терлецкій ѣздилъ въ Пинскъ хоронить свою тетку, жену какого-то Андрея Терлецкаго, и пробылъ тамъ съ мѣсяцъ. Когда онъ возвратился домой, его ожидала здѣсь новая непріятность и при томъ со стороны одного изъ многочисленныхъ его родственниковъ, которыхъ онъ пріютилъ возлѣ себя, раздавъ имъ въ управленіе церковныя имѣнія. Въ его отсутствіе шляхтичъ Иванъ Терлецкій, какъ кажется, двоюродный братъ епископа, подалъ на него въ гродскій судъ жалобу слѣдующаго содержанія: скоро послѣ занятія епископской каѳедры, луцкій владыка вмѣстѣ съ братомъ своимъ Ярошемъ, „частыми и густыми" просьбами и выгодными обѣщаніями склонили его, Ивана Терлецкаго, къ тому, что онъ, продавъ свою маетность въ перемышльскомъ повѣтѣ, пріѣхалъ съ семействомъ въ Луцкъ и вмѣстѣ съ сыномъ Яномъ поступилъ на службу къ Кириллу Терлецкому, выговоривъ за то плату: 60 золотыхъ польскихъ, платье изъ фалендышоваго сукна и лисій мѣхъ на шубу—ежегодно. Владыка сдѣлалъ его управляющимъ въ церковномъ имѣніи с. Теремномъ, и Иванъ Терлецкій въ теченіе семи лѣтъ усердно исполнялъ свою должность. Но однажды, въ маѣ 1597 г., Кирилль Терлецкій, разсердившись за что-то, приказалъ отобрать у него все движимое имущество и прогналъ съ должности. Въ другой разъ владыка пришелъ въ столь ужасную ярость, что, забывъ страхъ Божій и свой санъ духовный, поносилъ его, стараго человѣка, бранными „неучтивыми" словами, собственной рукой вырвалъ ему бороду, сбилъ съ ногъ и безчеловѣчно билъ его ногами въ грудь, „съ котораго ударенія (жаловался потерпѣвшій) заразъ кишки по-за шкурою надолъ пошли и теперъ межи удомъ на нозе висятъ, съ чого и хромота на ногу левую сталасе". Избитаго и окровавленнаго Ивана Терлецкаго въ свое время свидѣтельствовалъ возный и оффиціально удостовѣрилъ передъ урядомъ, что дѣйствительно видѣлъ у него бороду вырванную, рану въ пахѣ лѣвой ноги, „съ которое кишки надолъ пошли", и дру-

---

[1]) Акты Зап. Россіи т. IV, стр. 210.

гихъ ранъ „синихъ, битыхъ“ не мало; хромота же у него осталась потомъ навсегда. Объ этихъ побояхъ Иванъ Терлецкій хотѣлъ было жаловаться на епископа, но послѣдній „перепросилъ“ его и снова принялъ къ себѣ на службу. А затѣмъ въ январѣ 1600 года владыка, „взявши передъ себе якийсь злый умыселъ, безъ данія причины слушное“, снова прогналъ жалобщика, не заплативъ за пять лѣтъ условленнаго жалованья и вообще неразсчитавшись съ нимъ такъ, „якъ ся доброму и бачному пану належало и годило“; когда же Иванъ Терлецкій сталъ требовать удержанную плату, то владыка, вмѣсто „нагороды“, „зложилъ его и злаялъ словами неучтивыми, стану его духовному непристойными“ [1]).

Лишь только Кириллъ Терлецкій узналъ объ этой жалобѣ, какъ тотчасъ внесъ въ гродскія книги свою „репротестацію“, въ которой писалъ, что родственникъ его Иванъ Терлецкій, пропивъ свою родовую маетность въ перемышльской землѣ, пѣшо и голо прибрелъ на Волынь и впросился къ нему на службу, но продолжалъ и здѣсь пьянствовать и вслѣдствіе этого дурно исполнялъ порученную ему обязанность. За это владыка не разъ лишалъ его службы и даже хотѣлъ однажды предать суду за растрату церковнаго добра, но, снисходя къ его просьбамъ и обѣщаніямъ исправиться, снова принялъ къ себѣ, помогалъ воспитывать его дѣтей и всѣми мѣрами старался удерживать его отъ пьянства и распутной жизни. Вмѣсто благодарности за всѣ эти милости и благодѣянія, Иванъ Терлецкій, вступивъ въ товарищество съ врагами епископа, взвелъ на него позорную клевету, будто владыка нанесъ ему какіе то побои и удержалъ жалованье. Возмущенный такимъ поступкомъ своего родственника, Кириллъ Терлецкій заявлялъ въ своей репротестаціи, что онъ не хочетъ оставить безъ наказанія столь дерзкое посягательство на его честь и доброе имя и намѣренъ позвать на судъ какъ самого Ивана Терлецкаго, такъ равно и его подустителей [2]).

Дѣло не дошло, однако, до суда. Спустя полгода Иванъ Терлецкій примирился съ владыкою и внесъ въ гродскія книги „ревокаціонную“ запись объ уничтоженіи прежней своей жалобы, объясняя, что онъ тогда написалъ ее „съ подущенія злыхъ людей“, враговъ епископа, увѣрившихъ его, будто владыка, бывши

---

1) Книга гродск. Луцк. 1599 и 1600 г., л. 399 и 400.

2) Тамъ-же, л. 421.

въ Римѣ, отрекся тамъ отъ православной вѣры и потому-де его родственники обязаны разорвать всякія связи съ нимъ, какъ съ вѣроотступникомъ; что владыка жаловался на него общимъ ихъ родственникамъ, живущимъ на Подгорьи, въ перемышльской землѣ, и тѣ не одобрили поступка Ивана Терлецкаго и убѣждали его извиниться передъ невинно оскорбленнымъ владыкою, „яко старшимъ въ ихъ дому“; что онъ и самъ теперь сожалѣетъ о своемъ „необачномъ и нерозсудномъ“ поступкѣ, и не желая, чтобы его „никчемная“ жалоба въ глазахъ сторонникъ людей, особливо же непріятелей владыки, въ чемъ либо „дотыкала доброй славѣ его милости“, онъ торжественно „касуетъ и уморяетъ“ ее и предоставляетъ владыкѣ право исхлопотать надлежащее разрѣшеніе на то, чтобы она была даже вычеркнута изъ судебныхъ книгъ. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ 1601 году Кириллъ Терлецкій выпросилъ у короля спеціальную грамоту, въ которой повелѣвалось старостѣ луцкому „вымазать“ въ судебныхъ книгахъ жалобу Ивана Терлецкаго, чтобы о ней на будущее время не осталось никакого помину [1]).

Послѣдніе годы жизни Кирилла Терлецкаго прошли въ ссорахъ и тяжбахъ съ луцкимъ старостой Николаемъ Семашкомъ, отецъ котораго Александръ, также староста луцкій, былъ сначала злымъ врагомъ Терлецкаго, а впослѣдствіи, примирившись, сталъ его пріятелемъ и вмѣстѣ съ нимъ предпринималъ походы противъ архимандрита жидичинскаго. Что послужило поводомъ этой ссоры—не извѣстно, но только съ конца 1602 года Николай Семашко начинаетъ систематичести притѣснять епископа и его клиръ, и эти притѣсненія во многомъ напоминаютъ тѣ, какимъ подвергался Терлецкій раньше со стороны его отца. Сначала Семешко отнялъ одно за другимъ епископскія имѣнія с. Ставокъ и Тровщину и самоуправно продалъ ихъ въ чужія руки. Когда владыка и луцкое соборное духовенство обратились съ жалобой по этому поводу къ королю, Семешко сталъ притѣснять ихъ въ самомъ епископскомъ дворѣ, который вмѣстѣ съ соборной церковью Іоанна Богослова находился, какъ извѣстно, въ верхнемъ замкѣ луцкомъ, гдѣ старостѣ принадлежали права и власть коменданта крѣпости. Прежде всего онъ приказалъ разобрать и обратить на дрова „цвинтаръ“ или заборъ, которымъ былъ ограж-

[1]) Книга гродск. Луцкая 1598—1600 г., л. 300. Такая же книга 1602—1603 г., л. 24.

денъ церковный дворъ, затѣмъ велѣлъ отбить замки у „свѣтлицъ“ архіерейскихъ, забрать оттуда всѣ столы и „лавы“ и употребить ихъ на постройку моста черезъ крѣпостной ровъ при въѣздѣ въ замокъ, а самыя свѣтлицы обратить въ конюшни для своихъ лошадей. Все это (жаловался владыка) было сдѣлано старостой не для чего иного, какъ только „ку взгардѣ (уничиженію) и соромотѣ моей“. Терлецкій заготовилъ было для починки церкви лѣсные матеріалы и сложилъ ихъ въ своемъ дворѣ, а староста приказалъ употребить ихъ на дрова для своей кухни; съ тою-же цѣлью онъ приказалъ разобрать капитальную постройку надъ входомъ въ „склепы“ архіерейскіе, гдѣ хоронились тѣла умершихъ епископовъ. [1]) Нѣсколько разъ Терлецкій жаловался лично королю на эти опустошенія и только въ мартѣ 1605 года ему удалось выхлопотать королевскій листъ, которымъ предписывалось старостѣ: возвратить отнятыя имъ церковныя имѣнія, на свой счетъ возобновить раззоренный епископскій дворъ, вознаградить владыку и соборное духовенство за причиненные имъ убытки и потери и впредь не дѣлать имъ никакихъ притѣсненій. [2]) Послушался-ли Семешко королевскаго приказанія — не извѣстно, но только съ тѣхъ поръ Терлецкій не жаловался на него больше.

Испытавъ столько огорченій, старый владыка хотѣлъ какъ-нибудь поразвлечься и, вѣроятно, съ этой цѣлью въ 1604 году предпринялъ одну изъ тѣхъ отважныхъ экспедицій, какія онъ съ такой смѣлостью и постоянной удачей совершалъ въ болѣе былые годы. Въ іюлѣ того-же года сосѣдъ Терлецкаго по имѣнію, шляхтичъ Гойскій, жаловался, что владыка издавна чинилъ ему „шкоды и кривды великіе“: отнималъ земли, нарушалъ межи, выпасывалъ его поля и т. под. Не довольствуясь всѣмъ этимъ, онъ учинилъ еще слѣдующее: въ одинъ воскресный іюльскій день, когда Гойскаго не было дома, а его крестьяне с. Угринова были въ церкви, владыка, „не маючи поваги на день святый недилный, яко особа духовная, который повиненъ зъ себе прикладъ давати,“ собралъ вооруженную толпу своихъ слугъ и крестьянъ, часть ихъ оставилъ въ засадѣ за валомъ, надъ ставомъ с. Угринова, а другой части приказалъ согнать изъ своихъ имѣній нѣсколько сотъ головъ скота и умышленно нагнать ихъ на поля угриновскія, гдѣ дозрѣвали хлѣба Гойскаго и его крестьянъ. Лишь только увидѣли это угри-

[1]) Кн. Гр. Владим. 1604. г. л. 356

[2]) Книга Гр. Владимірск. 1605 г., л. 138.

новскіе крестьяне, они тотчасъ оставили церковную службу и бросились толпой защищать свои поля. Но въ это время скрытые въ засадѣ вооруженные слуги Терлецкаго ударили имъ въ тылъ и быстрымъ натискомъ разсѣяли врага, причинивъ ему немалую потерю въ раненыхъ и избитыхъ, а сами безпрепятственно принялись до конца истреблять посѣвы. Три дня спустя эта военная эволюція была повторена въ той же формѣ, но на этотъ разъ подъ личнымъ предводительствомъ самого владыки. При этомъ повторительномъ нашествіи, бѣдные угриновскіе крестьяне даже и не пытались защищать свои трудовыя нивы. [1])

Это былъ послѣдній подвигъ Терлецкаго въ этомъ родѣ. Владыка переживалъ старческій періодъ своей жизни и часто болѣлъ, а спустя три года (въ маѣ 1607 г.) онъ умеръ, пробывъ въ санѣ епископа 30 съ небольшимъ лѣтъ. Если предположить, что Терлецкій вступилъ на епископскую каѳедру по крайней мѣрѣ въ сорокалѣтнемъ возрастѣ, то продолжительность всей его жизни нужно принять въ 70 съ лишнимъ лѣтъ.

Мѣсяца за полтора до своей смерти Терлецкій написалъ свой „тестаментъ“ или духовное завѣщаніе. Готовясь къ послѣднему разсчету и мысленно обозрѣвая свою мятежную жизнь, старый грѣшникъ не могъ не испытывать душевной тревоги и ужаса предъ наступавшей для него вѣчностью и вотъ что писалъ онъ въ своемъ завѣщаніи: „рахуючи в зуполности смысла реестра сумненя (совѣсти) своего, а споминаючи тяжкие грѣхи мои, которыми Творца и Збавителя моего завжды ображалъ есмь, прошу Его святое Бозское милости, абы, не паметаючи злостей моихъ, не входилъ зо мною въ судъ и не выконывалъ надо мною грозного и страшного справедливого декрету своего, але по невымовному милосердю своему святому, въ которомъ я надѣю (надежду) мою покладаю, былъ милостивъ души моей грѣшной“ [2]).

Въ томъ же завѣщаніи Терлецкій распредѣлилъ остававшееся послѣ него богатое наслѣдство между своими родственниками. Брату своему Ярошу онъ завѣщалъ недвижимую собственность, имѣнія въ брестскомъ и пинскомъ повѣтахъ: с. Дубую, Корсуни, Гридковичи съ приселками, Тевковичи, Мотолы и Рѣчицу; въ послѣднемъ, какъ найболѣе близкомъ къ Луцку, былъ устроенъ

---

[1]) Жалоба Гойскаго и свидѣтельство вознаго— книга гр. Луцк. 1604 г.,л. 261.

[2]) Книга гр. луцкая 1608 г., л. 481. То-же дух. завѣщаніе Терлецкаго, съ большими ошибками, было напечатано въ I т. „Археографич. Сборника“.

„коштовный“ дворецъ и здѣсь чаще всего проживалъ владыка. Относительно зятя и дочери Терлецкій писалъ въ своемъ завѣщаніи, что хотя раньше и лишилъ было ихъ права на наслѣдство, но впослѣдствіи, смягченный ихъ покорностью и уступая ходатайству „зацныхъ людей“, онъ, какъ отецъ, „отпустилъ сердцемъ то все, чемъ оны его были образили“ и отписалъ имъ всю свою богатую движимость: „готовыхъ грошей немалые сумы, золото, серебро, клейноты (драгоцѣнности), перла (жемчугъ), шаты и футра соболіе, рысіе и иные, ковры и килимы“, мѣдную и оловяную посуду, лошади, экипажи, „стрѣльбу“, т. е. ружья и пушки, и проч. Сверхъ того Велятицкимъ достались векселя на большія денежныя суммы, которыя были „винни“ епископу многіе мѣщаны, купцы—христіане и евреи и знатные шляхтичи, изъ числа коихъ, напр., долгъ жмудскаго каштеляна Нарушевича простирался на крупную сумму 14,000 червонцевъ. Всѣ эти долги были обезпечены залогами соотвѣтственной стоимости: землями, имѣніями или цѣнными вещами. Кромѣ названныхъ наслѣдниковъ, ни о комъ изъ остальныхъ членовъ многочисленной родни Терлецкаго въ его завѣщаніи не упоминается.

Кириллъ Терлецкій завѣщалъ похоронить себя „учтиво, соборомъ, звычаемъ закону греческого хованья тѣлъ епископскихъ“, въ соборной луцкой церкви Іоанна Богослова, при гробахъ его предмѣстниковъ, владыкъ луцкихъ. На сорокоустъ и для раздачи бѣднымъ онъ назначилъ 200 золотыхъ, „абы убогіе помочными были своими молитвами до Господа Бога о отпущенье грѣховъ“ его; сверхъ того онъ завѣщалъ 150 золотыхъ на постройку церкви въ луцкомъ успенскомъ женскомъ монастырѣ. Этимъ и ограничились его пожертвованія на дѣла благотворительности и нужды церковныя, тогда какъ всѣ другіе уніатскіе архіереи (напр. Ипатій Потѣй) обыкновенно записывали въ своихъ „тестаментахъ“ крупныя суммы на этотъ предметъ.

Заканчивая этимъ настоящій очеркъ, напомнимъ читателю то, что сказали въ началѣ. Мы не имѣли въ виду писать обстоятельной біографіи Кирилла Терлецкаго, какъ историческаго дѣятеля. Наша задача состояла въ томъ, чтобы, на основаніи архивныхъ матеріаловъ, въ большей части не бывшихъ доселѣ извѣстными, представить по возможности въ живомъ, конкретномъ видѣ черты быта и нравовъ высшаго южнорусскаго духовенства избранной нами эпохи. Для этого намъ казалось удоб-

нѣе всего воспользоваться біографическими матеріалами, относящимися къ дѣятельности Терлецкаго, такъ какъ въ жизни этого человѣка всего рельефнѣе обрисовываются типическія черты быта и нравовъ владыкъ того времени. Можно, конечно, допустить извѣстную долю преувеличенія въ тѣхъ многочисленныхъ и тяжкихъ судебныхъ обвиненіяхъ, какимъ подвергался Терлецкій въ свое время, но нѣтъ основаній подвергать сомнѣнію ихъ относительную достовѣрность. Притомъ же, намъ хотѣлось показать, что порочность Терлецкаго не должна быть разсматриваема исключительно какъ выраженіе испорченности его воли и необузданности его мятежной натуры, но что въ значительной части порочность эта обусловливалась всѣмъ строемъ современнаго ему общества. Особенность положенія тогдашнихъ южнорусскихъ архіереевъ въ томъ именно и состояла, что они, внѣ круга своихъ спеціально-церковныхъ обязанностей, ничѣмъ не выдѣлялись изъ рядовъ того сословія, изъ среды котораго прямо и непосредственно восходили на епископскія каѳедры: подобно всѣмъ шляхтичамъ, они владѣли имѣніями, покупали, продавали, брали и сами отдавали ихъ въ залогъ, отправляли всѣ земскія и общественныя обязанности, участвовали въ сеймахъ, трибуналахъ и „посполитыхъ рушеніяхъ“,—однимъ словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ были и считались такими же шляхтичами, какъ и остальные ихъ братья, только „духовнаго стану“. Весьма естественно, поэтому, что и въ своемъ частномъ быту южнорусскіе архіереи ничѣмъ не отличались отъ своихъ пасомыхъ, такъ что къ нимъ вполнѣ можетъ быть приложима извѣстная пословица, только въ переиначенномъ видѣ: „каковъ приходъ, таковъ и попъ“.—Безспорно, что, для избѣжанія упрековъ въ нѣкоторой односторонности настоящаго очерка, намъ слѣдовало бы, рядомъ съ біографическими чертами, рисующими частную жизнь Кирилла Терлецкаго, представить такія же черты изъ жизни и дѣятельности другихъ южнорусскихъ архіереевъ избранной эпохи, благо актовыя книги даютъ вполнѣ достаточные для того матеріалы; но это можетъ послужить предметомъ будущихъ нашихъ работъ подобнаго же рода.

Орестъ Левицкій.

Люди Старой Малороссіи *).

I. ЛИЗОГУБЫ

Лизогубы были уроженцы переяславскаго мѣстечка Глемязова [1]). Тамъ жилъ козакъ Кондратъ Ивановичъ Лизогубъ, котораго два сына—Иванъ и Яковъ, вступивъ въ ряды козачьяго войска, приняли живое участіе въ гетманскихъ междоусобицахъ, начавшихся въ Малороссіи вслѣдъ за смертью Богдана Хмельницкаго. Способности обоихъ братьевъ скоро выдвинули ихъ изъ рядоваго козачества въ старшину: Иванъ Лизогубъ уже въ 1661 г. былъ уманскимъ полковникомъ [2]), а Яковъ—поставленъ былъ отъ Сомка каневскимъ полковникомъ въ 1662 году [3]). Яковъ Лизогубъ оставался каневскимъ полковникомъ и при Брюховецкомъ, отъ котораго ѣздилъ въ 1667 г. посланцомъ въ Москву [4]). Послѣ смерти Брюховецкаго, младшій Лизогубъ сталъ сторонникомъ Дорошенка, отъ котораго посланъ былъ на лѣвый берегъ Днѣпра, уговаривать народъ—приставать къ Дорошенку [5]) Въ 1674 г. Дорошенко,

---

*) Начало настоящихъ очерковъ было напечатано въ Русск. Архивѣ 1875 и 1876 гг. и въ Историческ. Вѣстн. 1880 г.

[1]) Акты Ю. и З. Россіи, XI, 162 и духовное завѣщаніе Якова Лизогуба 1698 г.

[2]) Акты Ю. З. Р., VII, 333. Въ этомъ же году Иванъ Лизогубъ былъ „нобилитованъ“, какъ видно изъ грамоты Яна Казиміра, приложенной къ дѣлу о родѣ Лизогубовъ (Арх. Черниг. Двор. Депут. Собран.) Нобилитація дана была за то, что Иванъ Л—бъ „показывалъ неустрашимый духъ свой мужественный, защищая при всякомъ разѣ собственною грудью, цѣлость республики во время возмущенія козаковъ, съ великою славою на перерывъ предъ другими, храброю рукою оныхъ поражая, устилалъ поле сраженія ихъ трупаии, служа полковникомъ.....“

[3]) Лѣтоп. Самовидца изд. 1878 г., 68. Акты Ю. З. Р., V, 125.

[4]) Т. Ж., V, 159. Въ эту поѣздку Яковъ Л—бъ былъ пожалованъ отъ царя—дворянствомъ „за многія службы“.

[5]) Т. Ж., IX, 161 и 181.

убоявшись той популярности, которую Лизогубъ заслужилъ межъ козаками праваго берега Днѣпра, лишилъ его вліятельнаго полковничьяго уряда, назначивъ генеральнымъ есауломъ. Можетъ быть поэтому, а можетъ и вслѣдствіе того, что Лизогубъ сталъ убѣждаться въ неспособности Дорошенка стать во главѣ гетманщины, низложенный полковникъ рѣшилъ перейти на сторону Самойловича. Рѣшеніе это было поддержано тогдашнимъ переяславскимъ полковникомъ Дмитріемъ Раичемъ, который незадолго передъ тѣмъ тоже покинулъ Дорошенка. Еще въ началѣ 1673 г. Раичъ посылалъ къ Лизогубу одного грека переговорить, что нужно переходить на сторону Самойловича. Лизогубъ раичеву посланцу отвѣчалъ: „приходятъ де на ихъ сторону лихіе времена; разволокутъ ихъ турскіе люди всѣхъ!—И онъ де Яковъ со всѣмъ городомъ Каневомъ, желаетъ—какъ бы ему отъ Дорошенка отлучиться и быть подъ его царскаго величества рукою“ [1]).—Но Лизогубу хотѣлось перейти подъ царскую руку именно съ городомъ Каневомъ, чтобы сохранить при себѣ полковничій урядъ. Поэтому и Самойловичу Лизогубъ переказывалъ, что передаться къ нему онъ хочетъ вмѣстѣ съ Каневомъ, а это можно сдѣлать—лишь въ виду царскаго войска, которое могло бы въ случаѣ нужды, защитить его, Л—ба, отъ Дорошенка.—„Если де ему съ городомъ Каневымъ отъ Дорошенка отлучиться“, говорилъ Лизогубъ, „а помочи имъ не будетъ—и Дорошенко всѣми силами его, Якова, доступитъ и мученію паче всѣхъ человѣкъ предастъ и домъ разоритъ, потому что въ свойствѣ (онъ, Л—бъ, съ Дорошенкомъ). Радъ бы онъ, Яковъ, совсѣмъ своимъ домомъ и пожитки на сторону царскаго величества, за Днѣпръ перейти, да—славу свою утеряетъ: тутъ де онъ—начальнымъ знатнымъ человѣкомъ и всѣ тое стороны люди его слушаютъ“ [2]). Черезъ годъ послѣ этихъ переговоровъ Самойловичъ пришелъ въ Каневъ съ царскимъ войскомъ и—Яковъ Лизогубъ передался на сторону правобережнаго гетмана и на вѣрное подданство царю крестъ цѣловалъ [3]).

Но у Самойловича не было силы вернуть Лизогубу каневское полковничество; поэтому онъ могъ предложить новому своему стороннику лишь переселеніе на правый берегъ Днѣпра, съ правомъ поселиться гдѣ захочетъ. Въ это же время оставилъ Доро-

---

[1]) Тамъ-же, XI, 158.

[2]) Тамъ-же, 165.

[3]) Тамъ-же, 371—374.

шенка и другой его полковникъ—Федоръ Кандиба, изъ Корсуня. Лизогубъ и Кандиба вмѣстѣ оставили правый берегъ и направились со всѣми своими пожитками и стадами, въ Конотопъ, гдѣ и стали заводить себѣ новыя хозяйства, на „вольныхъ“ и „пустовскихъ“ земляхъ. По разсказу старожиловъ нач. XVIII в., Лизогубъ „не мѣючи гдѣ подѣться съ товаромъ“ (рогатымъ скотомъ) сталъ искать свободныхъ земель—между селами Сосновкою и Мал. Самборомъ. Старожилы послѣдняго разсказывали въ 1723 г., что село ихъ за Хмельницкаго было—большое, имѣвшее и земель много, „а якъ настали чигиринскія войны (1674—76 г.) то одно, за переходами военными великороссійскихъ людей подъ Чигиринъ, а другое—за оскудѣніемъ дровъ, люди—изъ того села на трактѣ великомъ лежачого—поросходились и осталось въ М. Самборѣ только семнадцать хатъ и—грунта ихъ того часу запустѣли“. Вотъ на эти то „пустовскія поля“ и обратилъ свое вниманіе Яковъ Лизогубъ, „ибо въ то время пустовскія поля помежнымъ жильцамъ занимать было кому хотя вольно“, какъ разсказывали тѣ-же старожилы. Столѣтній старецъ конотопскаго села Поповки Грицько Вертѣй разсказывалъ въ 1730 г., что лѣтъ за пятьдесятъ передъ тѣмъ, пахалъ онъ разъ ниву свою за Сосновкою и—подъѣхалъ къ нему верхомъ покойный Яковъ Лизогубъ, требуя показать „вольный гдѣ пляцъ незайманый, для займы себѣ сѣножати“. И онъ, Вертѣй указалъ ему на пустыя земли въ урочищѣ Перелазкѣ, которыя Лизогубъ тогда же занялъ и плугами оборалъ. Перегнавши сюда стада свои, Лизогубъ сталъ тамъ и поля распахивать. Другой старожилъ добавилъ, что Лизогубъ часто и самъ наѣзжалъ на новые свои земли, ставилъ на могилѣ свой „наметъ“ (палатку), и распоряжалъ на мѣстѣ свое хозяйство; а могила, гдѣ ставился наметъ, съ тѣхъ поръ и зовется—лизогубиною могилой, пояснили другіе старожилы [1]). Степное хозяйство нуждалось въ лѣсахъ и водяныхъ мельницахъ; тѣ и другія Лизогубъ тогда же сталъ скупать по берегамъ Сейма, около Конотопа [2]). Занявъ часть малосамборскихъ земель, Лизогубъ скоро пріобрѣлъ себѣ здѣсь и сосѣда—стараго своего товарища по службѣ у Дорошенка и будущаго гетмана—Мазепу. Извѣстно, что Мазепа былъ у Дорошенка ротмистромъ его „надворной корогвы“ (тѣлохранителей). Въ 1773 г. Дорошенко послалъ Мазепу въ Крымъ—отвезти Хану въ подарокъ

---

[1]) Рукоп. нашей б-ки.

[2]) Обозр. Румянцовск. Описи, 230 и друг.

нѣсколько плѣнныхъ запорожцевъ; на дорогѣ, Мазепа былъ захваченъ запорожскимъ отрядомъ и приведенъ въ Сѣчь; здѣсь запорожцы хотѣли было его убить, но по заступничеству тогдашняго кошеваго Сѣрка, смерть замѣнена была заключеніемъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, Мазепа выкупленъ былъ у запорожцевъ Самойловичемъ и принятъ былъ въ число гетманскихъ „дворянъ". Скоро за тѣмъ Самойловичъ надѣлилъ новаго своего дворянина и маетностью, давъ ему село Мал. Самборъ, гдѣ и сталъ Мазепа заводить свое хозяйство. Достатки будущаго гетмана въ это время были настолько малы, что по словамъ его сосѣдей,—у него не было и четырехъ паръ воловъ, чтобы запречь самому свой плугъ, и онъ, „пока не ожился", велѣлъ своему старостѣ „спрягаться" съ Иваномъ Охрѣменкомъ, малосамборскимъ козакомъ, и—распахалъ вмѣстѣ съ нимъ, четыре „лана" около земель, занятыхъ передъ тѣмъ Лизогубомъ. У Мазепы нестава́ло иногда сѣна и тогда онъ покупалъ его у сосѣда своего Лизогуба. Прежняя совмѣстная служба у Дорошенка и новое сосѣдство по малосамборскимъ землямъ очень пригодились Лизогубу впослѣдствіи.

Въ Конотопѣ Лизогубъ оставался до 1687 года; въ этомъ году онъ пошелъ съ Самойловичемъ, въ числѣ прочихъ войсковыхъ товарищей, въ крымскій походъ. Какъ извѣстно, на этомъ походѣ—у Коломака Самойловичъ былъ низложенъ; въ низложеніи этомъ и Лизогубъ принималъ, повидимому, не малое участіе, потому что вслѣдъ за избраніемъ Мазепы Лизогубъ тутъ же на походѣ, получилъ черниговское полковничество, ставшее вакантнымъ послѣ Григорія Самойловича, лишеннаго уряда вмѣстѣ съ отцомъ. Мазепа видѣлъ въ Лизогубѣ человѣка уже опытнаго не только въ военномъ дѣлѣ, но и въ тѣхъ интригахъ, безъ которыхъ новому гетману нельзя было обойтись, утверждая за собою такъ нежданно полученную булаву.—На возвратномъ пути изъ-подъ Коломана, Лизогубъ выпросилъ себѣ у новаго гетмана село Сосновку, около котораго онъ занялъ раньше „пустовскія земли" въ урочищѣ Перелазкѣ [1]). Желая привлечь стараго полковника въ число своихъ сторонниковъ, Мазепа далъ въ 1688г. единственному сыну Якова Лизогуба, Ефиму, сначала урядъ генеральнаго хорунжаго, а потомъ—и три села: Погребки, Хижки и Крапивную. Въ 1689 г. Лизогубъ ходилъ съ гетманомъ въ чи-

[1]) Универсалъ Лизогубу на Сосновку, подписанъ Мазепою 17 августа 1687 г., въ Ромнѣ.

слѣ прочихъ полковниковъ, во второй крымскій походъ, по возвращеніи изъ котораго Мазепа раздалъ старшинѣ множество маетностей, такъ какъ козаки были недовольны этимъ неудавшимся походомъ (собственно за то, что недокончена была осада Перекопа и козакамъ не удалось поживиться въ немъ добычею) и гетману необходимо было приласкать старшину. Щедрѣе другихъ надѣленъ былъ при этомъ Лизогубъ, получившій два большихъ села, Слабинъ и Бѣгачъ, и шесть приселковъ: Шестовицу, Зопотинку, Козороги, Андреевку, Гнилушу и Соколовку.—Въ томъ же 1689 г. Мазепа ѣздилъ въ Москву, куда бралъ съ собою и Лизогуба, въ числѣ четырехъ старѣйшихъ полковниковъ.

На урядѣ черниговскаго полковника Яковъ Лизогубъ особенно отличился въ 1696 г., при взятіи Азова, гдѣ онъ былъ наказнымъ гетманомъ. Служба козаковъ при осадѣ Азова подробно описана Гордономъ въ его дневникѣ; при этомъ Гордонъ хвалитъ и расторопность Лизогуба. Но интересно, что малороссійскія лѣтописи взятіе Азова приписываютъ прямо одному Лизогубу; такъ черниговская лѣтопись говоритъ объ этомъ: „Петръ Алексѣевичъ, царь московскій, ходилъ подъ Азовъ другій разъ и взялъ его, за поводомъ и отвагою Якова Лизогуба полковника черниговскаго, который то Лизогубъ казалъ козакамъ своимъ засыпати фосу ровно зъ валомъ и—взялъ его“ [1]). Впрочемъ и самъ Петръ В. оцѣнилъ заслуги Лизогуба по осадѣ Азова: извѣщая патріарха о взятіи этого города, царь хвалилъ и Лизогуба, „мужа искуснаго въ добродѣтели и въ военныхъ трудахъ“ [2]).

Взятіемъ Азова Лизогубъ кончилъ военную свою службу, будучи въ то время уже глубокимъ старикомъ. Послѣдніе два года жизни Лизогубъ прожилъ на покоѣ, въ полковомъ своемъ городѣ Черниговѣ. Здѣсь, лѣтомъ 1698 г., написалъ онъ свое завѣщаніе. Начинается оно такъ: „Яко всему христіанскому народови есть вѣдомъ праведный вырокъ (слово) Божій, ижъ хто колвекъ родится на сей временный свѣтъ, муситъ (долженъ) умѣрати, такъ и я, его царского пресвѣтл. величества войска запорожского чернѣговскій полковникъ Яковъ Кондратовичъ Лизогубъ, о томъ досконале и завше (всегда) на мыслѣ моей, иле (тѣмъ

---

[1]) Черниг. лѣтоп. по списку нашей б—ки.

[2]) Устряловъ, Истор. Петра В., II, 288.

болѣе) въ нынѣшнихъ лѣтехъ шендивыхъ (преклонныхъ) маючи подходячій терминъ смертельный, отъ которого нѣхто есть вольнымъ, овшемъ подлугъ его святого праведного выроку бозского, подлѣгати муситъ оной, теди умислилемъ теперъ, еще при здоровю, моемъ, добра (имѣнія) мои працею (трудомъ) набутіе такъ рухоме (движимыя) яко и лежачіе (недвижимыя) за живота своего распорядити и дѣтей моихъ, дочокъ и внуковъ, хто чого зъ нихъ годенъ есть, слушне (надлежаще) оными добрами подѣлити и уконтентовати порядкомъ". Черниговскія свои имѣнія: Слабинъ, Шестовицу, Золотинку, Козороги, Гнилушу, Андреевку, и рыбныя ловли Лизогубъ завѣщалъ сыну Ефиму, съ условіемъ чтобы онъ „при женѣ моей, а своей матцѣ единокупно жилъ, абы еи, матки своей, ни въ чомъ, ховай Боже, не раздражалъ и не квилячи, повольность сыновскую противъ ней оказовалъ такъ властне, якъ надлежитъ, тоесть жебы оную чтивъ, шановавъ и поважавъ и во всемъ слухалъ". При этомъ старый полковникъ совѣтовалъ сыну—подѣлить въ свое время, внуковъ такимъ образомъ, чтобы старшему—Андрею достались конотопскія и кролевецкія имѣнія, а младшимъ Якову и Семену,—черниговскія. Болѣе всего заботился Яковъ Лизогубъ о своемъ внукѣ Яковѣ, какъ видно своемъ любимцѣ, напоминая сыну, чтобы тотъ какъ нибудь „не задѣлилъ Якова внука подстаршаго". Самъ дѣдъ завѣщалъ этому внуку особо с. Бѣгачъ и разные небольшіе „грунта", но съ тѣмъ, чтобъ надъ этимъ имѣніемъ жена его, полковника, была „головою", а „онъ, Яковъ внукъ, вѣдая то, что будетъ хозяиномъ этихъ имѣній, старался бы заслужить милость и ласку своей бабы, которую бы чтилъ, шановалъ и поважалъ какъ мать и даже больше того"....

Дочерямъ своимъ, „сколько ихъ есть", Лизогубъ оставлялъ по 500 золотыхъ (золотой=20 коп.), а остальныя деньги поручалъ женѣ, чтобъ она сама уже подѣлила ихъ межъ дѣтьми, когда и какъ захочетъ. Исключеніе было сдѣлано для одной только дочери Марьи: „дочкѣ моей старшей Маріи съ мужемъ ея Степаномъ Бутовичемъ, нынѣшнимъ седневскимъ сотникомъ, за ихъ ко мнѣ упреймую зычливость (искреннюю пріязнь) а особенно за устройство моего хозяйства, отписываю два сельца—Солоновку и Боромыки, если на то будетъ милость ясневельможнаго п. гетмана" [1]). Серебро свое въ вещахъ Лизогубъ завѣщалъ—подѣлить на всѣхъ дѣтей,

[1]) Солоновка и Боромыки принадлежали къ числу полковыхъ маетностей и, завѣщая ихъ дочери своей, Лизогубъ надѣялся, что гетманъ подтвердитъ волю завѣщателя—особымъ своимъ универсаломъ.

добавивъ только, что „роструханъ милостиваго царскаго жалованья еще за живота моего, Яковову сыну, а моему правнуковѣ, далемъ на память собѣ. Корабликъ вѣсомъ въ шесть гривенъ и еще роструханъ какой добрый или коновку, отписую ясневельможному его милости п. гетману, милостивому моему добродѣеви". Не забылъ полковникъ и дальнихъ своихъ родичей: сродниковъ моихъ, живущихъ въ бѣдности въ м. Глемязовѣ, поручаю женѣ моей—надѣлить ихъ скотомъ рогатымъ, давъ каждому по три и по четыре головы, чтобы помнили меня. „За душу свою, для отправленія сорокоустовъ и для вписанія имени своего въ суботники", Лизогубъ назначилъ въ церкви кіевскія—печерскую и софійскую и въ черниговскую борисоглѣбскую—по сто червонцевъ, въ елецкій монастырь, гдѣ завѣщалъ похоронить себя—тысячу золотыхъ (т. е. 200 р.) и затѣмъ на разные другіе монастыри и церкви: по 20 р. на монастыри и по 10 талеровъ (6 р.) на церкви; да бѣднымъ завѣщалъ раздать—200 рублей. Въ заключеніе Лизогубъ проситъ жену—точно исполнить послѣднюю его волю относительно распредѣленія „худобы", которую онъ собралъ за долговременную свою службу Войску Запорожскому, причемъ „не разъ приходилось ему и кровь свою проливать".

Исполнителями посмертной своей воли, кромѣ жены, Лизогубъ назначилъ—генеральнаго обознаго Василія Борковскаго и генеральнаго бунчучнаго Ивана Скоропадскаго, „которыхъ устне о томъ просилося, такъ и теперь симъ моимъ тестаментомъ прошу и злецаю (поручаю) ихъ милостемъ, чтобы они высокимъ своимъ разсмотрѣніемъ сіе мое распоряженіе поправили и чего бы не потрафилъ—якъ леговати (завѣщать) съ добръ моихъ, то чтобы ихъ милости яко выскій розумъ маючіе, ведлугъ уваги своей (по своему усмотрѣнію) дѣтей моихъ какъ надлежитъ поименованными добрами подѣлили, а они, дѣти мои, должны исполнить волю ихъ милостей. Тутъ же прошу ихъ милостей, чтобы они по смерти моей, какъ жену, такъ и дѣтей имѣли въ особливомъ своемъ призрѣніи".

Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ завѣщанія, Лизогубъ, предоставляя Борковскому и Скоропадскому—измѣнить его завѣщаніе по ихъ усмотрѣнію, былъ конечно увѣренъ, что душеприказчики не станутъ неремѣнять его воли, но за то довѣріе, которое оказывалъ имъ старый ихъ товарищъ, тѣмъ съ большимъ вниманіемъ отнесутся къ сиротѣлой семьѣ. Вниманіе это главнымъ образомъ должно было выразиться въ предстательствѣ Борковскаго и Ско-

ропадскаго у гетмана за остававшагося сына и трехъ внуковъ, за ихъ дальнѣйшую судьбу, за предоставленіе имъ хорошихъ урядовъ въ войскѣ.... Написавъ завѣщаніе лѣтомъ 1698 г,, Яковъ Лизогубъ въ томъ же году и умеръ. Сынъ его Ефимъ вмѣстѣ съ отцовскими имѣніями унаслѣдовалъ и отцовскій урядъ: вслѣдъ за смертью стараго Лизогуба, Мазепа поставилъ черниговскимъ полковникомъ Ефима Лизогуба, который до этого времени сохранялъ урядъ хорунжаго.

Ефимъ Лизогубъ извѣстенъ лишь тѣмъ, что женатъ былъ на дочери Петра Дорошенка. Интересный разсказъ объ этой женитьбѣ переданъ самимъ Яковомъ Лизогубомъ, который говоритъ, что онъ хотѣлъ женить сына на падчерицѣ бездѣтнаго Дмитрія Раича, славившагося своимъ богатствомъ, и что на эту женитьбу согласенъ былъ и Раичъ. Но въ старой Малороссіи былъ такой обычай, что высшая старшина женила своихъ сыновей неиначе какъ съ вѣдома гетмана; поэтому Яковъ Лизогубъ, сговорившись съ Раичемъ, заявилъ о своемъ намѣреніи Дорошенку. Послѣднему сватовство это не понравилось: онъ нашелъ, что какъ только Лизогубъ женитъ сына на падчерицѣ Раича, то онъ и самъ перейдетъ на правый берегъ Днѣпра, гдѣ жилъ Раичъ, и съ нимъ „многіе люди въ соединеніи будутъ и оттого будетъ смятеніе“. Посовѣтовавшись съ митрополитомъ Тукальскимъ, Дорошенко отвѣчалъ Лизогубу: „напрасно де онъ съ Дмитрашкомъ (Раичемъ) о свойствѣ ссылку чинитъ; они (Раичи) де люди богатые и будутъ имъ (Лизогубомъ) гордить и въ свойствѣ ему съ нимъ быть не пристойно; знатно (должно быть) де онъ (Лизогубъ) его, Дорошенка, не смѣетъ (просить выдать его дочь за своего сына) потому что (онъ, Дорошенко) гетманъ, и онъ де Дорошенко имъ, Яковомъ, и сыномъ гордить не будетъ и у него Дорошенка, дочь есть. И взявъ его, Якова, за руку, говорилъ: пусть де онъ Яковъ будетъ сватомъ Дорошенку, а не Дмитрашку. И велѣлъ ему, Якову, сына своего прислать и дочь его Дорошенкову имать въ скорыхъ часѣхъ. И онъ, Яковъ убоясь его Дорошенка, не отговариваясь ничѣмъ, сына своего на его Дорошенковой дочери женилъ“ [1]).

Ефимъ Лизогубъ оставался черниговскимъ полковникомъ, какъ и отецъ, тоже до смерти, кажется въ 1705 г. О немъ мы знаемъ очень мало; общественная дѣятельность Ефима Л—ба не

[1]) Акты Ю. З. Р. XI, 163.

оставила ровно никакихъ слѣдовъ. Какъ видно, онъ исключительно занятъ былъ своими маетностями, которыя, сколько могъ, пріумножалъ, пользуясь своею полковничьей властью [1]).

Ефимъ оставилъ трехъ сыновей: Андрея, Якова и Семена, которые всѣ три были настолько замѣтными людьми въ малороссійскомъ обществѣ первой половины XVIII в., что о каждомъ изъ нихъ можно сказать особо.

Старшій изъ нихъ—Андрей Ефимовичъ Л—бъ получилъ въ наслѣдство маетности конотопскія и кролевецкія, т. е. Сосновку, Крапивную, Хижки, Погребки и всѣ тѣ лѣса и мельницы, которые пріобрѣтены были между Конотопомъ и Сеймомъ, еще дѣдомъ его. Женитьбою на дочери стародубскаго полковника Миклашевскаго, Андрей пріобрѣлъ еще раньше, при жизни отца, особыя маетности. Уже въ универсалѣ 1694 г. читаемъ, что Мазепа „респектомъ знатныхъ услугъ полковника стародубскаго Мик. Миклашевскаго и хорунжаго генеральнаго Ефима Лизогуба, надалъ зятю перваго, а послѣдняго сыну—Андрею Лизогубу, село Старое Почепище". Получивъ эту маетность, Андрей Л—бъ туда и перебрался, чтобы подъ защитою вліятельнаго тестя, начать устройство собственнаго хозяйства, пока дойдетъ чередъ до наслѣдства.—Стародубскій полкъ въ это время заселенъ былъ еще не густо и пріобрѣтеніе въ немъ земель не особенно было затруднительно, особенно для полковничьяго зятя. Поэтому Лизогубъ, недовольствуясь Почепищемъ, сталъ скупать тамъ земли, на которыхъ поселилъ слободу Лизогубовку и хуторъ Дадеровскій.

Въ стародубскомъ полку Лизогубъ пріобрѣталъ земли пока живы были отецъ и тесть. А когда умеръ сначала отецъ, а потомъ убитъ былъ тесть, Мазепа немедленно измѣнилъ отношенія свои къ Андрею Л—бу: Миклашевскій былъ убитъ весною 1706 г., а осенью того же года Мазепа отнялъ у Андрея—с. Ст. Почепъ, объясняя въ своемъ универсалѣ, что „за время управленія стародубскимъ полкомъ Миклашевскаго, всѣ села, какія принадлежали къ ратушѣ города Почепа, розданы державцамъ; оставалось едва ли не послѣднее село Ст. Почепъ, но и то отдано было Андрею Л—бу, по настоятельнымъ просьбамъ его тестя, и что, вслѣдствіе такой раздачи ратушныхъ селъ, населеніе г. Почепа окончательно обнищало". Поэтому гетманъ нашелъ нужнымъ с. Ст. Почепъ возвратить почепской ратушѣ, чтобы „почепскіе жители

[1]) Обозрѣніе Румянц. Описи, 36.

на своихъ одержалися осѣдлостяхъ и свои недостатки привели до полности"; а универсалъ, данный передъ симъ Андрею Л—бу на с. Ст. Почепъ, гетманъ „касуетъ", приказывая, чтобы Лизогубъ уступилъ то село безъ всякаго возраженія [1]). Такъ Мазепа дѣлалъ очень часто: пока отецъ и тесть Андрея Л—ба были живы, онъ находилъ возможнымъ награждать его не смотря на то, что за Андреемъ никакихъ службъ не было; какъ только нужные Мазепѣ люди умирали, онъ немедленно отбиралъ у ихъ родичей то, что давалъ прежде. Старое Почепище возвращено было впрочемъ Андрею Л—бу Скоропадскимъ, вслѣдъ за измѣною Мазепы, въ ноябрѣ 1708 г., но не надолго: 9 іюля 1709 г. Скоропадскій подарилъ почепскую сотню Меншикову, который тогда все отнялъ у Лизогуба: и Почепище, и поселенныя имъ слободы [2]).

Потерявъ почепскія имѣнія, Андрей Лизогубъ переселился въ Конотопъ. Отсюда онъ и управлялъ своими маетностями (Погребками, Хижками, Сосновкою и Крапивною), которыя достались ему по смерти его отца. Управленіе заключалось главнымъ образомъ въ увеличеніи земель посредствомъ разныхъ насилій. При этомъ наиболѣе страдали козаки, у которыхъ Лизогубъ сначала отнималъ земли, а потомъ и хозяевъ ихъ „верстalъ" въ крестьяне. Дѣлалось это такимъ образомъ: козакъ бралъ въ долгъ у Лизогуба деньги, на какую нибудь крайнюю нужду, или „напивалъ" въ долгъ въ шинкѣ его, а въ обезпеченіе долга отдавалъ въ залогъ свою землю; если долгъ въ срокъ не уплачивался, то должникъ выдавалъ волей неволей Лизогубу на заложенную землю купчую запись. Козакъ с. Погребковъ Григорій Шкуренко разсказываетъ, что какъ задолжалъ онъ Лизогубу 50 золотыхъ (10 р.) то послѣдній говорилъ ему: дай мнѣ „въ арештъ" грунта свои, а я буду ждать долга, пока спроможешься съ деньгами.—Я и отдалъ, продолжаетъ Шкуренко, Лизогубу свой грунтикъ, но „не во владѣніе, а въ застанову" (въ залогъ); а какъ насталъ срокъ платежа уплаты, сталъ я просить Лизогуба подождать—пока продамъ свой скотъ, который нарочно выготовилъ для продажи. А Лизогубъ—задержалъ меня въ своемъ дворѣ и держалъ двѣ недѣли, требуя отдачи долга.—Со слезами просилъ я Лизогуба—отпустить меня домой, такъ какъ жена моя въ то время лежала „на смертной постелѣ", обѣщая скоро и долгъ уплатить.

---

[1]) Черниг. Губ. Вѣд. 1853 г., № 34.

[2]) Т. Ж.

Но Лизогубъ тогда же вмѣстѣ съ своимъ „господаремъ“ оцѣнилъ мой грунтикъ и насильно послалъ меня къ конотопскому соборному попу, говоря: иди къ попу и какъ попъ будетъ писать—будь при томъ!—Попъ написалъ купчую, но безъ свидѣтелей съ моей стороны и безъ объявленія купчей въ ратушѣ. Тогда Лизогубъ отпустилъ меня домой, а вслѣдъ за мною прислалъ слугу своего, чтобъ я выходилъ изъ своего двора.—Такъ п. Лизогубъ и завладѣлъ моимъ грунтомъ, хотя я ему и деньги потомъ носилъ.....

Обезземеливъ такимъ образомъ козака, Лизогубъ уже безъ труда „версталъ“ его затѣмъ въ крестьяне: сначала онъ принималъ такого козака къ себѣ—подсосѣдкомъ, поселяя его въ томъ-же дворѣ, который передъ тѣмъ у него же отнималъ; а потомъ—принуждалъ подсосѣдка отбывать повинности наравнѣ съ крестьянами, угрожая въ противномъ случаѣ—выгнать изъ двора. Если у козака была семья, ему трудно было подниматься съ нею, чтобы идти куда-нибудь „на слободу“; онъ и оставался съ обязательствомъ уже—отбывать „панщину“. При этомъ козакъ зналъ еще и то, что ставъ „подданнымъ“, онъ уже не будетъ ходить въ походы, да, кромѣ того, будетъ избавленъ и отъ многихъ другихъ общественныхъ повинностей, отъ которыхъ будетъ его отстаивать новый панъ, защищая свою рабочую силу.

Такимъ образомъ переводилъ Лизогубъ въ крестьянъ и козаковъ с. Сосновки, гдѣ земель у него было много, а рабочихъ—мало. Но здѣсь онъ встрѣтилъ сначала отпоръ со стороны сосновскаго атамана Ивана Величка, который донесъ гетману, что Лизогубъ производитъ убыль въ его козакахъ „верстаніемъ“ ихъ въ крестьяне. Скоропадскій написалъ Лизогубу—не трогать козаковъ. Приказъ гетмана имѣлъ значеніе въ этихъ случаяхъ, лишь на первое время, пока возвращенные изъ крестьянъ козаки не становились снова въ то положеніе, когда ихъ опять можно было обратить въ подсосѣдковъ... Но Лизогубъ былъ обиженъ дерзостью сосновскаго атамана и рѣшился ему отмстить. У Величка земля была—купленная у сосновскаго козака Дениса Шостаченка. Купилъ Величко у Шостаченка усадьбу и пахатное поле въ 1702 г. и владѣлъ ими лѣтъ десять спокойно. Но сошелся онъ какъ то въ „арендѣ“ (корчмѣ) съ сыномъ Дениса Шостаченка, и тотъ сталъ доказывать, что купля Величка была неправильная и онъ долженъ возвратить землю ему, Шостаченку, сыну продавца. Возникъ споръ, за разрѣшеніемъ котораго обѣ сто-

роны обратились къ конотопскому сотнику. Но пока состоялся судъ, Шостаченко отправился къ Лизогубу и выдалъ ему купчую на спорную землю, зная, что это будетъ лучшій способъ отнять у Величка продажу своего отца. Получивъ купчую на землю, которою Величко владѣлъ болѣе десяти лѣтъ уже, Лизогубу нужно было прогнать Величка, такъ какъ послѣдній не хотѣлъ уступать землю добровольно. Лизогубъ употребилъ силу: „не терпѣлъ я такой муки", пишетъ въ своей жалобѣ Величко, „и будучи на турецкой каторгѣ въ плѣну, какую пришлось терпѣть отъ него, п. Лизогуба!—приковалъ онъ меня за шею къ дымовой трубѣ („до комена грубного") и душилъ („пурилъ") дымомъ недѣль семь, да еще въ самую рабочую пору... Хвалился и застрѣлить меня... А потомъ забралъ дворъ и пашню мою, а я принужденъ былъ—уходить и скитаться въ полтавскомъ полку лѣтъ тринадцать..." Въ этихъ скитаніяхъ Величко прослышалъ наконецъ, что вмѣсто гетмана, стала въ Глуховѣ править дѣлами коллегія, которая будто бы не только принимаетъ жалобы на пановъ, но и разрѣшаетъ эти жалобы справедливо... Величко вернулся въ Сосновку и прямо отправился въ свою хату; но Лизогубъ прислалъ своего старосту и—Величко изъ хаты былъ удаленъ. Величко обратился къ своему полковнику (нѣжинскому), но такъ какъ Лизогубъ былъ бунчуковымъ товарищемъ, то судить его могъ только гетманъ; а такъ какъ гетмана въ это время не существовало, то жалоба Величка была передана тогдашнимъ „правителямъ" генеральной канцеляріи. По жалобѣ Величка поручено было произвести слѣдствіе одному изъ канцеляристовъ, который долженъ былъ рѣшить—чья купчая на земли Шостаченка крѣпче, Величка или Лизогуба?—Лизогубъ сталъ доказывать, что купчая Величка составлена подложно и что объясненіе Величка, что купчую эту писалъ умершій сосновскій дьякъ Василій—не справедливо, причемъ сослался на учениковъ умершаго дьяка—сосновскаго священника и новаго дьяка, которые учились писать у Василія и „на его руку". Для сличенія почерковъ, найдено было у одного козака, писанное умершимъ дьякомъ завѣщаніе, съ которымъ и сличена была купчая Величка, „по лѣтерахъ, силлябахъ, дикціяхъ и строфахъ, чи сходны лѣтери зъ лѣтерами?—Теди, не мало слова зъ словами не были сходны, поневажъ того старого дьяка на духовницѣ—старый и характеръ, а купчая Величкова здается не давно писана, хочай давній годъ (1702) въ ней написанъ". Такимъ образомъ купчая

Величка признана была подложною. Величко долженъ былъ навсегда отказаться отъ тѣхъ земель, которыя несомнѣнно проданы были ему Шостаченкомъ, потому что послѣ этой продажи, Величко болѣе десяти лѣтъ прожилъ на этихъ земляхъ безъ всякихъ возраженій со стороны сына продавца. Трудно было селянамъ бороться съ Лизогубомъ, который, хорошо понимая безсиліе тогдашней власти, зналъ, что насилія его останутся безнаказанными.—Въ мѣстностяхъ Лизогуба ни козакъ, ни крестьянинъ не смѣли продавать своихъ земель кому нибудь другому, какъ только ему, Лизогубу. Такъ водилось вообще въ маетностяхъ сильныхъ пановъ; но Лизогубъ умѣлъ этотъ обычай усилить еще прямымъ запрещеніемъ для своихъ сосѣдей покупать земли въ его маетностяхъ. Въ этомъ отношеніи мы встрѣтили очень интересный документъ 1707 г., по которому извѣстный Кочубей, бывшій тогда генеральнымъ судьею, запрещаетъ козакамъ и крестьянамъ глуховскаго села своего Ярославца брать въ залогъ земли у жителей с. Погребковъ, принадлежавшаго Лизогубу [1]). Вотъ этотъ документъ. „Вамъ, якъ козакамъ, такъ и посполитымъ людемъ села моего Ярославца, даю приказъ симъ моимъ писаніемъ, кто бы колвекъ вамъ мѣлъ зъ людей погребскихъ якій колвекъ грунтъ, либо поле або гай (лѣсъ) въ заставу пускать, потребуючи себѣ у васъ грошей, абысте потай (безъ вѣдома) тамошнего старшого (разумѣется старшій—поставленный отъ Лизогуба) яко то старостиного дозволеня и освѣдченя, албо войтового, не въ кого ниякого грунта не важилися пріймовати и грошей своихъ позичати (давать въ долгъ), але за дозволенемъ и освѣдченемъ старшого тое чините, яко въ каждомъ городѣ и селѣ такій звичай есть для своего пожиткованя; бо донесено мнѣ, же (что) нѣкоторіи назвишъ (выше названные, т. е. жители с. Погребковъ) гроши забравши, отъ своего застановленного грунту, прочъ уходятъ, зачимъ ежели потай отъ сего часу такую заставу хто пріймѣтъ, не ознаймившись старшимъ, то гроши его пропадутъ[а] [2]).

Кромѣ „скупли“ козачьихъ земель, Лизогубъ богатѣлъ еще занимаясь и торговлею; торговалъ онъ преимущественно быками,

---

[1]) Большинство своихъ земельныхъ отчужденій козаки и крестьяне производили такимъ образомъ, что сначала земли эти отдавали въ залогъ, а потомъ, не имѣя средствъ выкупить эти земли, выдавали уже на нихъ купчія.

[2]) Частн. архивъ.

которыхъ сначала выпасывалъ на крапивянскихъ своихъ степяхъ, а потомъ гонялъ ихъ въ Данцигъ, гдѣ былъ главный тогдашній рынокъ этого товара. Впрочемъ данцигскіе торговцы и сами пріѣзжали за быками въ Малороссію, которая и тогда славилась своимъ „украинскимъ“ скотомъ [1]).

Конотопскія свои богатства Лизогубъ увеличилъ преимущественно за время своего сотничества въ Конотопѣ. Пробывъ около пяти лѣтъ (1714—19) конотопскимъ сотникомъ, Лизогубъ до того тѣснилъ своихъ сотнянъ разными вымогательствами и поборами, что, не смотря на поддержку брата своего Якова, бывшаго въ то время генеральнымъ бунчучнымъ, былъ отставленъ отъ уряда [2]). Остальное время своей жизни Лизогубъ прожилъ въ Конотопѣ, гдѣ онъ построилъ каменную церковь рождества Богородицы—теперешній соборъ.

Умеръ Андрей Лизогубъ въ 1737 г., оставивъ четырехъ дочерей, мужья которыхъ долго спорили между собою, пока не подѣлились тестевскими богатствами. Болѣе всѣхъ задерживалъ дѣло раздѣла Валькевичъ, пользуясь своимъ вліяніемъ въ глуховскихъ канцеляріяхъ. Остальные наслѣдники пожаловались въ сенатъ, откуда въ концѣ 1746 г. полученъ былъ указъ „о высылкѣ въ самой скорости въ Петербургъ генер. есаула Петра Валькевича по дѣлу съ Журавковою о духовной Андрея Лизогуба и о посылкѣ туда всего дѣла, въ генеральной и судовой канце-

---

[1]) Вотъ одинъ изъ документовъ, знакомящій съ этою торговлею. „Року 1708, мѣс. іюля 13 дня. Мы Якубъ Шолцъ и Матіашъ Дембровскій, жителѣ, купцѣ и резники Кдавскіе, чинимо вѣдомо симъ нашимъ облѣкомъ, ижесмо взяли у его мил. п. Андрея Лизогуба, значного товарища войскового, жителя конотопскаго, торгомъ въ боргъ (въ долгъ) воловъ тридцять, цѣною каждый волъ по десять талярей безъ золотого (5 р. 80 к.). А до тихъ же воловъ взялисмо еще на мыто грошей талярей 60 зполна, якіе то гроши, должніе за воли и позиченніе на мыто, всѣ—потому будуть червоніе уво Гданску, тоею цѣною маемо сеей зимы знову на Вкраину и въ Конотопъ пригостивши (пріѣхавши) сами всю тую сумму ему, п. Лизогубовѣ, червоными отдати конечне“.

[2]) Поводомъ къ удаленію Л—ба отъ уряда была, какъ кажется, растрата „покуховнаго сбора“; въ универсалѣ 1719 г. Скоропадскій пишетъ: „по розыску п. Григорія Яснопольскаго и п. Леонтія Лащинскаго показалося, что бывшій сотникъ конотопскій п. Андрей Лизогубъ въ покуховныхъ грошахъ, тамъ въ г. Конотопѣ до скарбу войскового збираючихся, не далъ слушного выводу, куда оніе и на що розтрачены, а доводне тое явилося, же шафарѣ (сборщики) всегда по его сотницкому велѣнію, помянутіе гроши на росходи видавали, которимъ бивало онъ, п. сотникъ бувшій, отказуетъ (отвѣчаетъ) же нехто иншій за розтрачене тихъ грошей, але онъ самъ мѣвъ отвѣтовати“.

ляріяхъ находящагося“ [1]). Сенатъ назначилъ особую коммисію для раздѣла лизогубовскихъ имѣній, которая наконецъ и кончила это дѣло въ 1748 г. При этомъ почепскія имѣнія (Лизогубу они были возвращены послѣ паденія Меншикова) достались Ивану и Антону Тимофеовичамъ Журавкамъ и Алексѣю Покорскому, зятю Якима Кулябки, а конотопскія и кролевецкія—тому же Покорскому и остальнымъ наслѣдникамъ: Кулябкамъ, Кулаковскимъ, Будлянскимъ и Требинскимъ.

Второй сынъ Ефима—Яковъ былъ замѣтнѣе другихъ братьевъ своею болѣе чѣмъ пятидесятилѣтнею войсковою службою. Службу эту онъ началъ еще при дѣдѣ, у котораго былъ любимѣйшимъ внукомъ и который вѣроятно рекомендовалъ его гетману; есть извѣстіе, что Мазепа въ 1694 г. посылалъ Якова Ефимовича Лизогуба въ Москву, съ какимъ-то порученіемъ къ царю. Въ это время онъ только что окончилъ ученіе въ кіевской академіи [2]) и былъ еще не женатъ, что не мало заботило дѣда, который по этому поводу въ ноябрѣ 1694 г. писалъ сыну: „милый сыну мой, пане хорунжій генеральный! какъ только установится санный путь и милый вашъ сынъ, а мой внукъ Яковъ отправится въ Москву, по указу рейментарскому, тѣмъ временемъ начни высматривать по людяхъ такую семью, съ которой могли бы мы соединиться истинною пріязнью по законному супружеству внука нашего. Старайся такъ, чтобы по возвращеніи внука изъ Москвы дѣло это можно было немедленно начать и кончить. Я и самъ душевно радъ бы помогти этому дѣлу и, не смотря на старость, готовъ искать „панну“ въ какомъ знатномъ домѣ для милаго пріятеля; но самъ знаешь, что тутъ (т. е. около Чернигова) не могу я ничего успѣть, потому что и людей нѣтъ и нѣтъ такой панны, чтобы подходила и подъ мысль внука и подъ нашу достойность. Поэтому старайся ты самъ поставить сына „въ станъ малженскій“; а дастъ Богъ, что дѣло это свершится „актомъ весельнымъ“, то я не оставлю внука своего дѣдовскою ласкою и ручаюсь, что у него не будетъ недостатковъ и будетъ на чемъ жить, только бы внукъ былъ разуменъ да не лѣнился около хозяйства заняться. Да не только Яковъ не бу-

---

[1]) Записки Марковича II, 239.

[2]) Говоримъ объ ученіи Якова Еф—ча Л—ба въ кіевской академіи на томъ основаніи, что въ своихъ письмахъ онъ часто примѣшивалъ латинскія слова и выраженія, чѣмъ щеголяли только кіевскіе академисты.

детъ лишенъ моей ласки, въ чемъ свидѣтельствуюсь своимъ дѣдовскимъ словомъ, но и Семену, меньшему, наготовлено уже „пожитье, только бы возрастилъ его Богъ“ [1]).

Въ жены Якову Лизогубу выбрана была дочь переяславскаго полковника Мировича, который по свойству съ Мазепою щедро былъ надѣленъ маетностями, а потому и дочь его была не изъ послѣднихъ невѣстъ въ Малороссіи.—Женившись, Яковъ Л—бъ проживалъ въ доставшемся ему Седневѣ, пока не попалъ въ число генеральной старшины, по выбору Скоропадскаго въ 1717 г. На этомъ урядѣ Лизогубъ оставался незамѣтнымъ лицомъ до смерти Скоропадскаго; а когда послѣдній умеръ и „правленіе дѣлъ“ въ Малороссіи поручено было генеральной старшинѣ подъ главенствомъ Полуботка. Лизогубъ сталъ однимъ изъ „правителей“. Впрочемъ, въ борьбѣ съ Вельяминовымъ Лизогубъ принималъ только пассивное участіе, стараясь по возможности держаться въ сторонѣ. Но когда Полуботокъ съ Савичемъ и Чарнышемъ вызваны были въ Петербургъ, Лизогубу пришлось по необходимости стать во главѣ правленія вмѣстѣ съ Жураковскимъ. Положеніе его въ это время было довольно трудное: Жураковскій принадлежалъ къ числу сторонниковъ Полуботка и, за отбытіемъ послѣдняго въ Петербургъ, старался елико возможно дѣйствовать въ направленіи своего патрона. Очень нерѣдко Лизогубу приходилось выслушивать отъ Жураковскаго упреки за излишнюю осторожность, ради которой Л—бъ часто уклонялся отъ участія въ тѣхъ дѣлахъ, которыя по мнѣнію его могли возбудить неудовольствіе Вельяминова. Однако-же, когда осенью 1723 г. назначенъ былъ Румянцевъ для повѣрки на мѣстѣ жалобъ старшины на Вельяминова, Лизогубъ дѣйствовалъ за одно съ Жураковскимъ во всѣхъ тѣхъ распоряженіяхъ, которыми старшина хотѣла скрыть отъ Румянцева разъединеніе свое съ народомъ. Пріѣхавъ въ Малороссію въ концѣ ноября, Румянцевъ нашелъ нужнымъ удалить отъ „правленія дѣлъ“ какъ Жураковскаго, такъ и Лизогуба; оба они отвезены были на судъ къ царю въ Петербургъ, за единомысліе съ Полуботкомъ. Судъ этотъ кончился, какъ извѣстно, указомъ 8 февраля 1725 г., причемъ большинство обвиненныхъ въ протестѣ противъ учрежденія малороссійской колле-

[1]) Изъ архива Н. А. Маркевича. Архивъ этотъ вошелъ теперь въ составъ Румянцевскаго Музея.

гіи поселено было въ Петербургѣ („жить имъ безвыѣздно въ С.-Петербургѣ"). Въ числѣ поселенныхъ былъ и Лизогубъ. Жилъ онъ въ Петербургѣ пять лѣтъ (1724—28), пока не возстановлено было въ Малороссіи гетманство. Поставленный въ гетманы Апостолъ пріѣхалъ въ Москву въ февралѣ 1728 г. и прожилъ до октября, предъявляя правительству разныя ходатайства по возстановленію въ Малороссіи прежнихъ порядковъ; хлопоталъ при этомъ новый гетманъ и о томъ, чтобы правительство утвердило ту генеральную старшину, которую выбрали въ Глуховѣ полковники вслѣдъ за поставленіемъ Апостола въ гетманы. Но верховный совѣтъ не утвердилъ глуховскихъ выборовъ и назначилъ персоналъ генеральной старшины по своему усмотрѣнію [1]), при чемъ генеральнымъ обознымъ, вмѣсто избраннаго въ Глуховѣ Галагана, назначенъ былъ Яковъ Лизогубъ. Очень вѣроятно, что Головкинъ, распоряжавшійся всѣмъ этимъ дѣломъ, сдѣлалъ этотъ выборъ на основаніи личнаго знакомства своего съ Лизогубомъ за время поселенія его въ Петербургѣ, причемъ могъ убѣдиться, что этотъ человѣкъ будетъ безпрекословнымъ исполнителемъ распоряженій правительства.

Двадцать лѣтъ оставался Лизогубъ на урядѣ генеральнаго обознаго, не оставивъ, повидимому, никакихъ слѣдовъ своей дѣятельности, кромѣ того, что за все это время хорошо уживался съ цѣлымъ рядомъ правителей, которые вѣдали дѣлами Малороссіи отъ смерти Апостола до избранія Разумовскаго.

Во время путешествія императрицы Елизаветы въ Кіевъ, между старшиной возникла мысль о возстановленіи гетманства, которую поддержалъ Алексѣй Разумовскій. Повидимому послѣдній далъ указанія въ Глуховѣ о присылкѣ ко двору депутатовъ для ходатайства по этому дѣлу, причемъ назвалъ и лицъ, которыя должны были ѣхать депутатами. Въ числѣ этихъ лицъ, кромѣ Ханенка и Гудовича, былъ указанъ и Яковъ Лизогубъ [2]). Осенью 1745 г. депутаты были уже въ Петербургѣ и жили тамъ почти два года, пока данъ былъ указъ сенату о дозволеніи быть въ Малороссіи гетману; но депутатовъ не отпустили домой и послѣ этого указа и продержали ихъ въ Петербургѣ до конца 1749 г. [3]).

---

[1]) Записки Марковича, I, 246 и 304.

[2]) Тамъ-же, II, 225

[3]) Подробности четырехлѣтняго пребыванія Лизогуба съ товарищами въ Петербургѣ см. у Васильчикова, семейство Разумовскихъ I, 67—99.

Только что стали депутаты собираться домой, какъ Лизогубъ заболѣлъ: 20 декабря онъ „былъ посѣщенъ параличною болѣзнью". Ожидать выздоровленія товарища—депутатамъ было некогда и они, оставивъ около больнаго трехъ человѣкъ изъ своей свиты, отправились въ Москву. При Лизогубѣ оставлены были: „швагеръ" (братъ жены) обознаго—Дмитрій Мировичъ, сотникъ Степанъ Лукомскій и экономъ генеральной артиллеріи Кирилъ Бѣлоровскій, причемъ имъ дана была отъ депутатовъ подробная инструкція, что̀ дѣлать на случай выздоровленія или смерти обознаго. Въ инструкціи между прочимъ было сказано: „ежели-бы (чего Боже еще не дай) пришло ему г. обозному животъ свой окончити здѣсь въ С.-Петербургѣ, то какъ самъ онъ, будучи сперва при крайней слабости, намъ объявилъ свою волю—погребсти его тутъ же съ пристойнымъ персонѣ его обрядомъ и на поминовеніе его по нѣкоторимъ церквамъ, раздать по нѣсколько денегъ, какъ здѣсь водится. То же все чинить вамъ съ повелѣнія г. вицеадмирала Александра Ивановича Головина, яко свойственнаго ему г. обозному, и съ совѣту г. маіора при адмиралтейской колегіи Василія Ивановича Войникова, за которымъ въ замужествѣ родная его г. обознаго племянница Тетіяна Андреева дочь Лизогубовна, которые обнадежили насъ, что всякое вамъ наставленіе чинить изволятъ".

Чрезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Ханенка и Гудовича въ Москву, Мировичъ съ товарищами 8 января писали имъ о ходѣ болѣзни Лизогуба: „Божескою помощію его вельможность началъ обмогаться, а именно: совершенно и здравымъ языкомъ разговариваетъ, а при разговорѣ ежеденно объявляетъ свою скуку, что въ Москву не ѣдетъ скоро, а желаетъ, получа ослабу, какъ скорѣе возможно отъѣхать. Лѣвою ногою всею чувствуетъ и мало наступаетъ; и егда сидитъ на ложку (кровати) либо на креслѣ, на которомъ по комнатѣ его возимъ, бываетъ—лѣвую ногу самъ согибаетъ и держитъ; а лѣвою рукою всего отъ позавчерашнего дня началъ чувствовать—точію самъ собою ежели его не подоймутъ и не опустятъ, ни ложиться, ни встать, ни двигнуться еще не можетъ. Егдаже въ лѣвой кулши (бедрѣ) объявилъ боль, то по наставленію доктора г. Синопеа (Синопеуса) сухою припаркою получаетъ облегченіе; ранки двѣ были на лѣвомъ стегнѣ величиною какъ противъ копѣйки сребраной и тѣ ранки толко мало еще не загоены; горячесть извнутра хотя еще не вовся, такмо по болшой части выведена; апетиту и естивію въ него еще мало и нынѣ; только въ томъ жалится и объявляетъ, что лѣвій бокъ

ввесь болитъ не безъ прикрости; однакожъ тотъ боль г. докторъ признаваетъ добрымъ знакомъ ко оздравленію и ничимъ того болю неусмираетъ, которой г. докторъ съ лѣкаремъ прилѣжно его смотрятъ по своей профессіи и ежедневно бываютъ". Но черезъ двѣ недѣли положеніе больнаго сильно измѣнилось къ худшему; 23 января Мировичъ съ товарищами извѣщали Ханенка и Гудовича, что здоровье обознаго стало совсѣмъ плохо: „нынѣ его вельможность сталъ слабъ, что въ силу великую можна, егда станетъ что говорить, рѣчей дослышаться; только жъ все чувствуетъ и разсужденія доброго. Повторно исповѣдь и причастіе тайнъ божественныхъ принялъ; потомъ же и маслосвятіе соборомъ отправлено, на исходъ души канонъ читанъ и отъ него со всякимъ внятіемъ слышанъ. И тое все отправлено съ его добраго знанія и волѣ. Докторскихъ лѣкарствъ никакихъ (дней будетъ сѣмъ) не принимаетъ и ежели водою натуралною пожелаетъ закропиться (освѣжиться) то съ великою трудностію проколтнуть можетъ; а нынѣ уже и не можетъ. И по всему видимо, что жизнь его зѣло близка къ смерти. А якое писмо до его высокорейхсъ графского сіятелства Алексѣя Григорьевича (Разумовскаго) отъ его вельможности написано и его рукою закрѣпленное, его вельможность просилъ, дабы тое надписанное въ конвертѣ писмо его сіятелству сами ваши высокородіи вручить изволили".—На другой день послѣ этого письма Яковъ Лизогубъ умеръ и похороненъ въ невской лаврѣ. Въ письмѣ своемъ Алексѣю Разумовскому, писанному за два дня до смерти, обозный просилъ заступничества дѣтямъ: вашего высокорейхсъ графского сіятелства чрезъ сіе нижайше прошу—оставшихся по моемъ отъ сея жизни отшествіи, наслѣдниковъ моихъ Григорія и Илію и унука Якова Лизогубовъ, яко вѣрныхъ подданныхъ ея импер. величества въ службѣ ея жъ дѣйствително обрѣтающихся, въ высокой содержать милости, какъ и мене надъ заслуги мои содержать изволили; и въ якихъ своихъ нуждахъ вашему сіятелству они свое нижайшее поднесутъ прошеніе, яко милостивій отецъ высокомилостиво за оными ходатайствовать и предстательствовать соблагоизволите".

Изъ дѣтей Якова Лизогуба ни одинъ не выдѣлился изъ массы тѣхъ богатыхъ наслѣдниковъ, которые, получивъ обширныя маетности, поселялись въ нихъ и затѣмъ не искали уже никакихъ доходныхъ урядовъ. Поэтому и извѣстій объ этихъ людяхъ осталось очень мало, такъ какъ они не принимали почти участія

въ общественной жизни, мирно пользуясь достатками, нажитыми дѣдами и отцами.

Средній сынъ Якова Л--ба—Илья дослужился до полковничьяго чина русской службы, но остался такъ-же неизвѣстнымъ, какъ и другіе его братья. Замѣтенъ онъ былъ одною только своею женитьбою, такъ какъ первую жену онъ выбралъ не изъ мѣстнаго общества, а изъ „смоленской шляхты.“ Малороссійскіе паны познакомились съ смоленскою шляхтою посредствомъ браковъ, еще съ конца XVII в., такъ какъ младшій сынъ гетмана Самойловича—Яковъ былъ женатъ на смоленской шляхтянкѣ—Аннѣ Швейковской. Изъ смоленской шляхты--изъ фамилій Корсаковъ, Храповицкихъ и Энгельгардтовъ--выбрали себѣ женъ и всѣ три сына гетмана Апостола. Невѣсты изъ смоленской шляхты имѣли ту особенность передъ мѣстными невѣстами, что малороссійскіе женихи получали за смолянками въ приданое — „крѣпостныхъ“ крестьянъ, которыми малороссійское шляхетство очень дорожило, пока не получило возможности имѣть своихъ крѣпостныхъ. Илья Лизогубъ первымъ бракомъ былъ женатъ на Татьянѣ Ивановнѣ Рачинской, за которою въ приданое также получилъ крѣпостныхъ крестьянъ, какъ видно изъ слѣдующей „заручной челобитной“ 1748 г. „Бьетъ челомъ вдова Федора Иванова дочь стольника и ротмистра Ивановская жена Ильина сына Рачинскаго, обще съ дѣтьми своими смоленскою шляхтою, мы Самойло, Николай и Денисъ Ивановы дѣти Рачинскіе—въ прошломъ 1744 г. мы Федора—дочь свою, а мы Самойла, Николай и Денисъ—сестру свою родную Татьяну Иванову дочь Рачинсковну—выдали замужъ малороссійскихъ войскъ за бунчука товарища за Илью Лизогуба Яковлева сына, а въ приданое за нею въ то время кромѣ платья, указной части людей и крестьянъ не дано. А нынѣ мы по общему согласію—дали ей Татьянѣ Лизогубовой и дѣтямъ ея въ вѣчное владѣніе, въ приданое бѣльскаго уѣзда юрьевской волости крѣпостныхъ своихъ крестьянъ на вывозъ изъ земли и изъ деревни Брагина Константина Федорова, изъ деревни Мартынова—Павла Терентѣева и т. д. (всего дано было мужчинъ—5 и женщинъ 7) и вышеписанныхъ вывозныхъ крестьянъ обоего полу ей, сестрѣ нашей, содержать на своихъ собственныхъ земляхъ и владѣть ими вѣчно—и дабы повелѣно было сіе наше челобитье въ полковую черниговскую канцелярію принять и записать въ книгу для вѣдома и владѣнія ей, сестрѣ нашей Татьянѣ Лизогубовой и дѣтямъ ея.“

Повидимому приданое въ 12 крестьянъ было не настолько значительно, чтобы искать его путемъ брака; однакожъ мы имѣемъ свѣдѣнія, что малороссійскіе богачи, владѣя сотнями дворовъ „посполитыхъ крестьянъ“, очень охотно покупали по два, по три человѣка крестьянъ „крѣпостныхъ“. Такъ охотно ихъ покупалъ напр. графъ Гаврила Рагузинскій, у котораго посполитыхъ крестьянъ было болѣе 1000 дворовъ. Покупали крестьянъ рѣдко у русскихъ помѣщиковъ, а больше—у той же смоленской шляхты, которая, не имѣя иногда средствъ чѣмъ и самой прокормиться, не говоря уже о крестьянахъ, сбывала послѣднихъ въ Малороссію—и семействами, и по одиночкѣ. чтобы затѣмъ на вырученныя деньги купить хлѣба. Такъ въ 1735 г. мелкіе смоленскіе шляхтичи привезли на продажу въ Стародубъ нѣсколько семействъ своихъ крестьянъ, чтобы имѣть за что—купить хлѣба; крестьянъ этихъ купилъ гр. Гаврила Рагузинскій и заплатилъ за »бабу съ двумя дѣтьми«—13 рублей, за „двухъ хлопцовъ“—11 р., за „двухъ крестьянъ да жонку одну“—25 р.

Третій сынъ Ефима Яковлевича—Семенъ Лизогубъ былъ женатъ на Иринѣ Скоропадской, дочери гетмана отъ перваго его брака съ дочерью черниговскаго полковаго обознаго Никифора Каленикова. Не смотря на такую близость къ гетману, и этотъ сынъ генеральнаго обознаго—цѣлую жизнь остался бунчуковымъ товарищемъ. Причиною такого равнодушія со стороны Скоропадскаго къ зятю, была повидимому вторая жена гетмана—извѣстная Настасья Марковна, которая могла выхлопотать полковничьи уряды—брату Андрею и зятю Чарнышу (женатому на ея дочери отъ перваго брака съ Голубомъ), но препятствовала Скоропадскому удѣлить какой нибудь урядъ для мужа своей падчерицы.—Настасья Марковна видѣла въ Семенѣ Лизогубѣ опаснаго претендента на наслѣдство стараго гетмана и по возможности старалась оттѣснить и падчерицу, и мужа ея—отъ своей семьи. По смерти Скоропадскаго, споръ за его наслѣдство—между гетманшей и Семеномъ Лизогубомъ—сейчасъ же и возникъ; Настасья Марковна старалась затянуть дѣло о дѣлежѣ наслѣдства и тянула его безпрепятственно пять лѣтъ.—Когда въ 1727 г. разрѣшено было выбрать преемника Скоропадскому, то поэтому случаю отправлены были въ Москву депутаты „съ благодарственными челобитными“. Въ число депутатовъ выбранъ былъ и Семенъ Лизогубъ. Узнавъ объ этомъ и боясь, что Лизогубъ станетъ въ Москвѣ жаловаться, вдова Скоропадскаго по-

спѣшила послать къ нему племянника Марковича съ предложеніемъ мировой; при этомъ она предлагала Лизогубу только третью часть недвижимыхъ имѣній умершаго гетмана, да и то не прежде своей смерти. Лизогубъ требовалъ половину маетностей и 10 т. червонцевъ [1]). Дѣло не сладилось. Лизогубъ обратился было къ новоизбранному гетману Апостолу за помощью въ раздѣлѣ тестевскаго имѣнія, надѣясь, что по своей враждѣ къ Марковичамъ, гетманъ охотно возмется за это дѣло; но трудно было спорить съ ловкой Настасьей Марковной, которая, сама поѣхавъ въ Москву въ 1728 г., задарила тамъ вліятельныхъ людей и всѣми мужиными имѣніями пользовалась до своей смерти. Когда же Скоропадская умерла, Лизогубъ обратился къ дочери ея Ульянѣ Толстой и потребовалъ всѣхъ маетностей, находившихся въ черниговскомъ полку и 20 т. рублей деньгами. Но въ это дѣло опять вмѣшался Яковъ Марковичъ и помирилъ наслѣдниковъ на томъ, что Лизогубъ согласился получить черниговскія маетности и часть одежды, болѣе дорогой, а отъ денегъ отказался. Поэтому раздѣлу Лизогубъ получилъ села Буровку, Выхвостовъ, Дроздовицу, Ваганичи и разные хутора, всего около 600 дворовъ [2]). Вмѣстѣ съ отцовскимъ наслѣдствомъ у Семена образовалось богатство, мало чѣмъ уступавшее богатству его современниковъ—Андрея и Якова Полуботковъ, богаче которыхъ въ то время не было пановъ въ Малороссіи. Не долго только пришлось Лизогубу пользоваться этими богатствами; черезъ четыре года послѣ полученія тестевскихъ имѣній, онъ умеръ въ польскомъ походѣ въ 1734 г., въ Гродно, гдѣ былъ и погребенъ „въ Кляшторѣ Базиліановъ, при пушечной и дробной стрѣльбѣ, съ церемоніей“.

Семенъ Лизогубъ оставилъ четырехъ сыновей, которые казалось могли бы удовольствоваться отцовскими богатствами. Но богатствъ этихъ казалось все еще мало и козаки лизогубовскихъ маетностей сильно терпѣли отъ насилій этихъ самихъ Лизогубовъ. Два козака с. Буровки—Мужука и Лозовой жаловались въ 1742 г., что отцовъ ихъ взялъ къ себѣ въ услуженіе еще гетманъ Скоропадскій, а по смерти гетмана, и наслѣдники его стали требовать „послушанія“ отъ нихъ уже, жалобщиковъ. Когда умеръ Семенъ Лизогубъ, Мужука и Лозовой, пользуясь тѣмъ случаемъ,

---

[1]) Записки Марковича I, 234.

[2]) Т. Ж., 1, 345 и 318.

что въ 1737 г., въ виду войны, русское правительство распорядилось—пополнить козацкіе полки посполитыми крестьянами,—выбились изъ лизогубовскаго подданства и стали по прежнему служить козацкую службу. Для полной безопасности отъ притязаній Семена лизогуба, получившаго на свою часть Буровку, Мужука и Лозовой выхлопотали себѣ въ Глуховѣ и указъ Румянцева о своемъ дѣйствительномъ козачествѣ. Но Семену Семеновичу Лизогубу жаль было выпускать изъ рукъ эти двѣ семьи, которыя уже были почти совсѣмъ заполонены въ крестьянство, а теперь ускользали изъ „подданства". Лизогубъ поспѣшилъ захватить все имущество Мужуки и Лозоваго въ свои руки, а матерей ихъ „посадя въ колодки, мучилъ съ пристрастіемъ". Мужука и Лозовой поѣхали жаловаться въ сенатъ, по распоряженіи котораго произведено было слѣдствіе „о козачествѣ" жалобщиковъ. Изъ Глухова слѣдствіе поручили произвести капитану Аристову и черниговскому судьѣ Тимофею Сенютѣ, но послѣдніе „дружа и норовя Лизогубу, дозволили ему забрать, писали Мужука и Лозовой, и достальное наше имѣніе, а крѣпости на купленныя земли и реестры что онъ Лизогубъ у насъ позабиралъ—пожитковъ лошадей, скота и грунтовъ,—взяли къ себѣ слѣдователи и по означенному нашему челобитью никакой резолюціи не учинили и крѣпость не возвратили. А прошлого 1741 г. октября 15, онъ же, Лизогубъ, по согласію показаннаго судьи Сенюты, продолжаетъ одинъ изъ жалобщиковъ, меня Мойсея Лозоваго, взялъ изъ козачьяго нашего двора къ себѣ насильно, въ домъ свой, привлекая въ подданство и понынѣ держитъ у себя въ домѣ, скованнаго въ кандалахъ и въ работѣ мучитъ, требуя, чтобъ я на все свое имѣніе и грунты далъ ему Лизогубу крѣпость".

Въ заключеніе приводимъ родословный списокъ Лизогубовъ, хотя вѣроятно во многомъ не полный, но тѣмъ не менѣе достаточно уясняющій фамильныя отношенія этого стариннаго малороссійскаго рода къ таковымъ же другимъ.

---

1. *Кондратъ Ивановичъ Лизогубъ*, козакъ м. Глемязова.
2. *Иванъ*, полковникъ Уманскій 1661. 1
3. *Яковъ*, полковникъ Каневскій 1662—74; эсаулъ генер. Дорошенка 1674; полковникъ Черниговскій 1687—1698. . 1
4. *Пелагея*. М. *Иванъ Гладкій*, сотникъ Лепляевскій 1673 . 2

5. *Ефимъ*, хорунжій генер. 1688—98; полковникъ черниговскій 1698—1705. Ж. *Любовь Петровна Дорошенко* . . 3
6. *Марья*. М. *Степанъ Бутовичъ*, эсаулъ генеральный. . 3
7. *Домникія*. М. *Андрей Федоровичъ Кандиба*, судья генеральн. 3
8. *Дочь*. М. *Степанъ Томара*, полковникъ переяславскій. . 3
9. *Андрей*, сотникъ конотопскій 1715—19; бунчуковый товар. 1737. Ж. *Прасковья Михайловна Миклашевская* . . 5
10. *Яковъ*, бунчучный генер. 1717—29; обозный генер. 1729—49; † 24 января 1749. Ж. *Федора Ивановна Мировичъ* . 5
11. *Семенъ*, бунчук. товарищъ 1715—34. Ж. *Ирина Ивановна Скоропадская* 5
12. *Антонъ*, бунчук. товарищъ † 1725 9
13. *Евдокія*. М. 1, *Якимъ Кулябка*, бунчук. товар. 1725; 2, *Григорій Стороженко*, сотникъ иченскій 9
14. *Марья*. М. *Петръ Валькевичъ*, эсаулъ генер. . . . 9
15. *Елена*. М. 1, *Иванъ Пиковецъ*, сотникъ лукомскій 1750; 2, *Славуй Требинскій*, сербъ 9
16. *Татьяна*. М. 1, *Тимофей Лукьяновичъ Журавка*; 2, *Балтазаръ Ланкау*, капитанъ; 3, *Василій Ивановичъ Войниковъ*, майоръ 1748 9
17. *Иванъ*. Ж. *Анна Михайловна Корсакъ* 10
18. *Григорій*, бунчук. товар. 1751 10
19. *Илья*, бунчук. товар. 1744 полковникъ. Ж. 1, *Татьяна Ивановна Рачинская*; 2, *Катерина Яковлевна Якубовичъ*. Жилъ въ женином с. Липовомъ, роменск. у. Имѣнія: Липовое—71, Ясеновка—26, Березовка—26, Олава—10, х. Боровицкій—6, Коренецкая—6, Кр. Колядинъ—2, Пѣсковъ—112, Скугары—17, Велички—20, Рудня Гуковская—112, Мысы—23, Козлы—12, Седневъ—15 и проч. Всего 561 кр. м. и ж. 10
20. *Дочь*. М. *Михаилъ Серпьевичъ Солонина*, сотникъ остерскій 1729 10
21. *Марья*. М. *Лаврентій Владиміровичъ Бороздна*, бунчук. товар. 1720—54. 10
22. *Елена*. М. *Иванъ Демьяновичъ Бутовичъ*, бунч. товар. . 10
23. *Константинъ*, бунчук. товар. 1746—72. Ж. *Агафья Ивановна Новицкая*. Имѣнія: Полуботки, Пѣвцы, Ивашковка, Дроздовица, Ст. Гута и д. Александровская . . 11
24. *Василій*. Имѣнія: Слабинъ, Шестовица, Друцкіе, Яновка, Ладинка, Золотинка, Козороги, Гнилуша, Жеведъ, Ан-

дреевка, Велички, Тарасовичевскіе и Процковскіе, Гута, Антоновичи, Шибириповка 11

25. *Семенъ*, бунчук. товар. Ж. *Анна Антоновна Танская.* Имѣнія: Буровка, Выхвостовъ, Невкля, Ловинь. . . 11

26. *Иванъ*, бунчук. товар. Имѣнія: Семаки, Пересажъ, Петрики, Высокинь, Осерѣйки, Зубахи, Каменское . . 11

27. *Яковъ*, бунчук. товарищъ 17

28. *Иванъ*, р. 1762, коллежскій ассесоръ 1805. Ж. *Анна Васильевна Дунина-Борковская.* Имѣнія: Седневъ, Куликовка, Займище, Невкля, Бурковка (Сосницк. у.) Дуниновка (Золотон. у.) 27

Ал. Лазаревскій.

Дневникъ Станислава Освѣцима

(въ извлеченіи)

1643—1651 г.

Въ рукописномъ отдѣленіи института имени Оссолинскихъ во Львовѣ, подъ № 224 хранится рукопись, заключающая въ себѣ, въ числѣ другихъ историческихъ матеріаловъ, дневникъ, составленный въ половинѣ XVII столѣтія польскимъ дворяниномъ, Станиславомъ Освѣцимомъ; дневникъ этотъ по количеству, обстоятельности и подробности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній можетъ быть причисленъ къ важнѣйшимъ источникамъ для исторіи козацко польскихъ столкновеній, случившихся въ половинѣ XVII столѣтія. Польскіе историческіе писатели, составлявшіе монографіи объ этомъ событіи (Шайноха, Кубала и др.), пользовались извѣстіями Освѣцима, заимствуя изъ его дневника многіе факты и характеристики, но самый текстъ рукописи понынѣ не былъ изданъ. Желая восполнить этотъ пробѣлъ въ исторіографіи южно-русскаго края, мы предлагаемъ въ возможно точномъ переводѣ всѣ тѣ отрывки изъ записокъ Освѣцима, которые относятся къ исторіи юго-западной Руси, оставляя въ сторонѣ всѣ извѣстія дневника, относящіеся къ дѣламъ исключительно польскимъ, къ событіямъ, происходившимъ въ западной Европѣ и къ личнымъ и семейнымъ отношеніямъ автора. Не будемъ обременять изданія слишкомъ объемистымъ матеріаломъ, не имѣющимъ непосредственной связи съ исторіею южно-русскаго края. Для характеристики предлагаемаго матеріала мы считаемъ необходимымъ сказать предварительно нѣсколько словъ о біографіи автора записокъ, на основаніи данныхъ, находящихся въ самомъ же дневникѣ, а также предпослать краткое описаніе рукописи, изъ которой извлечены предлагаемые отрывки.

Составитель дневника, Станиславъ Освѣцимъ, происходилъ изъ зажиточнаго дворянскаго семейства, владѣвшаго нѣсколькими помѣстьями въ краковскомъ воеводствѣ и въ Червоной Руси. Въ ранней молодости онъ поступилъ въ военную службу, участвовалъ въ нѣсколькихъ военныхъ походахъ, затѣмъ вышелъ въ отставку и проводилъ время то въ путешествіяхъ за границу, въ теченіи которыхъ онъ посѣтилъ въ нѣсколько пріемовъ: Турцію, Германію, Голландію, Францію и Италію, то на службѣ при дворѣ короля, Владислава IV. Онъ исполнялъ самыя многоразличныя функціи, но преимуществу же, пользуясь репутаціею опытнаго и ученаго педагога, онъ занималъ должность воспитателя молодыхъ магнатовъ (Конецпольскихъ); обязанность эту онъ исполнялъ вѣроятно съ большимъ успѣхомъ, судя потому, что король Владиславъ IV назначилъ его въ 1646 году будущимъ воспитателемъ своего сына; но судьба не дозволила Освѣциму занять эту должность, такъ какъ будущій его питомецъ скончался, не достигнувъ возраста, въ которомъ онъ долженъ былъ поступить подъ руководство педагога. Находясь на службѣ при дворахъ магнатовъ: Конецпольскихъ и Любомирскихъ, Освѣцимъ не ограничивался исключительно педагогическими занятіями; по временамъ онъ исполнялъ должности секретаря, начальника двора и просто придворнаго, приглашаемаго для сопровожденія мецената въ путешествіи и для его „компаніи“.—Изъ числа лицъ, у которыхъ принималъ службу Освѣцимъ, онъ особенно былъ близокъ съ великимъ гетманомъ коронным, Станиславомъ Конецпольскимъ, котораго дружбою, уваженіемъ и полнымъ довѣріемъ онъ постоянно пользовался, и при которомъ онъ долго занималъ должности начальника его двора и интимнаго секретаря. Гетманъ Конецпольскій проживалъ постоянно, въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ своей жизни, на границахъ Украины, отражая набѣги татаръ и наблюдая надъ поведеніемъ козаковъ, частыя возстанія которыхъ заставляли польское правительство и въ особенности гетмановъ зорко слѣдить за ними. Въ резиденціяхъ Конецпольскаго, въ Бродахъ и въ Барѣ, проживалъ съ нимъ вмѣстѣ и Освѣцимъ. Онъ составлялъ вмѣстѣ съ Конецпольскимъ проекты по дѣламъ внѣшней и внутренней политики для представленія королю; сопровождалъ его въ поѣздкахъ, предпринимаемыхъ по служебнымъ и частнымъ дѣламъ, и велъ его обширную корреспонденцію.—Служебныя занятія Освѣцима не мѣшали ему принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ въ качествѣ дворянина:

онъ посѣщалъ сеймы и сеймики и отправлялся въ военные походы вмѣстѣ съ дворянами своего воеводства въ тѣхъ случаяхъ, когда призывалось на войну поголовное шляхетское ополченіе.

Среди своей многосторонней дѣятельности, Освѣцимъ почти ежедневно заносилъ въ свой дневникъ всѣ сколько нибудь выдававшіеся факты общественной жизни, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ или участникомъ или которые доходили до его свѣдѣнія путемъ обширной переписки, веденной какъ лично имъ, такъ и тѣми лицами, при которыхъ онъ исполнялъ обязанности секретаря; уцѣлѣвшая, къ несчастью далеко не въ полномъ видѣ, часть этаго дневника сохранилась въ рукописи, изъ которой мы извлекаемъ предлагаемые отрывки.

Фоліантъ, въ составъ котораго вошла рукопись Освѣцима, представляетъ большой томъ въ 1251 нумерованныхъ страницъ, но первыхъ 180 страницъ въ немъ недостаетъ. Рукопись эта представляетъ сборникъ отрывковъ, соединенныхъ въ одну книгу неизвѣстнымъ лицемъ, повидимому въ концѣ XVII столѣтія; въ составъ его вошли записки и замѣтки нѣсколькихъ лицъ, писанныя разными почерками XVII столѣтія частью на польскомъ, частью на латинскомъ языкахъ. Въ началѣ сборника однимъ почеркомъ записаны два дневника о дѣйствіяхъ двухъ польскихъ посланниковъ, отправлявшихся въ Турцію: Красинскаго въ 1636 году (стр. 181—208) и Мясковскаго въ 1640 г. (стр. 281—378); чистые листы, остававшіеся между обоими дневниками, частью (стр. 209—253) были исписаны въ концѣ XVII столѣтія (1691—1696) другимъ, позднѣйшимъ почеркомъ; неизвѣстный собственникъ фоліанта наполнилъ эти страницы всевозможными летучими замѣтками, сеймовыми и надгробными рѣчами, стихами и т. п., остальныя страницы (254—282) остались чистыми.

Только съ 383 страницы начинается дневникъ Освѣцима, который и продолжается до конца рукописи. Дневникъ этотъ писанъ двумя различными почерками, отличными отъ почерковъ первой половины рукописи и чередующимися между собою соотвѣтственно самому содержанію рукописи: однимъ почеркомъ, принадлежащимъ, по всему вѣроятію, самому Освѣциму, записаны на польскомъ языкѣ всѣ извѣстія, относящіяся какъ къ его частной жизни, такъ и къ событіямъ общественнымъ и политическимъ, происходившимъ въ предѣлахъ рѣчи посполитой; другимъ почеркомъ внесены на латинскомъ языкѣ многочисленныя извѣстія, почерпнутыя изъ корреспонденцій о событіяхъ, происходившихъ

за границами польскаго государства, а также подлинные акты и письма, которые составитель счелъ нужнымъ переписать для своихъ записокъ въ качествѣ оправдательныхъ документовъ; этотъ второй почеркъ принадлежитъ вѣроятно писцу, которому Освѣцимъ поручалъ списывать копіи съ рукописей, бывшихъ въ его распоряженіи.

Къ несчастью, дневникъ Освѣцима раньше, чѣмъ поступилъ во владѣніе лица ,сохранившаго его въ составленномъ имъ сборникѣ, подвергся значительнымъ изъянамъ и многія части его были утеряны прежними владѣльцами: въ немъ недостаетъ ни начала, ни конца, въ серединѣ также утеряны значительные отдѣлы. Въ дневникѣ уцѣлѣли только слѣдующіе годы: 1643, 1644, 1645. 1646, 1647, часть 1650 (январь, февраль и мартъ) и весь 1651; этотъ небольшой промежутокъ времени занялъ 868 страницъ in folio, записанныхъ сжатымъ почеркомъ.

Извлекая изъ дневника Освѣцима только тѣ извѣстія, которыя относятся къ южной Руси, мы сохранимъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они расположены въ самой рукописи, причемъ, только въ видѣ краткаго перечня, укажемъ содержаніе опускаемыхъ нами отрывковъ текста.

В. А.

1643 г.

Въ началѣ помѣщены многочисленныя извѣстія, полученныя отъ корреспондентовъ гетмана Конецпольскаго, у котораго Освѣцимъ находился въ то время на службѣ; замѣтки о личныхъ дѣлахъ автора, и копіи рапортовъ, полученныхъ гетманомъ отъ его подчиненныхъ; въ числѣ послѣднихъ, списана копія изъ слѣдующаго письма [1]).

Копія письма отъ его милости пана Николая Зацвилиховскаго, коммисара войска его королевской милости запорожскаго къ его милости, пану кастелляну краковскому, писаннаго изъ Трехтымирова 16 августа 1643 года [2]).

Сегодня я возвратился въ Трехтымировъ отъ князя его милости [3]), куда я ѣздилъ, какъ о томъ я уже доносилъ вашей милости, по причинѣ вторженія орды въ наши границы; появившись неожиданно, орда произвела большія опустошенія какъ въ имѣніяхъ князя, такъ и въ помѣстьяхъ вашей милости, въ области между Хоромомъ и Сулою. Не сомнѣваюсь, что объ убыткахъ, причиненныхъ вашей милости, панъ Гульчевскій не замедлитъ представить отчетъ. Орда появилась въ числѣ 4000 человѣкъ, подъ предводительствомъ Умерли-аги и двухъ его сыновей. Князь его милость, какъ я докладывалъ уже въ предыдущемъ письмѣ, имѣлъ уже свой отрядъ на готовѣ; онъ присоединилъ къ нему слугъ и

---

[1]) Стр. рукописи 422—423.

[2]) Николай Зацвилиховскій носитъ титулъ „коммисара войска запорожскаго“; должность эту учредилъ Конецпольскій послѣ усмиренія имъ козацкаго возстанія, вспыхнувшаго въ 1638 году подъ предводительствомъ Остряницы. Коммисаръ, назначаемый гетманомъ изъ польской шляхты, долженъ былъ управлять козаками вмѣсто выборнаго козацкаго гетмана (или „старшаго“, какъ его именовало польское правительство). Первымъ коммисаромъ назначенъ былъ Петръ Комаровскій, котораго смѣнилъ Зацвилиховскій. Письмо адрессовано Конецпольскому, соединявшему, по установившемуся обычаю, должности: великаго коронаго гетмана и костелляна краковскаго.

[3]) Это извѣстный впослѣдствіи князь Еремія Михайловичъ Вишневецкій, жившій въ то время въ Лохвицѣ.

людей вашей милости и регестровыхъ козаковъ переяславскаго полка и успѣшно съ ними подвизался между Ревцемъ (sic) и Псломъ, за Сулою. Татаре, узнавъ, что противъ нихъ двигается войско, хотя оно находилось еще въ двухъ миляхъ отъ нихъ, отправили впередъ свой кошъ съ ясыромъ и добычею и оставили позади „заставу“ въ 700 лошадей подъ начальствомъ Байранъ-Кази, старшаго сына Умерли-аги. Этотъ Байранъ-Кази по приказанію своего отца управлялъ всѣмъ войскомъ, потому что отецъ, хотя и находился при отрядѣ, но былъ уже очень старъ и слѣпъ. Князь его милость быстро стянулъ часть своего войска и разгромилъ татарскую заставу. Байранъ-Кази, раненный выстрѣломъ, попалъ въ плѣнъ и много отборныхъ татарскихъ воиновъ легло въ этомъ сраженіи; затѣмъ пошли въ погоню за уходившимъ кошемъ и гнались за нимъ на разстояніи двухъ миль. Татаре, убѣгая, обезглавили многихъ плѣнниковъ, остальныхъ-же принуждены были бросить; нѣсколько десятковъ татаръ захвачены въ плѣнъ. Четыре дня спустя послѣ этого погрома Байранъ-Кази умеръ въ Лохвицѣ отъ раны. Отправляясь послѣ сраженія въ обратный путь, князь оставилъ отрядъ въ 200 человѣкъ для погребенія погибшихъ въ бою и для захвата въ плѣнъ отставшихъ отъ коша татаръ; они привели съ собою трехъ плѣнниковъ, со словъ которыхъ явствуетъ, что въ погоню за остатками бѣжавшей орды отправился изъ-за московскаго рубежа отрядъ въ 3,000 человѣкъ, который принялся разъискивать бѣглецовъ въ лѣсахъ и болотахъ. Словомъ, по благословенію Господа, враги не только не успѣли угнать плѣнныхъ и увезти добычи, но и сами едва-ли возвратятся домой изъ похода. Врага этого разгромили счастливо съ Божьею помощью августа 6-го дня.

Въ рукописи слѣдуетъ извѣстіе объ отправкѣ въ Турцію посланника Бѣгановскаго и списаны копіи данныхъ ему грамотъ и инструкцій. Затѣмъ Освѣцимъ помѣстилъ дневникъ своего путешествія съ гетманомъ Конецпольскимъ изъ Бара въ Гадячь и обратно. Дневникъ этотъ [1]) выписываемъ цѣликомъ, какъ богатый матеріалъ для исторической топографіи края, не лишенный по временамъ и цѣнныхъ историческихъ извѣстій, пропуская лишь многочисленныя извѣстія объ иностранныхъ событіяхъ, которыя Освѣцимъ вписывалъ изъ получаемыхъ корреспонденцій, во время остановокъ, случавшихся на пути.

Сентября 21. Вслѣдствіе рѣшенія его милости папа краковскаго, желавшаго посѣтить и обревизовать свои украинныя по-

[1]) Стр. рукописи 433—460.

мѣстья, мы выѣхали изъ Бара. Ночевали въ трехъ миляхъ, въ мѣстечкѣ Межировѣ, принадлежащемъ къ барскому старостве.

22. Проѣхавъ 4 мили, мы ночевали въ мѣстечкѣ Красномъ, принадлежащемъ его милости пану старостѣ калусскому.

23. Проѣхавъ 2 мили, отдыхали въ селѣ Торкахъ. Въ двухъ миляхъ оттуда ночевали въ мѣстечкѣ Тульчинѣ.

24. Ночевали въ Александровѣ, мѣстечкѣ, принадлежащемъ его милости (Конецпольскому).

25. Выѣхавъ изъ Александрова, мы, въ $1^1/_2$ мили остановились отдыхать, въ мѣстечкѣ его милости (Конецпольскаго)—Новогродѣ. Здѣсь получено было извѣстіе отъ лазутчика нашего, Стефка, о томъ, что буджацкая орда стоитъ въ степи, готовясь выступить въ походъ. Получивъ это донесеніе, его милость отправилъ немедленно гонца къ е. м. пану старостѣ винницкому съ распоряженіемъ, чтобы онъ придвинулся къ нему съ тѣмъ войскомъ, которое находилось въ лагерѣ у села Плоскаго. Самъ его милость панъ гетманъ выѣхалъ утромъ слѣдующаго дня изъ Новгорода; проѣхавъ добрую милю, онъ отдохнулъ въ своемъ мѣстечкѣ Жабокричѣ, и, пообѣдавъ въ немъ, отправился въ дальнѣйшій путь; проѣхавъ, не останавливаясь въ своей слободѣ на урочищѣ Крикливомъ, онъ прибылъ къ ночи въ свое мѣстечко Марковку, отстоящее въ 2 миляхъ отъ Жабокрикъ и въ одно отъ Крикливаго.

27. Двинувшись изъ Марковки послѣ ранняго обѣда, мы расположились лагеремъ въ разстояніи большой мили отъ нея, у мѣстечка и слободы Вербки, принадлежащихъ его милости; сюда собрались по приказанію гетмана въ количествѣ болѣе 1000 всадниковъ тѣ люди, которые поселены въ украинныхъ городахъ, принадлежащихъ его милости, для охраны ихъ отъ татарскихъ набѣговъ; того же числа поздно вечеромъ прибылъ къ намъ и его милость панъ староста винницкій съ своею конницею, оставивъ обозъ въ лагерѣ у Плоскаго.

30. Лазутчики, которыхъ гетманъ отправилъ было въ разныя стороны для собранія точныхъ свѣдѣній, возвратились съ вѣстью, что враги, освѣдомившись о нашей дѣятельности и готовности дать отпоръ, отказались отъ своего намѣренія произвести набѣгъ на королевскія владѣнія. Потому его милость отдалъ приказаніе войску возвратиться въ лагерь у Плоскаго, самъ же отправился въ предпринятую поѣздку; онъ остановился ночевать въ мили отъ лагеря, въ своемъ мѣстечкѣ, Чечельникѣ.

Октября 1. Выѣхавъ рано изъ Чечельника, мы проѣхали 3 мили и ночевали въ Новогродѣ, гдѣ и прожили затѣмъ нѣсколько дней.

5. Мы отправились изъ Новогрода въ дальнѣйшій путь въ Украину, по дорогѣ проѣзжали слѣдующія мѣстечка: въ разстояніи одной мили Тростянецъ, въ одной мили дальше—Четвертиновка, въ одной мили отъ нея—Ладыжинъ, гдѣ мы и ночевали. Мѣстечко это многолюдно, расположено надъ рѣкою Бугомъ.

6. Въ одной мили отъ Ладыжина—Бубновка; проѣхавъ отъ нея полъ мили, мы обѣдали въ Айсынѣ у его милости пана старосты винницкаго, у котораго мы прогостили весь слѣдующій день.

8. Въ полъ мили отъ Айсына мѣстечко Кислякъ, полъ мили дальше Гинча, въ одной мили оттуда—Рахны—затѣмъ въ одной мили Грудокъ.

9. Въ трехъ миляхъ дальше—Оратовка, затѣмъ въ одной мили Животовъ, гдѣ мы остановились для отдыха и ночлега.

10. Въ одной мили—село Войтовцы, три мили дальше мѣстечко Тетіевъ, гдѣ мы отдыхали и ночевали.

11. Въ трехъ миляхъ отъ Тетіева мѣстечко Ставище, тамъ устроенъ былъ отдыхъ и ночлегъ.

12. Въ двухъ миляхъ отъ Ставищъ урочище Колодежа, называемое иначе Налевайкова Крыница; въ двухъ миляхъ отсюда мѣстечко Косовата—здѣсь мы остановились на отдыхъ и ночлегъ.

13. Въ четырехъ миляхъ отъ ночлега—мѣстечко Стеблевъ на рѣкѣ Роси, оно принадлежитъ къ корсунскому староству; мы остановились для отдыха и ночлега.

14. Отправившись послѣ обѣда изъ Стеблева, мы, проѣхавъ одну милю, достигли къ ночи города Корсуня, староства, принадлежащаго его милости пану хорунжему коронному; здѣсь мы прожили нѣсколько дней. Во время этой остановки запорожскіе козаки чигиринскаго полка принесли жалобу его милости пану гетману на своего полковника [1]), пана Закржовскаго, о томъ, что они терпятъ отъ него большія обиды и притѣсненія, которыми нарушаются права ихъ рыцарскаго сословія. Когда дѣло это разъяснилось передъ судомъ гетмана и передъ всѣми нами, полковникъ былъ отставленъ отъ должности, но не подвергся болѣе

[1]) По распоряженію Конецпольскаго съ 1638 года всѣ козацкіе полки состояли подъ управленіемъ полковниковъ не выборныхъ, а назначаемыхъ гетманомъ изъ числа польскихъ шляхтичей.

тяжелому наказанію изъ вниманія къ великимъ заслугамъ, которыми онъ раньше отличился. На его мѣсто его милость назначилъ чигиринскимъ полковникомъ пана Кречовскаго.

18. Пріѣхалъ посолъ отъ силистрійскаго паши по нѣкоторымъ дѣламъ къ его милости; на слѣдующій день ему назначена была аудіенція и онъ былъ отправленъ; того-же числа и мы выѣхали изъ Корсуня; проѣхавъ двѣ мили, ночевали въ Осетровѣ, называемомъ иначе Сахновкою; поселеніе это расположено на берегу Роси у Сахнова моста.

20. Въ одной мили отъ ночлега мы отдыхали въ мѣстечкѣ Березковцахъ, называемомъ также Вольскаго Воля, лежащемъ на рѣкѣ Роси; корсунскій полковникъ, панъ Забокрицкій, котораго резиденція здѣсь находится, угощалъ насъ весьма радушно. Мы ночевали въ двухъ миляхъ дальше, въ мѣстечкѣ Мліевѣ, гдѣ мы провели и весь слѣдующій день.

22. Мы проѣхали мѣстечко Орловецъ, лежащее въ двухъ миляхъ отъ ночлега, затѣмъ, проѣхавъ еще двѣ мили, мы отдыхали въ мѣстечкѣ, называемомъ Баклый. Послѣ обѣда мы проѣзжали лежащее въ двухъ миляхъ отъ Баклыя, на рѣкѣ Серебрянкѣ, мѣстечко-слободу Константиновъ и въ одной мили отъ него мы остановились на ночлегъ въ мѣстечкѣ Тасьминѣ, которое недавно основалъ на рѣкѣ того-же имени, въ качествѣ слободы, его милость (Конецпольскій); здѣсь устроенъ громадныхъ размѣровъ прудъ, разливающійся на пространствѣ двухъ миль.

23. Проѣхавъ три большія мили по татарскому шляху среди дикой и пустынной мѣстности, мы достигли мѣстечка Жаботына, расположеннаго на рѣчкѣ Жаботинкѣ; здѣсь остановились для отдыха и ночлега.

24. Проѣхавъ двѣ большія мили, мы ночевали въ мѣстечкѣ Медвѣдовкѣ, послѣдней слободѣ, принадлежащей его милости въ этой области.

27. Въ полу мили отъ ночлега мы проѣзжали длинные мосты, построенные на болотахъ, которыя на весьма большомъ пространствѣ простираются здѣсь рядомъ съ русломъ рѣки Тасьмина; пробѣжавъ въ этотъ день пять миль, мы ночевали въ мѣстечкѣ Черкасахъ, расположенномъ на берегу Днѣпра. Здѣсь живетъ козацкій черкасскій полковникъ.

28. Переправившись послѣ обѣда черезъ Днѣпръ и проѣхавъ три мили, мы ночевали въ мѣстечкѣ, называемомъ Арклый, при-

надлежащемъ къ черкасскому старостеу; здѣсь ночью выпалъ первый снѣгъ весьма обильный.

29. Въ пяти миляхъ оттуда мы ночевали въ мѣстечкѣ Горошинѣ, лежащемъ на берегу рѣки Сулы, владѣніи его милости князя Еремія Вишневецкаго. Его милость панъ гетманъ, по причинѣ глубокаго снѣга и холоднаго вѣтра, остановился на ночлегъ въ трехъ миляхъ отъ Арклыя въ мѣстечкѣ князя Вишневецкаго —Боромлѣ.

30. Проѣхавъ большихъ шесть миль по дикимъ полямъ, мы ночевали въ городѣ Хоролѣ, владѣніи князя Вишневецкаго, расположенномъ на рѣкѣ Хоролѣ.

31. Проѣхавъ четыре большія мили, мы поспѣли къ обѣду въ городъ Миргородъ, лежащій на рѣкѣ Хоролѣ и состоящій въ державѣ [1]) его милости (Конецпольскаго). Здѣсь мы прожили 12 дней.

Ноября 13. Выѣхавъ послѣ обѣда изъ Миргорода, мы ночевали въ четырехъ миляхъ отъ него въ мѣстечкѣ Рашавкѣ, на рѣкѣ Пслѣ, владѣніи его милости (Конецпольскаго).

14. Въ двухъ миляхъ дальше мы ночевали въ Гадячѣ, состоящемъ въ державѣ и подъ управленіемъ его милости. Здѣсь мы провели и слѣдующій день.

16. Проѣхавъ двѣ мили, мы миновали село Березовую Луку на рѣкѣ Хоролѣ, и въ двухъ миляхъ отъ него остановились для отдыха и ночлега въ мѣстечкѣ Бискахъ.

17. Проѣхавъ двѣ мили, мы пріѣхали къ обѣду въ городъ Лохвицу, расположенный между рѣками Лохвицею и Сулою, въ которомъ въ то время находилась резиденція его милости князя Вишневецкаго; онъ выѣхалъ на встрѣчу пану гетману и пригласилъ насъ къ себѣ въ домъ. Мы прогостили у него слѣдующій день.

19. Въ трехъ миляхъ отъ Лохвицы, мы ночевали въ мѣстечкѣ Чернухахъ, въ домѣ пана Мясковскаго.

20. Ночевали въ четырехъ миляхъ отъ Чернухъ въ мѣстечкѣ Пирятинѣ.

21. Въ полумили отъ Пирятина мы переправились черезъ рѣку Оржицу и, проѣхавъ еще 2½ мили, ночевали въ мѣстечкѣ Чумхакѣ, принадлежащемъ его милости (Конецпольскому).

---

[1]) „Державою“ называлось государственное имѣніе, отданное частному лицу въ пожизненное владѣніе, съ обязанностью уплачивать въ казну отъ ¼ до ⅓ дохода.

22. Въ двухъ миляхъ отъ Чумхака мы отдыхали въ селѣ Ташани и затѣмъ проѣхавъ еще 4 мили, мы прибыли въ городъ Переяславль, староство его милости, гдѣ прожили болѣе недѣли по причинѣ дѣлъ его милости.

Декабря 3. Послѣ того какъ его милость покончилъ дѣла, ради которыхъ пріѣхалъ въ Переяславль, мы двинулись въ дальнѣйшій путь и, проѣхавъ одну милю ночевали въ Трехтымировѣ. Нѣкогда здѣсь было мѣстечко, но оно разрушено нашими войсками во время войны съ своевольными козаками, возстававшими многократно противъ рѣчи посполитой, такъ какъ во время бунтовъ Трехтымировъ составлялъ центръ для ихъ сборищъ. Теперь здѣсь осталось лишь небольшое сельце, расположенное вдоль самаго берега Днѣпра и крѣпостца, обнесенная полисадами, въ которой живетъ коммисаръ рѣчи посполитой, назначенный, послѣ усмиренія козацкаго своеволія, начальникомъ реестровыхъ козаковъ, оставшихся въ послушаніи рѣчи посполитой; обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы сдерживать реестровыхъ козаковъ военною дисциплиною, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, зорко слѣдить за тѣми, которые покушались бы вчинать какія либо своеволія и бунты. Здѣсь мы провели слѣдующій день.

5. Проѣхавъ пять большихъ миль по великой степи, мы ночевали въ мѣстечкѣ Каралыкѣ, расположенномъ на рѣкѣ того же имени.

6. Въ трехъ миляхъ отъ Каралыка мы отдыхали въ мѣстечкѣ Ольшанкѣ и ночевали въ одной мили дальше въ Рокитной.

7. Изъ Рокитной четыре мили до города и староства, Бѣлой Церкви, гдѣ мы ночевали. Такъ какъ здѣсь тогда квартировала хоругвь его милости пана краковскаго [1]), то всѣ товарищи съ челядью выѣхали на встрѣчу его милости. Мы провели здѣсь слѣдующій день.

---

[1]) Панъ краковскій есть тотъ же Конецпольскій, соединявшій должности: гетмана и кастеляна краковскаго; по установившемуся обыкновенію, въ титулѣ слово „кастелянъ“ обыкновенно опускалось въ неоффиціяльной рѣчи. Хоругвью назывался отрядъ конницы, состоявшій изъ 20—25 „товарищей“, т. е. дворянъ, записавшихся на службу и получавшихъ жалованіе, въ счетъ котораго товарищи обязаны были содержать каждый 3 солдата, не дворянъ, такъ называемыхъ „шереговыхъ“ или „челядь“, которые входили вмѣстѣ съ товарищами въ строй хоругви. Если хоругвь получала жалованье не отъ правительства, а отъ частнаго лица, то носила имя этого лица, какъ и въ данномъ случаѣ.

9. Мы проѣхали три мили въ мѣстечко Ружинъ и затѣмъ еще двѣ мили въ Билиловку.

10. Въ трехъ миляхъ отъ Билиловки мы проѣзжали мѣстечка Губинъ и Збаражъ, расположенныя на двухъ противуположныхъ берегахъ одного пруда; затѣмъ, проѣхавъ еще три мили, мы ночевали въ городѣ Прилукѣ.

11. Въ трехъ миляхъ отъ Прилуки мы отдыхали въ городѣ и староствѣ Винницѣ.

12. Проѣхавъ три мили, встрѣтили мѣстечко Браиловъ, а затѣмъ еще въ одной мили—мѣстечко Межировъ, въ которомъ ночевали.

13. Отсюда, проѣхавъ три мили, мы къ обѣду достигли Бара; въ путешествіи этомъ мы провели цѣлыхъ 12 недѣль.

1644 г.

Начало года занято подробнымъ описаніемъ похода Конецпольскаго противъ Татаръ и отчетомъ о сраженіи съ ними у Охматова.—Эту часть дневника выписываемъ цѣликомъ [1]).

Января 17. Его милость панъ краковскій давно уже получалъ многочисленныя предостереженія и достовѣрныя извѣстія какъ отъ господаря волошскаго, такъ и отъ своихъ лазутчиковъ о томъ, что татарскій ханъ готовится ворваться изъ Крыма въ государство короля его милости; потому онъ разослалъ приказанія хоругвямъ, квартировавшимъ въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ, чтобы они передвинулись въ Украину на указанныя мѣста. Самъ гетманъ двинулся изъ Бара въ сопровожденіи своего двора и тѣхъ ихъ милостей, которыхъ полученныя извѣстія заставили вооружиться на услугу рѣчи посполитой. Ночевалъ гетманъ въ Межировѣ.

18. Мы ночевали въ Винницѣ, куда пріѣхалъ панъ Кутновскій, драгоманъ и интимный секретарь господаря волошскаго; онъ въ 24 часа совершилъ путь изъ Яссъ, чтобы сообщить вновь предостереженіе о томъ, что враги совершенно готовы къ походу.

19. Мы ночевали въ Комаровѣ у паніи Кропивницкой, жены брацлавскаго подсудка.

20. Проѣхавъ четыре большія, украинскія мили, мы ноче-

---

[1]) Стр. рукописи 485—523.

вали въ мѣстечкѣ Илинцахъ у князя Корецкаго, гдѣ насъ очень радушно принималъ его слуга, панъ Стоковскій.

21. Также радушно угощалъ насъ въ Кальникѣ (въ 2 миляхъ отъ Илинецъ) панъ Сосинскій. Здѣсь мы промедлили два дня, ожидая болѣе точныхъ извѣстій.

23. Въ двухъ миляхъ отъ Кальника мы прошли мѣстечко Балабановку и въ одной мили отъ него остановились въ мѣстечкѣ Княжа Крыница, принадлежащемъ князю Федору Четвертинскому. Не успѣли мы еще расположиться, какъ получено было извѣстіе (впрочемъ не достовѣрное) о приближеніи непріятеля; потому, не медля, мы двинулись впередъ и, пройдя двѣ мили, миновали мѣстечко Ваховую Греблю и полъ мили дальше мѣстечко Жубриху, лежащее на рѣкѣ Тыкичѣ; затѣмъ, пройдя еще полъ мили, мы ночевали въ мѣстечкѣ Бузовкѣ, имѣніи его милости князя Доминика (Заславскаго).

24. Въ Бузовкѣ панъ краковскій прожилъ нѣсколько дней, расположивъ вблизи все войско. Панъ Голдаковскій, одинъ изъ управляющихъ украинными помѣстьями, прислалъ въ лагерь двухъ крымскихъ татаръ. Одинъ изъ нихъ—Мегметъ-Скирту, родомъ изъ окрестностей Перекопа, уже три года тому назадъ вышелъ изъ Крыма и находился на службѣ въ Очаковѣ у Мустафы-Кіяи; другой Куляй, родомъ изъ села Мангута, оставилъ Крымъ пять лѣтъ тому назадъ и служилъ также въ Очаковѣ у Шабанъ-аги. Они показали, что они пойманы на рѣкѣ Телигулѣ, куда ходили добывать дрова. Они слышали, будто большой отрядъ крымскихъ татаръ выступилъ изъ Крыма подъ начальствомъ перекопскаго бея, который разгнѣванъ сильно тѣмъ, что у него угнали 4,000 лошадей; но они будто возвратились назадъ. Они сообщили также, что татарамъ бѣлгородскимъ и очаковскимъ запрещено подъ угрозою смертной казни выходить въ походъ и потому они вовсе и не собираются. Относительно буджацкихъ татаръ они ничего не знали: ни объ ихъ числѣ, ни о томъ, переправилась ли часть ихъ на нашу сторону (Днѣстра).

Того же дня панъ коммисаръ войска запорожскаго прислалъ въ лагерь также пойманнаго татарина—Мехомета, родомъ изъ Сулнака, котораго поймали на Ирклеѣ; четыре недѣли тому назадъ онъ поступилъ на службу къ повару султана Нуредина; по словамъ его, онъ ходилъ съ товарищемъ добывать дрова въ близи своего отряда; отрядъ Нуредина состоялъ только изъ 150 всадниковъ, все-же остальное войско отправилось въ Польшу;

онъ не знаетъ количества татаръ, вышедшихъ изъ Крыма, но утверждаетъ, что они увели съ собою всѣхъ лучшихъ лошадей и кобылицъ въ походъ, ибо получили приказъ выступать поголовно. Начальниками похода состоятъ: Тугай-мурза—бей перекопскій и Темиръ-ага, казначей султана Нуредина; калаузомъ всего войска (т. е. проводникомъ) назначенъ Гумеръ-ага, такъ какъ онъ хорошо знакомъ съ мѣстностью этой страны. Войско отправилось по приказанію хана; Перекопскій бей имѣетъ намѣреніе, въ случаѣ, если Днѣпръ покрытъ льдомъ, переправиться на сю сторону, въ противномъ же случаѣ сдѣлать набѣгъ на той сторонѣ.

26. Во вторникъ панъ краковскій получилъ извѣстіе въ Бузовкѣ о приближеніи татаръ; для предостереженія войска онъ приказалъ выстрѣлить изъ пушки; но такъ какъ извѣстіе не было вполнѣ достовѣрно, то войско въ этотъ день не тронулось изъ своихъ квартиръ; оно выступило въ походъ только ночью съ вторника на среду. Пройдя четыре мили по страшному холоду, мы на разсвѣтѣ остановились въ мѣстечкѣ Ставищахъ, ожидая болѣе точныхъ извѣстій. О полученіи таковыхъ, равно какъ и о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ будетъ сообщено ниже подробно, при описаніи сраженія съ татарами.

30. Послѣ долгаго ожиданія, наконецъ мы дождались прихода татаръ и съ Божьею помощью одержали надъ ними побѣду. Подробности ея изложены въ слѣдующей запискѣ:

Подлинная записка о побѣдѣ, одержанной кастелляномъ краковскимъ, гетманомъ великимъ коронным 30 января подъ Ахматовымъ и Воронымъ надъ войскомъ татарскимъ, бывшимъ подъ начальствомъ Тулай-бея перекопскаго и Муфтаза-аги.

Гетманъ получилъ увѣдомленіе отъ своего слуги, котораго онъ посылалъ къ хану требовать удовлетворенія за набѣгъ татарскій, совершенный на заднѣпровіи въ прошломъ году, о томъ, что ханъ имѣетъ враждебныя намѣренія противъ державы его королевской милости и что онъ собирается двинуться въ походъ лично, не выжидая обычнаго времени года и не обращая вниманія на строгій запретъ, полученный изъ Царьграда, немедленно послѣ бейрама, который приходился 8 декабря. Гетманъ отправилъ изъ лагеря къ Днѣпру часть войска подъ начальствомъ князя Вишневецкаго, поручивъ ему зорко слѣдить за движеніями непріятеля на обоихъ берегахъ Днѣпра. Другую часть войска, расположенную въ брацлавскомъ воеводствѣ, онъ поручилъ, по

причинѣ болѣзни воеводы брацлавскаго, гетмана польнаго коронаго, пану старостѣ винницкому, поручивъ ему наблюденіе надъ шляхами: Кучманомъ и Чорнымъ. Затѣмъ гетманъ довелъ до свѣдѣнія короля о предстоящей опасности и оповѣстилъ все войско приказомъ, чтобы оно было на готовѣ къ походу и чтобы товарищи не отлучались отъ своихъ хоругвей, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ публиковалъ универсалы въ гродскихъ урядахъ, предостерегая жителей объ опасности и совѣтуя имъ вести себя предусмотрительно и осторожно; затѣмъ отправлены были письма къ тѣмъ панамъ, которые обыкновенно доставляли свои милиціи въ помощь королевскому войску, приглашая ихъ принять участіе въ предстоящей кампаніи. Когда стали приходить новыя извѣстія какъ отъ лазутчиковъ, такъ и изъ Запорожья отъ бѣглыхъ плѣнныхъ о томъ, что татарскія войска уже двинулись въ походъ, отправлено было приказаніе къ хоругвямъ расположеннымъ въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ, чтобы они къ 27 числу декабря прибыли въ Винницу. Пока собирались отряды войска и отдыхали послѣ поспѣшнаго перехода, 13 января лазутчики принесли извѣстіе о томъ, что ни ханъ, ни султанъ (Калга) не пойдутъ лично, но что они отправили въ походъ всю крымскую силу и даже ханскій дворъ (вовсе не оставивъ въ Крыму гарнизона), подъ начальствомъ Тугай-бея перекопскаго, Мустаза-Аги и Умерли-Аги, пользовавшихся въ Крыму репутаціею самыхъ храбрыхъ и дѣльныхъ воиновъ. Они уже 3 января заняли переправу черезъ Днѣпръ у Тавани. Ханъ уклонился отъ похода потому, какъ онъ утверждалъ, что онъ не могъ притянуть къ нему ногайцевъ ни Большой орды, прикочевавшей отъ Астрахани, ни Малой; ногайцы отказались отъ похода, утверждая, что они опасаются нападенія калмыковъ на свои кочевья и, по приказанію турецкаго султана, должны оберегать Азовъ; притомъ ханъ не желалъ отправляться въ походъ, чтобы явно не дѣйствовать вопреки запрету турецкаго султана, передъ которымъ онъ отправку войска представилъ въ такомъ видѣ, будто оно послано не для войны съ Польшею, а лишь для возврата стадъ, угнанныхъ козаками; кажется впрочемъ, что самая важная причина, заставившая хана и султана (Калгу) воздержаться отъ похода, заключалась въ томъ, что они не довѣряли себѣ и не желали подвергаться риску попасть въ безславіе и немилость турецкаго султана и предпочли поручить дѣло тѣмъ лицамъ, которыхъ почитали болѣе себя мужественными и распорядительными.

Итакъ татарскіе предводители направились, какъ выше было сказано, къ переправѣ у Тавани, но не нашли здѣсь возможности перейти на другой берегъ Днѣпра, ибо средина рѣки не замерзла, а ледъ держался широкою полосою только у береговъ. Они пытались однако переплыть рѣку, но дѣло кончилось лишь тѣмъ, что они искалѣчили множество лошадей, ибо, переплывъ русло, они не могли взобраться на ледъ, окаймлявшій противуположный берегъ.

Вслѣдъ за тѣмъ прибылъ гонецъ отъ чигиринскаго полковника, находившагося въ то время вмѣстѣ съ полкомъ своимъ на Запорожьи, и присланы два плѣнные татара, захваченные Забускимъ, отправленнымъ для развѣдокъ изъ Запорожья. Всѣ они согласно показывали, что орда, не успѣвши переправиться въ Тавани, пыталась также тщетно искать переправы у Каиры и на Носаковскомъ перевозѣ и, наконецъ, двинулась вверхъ по Днѣпру къ Кучкасову.

Еще раньше полученія этихъ извѣстій, панъ гетманъ двинулся изъ Бара 17 января, въ сопровожденіи пана подчашія короннаго, начальниковъ артиллеріи: Арцишевскаго и Гродзицкаго, пановъ: Сѣраковскаго, Хоинскаго и многихъ другихъ, по большей части молодежи, возвратившейся недавно изъ службы военной за границею, и охотно предложившей свое участіе въ кампаніи для услуги его королевской милости. Узнавъ отъ лазутчиковъ, что непріятель намѣренъ ворваться Черными шляхомъ, гетманъ назначилъ сборный пунктъ для войска у мѣстечекъ, расположенныхъ близко другъ отъ друга: Бузовки, Жубрихи, Зеленаго Рога и Воронаго; собравшись въ этой мѣстности 23 января, войско съ нетерпѣніемъ ожидало появленія врага.—Другая часть войска, стоявшая у Днѣпра, подъ начальствомъ князя Вишневецкаго, сосредоточилась, по приказанію гетмана, въ имѣніи того-же князя—мѣстечкѣ Мошнахъ, откуда наблюдали оба берега Днѣпра; туда прибылъ панъ кастелланъ кіевскій (Александръ Пясечинскій) съ хоругвями, квартировавшими въ черниговскомъ воеводствѣ, и стянулъ свои полки панъ коммисаръ войска запорожскаго. Получивъ извѣстіе о томъ, что орду видѣли между лѣсомъ Болтысомъ и Лебединомъ, и полагая, что татаре пойдутъ по той дорогѣ, по которой ворвался было четыре года назадъ султанъ Калга подъ Корсунь, князь Вишневецкій передвинулся изъ Мошенъ въ Корсунь. Панъ гетманъ придвинулся также въ ту сторону, желая преградить путь татарамъ, и 27 янва-

ря, на разсвѣтѣ, пришелъ въ Ставища. Здѣсь получено было извѣстіе отъ князя Вишневецкаго и отъ пана коммисара войска запорожскаго о томъ, что къ нимъ пріѣхалъ сотникъ чигиринскаго полка, отправленный изъ Запорожья съ извѣстіемъ, что орда, выждавъ два дня въ Кучкасовѣ, пока ледъ не окрѣпъ, переправилась черезъ Днѣпръ; сотникъ на пути своемъ наткнулся на нее у верховьевъ Саксагани и на Ингульцѣ и чуть было не попалъ въ плѣнъ; онъ утверждалъ, что 23 января онъ видѣлъ лично, какъ орда направилась къ Ингулу. Гетманъ понялъ это движеніе, такъ какъ онъ хорошо знакомъ съ топографіею той мѣстности, и остановился въ Ставищахъ, ожидая дальнѣйшихъ вѣстей о движеніи непріятеля. Вслѣдъ за тѣмъ получено извѣстіе отъ корсунскаго подстаросты, что орду видѣли за Лебединомъ на берегу рѣки Выси; сообщеніе это обрадовало всѣхъ насъ, выжидавшихъ съ нетерпѣніемъ непріятеля и опасавшихся, чтобы онъ не возвратился за Днѣпръ и не пошелъ по Муравской дорогѣ.

Въ теченіи двухъ дней разъѣзды наши ничего новаго не сообщали. Гетманъ послалъ приказъ князю Вишневецкому, чтобы онъ съ своимъ войскомъ шелъ по направленію къ Бояркѣ, затѣмъ 29 января онъ отправилъ для рекогносцировки королевскаго ротмистра, пана Шемберка, съ нѣсколькими десятками всадниковъ: волоховъ и (польскихъ) татаръ; съ ними отправился по приказанію черниговскаго воеводы (Мартина Калиновскаго) его слуга, панъ Суловскій, отлично знающій ту мѣстность и всѣ ея урочища. Отрядъ этотъ на Царскомъ Бродѣ, на рѣкѣ Тыкичѣ, встрѣтилъ бѣгущую стражу, которая сообщила о наступленіи орды. Панъ Шемберкъ послалъ извѣстіе объ этомъ гетману, но самъ остался въ полѣ, желая добиться болѣе точнаго указанія и, если возможно, возвратиться съ языкомъ [1]); дѣйствительно ожиданіе его не обмануло: ему удалось ночью подойти къ татарамъ и вблизи самого ихъ коша захватить двухъ языковъ; уже за полночь онъ доставилъ ихъ въ Ставища. Изъ разспросовъ языковъ мы получили достовѣрныя свѣдѣнія какъ о числѣ ихъ войска, такъ и о его начальникахъ, совершенно согласныя съ прежними извѣстіями. Гетманъ немедленно приказалъ готовиться войску, отправилъ два подъѣзда слѣдить за непріятелемъ, извѣ-

[1]) „Языкомъ“ называли перехваченнаго изъ непріятельскаго войска солдата, у котораго распрашивали о числѣ и движеніяхъ враговъ.

стилъ князя Вишневецкаго о томъ, чтобы онъ шелъ къ Ахматову, и самъ туда-же поспѣшно направился.

30 января, въ субботу, на разсвѣтѣ мы двинулись со Ставищъ; день былъ теплый, погода ясная и веселая смѣнила бывшіе до того сильные вѣтры и морозы, что сочтено было нашими хорошимъ предзнаменованіемъ. Войско выступило съ большою охотою, благодаря которой, среди поспѣшности похода, произвело смятеніе. Панъ гетманъ, давъ распоряженіе о порядкѣ распредѣленія войска и табора и поручивъ наблюденіе полковникамъ, самъ съ пріятелями и дворомъ своимъ отправился къ передовому отряду; на пути онъ послалъ слугу своего, пана Хмелецкаго, къ пану старостѣ винницкому (Одрживольскому), который, въ качествѣ старшаго полковника, управлялъ таборомъ, съ порученіемъ наблюдать за порядкомъ табора и построить въ боевой порядокъ охранявшія его хоругви, слишкомъ растянувшіяся по дорогѣ; исполняя это распоряженіе, винницкій староста приказалъ хоругвямъ стать въ строй впереди табора, но онѣ, предполагая, что непріятель уже показался, увлекаемыя излишнею охотою къ битвѣ и не понявъ приказанія и намѣреній гетмана, а также не ожидая окончательной команды, бросились впередъ съ большимъ крикомъ, сами не зная на кого. Гетманъ, находившійся въ передовомъ отрядѣ, услышавъ шумъ, остановился, стараясь разгадать его причину; когда мы увидѣли хоругви, мчавшіяся съ большимъ крикомъ, всѣ мы съ гетманомъ бросились къ нимъ, полагая, что враги напали съ боку. Узнавъ, что вся тревога произошла по ошибкѣ, гетманъ выразилъ порицаніе войску за его легкомысліе, но, не желая смущать солдатъ въ виду предстоящаго сраженія, похвалилъ ихъ отвагу, хотя и неумѣстную, и напомнилъ имъ, что впредь они должны вести себя осторожнѣе и не бросаться безъ гетманскаго приказанія. Затѣмъ онъ лично вновь построилъ войско и мы двинулись въ дальнѣйшій путь.

Когда мы прошли уже половину дороги въ Ахматовъ, прибѣжалъ гонецъ отъ пана Олдаковскаго, шедшаго впереди съ отрядомъ гетманскихъ людей, съ извѣстіемъ, что онъ уже имѣлъ стычку съ татарами и что орда подступаетъ къ Ахматову; вскорѣ потомъ п. Олдаковскій прислалъ татарскаго языка, который подтвердилъ это извѣстіе; онъ притомъ сообщилъ: что бей перекопскій также захватилъ языка, у котораго распрашивалъ о гетманѣ и его войскѣ; плѣнникъ сказалъ, что гетманъ располагаетъ двумя

войсками, услышавъ это, бей повѣсилъ носъ, но когда плѣнникъ сказалъ, что оба наши войска вмѣстѣ менѣе трети татарскаго, онъ развеселился; затѣмъ бей рѣшилъ остановиться на мѣстѣ, отдохнуть, хорошо покормить лошадей и на слѣдующій день на разсвѣтѣ ударить на насъ. Войско тѣмъ охотнѣе продолжало путь, но, когда мы уже подошли къ Ахматову, внезапно опустился густой туманъ, покрывшій насъ почти мракомъ ночнымъ; враги однако увидѣли наше войско, построенное въ таборѣ, и оно показалось имъ очень большимъ и грознымъ; впрочемъ этотъ таборъ столько-же смутилъ непріятеля, сколько и намъ причинилъ затрудненія, ибо когда войско прошло мѣстечко, частью въ обходъ полемъ, частью по льду и по крутизнамъ, таборъ и артилерія должны были переправляться по плохой плотинѣ въ мѣстечкѣ, что заняло очень много времени. Наконецъ войско наше расположилось у Ахматова; въ тоже время кошъ татарскій расположился у Вороннаго, по ту сторону рѣчки Тыкича. По причинѣ тумана и трудной переправы нельзя было тотчасъ атаковать непріятеля, но пока артиллерія и таборъ переправлялись, всадники герцомъ (т. е. въ разсыпную, по одиночкѣ) сражались съ татарами, при чемъ много ихъ было убито и много взято въ плѣнъ.

Между тѣмъ гетманъ построилъ войско въ боевой порядокъ: чело онъ сдалъ въ управленіе пану старостѣ винницкому, на правомъ крылѣ помѣстилъ людей пана воеводы краковскаго (Станислава Любомирскаго), на лѣвомъ пана воеводы черниговскаго и князя Корецкаго, въ центрѣ расположилъ главный корпусъ арміи: свой полкъ гетманскій подъ начальствомъ хорунжія коронаго, полкъ польнаго гетмана (Николая Потоцкаго) подъ начальствомъ воеводича брацлавскаго (Казановскаго), и отряды: старосты каменецкаго и старосты снятинскаго; всѣ они добивались мѣста впереди, въ чемъ и не получили-бы отказа, если бы не предстояла необходимость образовать резервъ, къ которому присоединены были также отряды: князя конюшія короннаго, старосты калускаго и пановъ Немиричей. Часть артилеріи, подъ начальствомъ пана Гродзицкаго поставлена на правомъ крылѣ, впереди ея пѣхота подъ начальствомъ королевскаго капитана Кохана, а позади половина табора подъ начальствомъ п. Волинскаго; бокъ табора прикрывалъ полкъ драгунъ, подъ начальствомъ Денгоффа; на лѣвомъ крылѣ точно также расположена была артилерія, пѣхота и другая половина табора, подъ начальствомъ п. Бржухан-

скаго, прикрывали-же ее отряды п. Гродзицкаго и другихъ. Наконецъ сзади строй былъ замкнутъ 500 гетманскихъ драгунъ и четырьмя сотнями козаковъ, съ пушками на краяхъ линіи.

Между тѣмъ непріятели, горя нетерпѣніемъ узнать наше расположеніе, переправились черезъ рѣчку и напали на охотниковъ, которые, не смотря на запретъ, выскакивали къ нимъ изъ рядовъ; они должны были отступить передъ татарами; на выручку имъ гетманъ послалъ свой полкъ подъ начальствомъ старосты винницкаго, который быстро прогналъ татаръ съ большимъ урономъ; за послѣдними ихъ отрядами ротмистры королевскіе Ковальскій и Вѣтровскій, съ своими хоругвями, гнались до самаго коша и безъ значительной потери возвратились назадъ.

Въ это время сталъ подыматься закрывавшій насъ туманъ, какъ-бы по Божьему изволенію; рѣшено было двинуть все войско въ аттаку; но въ ту минуту прибѣжалъ къ гетману королевскій ротмистръ п. Маркъ Гдешинскій, посланный отъ кастелляна кіевскаго, князя Вишневецкаго, и отъ коммисара войска запорожскаго, съ просьбою подождать ихъ прибытія и назначить мѣсто въ строю для ихъ отрядовъ. Когда туманъ нѣсколько разсѣялся, они увидѣли нашъ таборъ, но не узнали его, и, полагая, что наткнулись на непріятельское войско, обнажили оружіе и съ большимъ крикомъ бросились къ табору. Услышавъ крикъ и полагая въ свою очередь, что приближаются татаре, обогнувъ наше войско и очутившись позади его, мы стали обращать хоругви назадъ, и начальникъ артиллеріи, панъ Гродзицкій, приказалъ на нихъ направить пушки. Только приблизившись къ табору, они узнали насъ, и наши также, услышавъ звукъ трубъ и бубновъ, сообразили, что приближается другая половина нашего-же войска подъ начальствомъ князя Вишневецкаго; гетманъ, не имѣя времени подробно заняться распредѣленіемъ вновь прибывшихъ отрядовъ, помѣстилъ всѣ на лѣвомъ крылѣ. Въ то-же время прибыли также съ противоположной стороны гетманскіе люди изъ Мліева и другой отрядъ, подъ начальствомъ пана Калискаго, съ береговъ Днѣстра.

Послѣ привѣтствій, гетманъ, не желая долго оттягивать сраженія, двинулъ войско къ переправѣ; заставши здѣсь часть непріятельской конницы, онъ приказалъ немедленно аттаковать ее пану Чарнецкому, поручику хоругви краковскаго воеводы,ославъ подъ его командою нѣсколько хоругвей гусаръ безъ копій;

они напали на татаръ съ такимъ азартомъ, что разсѣяли ихъ, не дозволивъ даже опомниться.

Не менѣе храбро двинулись на лѣвомъ крылѣ кіевскій кастелянъ и князь Вишневецкій; но такъ какъ переправа была тѣсна, то первоначальный строй они должны были видоизмѣнить и панъ воевода черниговскій перешелъ съ лѣваго крыла на правое. Лишь только переправились, они двинулись столь стремительно на врага, что онъ не устоялъ; собственно сражались только тѣ изъ нашихъ, которые имѣли болѣе быстрыхъ коней. Задніе отряды бѣжали быстро въ слѣдъ за передними, оставивъ позади таборъ, двигавшійся въ большомъ порядкѣ, къ которому примкнулъ также таборъ козацкій; они съ завистью взирали на участіе переднихъ рядовъ въ сраженіи. Непріятель оказалъ весьма слабое сопротивленіе и почти сразу обратился въ бѣгство; войско наше преслѣдовало его на протяженіи нѣсколькихъ миль, устилая трупами поле и угоняя многихъ въ плѣнъ; многіе татаре, побросавъ все, даже лошадей, бѣжали пѣшкомъ въ лѣсъ; остальные спаслись, благодаря только темнотѣ наступившей ночи.

Съ перваго взгляда видно было, что главная причина слабости татаръ состояла въ томъ, что лошади ихъ были крайне изнурены; плѣнники разсказывали, что они шли въ теченіи 45 дней по выгорѣвшей степи и притомъ во время сильнѣйшихъ морозовъ; лошади ихъ до того ослабѣли, что, если-бы оставалось еще хотя два часа дня, ни одинъ человѣкъ не спассябы бѣгствомъ. Въ погоню за разбитыми врагами отправленъ панъ коммисаръ войска запорожскаго съ отрядомъ въ 5,000 человѣкъ, чтобы преслѣдовать и уничтожить остатки орды по мѣрѣ возможности. Но татаре переправились черезъ Синюю Воду (здѣсь множество ихъ погибло, ибо ледъ обломался подъ передними рядами, которые потонули; задніе-же переправились по ихъ трупамъ какъ по плотинѣ) и въ степи раздѣлились на три отряда: одинъ направился къ Днѣпру, другой къ Очакову, третій въ буджацкія степи; наши, утомивши своихъ лошадей, не могли гнаться за ними, такъ какъ они не знали, который отрядъ нужно было преслѣдовать.

Трудно разсчитать, сколько татаръ убито было въ битвѣ; тѣхъ, которые пали въ началѣ сраженія, сами татаре снесли въ мельницу и въ нѣсколько домовъ и сожгли; тѣхъ-же, которые погибли во время погони, считать было затруднительно. Плѣнныхъ

было множество какъ у гетмана, такъ и у всѣхъ пановъ, имѣвшихъ свои отряды; ихъ ни у кого не отымали. Гетманъ могъ-бы уничтожить всю орду, если-бы дозволилъ ей пройти далѣе внутрь страны и распустить загоны; въ такомъ случаѣ онъ могъ легко уничтожить кошъ и затѣмъ по одиночкѣ истреблять загоны, но онъ предпочелъ охранить гражданъ отъ разоренія и прогнать врага отъ самаго рубежа государства, чѣмъ приготовить для него худшую гибель. Впрочемъ и постигшее ихъ пораженіе достаточно чувствительно, за что воздадимъ хвалу Господу, оказавшему покровительство нашему оружію. Не оправдалась польская поговорка, что трудно поразить татарина у входа въ государство—легко-же у выхода, когда онъ обремененъ добычею; теперь случилось наоборотъ: побѣда была одержана, по милости Божьей, храбростью королевскаго войска не внутри государства, а на самомъ его порогѣ.

Татаре плѣнные на допросахъ показали слѣдующія подробности. Самъ ханъ и султанъ Калга имѣли первоначально намѣреніе отправиться въ походъ, но потомъ, изъ опасенія турецкаго султана, остались въ Крыму; они призвали къ оружью всѣхъ татаръ, которые собирались въ походъ весьма охотно; такъ какъ въ то время года лошади ихъ не находились дома, а въ стадахъ, то они должны были первоначально отправиться пѣшкомъ къ стадамъ, везя съ собою сѣдла на возахъ. Состояли татаре подъ начальствомъ лучшихъ крымскихъ вождей: Тугай бея перекопскаго, Муртазы-аги и Гумеръ-аги, который служилъ калаузомъ (проводникомъ) всего войска, какъ человѣкъ, знающій отлично географическое расположеніе нашихъ областей. Когда орда достигла Жолтыхъ Водъ, начальники пересмотрѣли войско, и всѣхъ тѣхъ, у кого не было хорошихъ лошадей и вооруженія, отправили обратно въ Крымъ, оставивши лишь 20,000 отборной конницы. Начальники татарскіе имѣли слѣдующія инструкціи отъ хана: 1) не подходить къ Бѣлгороду (Аккерману), изъ опасенія, чтобы многіе татаре не сбѣжали въ ту область изъ за нежеланія возвращаться въ Крымъ; гдѣ тогда свирѣпствовалъ голодъ; 2) избѣгать сраженія съ польскимъ войскомъ и ограничиться лишь такимъ количествомъ добычи, которая могла-бы вознаградить татаръ за тѣ стада, которыя недавно угнали у нихъ запорожскіе козаки, и, получивъ это удовлетвореніе, немедленно возвращаться домой. Въ походѣ принимали участіе многіе мурзы и другія знатныя лица, а именно: Ахметъ-мурза, командовавшій

отрядомъ въ 2000 людей, Темиръ-Ага, казначей султана Нуредина Ибасъ-Азуликъ, братъ хана, Ширинъ-мурза и пять его братьевъ Инджуитъ-мурза и семь его братьевъ, 10 родныхъ братьевъ Джантимиръ-бега, братъ Мехметъ-аги—Шаколы-мурза съ шестью родственниками, Чельзуитъ-мурза съ семью братьями и много другихъ мурзъ, наконецъ, весь дворъ хана.—Изъ малой ногайской орды было 800 человѣкъ; это тѣ ногайцы, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ бѣжали подъ предводительствомъ одного мурзы въ крымскіе предѣлы, въ то время, когда ихъ орда подчинилась московскому правительству. Изъ буджацкой орды было 300 человѣкъ, которые пришли позже всѣхъ.

Тѣ же плѣнные татаре разсказали, что, послѣ выхода изъ Крыма, они въ теченіи двухъ мѣсяцевъ находились въ походѣ, и бейрамъ праздновали на пути; черезъ Днѣпръ они переправились въ Кучкасовѣ. За сутки до сраженія они знали о приближеніи нашего гетмана съ войскомъ, но рѣшились дать битву и не отступать, не испробовавши силъ; потому они и не отпускали въ сторону загоновъ. Однако въ самый день сраженія они его не ожидали, но имѣли намѣреніе этотъ день посвятить отдыху, и только на слѣдующее утро атаковать нашу армію, вопреки вышеприведенной ханской инструкціи. Наконецъ они показали, что въ первой стычкѣ съ герцовниками участвовало только 500 татаръ, но во второй стычкѣ, у мельницы, сражался отрядъ въ 6000 человѣкъ.

Затѣмъ въ рукописи слѣдуетъ подробный перечень польскаго войска и приводятся цифры солдатъ, бывшихъ въ каждомъ отрядѣ, и имена знатныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ битвѣ. Сумма всего польскаго войска достигала цифры 19,130 человѣкъ при 22 пушкахъ; въ томъ числѣ „войска запорожскаго“ 4,000 человѣкъ и польской стражи при коммисарѣ и полковникахъ козацкихъ 650 человѣкъ. Изъ числа контингентовъ, доставленныхъ частными лицами, самый многочисленный—3,000 человѣкъ принадлежалъ князю Еремѣ Вишневецкому.

Февраля 6. Одержавъ вышеописанную счастливую побѣду надъ татарами, мы возвратились въ Баръ.

Остальная часть дневника за 1644 годъ посвящена Освѣцимомъ описанію его поѣздокъ съ гетманомъ изъ Бара въ Броды, изъ Бродовъ въ Краковъ, по случаю церемоніи погребенія королевы, и въ отпускъ домой, въ краковское воеводство, по личнымъ дѣламъ.

1645 годъ занятъ описаніемъ поѣздки вмѣстѣ съ Конецпольскимъ на сеймъ въ Варшаву и, затѣмъ, поѣздки въ Парижъ, куда Освѣцимъ ѣздилъ съ порученіями отъ короля, по случаю сватовства и вторичнаго королевскаго брака.

1646 г.

Января 20 [1]). Въ это время татаре, собравшіеся въ походъ еще въ концѣ осени, не находя возможности ворваться въ предѣлы нашего государства, вслѣдствіе готовности къ отпору нашего войска, направились во владѣнія московскія, гдѣ произвели значительныя опустошенія. Гетманъ польный, воевода брацлавскій (Николай Потоцкій), опасаясь, чтобы они на обратномъ пути не опустошили заднѣпровской Украины, расположилъ коронное войско на перепутьи, на муравской дорогѣ; но намѣреніе его не увѣнчалось успѣхомъ по причинѣ сильныхъ морозовъ, вслѣдствіе которыхъ войско его понесло чувствительныя потери, что явствуетъ изъ слѣдующаго письма, писаннаго имъ къ краковскому кастелляну (гетману Конецпольскому) изъ Ахтырки 19 января.

„Я доносилъ вашей милости нѣсколько разъ въ теченіи моего похода объ извѣстіяхъ, которыя я получалъ о движеніи непріятелей, теперь-же вкратцѣ сообщу о результатѣ нашихъ трудовъ. Лишь только небо дозволило мнѣ переправиться черезъ Днѣпръ, я сталъ наблюдать за движеніями врага, угрожавшаго въ равной мѣрѣ какъ московскимъ, такъ и нашимъ границамъ, и ускорилъ свой походъ, сообразуясь съ полученными извѣстіями и желая вмѣстѣ и охранить границы государства, и пріобрѣсти добрую славу, пользуясь воодушевленіемъ войска и тѣхъ ихъ милостей, которыя въ большомъ количествѣ поспѣшили на услугу Рѣчи Посполитой. На пути я получилъ извѣстіе, что враги ворвались въ московскіе предѣлы и уже въ теченіи трехъ недѣль опустошаютъ окрестности Путивля, Бѣльска (Бѣлгорода?), Курска и комаринскую волость. Опасаясь, чтобы, въ случаѣ неудачи въ московскомъ государствѣ, они не вздумали поживиться на нашъ счетъ, я направился на муравскую дорогу и сталъ зорко наблюдать, ожидая обратнаго ихъ шествія. Когда московскія власти извѣстили меня объ отступленіи татаръ, я двинулся изъ Ахтырки на Мерлу, желая перехватить ихъ у Рогозянки; но, когда я сталъ помышлять о движеніи изъ Мерла на муравскую дорогу, случился столь сильный морозъ и пошли такіе холода, что не было никакой возможности тронуться съ мѣста; между тѣмъ татаре прошли мимо нашей стоянки въ 2½ миляхъ. Множество людей и лошадей погибло отъ мороза, такъ что всѣ почти наши люди пострадали

[1]) Стр. рукописи 825—828.

отъ неблагопріятнаго климата. Испытавъ такое нерасположеніе неба, я долженъ былъ съ большимъ горемъ, простоявъ безъ воды два дня на Мерлѣ, отступить назадъ и распредѣлить войска на зимнія квартиры, принявъ мѣры, чтобы отряды шли въ порядкѣ, не притѣсняя жителей. На сколько могу сообразить, бѣдствіе, постигшее московскія области, было предназначено свыше, ибо Господь и ихъ лишилъ храбрости, вслѣдствіе чего они не сразились съ врагомъ, хотя хвалились многочисленнымъ войскомъ, и намъ не дозволилъ оказать имъ помощи; когда ко мнѣ пріѣзжали ихъ гонцы съ извѣщеніями, я спрашивалъ ихъ, почему они не отражаютъ татаръ; они указывали, какъ на единственную причину, на отсутствіе распорядительности. Орда вышла изъ московскихъ предѣловъ обремененная добычею; полагаю однако, что мало ею воспользуется, ибо лошади ихъ сильно падали, и много плѣнниковъ погибло отъ морозовъ; татаре угоняли въ плѣнъ людей, скота-же вовсе не трогали, и его слѣдовъ не замѣчено было на пути, куда они проходили. Захваченные татарскіе языки передавали, что они вовсе не ожидали непріязненныхъ дѣйствій со стороны нашего войска, ибо ханъ, отправляя ихъ въ походъ, обезпечилъ ихъ въ этомъ отношеніи, называя короля своимъ братомъ и воспретивъ имъ касаться малѣйше нашихъ границъ. По словамъ того-же языка, татаръ было въ походѣ 30,000. Наше войско было очень храбро настроено и многочисленно, какъ это видно изъ справки, которую прилагаю при семъ для свѣдѣнія вашей милости, съ поименованіемъ лицъ, по охотѣ присоединившихся къ войску. Что-же дѣлать, если Господу неугодно было предать въ наши руки враговъ! Въ числѣ другихъ отличился готовностью къ военной службѣ панъ хорунжій коронный (Александръ Конецпольскій, сынъ гетмана), принявшій охотно на себя значительную долю моихъ трудовъ среди столь тяжелой стужи; надѣюсь что онъ будетъ и впредь процвѣтать на славу своего рода и въ утѣшеніе вашей милости. Описавъ чистосердечно наши бѣдствія, утѣшаюсь лишь тѣмъ, что враги не причинили никакого вреда государству короля его милости и уразумѣли, что королевское войско всегда готово отразить ихъ нападеніе; они будутъ помнить храбрость нашего войска, находившагося въ пустынѣ и, если прежде опасались испытаннаго королевскаго счастія и извѣстной распорядительности вашей милости, то впредь еще больше будутъ бояться, увѣрившись, что королевское войско оберегаетъ границы даже на муравской дорогѣ.—Кромѣ языковъ, о которыхъ я сообщилъ, во-

лохи князя Вишневецкаго поймали одного черкеса и 10 татаръ, посланныхъ съ грамотою султана Нуредина къ царю московскому; содержаніе грамоты состоитъ въ томъ, что султанъ требуетъ дани за 10 лѣтъ и угрожаетъ, въ случаѣ неполученія ея, вновь предпринять набѣгъ черезъ 40 дней, когда лошади его отдохнутъ."

Затѣмъ слѣдуетъ справка о числѣ войска, участвовавшаго въ походѣ въ количествѣ 14,500 человѣкъ, съ распредѣленіемъ его на отряды, и перечень лицъ, доставившихъ свои контингенты; въ числѣ послѣднихъ первое мѣсто занимаетъ князь Еремія Вишневецкій, явившійся во главѣ отряда въ 4000 человѣкъ.

Остальная часть дневника за 1646 годъ заключаетъ слѣдующія свѣдѣнія: приведенъ текстъ пасквиля, напечатаннаго іезуитами противъ извѣстнаго историческаго писателя, каменецкаго епископа, Павла Пясецкаго, и отвѣтъ послѣдняго на этотъ пасквиль. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе торжества при бракосочетаніи короля. 11 марта записано извѣстіе о смерти гетмана Конецпольскаго, описаны его похороны и внесены надгробныя рѣчи, сказанныя разными лицами; затѣмъ Освѣцимъ передаетъ содержаніе политическихъ плановъ, составленныхъ Конецпольскимъ относительно завоеванія Крыма и устройства козаковъ, и цѣликомъ приводитъ секретную записку, посланную гетманомъ королю по этому поводу. Дальше сообщено о назначеніи великимъ короннымъ гетманомъ Николая Потоцкаго, при чемъ приводится составленный на него пасквиль; затѣмъ описана коронація королевы и засѣданія собравшагося сейма, заставившаго короля отказаться отъ задуманной имъ войны съ Турціею.

Изъ извѣстій, записанныхъ подъ 1647 годомъ, болѣе подробно разсказано дѣло о сочиненіи аріанина Шлихтинга, въ которомъ авторъ оспаривалъ догматъ Св. Троицы; за изданіе этой книги онъ былъ заочно приговоренъ къ смертной казни, лишенію чести и конфискаціи имущества, всѣмъ-же аріанамъ приказано закрыть школы и училища и истребить типографіи. Потомъ слѣдуетъ дѣло князя Януша Радзивилла, обвинявшагося въ томъ, будто онъ приказалъ опрокинуть крестъ, стоявшій на его землѣ. Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о смерти королевича и о предзнаменованіяхъ, предвѣщавшихъ ее.

1648 и 1649 года не сохранились въ рукописи; 1650-го года уцѣлѣла только частица, за то весь 1651 посвященъ весьма подробному описанію войны съ Хмельницкимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЬБОМЪ М. А. МАКСИМОВИЧА.

„Что-бъ за жизнь была безъ пѣсенъ,
Безъ поэзіи святой!“
М. Максимовичъ.

Въ нашей журналистикѣ нерѣдко встрѣчались и встрѣчаются жалобы на невниманіе наше къ извѣстнымъ дѣятелямъ литературы. Съ другой стороны—объ этихъ дѣятеляхъ иногда появляются такія мелочи во многихъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, что, читая ихъ, невольно подумаешь: „ну, это для затычки свободной страницы.“ Намъ не хотѣлось-бы впадать ни въ ту, ни въ другую крайность. Удѣляя самое живое вниманіе характернымъ подробностямъ о жизни нашихъ писателей, мы постараемся группировать ихъ въ нѣчто связное и цѣльное.

Въ настоящій разъ мы хотимъ остановить вниманіе читателя на альбомѣ М. А. Максимовича (1804—1873). Не знаемъ, были-ли подобные альбомы у его товарищей по университету, но самъ онъ, добродушный, романтикъ по натурѣ и по времени, не могъ обойтись безъ альбома. Онъ даже придавалъ ему большое значеніе; это видно, во 1-хъ, изъ того, что онъ далеко не всѣмъ своимъ знакомцамъ удѣлялъ мѣсто въ немъ (*„dedié à l'amitié“*—сказано въ немъ на заглавномъ листкѣ), а, во 2-хъ, изъ того, что Максимовичъ, начавъ его въ 1824 году, не разставался съ нимъ почти до самой смерти своей.

Два слова о внѣшности альбома. Это небольшая книжка въ 68 разноцвѣтныхъ листковъ, въ 16 долю, въ родѣ альманаховъ 20-хъ годовъ, но слишкомъ обрѣзанная и глядящая какой-то *„кургузой“*, по выраженію одного изъ вкладчиковъ ея. Переплетенная въ сафьянъ, съ золотымъ обрѣзомъ, вся уже сильно изветшавшая, она самимъ видомъ своимъ показываетъ, что владѣлецъ ея часто

носилъ ее въ своемъ карманѣ. Листки альбома украшены 15-ю рисунками, которые несомнѣнно имѣли въ свое время многоразличное значеніе—историческое, символическое, сердечное; между рисунками встрѣчаются и портреты, къ сожалѣнію, не подписанные.

Составъ альбома—стихи, проза, оригинальные и переводные, выписки, подписи, даже рецепты. Вкладчики избирали себѣ въ немъ мѣсто по произволу. Мы, конечно, не станемъ передавать всего содержанія альбома во всей его прихотливой безпорядочности, а остановимся только на пьесахъ наиболѣе интересныхъ и имѣющихъ *историко-литературное* значеніе; при этомъ мы будемъ приводить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, съ необходимыми поясненіями; въ такомъ видѣ статья наша можетъ получить значеніе матеріаловъ для біографіи достойнаго писателя и человѣка.

Альбомъ начинается въ 1824 году. Въ это время мы видимъ Максимовича въ Москвѣ; онъ уже кандидатъ физико-математическаго факультета, но добровольно записывается еще въ медицинское отдѣленіе и въ то-же время издаетъ „*зоологію*“, по Окену. Книга эта обратила на него вниманіе ученаго міра, доставила ему дружбу кн. Одоевскаго (1803—1869) и профессора М. Г. Павлова (1793—1840). Кн. Одоевскій написалъ на книгу Максимовича лестную рецензію, самъ отыскалъ его въ кандитатскихъ нумерахъ стараго зданія московскаго университета и ввелъ его въ литературный кружокъ свой. Соотвѣтственно характеру книги Максимовича, князь первый написалъ ему въ альбомъ пьесу слѣдующаго содержанія:

„ОДИССЕЕВЪ КОНЬ“.

„Вы, вѣрно, знаете, друзья мои, милаго, простодушнаго Каллинона. Знаете, какимъ слабоумiемъ, истинно-завиднымъ въ наше время, одарила его природа. Вы, вѣрно, помните, что сдѣлалъ онъ, захотѣвши предаться Морфею: какъ положилъ подъ голову глиняный сосудъ; какъ сосудъ показался ему жесткимъ; какъ, чтобы сдѣлать свое изголовье годнымъ къ употребленію, онъ вздумалъ набить его соломою.

„Про этого самаго Каллинона я нашелъ странное сказаніе въ одной древней рукописи; ученые коментаторы увѣряютъ, что она подложная, но чего они не выдумаютъ! Рукопись, вопреки всѣмъ этимъ господамъ, утверждаетъ, что мой герой находился въ числѣ тѣхъ воиновъ, которые были засажены старикомъ Одиссеемъ въ деревянную лошадь предъ Троею.

„Отяготѣвъ отъ даровъ Вакховыхъ, Каллинонъ безпечно потягивался на самомъ мѣстѣ желудка въ огромномъ чревѣ.

„Какъ душно и темно теперь на свѣтѣ!“ говоритъ онъ своему товарищу.

— Не вѣкъ здѣсь быть!—отвѣчалъ ему воинъ—придетъ время, и мы выйдемъ отсюда; приготовляй оружіе...

„Выйдемъ? Куда?“

— На свѣтъ! въ Трою!

„И—кто тебѣ сказалъ объ этомъ!“—возразилъ Каллинонъ, засмѣявшись; „я давно уже смотрѣлъ во всѣ стороны и теперь твердо увѣрился, что и Грецiя, и Троя, и цѣлый свѣтъ, все здѣсь, въ этомъ желудкѣ; и больше ничего не существуетъ и существовать не можетъ“....

„Вы, смѣетесь, друзья мои, рѣчи простодушнаго Каллинона, но берегитесь! Смотрите, какъ смѣхъ вашъ расшевелилъ Каллиноновъ нашего времени, какъ грозно выглядываютъ они на васъ изъ своихъ желудковъ, въ которые спрятались съ головой и съ ногами.“

Не имѣя подъ рукою журналовъ двадцатыхъ годовъ, мы не можемъ опредѣлить, на какія литературныя лица намекаетъ эта бойкая пьеска кн. Одоевскаго Въ собраніи его сочиненій (Спб. 1844) мы ея не встрѣчаемъ. По привычкѣ ли, или въ знакъ особой дружбы къ Максимовичу, кн. Одоевскій вписалъ свою притчу въ альбомъ красными чернилами.

Въ то-же самое время, рядомъ съ пьеской кн. Одоевскаго, тѣми-же красными чернилами, вписаны слѣдующіе три отрывка, которые мы относимъ, по внимательномъ сличеніи почерка, профессору М. Г. Павлову:

„Ничто, ничто не утопаетъ
Въ рѣкѣ катящихся вѣковъ:
Душа героевъ вылетаетъ
Изъ позабытыхъ ихъ гробовъ
И наполняетъ бардовъ струны
И на тирановъ шлетъ народные перуны“.

(Греческая пѣснь, 4-я строфа).

„Все во вселенной—и цѣль, и къ лучшему высшему средство“ (Θеодицея).

„Volenti nil difficile (мой девизъ)“.

Къ литературному кружку кн. Одоевскаго принадлежалъ В. П. Титовъ (бывшій потомъ посломъ въ Константинополѣ); онъ въ томъ же году помѣстилъ въ альбомѣ переводъ девятой оды

Горація, съ подписью: „дек. 30,1824, Лондонъ № 12 (конечно—гостинница московская). Максимовичъ въ это время лежалъ больной, возвратившись изъ своей ботанической экскурсіи по московской губерніи.

„КЪ ТАЛІОРХУ".

(Изъ Горація: „Vides ut alta"... etc.).

Смотри: бѣлѣетъ вдалекѣ
Соракта, снѣгами покровенный,
Лѣса, подъ игомъ ихъ согбенны;
И воды мразъ сковалъ въ рѣкѣ.
Умѣримъ хладъ! мы дровъ разложимъ груды.
Четырехлѣтнее вино, о царь пировъ,
Лей изъ сабинскаго сосуда!
Оставимъ прочее на произволъ боговъ.
Рекутъ—и бурный вѣтръ мгновенно
На морѣ стихнетъ разъяренный:
Не заколышется ни дубъ, ни кипарисъ.
Заутра будетъ что съ тобою,
Извѣдывать страшись.
Какимъ ни будешь днемъ ты награжденъ судьбою,
День новый прибылью считай!
О, юноша! не презирай
Ни нѣжныя любви, ни пѣсней; наслаждайся,
Доколѣ свѣжъ цвѣтъ жизни твой
И старость далека съ угрюмой сѣдиной.
На полѣ марсовомъ, въ ристалищахъ являйся;
Вдали таящейся младой красы внимай
Шептанье тихое, въ полночный часъ условной;
Прислушивай ея измѣнникъ—смѣхъ... срывай,
Въ залогъ любви, кольцо съ руки легко упорной!"

(Напомнимъ читателямъ, что позднѣйшій переводъ этой же оды Горація они могутъ встрѣтить въ книгѣ А. Фета „Оды Горація" (Спб. 1856, стр. 10); а по сличеніи съ подлинникомъ могутъ убѣдиться въ относительномъ достоинствѣ переводовъ).

Около той-же поры познакомился съ Максимовичемъ И. В. Кирѣевскій и ввелъ его въ домъ матери своей, А. П. Елагиной (1789—1877). Максимовичъ до конца жизни своей вспоминалъ съ величайшимъ наслажденіемъ объ этомъ домѣ—

„Республикѣ привольной
У красныхъ у воротъ“,

объ этой женщинѣ, такъ радушно и достойно согрѣвавшей молодыя дарованія во всѣхъ видахъ искусства и науки. Скоро Максимовичъ тамъ „пришелся ко двору“, и А. П. Елагина постоянно считала его однимъ изъ ближайшихъ друзей своихъ.

Въ февралѣ 1825 года, предъ новой поѣздкой Максимовича по московской губерніи, А. П. Елагина вписала ему на память, на первой страницѣ альбома, стихотвореніе Жуковскаго:

„Друзья! *прости*—словцо святое“!

Оно тогда еще не было напечатано и было новинкой для Максимовича и радостнымъ знакомъ теплаго чувства. Мы не приводимъ его здѣсь, такъ какъ оно было уже напечатано въ 1859 г. въ „Русской Бесѣдѣ“ и вошло въ позднѣйшія собранія стихотвореній Жуковскаго (въ изд. 1878 г., т. 1, стр. 221).

Съ легкой руки А. П. Елагиной, московскія дамы явились самыми усердными вкладчицами въ альбомъ Максимовича и до конца жизни его они остались искренними его почитательницами. Успѣхъ Максимовича въ дамскомъ обществѣ понятенъ всѣмъ, кто зналъ его лично; для другихъ-же скажемъ, что онъ, при доброй, любящей душѣ своей, былъ „соловей рѣчи и соловей неумолкаемый“. Любили его и товарищи, и чуть ли не всѣ знавшіе его, особенно такіе впечатлительные, восторгавшіеся люди, какимъ былъ, напр., С. Е. Раичъ (1792—1855), родной братъ кіевскаго митрополита Филарета (скон. 1857 г.) и наставникъ въ русской словесности многихъ извѣстныхъ писателей (въ томъ числѣ А. Н. Муравьева). Раичъ въ 1825 г. написалъ въ альбомѣ Максимовича слѣдующее стихотвореніе:

АМЕЛА (Viseum album)

Есть растенье на землѣ,
Но земля въ роскошномъ лонѣ
Отреклась его питать,
И—бездомное—на клёнѣ,
Иль на дубѣ вѣковомъ
Пріютясь, цвѣтетъ и зрѣетъ
И пернатымъ сладкій плодъ
На вѣтвяхъ своихъ лелѣетъ.

***

Есть созданья на землѣ—
Чада высшаго рожденья,—
Часто имъ пріюту нѣтъ
У дѣтей роскошныхъ тлѣнья;
Всѣмъ просторно на земли;
Лучшимъ въ мірѣ—въ мірѣ тѣсно...
Чада Божьи, не роптать!
Домъ вашъ тамъ—въ дали небесной!"

Пьеска Раича намекала на судьбу самого Максимовича, который два года по окончаніи курса не получалъ никакого мѣста, да и потомъ читалъ лекціи за *ректора* Двигубскаго *безмездно*. Четыре послѣдніе стиха пьесы Раича Максимовичъ повторялъ очень часто, особенно въ послѣдніе годы своей горькой жизни.

1825-й годъ является самымъ обильнымъ въ альбомѣ по стихамъ и рисункамъ. Наиболѣе усердной вкладчицей явилась нѣкая А.....ра Ш....ва (Шаликова?): она вписала нѣсколько пьесъ, въ стихахъ и въ прозѣ, нарисовала цвѣты и вышила шелками на бумагѣ вѣтку клубники; къ этой работѣ прибавила и стихи:

„Вотъ вышита клубника вамъ
И—неискусною рукою.
Природѣ трудно подражать
И то́ изображать иглою,
Что на увлаженной землѣ
Согрѣто солнца теплотою,
Росло и зрѣло на стеблѣ
И украшало лугъ собою.
Но здѣсь она не для красы,
Здѣсь вышита съ желаньемъ,
Чтобы въ свободные часы
Служила вамъ воспоминаньемъ".

Къ ея рисунку (Розы) Надеждинъ приписалъ слѣдующіе прекрасные четыре стиха, которыми постоянно восхищался Максимовичъ, какъ ботаникъ и поэтъ:

„Цвѣты, поэзія луговъ,
Поэзія, цвѣты пустынной дебри нашей,
Вы изо всѣхъ земныхъ даровъ
Свѣжей, роскошнѣе и краше".

Извѣстныя писательницы той поры, сестры Г..... (Готовцевы) тогда-же внесли въ альбомъ по стихотворенію. Наталія Г. писала:

„Лучъ ясный играетъ на свѣтлыхъ водахъ,
Но тьма подъ сіяньемъ и холодъ въ волнахъ,
Младыя ланиты румянцемъ горятъ;
Но червыя думы духъ юный мрачатъ.

* * *

Есть думы о прежнемъ,—ихъ ядъ роковой
Всю жизнь отравляетъ мертвящей тоской;
Ничто не утѣшитъ, ничто не страшитъ,
Не радуетъ радость, печаль не крушитъ.

* * *

На срубленной вѣткѣ такъ вянетъ листокъ,
Напрасно въ дубровѣ шумитъ вѣтерокъ
И красное солнце льетъ радостный цвѣтъ,—
Листокъ зеленѣетъ, а жизни въ немъ нѣтъ!“—

Пьеса, какъ видите, отзывается излишней субъективностію, въ духѣ той поры, когда любили распѣвать о грусти сердца, о разочарованіи жизнью и проч. Болѣе кстати для альбома и съ бо́льшимъ поэтическимъ чувствомъ писала другая Г., Марія:

„Какъ поздней осенью послѣдніе цвѣты
Задумчивой душѣ весну напоминаютъ;
Какъ пурпурной зари живыя красоты
Еще блестящій день глазамъ изображаютъ;
Какъ древней надписи нестертыя черты
Утраченную жизнь изъ гроба вызываютъ:
Такъ книги памятной священные листы
Разрозненныхъ друзей вездѣ соединяютъ
И блага лучшія и лучшія мечты
Въ бывалыхъ призракахъ отрадно воскрешаютъ“.

Кромѣ писателей и ученыхъ, у Максимовича много было искреннихъ друзей въ ряду безвѣстныхъ его знакомыхъ или товарищей, съ которыми сходился онъ по душевному сродству и съ которыми долго поддерживалъ занимательную и теплую переписку. Изъ нихъ нѣкто Ясновскій написалъ, между прочимъ, слѣдующія строки, характеризующія самого Максимовича:

„И я, другъ мой, великость человѣка полагаю въ обыкновенной жизни, не удаленной отъ вѣчнаго направленія всего частнаго. Дай руку, пойдемъ въ общій путь жизни и расходясь будемъ всегда вмѣстѣ“.

Но Максимовичъ умѣлъ внушать уваженіе и дружбу не только постороннимъ лицамъ, но и роднымъ своимъ, обыкновенно всегда требовательнымъ и почти всегда неблагодарнымъ. Въ этомъ смыслѣ для характеристики Максимовича любопытны строки матери его, которую посѣтилъ онъ въ Шостенскомъ пороховомъ заводѣ:

„Пишу, мой другъ, тебѣ въ альбомъ сердечное мое желаніе, чтобы ты былъ всегда здоровъ и доволенъ собой самимъ, людьми и своею судьбою, и думалъ, что счастіе свое найдешь не въ столицѣ, но на своей родинѣ, въ кругу семейства и въ присутствіи матери твоей, которая полагаетъ въ тебѣ *все свое утѣшеніе и сердечную отраду*. Вотъ, милой мой Мишель, все, чего я желаю тебѣ и о чемъ прошу Бога".

Позднѣе—приписалъ отецъ Максимовича на той-же страницѣ:

„Всѣхъ благъ и счастія въ мірѣ желаетъ доброму сыну нѣжно любящій отецъ А. М—чъ".

Въ 1826 г. А. Бюргеръ (издатель впослѣдствіи журнала „Радуга") вписалъ въ альбомъ переводъ свой изъ Клопштока, а А. Г. Ротчевъ (ум. 1873)—переводъ съ арабскаго; опускаемъ первый, какъ совершенно слабый, и приводимъ второй, какъ болѣе любопытный:

„СЪ АРАБСКАГО".—

Клянусь коня волнистой гривой
И брызгомъ искръ его копытъ:
Что голосъ Бога справедливой
Надъ міромъ скоро прогремитъ.

*
* *

Клянусь вечернею зарею
И утра блескомъ золотымъ:
Онъ семь небесъ своей рукою
Одно воздвигнулъ надъ другимъ!

*
* *

Не Онъ-ли яркими огнями
Зажегъ сей безпредѣльный сводъ?
И Онъ-же легкими крылами
Парящихъ птицъ хранитъ полетъ!

*
* *

Когда-же пламенной струею
Сверкаютъ гордо небеса:
Надъ озаренною землею
Не Бога-ли блеститъ краса?

*
* *

Безъ вѣры въ Бога—мимо, мимо
Промчится радость бытія!
Пошлетъ-ли Онъ огонь безъ дыма
И дымъ пошлетъ-ли безъ огня?!

Въ 1827 г. Максимовичу посчастливилось открыть и поддержать дарованіе сестеръ Тепловыхъ; онъ печаталъ ихъ стихи въ журналахъ, въ своихъ изданіяхъ и былъ ихъ опорою во всѣхъ невзгодахъ жизни. Молодыя дарованія не остались непризнательными своему другу-покровителю, постоянно и благодарно къ нему писали и нѣсколько пьесокъ внесли въ альбомъ его. Вотъ стихотвореніе Серафимы Тепловой, относящееся къ 1829 году:

„EX UNGUE LEONEM".

„На память отъ меня цвѣтокъ
Примите *Ноготокъ*.
Онъ не краса поры весенней
И не любимый гость земли;
Но въ пору, какъ падетъ послѣдній листъ осенній,
На югъ взовьются журавли,
Когда и розы здѣсь не станетъ,
Когда и лилія увянетъ,
Онъ на землѣ еще цвѣтетъ
Подъ теплымъ солнцемъ, одинокой.....
И самой осенью глубокой
Онъ вамъ меня напомянетъ".

Чувство благодарности долгой, сердечной, выраженное такъ кротко и скромно, доказываетъ добрую душу и поэтическое чутье Максимовича.

Въ томъ-же году встрѣчаемъ въ альбомѣ стихи Шевырева (1806—1864), съ которымъ Максимовичъ сошелся въ домѣ Елагиной. Въ наше время всѣ согласны, что у Шевырева не было поэтическаго таланта, но ему удавались нѣкоторыя стихотворенія, которыя нравились Баратынскому и Пушкину. Слѣдующая пьеса его также одно изъ лучшихъ его произведеній:

„МЫСЛЬ".

„Падетъ въ нашъ умъ чуть видное зерно
И зрѣетъ въ немъ, питаясь жизни сокомъ;
Но придетъ часъ—и выростетъ оно
Въ созданіи иль подвигѣ высокомъ,
И разовьетъ красу своихъ раменъ,
Какъ пышный кедръ на высотахъ Ливана:
Не подточить его червямъ временъ,
Не смыть корней порывамъ океана,
Не потрясти и бурямъ вѣковымъ
Его главы, увѣнчанной звѣздами,
И не стереть потокамъ дождевымъ
Его коры, исписанной лѣтами.
Подъ нимъ идутъ неслышною стопой
Полки вѣковъ—и падаютъ державы,
И племена смѣняются чредой
Въ тѣни его благословенной славы;
И трупы царствъ подъ нимъ лежатъ безъ силъ,
И новыя растутъ для новыхъ цѣлей,
И милліонъ оплаканныхъ могилъ,
И милліонъ веселыхъ колыбелей.
Подъ нимъ и тотъ уже давно истлѣлъ,
Во чьей главѣ зерно то сокрывалось,
Отколь тотъ кедръ родился и созрѣлъ,
Подъ тѣнью чьей потомство воспиталось"...

Къ концу 1829 г., собираясь издать альманахъ свой »Денницу«, Максимовичъ усердно приглашалъ къ сотрудничеству въ ней, между прочими, братьевъ Кирѣевскихъ. Младшій изъ нихъ, Петръ, отправлялся въ это время за границу и не могъ сотрудничать, а въ альбомѣ Максимовича написалъ, какъ любитель пѣсенъ народныхъ, четыре строчки въ подражаніе малороссійской пѣсни и подписался: *Петрусь Кир...*

„Свиснувъ козакъ на коня:
Зоставайтесь, господа!
Я пріѣду, якъ не згину
Черезъ три года".

Брата его, Ивана Васильевича, тогда 23 лѣтняго юношу, Максимовичъ убѣдилъ написать для „Денницы" обозрѣніе рус-

ской словесности за 1829 годъ, и такимъ образомъ одинъ изъ первыхъ призналъ силу мысли въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Статья Кирѣевскаго возбудила шумъ и толки; Пушкинъ находилъ ее „краснорѣчивою и полною мыслей". Но въ альбомѣ Максимовича мы встрѣчаемъ только скромный слѣдъ И. В. Кирѣевскаго:

„Есть двѣ надежды: одна якорь, другая—парусъ; ищите послѣднюю, забудьте о первой".

И въ альманахѣ, и въ альбомѣ находимъ новую пьеску Серафимы Тепловой; скромная пьеска эта навлекла однако бурю на Максимовича, на Теплову и на цензора С. Н. Глинку, потому только, что кому-то вздумалось увидѣть въ ней обращеніе къ повѣшенному Рылѣеву:

„Слезами горькими, тоскою
Твоя погибель почтена,—
О, вѣрь, о, вѣрь, что надъ тобою
Стонъ скорби слышала волна!

—

О, вѣрь, что надъ тобой почило
Прощенье, миръ, а не укоръ;
Что не страшна твоя могила
И не постыденъ твой позоръ!

Сестра Тепловой, Надежда, встрѣчая въ 1831 г. день рожденія Максимовича, вписала въ альбомѣ свой привѣтъ:

„Немногіе изъ нашихъ дней
Имѣютъ свѣтлыя значенья:
Веселый свадьбы юбилей,
День имянинъ, но всѣхъ милѣй
День нашего *рожденья*.

—

Вамъ каждый вашъ означенъ годъ:
Вы мыслили, вы жили;
Пусть *этотъ* годъ вамъ принесетъ,
Что вамъ мечты сулили:
Зеленый миртовый вѣнокъ,
И лавръ благоуханный,
И вами пламенно-желанный
Покоя свѣжій уголокъ".

Въ томъ-же году Языковъ помѣстилъ въ альбомѣ пьеску, которая высказываетъ взглядъ его на собственную музу (она не вошла въ собраніе его стихотвореній, 1858 г., но—помнится—была напечатана Максимовичемъ въ „Парусѣ“ 1859 года):

„Свобода странно воспитала
Мою поэзію: она
Ее пристрастно поливала
Струями славнаго вина;
Сама, нетрезвыми руками,
Ее прямила—и порой
Благоуханными устами
Съ нея сдувала прахъ земной:
Я благодаренъ горделиво
Ей за радушные труды—
И самъ я вижу—и не диво—
Что пьяны вызрѣли плоды“.

Если не больше поэзіи, то гораздо больше сердечности въ отношеніяхъ къ Максимовичу встрѣчаемъ въ слѣдующихъ строкахъ женскаго сердца, написанныхъ въ 1832 году, на той страницѣ, гдѣ помѣщены строки матери и отца Максимовича:

„Я избрала листокъ, освященный рукою родителей вашихъ; желаю исполненія ихъ желаній. И если, по словамъ ихъ, вы должны искать и найдете счастіе *только на родинѣ*, то пусть *хотя листокъ этотъ* будетъ напоминать о *дняхъ*, проведенныхъ вами на чужбинѣ. Марія“.

Трудно придумать болѣе нѣжное и скромное сердечное признаніе. Самый выборъ мѣста и подчеркнутыя слова говорятъ о глубокости чувства. Это вмѣстѣ съ тѣмъ и прекрасный мотивъ для трогательнаго стихотворенія.

Счастіе служебное улыбнулось однако Максимовичу и въ Москвѣ: въ августѣ 1833 года онъ былъ избранъ въ ординарные профессора московскаго университета, не смотря на нѣкоторыя интриги. Посѣтившіе его по этому поводу М. Г. Павловъ и Н. И. Надеждинъ, не заставъ его дома, написали ему въ альбомѣ, первый:

„Съ профессорствомъ радушно поздравляемъ
И вмѣстѣ съ симъ здоровымъ быть желаемъ“.

А второй представилъ въ стихахъ почти исторію избранія, которую мы можемъ объяснить только на половину:

23 АВГУСТА 1833 г.

Пріятную несемъ тебѣ молву:
Въ дупло сову,
Въ конюшню рыжака загнали!
Теперь забудь свои печали,
Будь бодръ и оживись!
Той—перья ощипали.
А съ этого пособили рысь".

Здѣсь подъ *совою* разумѣется Двигубскій, уволенный тогда отъ службы, подъ *рыжакомъ* И. И. Давыдовъ.

Мы уже говорили о сердечности отношеній многихъ пріятелей Максимовича; вотъ въ доказательство еще строки одного изъ ближайшихъ друзей его, Андрея Велинскаго; онѣ написаны въ то время, когда Максимовичъ былъ назначенъ къ переводу изъ Москвы въ Кіевъ, профессоромъ и ректоромъ новооткрываемаго университета:

„Два друга подобны двумъ созвѣздіямъ: когда одно является въ пучинѣ небесъ, другое спѣшитъ сопровождать. Имя твое да будетъ всегда спутникомъ моего".

Тогда-же Надежда Теплова, поднося цвѣты ему на дорогу, написала въ альбомѣ:

„Цвѣты прелестные Эдема
Поминка неба на земли;
Примите ихъ, они эмблема
Невинности, святой любви,
Сердечнаго воспоминанья;
Взгляните, какъ цвѣтутъ они,
Какъ ароматно ихъ дыханье!
Мое желанье и мольба:
Непостоянная судьба
Да не разлучитъ васъ съ мечтами;
Пусть съ вами радости живутъ
И съ сими милыми цвѣтами
Неувядаемо цвѣтутъ
Въ долинѣ жизни передъ вами".

Въ Кіевѣ Максимовича посѣтилъ въ октябрѣ 1835 г. Надеждинъ, возвращенный изъ ссылки. Надеждинъ только теперь узналъ, что любимая имъ особа, за которой онъ такъ тосковалъ въ ссылкѣ,

вышла за-мужъ. На память этого, Надеждинъ оставилъ въ альбомѣ Максимовича слѣдующее недоконченное четырехстишіе:

„Все прекрасно, я сказалъ—
И домой свой путь направилъ!
Тамъ меня мой ангелъ ждалъ,
Тамъ . . . . . !“

Подъ 1835 годомъ встрѣчаемъ стихотвореніе, написанное неизвѣстной намъ женской рукою:

„Счастливъ, кто отъ хлада лѣтъ
Сердце сохранилъ,
Кто безъ ненависти свѣтъ
Бросилъ и забылъ,
Кто дѣлитъ съ душой родной
Втайнѣ отъ людей
То, что презрѣно толпой,
Или чуждо ей“.

Лѣтомъ 1836 года Максимовичъ путешествовалъ въ Крыму; здѣсь онъ съѣхался съ знаменитымъ Иннокентіемъ, съ которымъ былъ сердечно друженъ и велъ частую переписку; Иннокентій оставилъ слѣдъ и въ альбомѣ, впрочемъ весьма скромный:

„Южный берегъ Крыма. Ялта. Іюня 18, 1836. А. И.“

Тогда-же, въ Керчи, Д. В. Давыдовъ (?) написалъ:

„Двѣ стороны моего характера: получеркесъ, полурыцарь. Я любилъ природу и свободу, какъ азіятецъ нагорный, а женщинъ—какъ паладинъ; не достаетъ надписи ободка, она: (и при этомъ въ альбомѣ сдѣланы сургучемъ двѣ стороны его печати, которыя уже до того истерлись, что ничего нельзя разобрать).“

Отъ 1837 г. сохранилась въ альбомѣ строка:

„Жуковскій. Кіевъ 1837, 8 октября“.

Жуковскій въ это время сопровождалъ цесаревича (нынѣ почившаго Царя-Освободителя) въ его путешествіи по Россіи. Съ Максимовичемъ онъ былъ знакомъ еще раньше, содѣйствовалъ его переводу въ Кіевъ и потомъ сотрудничалъ въ его „Кіевлянинѣ“.

Поэзія слова чередовалась въ альбомѣ съ поэзіей сердца; вотъ что было написано въ 1838 г. неизвѣстнымъ намъ лицемъ:

„Любезный Михаилъ Александровичъ, не забывайте ту Лизу, которую вы такъ ласкали“.

И вслѣдъ за тѣмъ другой рукой прибавлено:

„И ту Соню, которую такъ часто въ центръ губъ цѣловали“.

Подобныя нѣжныя, добрыя отношенія возбуждалъ къ себѣ Максимовичъ не только въ милыхъ представительницахъ прекраснаго пола, но почти во всякомъ, кто съ нимъ близко сходился. Лѣтомъ 1839 г. познакомился съ нимъ въ Кіевѣ Бенедиктовъ и вотъ какое свѣтлое впечатлѣніе вынесъ онъ изъ этого краткаго свиданія:

„Благословляя съ вами встрѣчу,
Благодарю и славлю рокъ,
И съ вами прожитый часокъ
Я въ сердцѣ золотомъ отмѣчу!
Когда мнѣ долгъ твердитъ: „спѣши“,
Я долженъ въ даль мой путь направить,
Но я на память вамъ оставить
Готовъ, повѣрьте, полъ-души.
Что-бъ ни назначила судьбина
Потомъ въ удѣлъ душѣ моей—
Я знаю: эта половина
Была-бъ довольнѣй и свѣтлѣй!“

Затѣмъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, вовсе не было вкладовъ въ альбомъ: въ эти годы Максимовичъ былъ тяжело боленъ, такъ что въ 1840 г. подалъ въ отставку и поселился въ своей уединенной усадьбѣ, на Михайловой Горѣ, въ золотоношскомъ уѣздѣ, надъ Днѣпромъ. Въ сентябрѣ 1842 года пріѣздъ Надеждина въ Кіевъ вызвалъ сюда и Максимовича для свиданія съ другомъ. Въ эту пору встрѣчаемъ въ альбомѣ строки А. П. Хвостовой, долго жившей и скончавшейся въ Кіевѣ; о ней желательно бы имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія, чѣмъ какія существуютъ въ нашей литературѣ. Мы знаемъ только, что она была урожденная Хераскова (род. 1767), племянница поэта М. М. Хераскова, въ замужествѣ была за Дм. Сем. Хвостовымъ, скончалась въ 1853 году. Въ литературѣ она извѣстна особенно своею книгою „Каминъ и Ручеекъ“ (Спб. 1796), которая достигла трехъ изданій, была переведена три раза на французскій, и по разу на нѣмецкій и англійскій языки [1]). Одинъ изъ почитателей Хвостовой, кн. Бѣлосельскій, написалъ громкую надпись къ ея портрету, въ которой между прочимъ читаемъ:

„Grâces! Vous n'êtes plus trois seules....
Et vous, Muses, vous voilà dix“.

[1]) О другихъ ея сочиненіяхъ см. Варш. Дневникъ. 1881, № 179.

Вигель нѣсколько разъ говоритъ о ней въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ и эти отзывы желчнаго Вигеля весьма замѣчательны по своему почтительному тону. Отсылая любопытныхъ къ книгѣ Вигеля, обращаемся къ альбомнымъ строкамъ А. П. Хвостовой:

„Мнѣ 80 лѣтъ. Время затоптало всѣ розумичныя способности мои, и жизнь, какъ перегорѣлый уголекъ, едва тлѣется въ разрушающемся бытіи моемъ; но я чувствую еще, что я жива, потому что могу любить и помнить. Не забывайте и вы старуху Хвостову“.

Гораздо затѣйливѣе и курьезнѣе выдался въ томъ же году Юрій Бартеневъ, писавшій въ альбомѣ такъ:

„Братъ Максимовичъ! На кого потратишь сердце, къ тому какъ то душа особенно стремиться; Пожалуй, Любезной, повернись ко мнѣ всѣмъ отверзеніемъ любящихъ твоихъ способностей, удовлетвори моему вожделѣванію, я хочу тебя, тебя всего, тебя до выгрыбу; словомъ: хочу дружбы твоей, единенія тѣснаго, о которомъ чистое, оплатонизованное разумѣніе твое совершенно знаетъ; вотъ чего я хочу, вотъ о чѣмъ и пишу въ кургузомъ альбомѣ твоемъ. Dixi“.

Этотъ латинистъ, занимавшій нѣкогда видное мѣсто при кн. А. Н. Голицынѣ, не вполнѣ однако владѣлъ русскою грамотою, какъ видитъ читатель изъ приведенныхъ немногихъ строкъ.

Въ 1843 г. прекраснымъ тонкимъ почеркомъ писало лицо, которое долго считалось невѣстой Максимовича (Ольга Зайцова, скоро потомъ умершая):

„Съ душою, исполненною святыни, взялась я за перо, чтобы вписать вамъ на памятномъ листкѣ пару словъ. Чувство преданности къ вамъ такъ глубоко во мнѣ, что невольно въ памяти вкоренился милый образъ вашъ. Я не выражаю всѣхъ ощущеній, но скажу, что они превышаютъ многое. „Гдѣ много чувствъ, тамъ мало словъ“— вотъ девизъ всего прекраснаго, всего высокаго въ душѣ! Питаюсь отрадною мечтою, что, перелистывая альбомъ, вы прочтете эти строки и хотя на мигъ вспомните обо мнѣ. Ольга З..... Кіевъ 1843, окт. 22“.

И вслѣдъ затѣмъ тою же рукою, но только шпилькой, слегла проведено: „*12 час. полночь*“.

Максимовичъ въ это время опять читалъ лекціи въ университетѣ, по найму, и готовъ былъ снова поступить на службу, но ему назначили преемника, и онъ долженъ былъ снова уда-

литься въ свою убогую усадьбу, и вѣроятно по этой причинѣ семейное счастіе его не состоялось тогда-же.

Въ 1844 году, дядя Максимовича, Е. Ѳ. Тимковскій (впослѣдствіи членъ совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ, сконч. 1875), уѣзжая въ Петербургъ, написалъ въ альбомѣ свои прощальныя строки:

„Волею непостижимаго Промысла, оставляю мою родину на вѣки; но ваша родственная дружба ко мнѣ пребудетъ навсегда лучшимъ залогомъ моей приверженности къ ней и къ вамъ особенно".

Этотъ дядя Максимовича дѣйствительно любилъ и цѣнилъ его: онъ велъ съ нимъ постоянную дружескую переписку, ходатайствовалъ о немъ, помогалъ ему деньгами безъ возврата, присылалъ подарки и проч.

Въ слѣдующемъ году профессоръ А. И. Селинъ, послѣ перваго знакомства съ Максимовичемъ въ Кіевѣ, оставляетъ въ альбомѣ свое почтительное впечатлѣніе:

„Помню, съ какимъ наслажденіемъ бесѣдовалъ я съ Наумомъ въ ранніе годы моей юности; не забуду мгновеній, проведенныхъ съ вами на родинѣ вашей.

„Властителя природы вижу въ художникѣ, жреца священнаго—въ ученомъ, творца нравственнаго человѣка и божественныхъ его дѣяній—въ женщинѣ".

Послѣднія строки намекаютъ на сестру Максимовича, его питомицу, весьма даровитую и симпатичную.

Въ 1847 г. встрѣчаемъ стихи Жуковскаго, подъ которыми *подписалась* Марія Кирѣевская:

„Что ни пошлетъ судьба—все пополамъ!
Безъ робости, дорогою одною,
Въ душѣ добро и вѣра къ небесамъ,
Идти—тебѣ впередъ, намъ за тобою;
Лишь *вмѣстѣ-бы*; лишь только-бъ *за одно*,
Лишь-бы *одна*, въ *одинъ часъ* намъ могила;
Что-жъ впрочемъ здѣсь ни встрѣтить—все равно!
Я въ томъ за всѣхъ и руку приложила".

И точно, на этомъ листѣ, вклеенномъ въ альбомъ, была положена крошечная ручка, съ раздвинутыми пальцами, и вся она аккуратно обведена чернильною чертою. Но самые стихи написаны рукою Жуковскаго—это мы положительно утверждаемъ,

очень хорошо зная его почеркъ. Въ изданіи сочиненій Жуковскаго (1878) эта пьеска помѣщена въ I томѣ (стр. 434); но приводимая нами копія отличается нѣкоторыми варіантами и пунктуаціею, которые заслуживаютъ вниманія, какъ принадлежащіе самому поэту.

Тогда-же докторъ В. А. Караваевъ вписываетъ въ альбомъ рецептъ глазныхъ капель, которыя были такъ необходимы и такъ полезны ослабѣвшему зрѣнію Максимовича.

Въ 1851 г. Максимовичъ посѣтилъ своего другаго дядю И. Ѳ. Тимковскаго (бывшаго нѣкогда директоромъ новгородъ-сѣверской гимназіи), жившаго въ своемъ помѣстьѣ Турановкѣ, глуховскаго уѣзда. Дядя набросалъ въ его альбомъ нѣсколько апофѳегмъ, на русскомъ, малорусскомъ и латинскомъ языкахъ, въ стихахъ и въ прозѣ; вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

„Спереди—блаженъ мужъ, да сзади—вскую шаташася.
„Не будь правдивъ вельми, ни мудръ излишне.
„Сила правду на водѣ пишетъ.
„Много дива по свѣту, а дома лучше.

„Мы обмануты бываемъ
Часто мнѣніемъ своимъ,
Утро мудростью встрѣчаемъ,
Днемъ же глупости творимъ".

„Горе вамъ, фарисеи, лицемѣры, дуросвѣты!
„Вороги твои—„нехай" и „абыякъ".
„Память цвѣтетъ на могилѣ, а правда на дѣтяхъ.
„Лучше смолчать, какъ сказать; то послѣдняя наука".

Въ 1852 г. Максимовичъ снова посѣтилъ его, и онъ опять пишетъ въ альбомѣ:

„Неотдѣлимо на умѣ и сердцѣ у меня, что я родился и взросъ на южной полосѣ Малороссіи, у благодатныхъ береговъ Днѣпра; живу на сѣверномъ краю ея и чувствую гнетущія стужи отъ свѣта. Стихійно приходитъ часто на мысль—увидѣть Кіевъ, Каневъ, Черкасы и родину, небо и землю моихъ предковъ. Но будетъ ли такъ расположено нынѣшнее владѣніе Згарью, чтобы я могъ тамъ, хоть на недѣлю времени, подышать свободно... Илья Тимковскій".

Желаніе почтеннаго старца не сбылось: онъ заболѣлъ и скончался (1853), успѣвъ не задолго до смерти составить драгоцѣн-

ныя историческія записки о И. И. Шуваловѣ, московскомъ университетѣ, о своемъ воспитаніи и времени [1]).

Засимъ, почти 20 лѣтъ, не встрѣчаемъ въ альбомѣ ни одной строки: страсть къ альбомамъ въ 50-хъ годахъ уже вообще ослабѣла, кромѣ того въ 1853 году Максимовичъ женился, и жизнь семейная, съ ея заботами и радостями, невольно заставила и его забыть о своемъ альбомѣ. И только въ 1871 г. полувѣковой юбилей литературной дѣятельности его снова вызвалъ на сцену альбомъ, въ которомъ вписались тогда Михаилъ Погодинъ, попечитель Антоновичъ, профес. Гр. Е. Щуровскій—лица, наиболѣе близкія Максимовичу, наиболѣе согрѣвавшія его послѣдніе годы своимъ вниманіемъ и заботами о немъ.

Въ 1872 г. Максимовичъ посѣтилъ въ послѣдній разъ Москву и Петербургъ, и въ альбомѣ встрѣчаемъ подписи: Василій Тимковскій, Ап. Майковъ, Н. Барсуковъ... Майковъ, издавшій тогда свой переводъ „Слова о Полку Игоревѣ“, написалъ въ альбомѣ:

„Руководителю моему въ незнаемой землѣ за Игоремъ Сѣверскимъ—на память“.

Въ Москвѣ встрѣтился съ нимъ въ первый разъ академикъ Я. К. Гротъ и тогда же писалъ намъ объ этой встрѣчѣ:

„Въ короткое пребываніе Максимовича въ Петербургѣ мы не успѣли познакомиться; узнавъ, что онъ въ Москвѣ, гдѣ я былъ проѣздомъ, я поспѣшилъ къ нему и засталъ его поправляющимся отъ болѣзни, которая задержала его въ Бѣлокаменной. При мнѣ навѣстилъ его Лебединцевъ (П. Г.). Какое пріятное впечатлѣніе произвели они на меня! Какой симпатическій человѣкъ Максимовичъ! У него я встрѣтилъ еще малороссійскаго уроженца Маслова, который пріѣхалъ совѣтоваться съ нимъ о біографіи Шевченка. Любопытно мнѣ было прослушать оживленные толки объ этомъ, мало извѣстномъ мнѣ, поэтѣ“.

Мы приводимъ эту выписку, какъ новое доказательство того, что Максимовичъ до конца жизни обладалъ рѣдкимъ даромъ возбуждать къ себѣ сердечное сочувствіе и что къ совѣтамъ его постоянно прибѣгали люди всѣхъ возрастовъ.

Давніе друзья его—московскія дамы—встрѣтившія его съ неизмѣнною любовію и выслушивавшія теперь его скорбныя тихія рѣчи о тернистомъ пути его, съ замѣчательнымъ мастер-

---

[1]) См. ихъ въ Москвитянинѣ 1851 г., № 9 и 10: 1852 г., №№ 17, 18 и 20; послѣднія перепечатаны въ исправленномъ видѣ въ Р. Архивѣ 1874, кн. 1, стр. 1377.

ствомъ и нѣжнымъ женскимъ тактомъ избрали для его альбома нѣсколько стиховъ изъ Хомякова; одна изъ нихъ, О. Ѳ. Кошелева, написала въ видѣ напутствія и какъ завѣтъ отъ друга—поэта, уже умершаго:

„Ты купленъ дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью купленъ ты:
Спасайся-жъ, пахарь, надъ браздою!
Борись, борецъ, до поздней тьмы".

Другая—Д. А Беклемишева,—въ словахъ того же Хомякова, нашла весьма милое обращеніе, которое такъ близко подходило къ Максимовичу, такъ удачно выражало впечатлѣніе отъ встрѣчи съ нимъ:

„Твоей молитвы гимнъ прекрасный,
Твоихъ страданій тихій гласъ,
Все жизнью свѣтлой, мыслью ясной,
Чаруя, оживило насъ".

Это была послѣдняя встрѣча Максимовича съ его московскими друзьями и это—послѣдніе поэтическіе вклады въ его альбомъ: 10 ноября 1873 г. Максимовичъ скончался въ своемъ уединенномъ помѣстьѣ. Семейство и друзья его принесли ему еще одинъ вкладъ—соорудили на могилѣ его прекрасный надгробный памятникъ; а почитатели его таланта предприняли изданіе его сочиненій.

Всею своею литературною дѣятельностію Максимовичъ вполнѣ осуществилъ тотъ идеалъ ученаго, который однажды развилъ въ своей бесѣдѣ преосв. Іаковъ, архіепископъ нижегородскій († 1850); онъ говорилъ: „Честное служеніе наукѣ есть подвигъ евангельскій, ибо оно безкорыстно и требуетъ труда; а трудъ есть ангелъ-хранитель, прогоняющій всѣ пороки, рождаемые праздностью; наука же не даетъ суетнымъ мыслямъ глубоко вкорениться въ душу. Ученые—то-же, что монахи: тѣснымъ путемъ идутъ они".

Признавая въ Максимовичѣ *перваго* дѣятеля на полѣ изученія кіевской старины (послѣ митрополита Евгенія), мы считаемъ нравственнымъ долгомъ отдать ему *первому* честь въ новомъ изданіи—„Кіевской Старинѣ". И намъ и другимъ, вѣроятно, не разъ прійдется возвращаться къ его памяти, и потому считаемъ умѣ-

стнымъ привести здѣсь указанія на статьи, доселѣ посвященныя его имени.

1. Статьи, появившіеся о немъ до его кончины, почти всѣ перечислены въ составленномъ нами біографическомъ и историко-литературномъ очеркѣ, подъ заглавіемъ „М. А. Максимовичъ“, Спб. 1872, приложеніе, стр. XIX. Къ нимъ слѣдуетъ прибавить:

2. „Михайлова Гора“, Кіевлянинъ 1871 г., №№ 85 и 86.

3. Юбилей М. А. Максимовича, Кіевъ. 1871. перв. и второе изданіе, Спб. 1872.

4. „Труды Максимовича для русской филологіи и словесности“, статья Н. М. въ Филологическихъ запискахъ за 1871 г., вып. 5—6,

5. О 50-ти лѣтнемъ его юбилеѣ: Иллюстрація 1871 г. № 46, съ портретомъ М—ча; Голосъ № 255-й, Моск. Вѣдом. № 201; Народ. Школа № 5.

6. Некрологи: Нов. Время 1873 г., № 24; Петерб. Листокъ, № 231; Извѣстія Географ. Общества 1874 г., № 5, стр. 280.

7. Письмо Д. В. Давыдова къ нему—въ Сочин. Давыдова, М. 1860, ч. III, стр. 169.

8. Письма къ нему Богородскаго, Кіевлянинъ 1881, № 93.

9. Въ настоящее время печатается обширное собраніе писемъ къ нему Погодина въ Сборникѣ II отдѣленія Импер. Академіи Наукъ.

10. Некрологи его: Кіевлянинъ 1873, №№ 137, 138.

11. Вѣстникъ Европы 1874 № 3, ст. М. Драгоманова.

12. Русскій Архивъ 1874, № 12, біографическій очеркъ Н. Чаева, стр. 1055.

13 Сборникъ Отдѣленія Р. Языка и Словесности, т. XI, № 3, стр. 13—18 (1875 г.), А. Никитенко.

14. Памятникъ Максимовичу. Послѣдніе дни его. Портреты въ его помѣстьѣ. Библіотека,—Кіевлянинъ 1875, № 108 (См. также 1877, № 65).

15. Альбомъ сестры его, Кіевлянинъ 1881, № 236.

16. Отзывъ о немъ О. М. Бодянскаго въ книгѣ „О происхожденіи славянскихъ письменъ“, М. 1855, стр. LXXII.

17. Въ книгѣ проф. А. А. Котляревскаго „Библіологическій опытъ о древней русской письменности“, Воронежъ 1881, стр. 43, 76, 158, 160, 165 и 166.

18. О новомъ изданіи „Сочиненій Максимовича“ (Кіевъ 1876—1880) намъ извѣстны статьи: въ Кіев. Унив. Извѣстіяхъ 1877,

№ 7, стр. 254, въ Кіевлянинѣ 1877, №№ 5 и 129; въ Сѣверн. Вѣстникѣ 1877, № 25, статья Н. И. Костомарова.

Издателямъ сочиненій Максимовича можемъ указать еще на двѣ статьи его, доселѣ незамѣченныя:

19. Рецензія на соч. Двигубскаго, въ Сѣв. Пчелѣ 1829, № 131 (при этомъ уяснимъ мѣсто его рецензіи на физику М. Г. Павлова, Сѣв. Пч. 1833, №№ 192 и 207).

20. Рецензія на книгу «Піитическая Игрушка», Моск. Телеграфъ 1830, ч. I, с. 194, подпись: „—*ховъ*“; это—псевдонимъ Максимовича.

21. Въ заключеніе напоминаемъ его статью «*Воспоминаніе о пребываніи въ Москвѣ Мицкевича*“, хранящуюся въ Моск. Обществѣ Любителей Россійской Словесности, гдѣ статья лежитъ безъ движенія *двадцать одинъ годъ* (съ 1859 г.). Весьма желательно было-бы видѣть ее поскорѣе напечатанною хоть гдѣ-нибудь, чтобы можно было потомъ помѣстить ее въ „Собраніи сочиненій Максимовича“, издаваемыхъ *въ пользу его сиротъ*.

С. Пономаревъ.

Конотопъ.
5 ноября, 1881 г.

Посмертный разсказъ о. Антонія Ковальскаго.

(Къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кіевской губерніи 1855 года).

Авторъ этого разсказа, о. Антоній Ковальскій, священствовалъ въ с. Мироновкѣ, кіевской губерніи, каневскаго уѣзда, и умеръ въ 1875 году. Онъ очевидецъ происшествій, о которыхъ говоритъ, и самъ является много пострадавшимъ въ описываемое имъ время. Его разсказъ простъ, богатъ фактами, чуждъ всякихъ сентенцій и выводовъ. Тѣмъ онъ и дорогъ. Разсказъ лишь отчасти касается волненія крестьянъ, но главнымъ образомъ рисуетъ то трудное, мучительное положеніе, въ которое попалъ самъ авторъ и другіе священники охваченной волненіемъ мѣстности, благодаря весьма печальному и, какъ увидитъ читатель, невольному недоразумѣнію со стороны прихожанъ. Такъ называемыя волненія крестьянъ происходили тогда, въ 1855 году, въ нѣсколькихъ уѣздахъ кіевской губерніи; авторъ разсказа говоритъ только о томъ, что происходило въ районѣ его благочинія и что касалось его и потерпѣвшаго съ нимъ духовенства.

Въ основѣ волненій описываемаго авторомъ времени лежали наболѣвшее въ крестьянахъ до послѣдней крайности чувство крѣпостнаго гнета и рѣшительное стремленіе ихъ выбиться изъ-подъ него на волю, идя въ этомъ случаѣ, какъ казалось многимъ изъ нихъ, на призывъ самого Царя. Поводомъ къ такому стремленію послужило своеобразное пониманіе Высочайшаго манифеста 14 декабря 1854 года, въ которомъ выражалась увѣренность, что всѣ сыны Россіи „*съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ*“ станутъ на защиту отечества. Что первое броженіе возникло отсюда, въ томъ нѣтъ сомнѣнія; но оно должно было совершить свой кругъ, свой внутренній процессъ, чтобы явиться потомъ въ извѣстной формѣ. Лабораторія народнаго чувства и мысли не доступна для насъ и мы не можемъ съ точностью опредѣлить, какъ народъ отъ помятутыхъ словъ манифеста дошелъ до мысли о собственной свободѣ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ искалъ отвѣта на вопросъ, чѣмъ и какъ откликнуться на призывъ Царя. Единичныя мнѣнія, высказывавшіеся на разные лады то тамъ, то здѣсь, переходили въ массу народную, обращались, переработывались въ ней. Вспомнилось ущѣ-

лѣвшее неясное преданіе о козачествѣ... Въ какой другой формѣ украинскій народъ могъ проявить свою готовность помочь Царю?—Вѣрный и преданный Ему, но неспособный внтать въ области однихъ чувствованій, какъ бы возвышенны они ни были, и не зная, какъ отъ слова перейти къ дѣлу, онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, чтобъ Царь зналъ о его рѣшимости стать на помощь, а въ народѣ каждый выступаетъ самъ собою. Отсюда это поголовное настойчивое желаніе каждаго крестьянина записаться въ козаки, даже просто въ какой-нибудь списокъ, но съ тѣмъ, чтобы всѣ такіе списки посылались... Царю. Этого добивались крестьяне отъ священниковъ, причетниковъ и просто писарей, за это деньги платили, а при отказѣ дѣлали угрозы и разныя оскорбленія. Пока прошла свой кругъ эта первая опредѣленная мысль, созрѣла другая. Кто записался въ козаки, тотъ, значитъ, будетъ служить Царю и слѣд. не долженъ болѣе работать помѣщику. Мысль воплощалась въ слово, отъ слова переходили къ дѣлу: волновались, не шли на барщину; но являлось усмиреніе, наказаніе. Въ одномъ мѣстѣ утихали, въ другомъ поднимались. Слова превращались въ слухи, слухи облетали большія пространства, видоизмѣнялись, переиначивались, пока не явился слухъ, потомъ убѣжденіе, что и указъ на вольность отъ Царя пришелъ. Но указа не читаютъ... Гдѣ же онъ?—У священниковъ, въ церквахъ. Вѣдь не давно „правила *инвентарныя*“ имъ отдали при всѣхъ, и они сперва читали, потомъ перестали читать. Кто же виноватъ теперь, что указа не читаютъ?—Паны-помѣщики. Ихъ прямой интересъ: они подкупили священниковъ. Надо истребовать, вымолить у священниковъ указъ,—не отдадутъ,—силою взять. И вотъ толпами собираются къ священникамъ крестьяне и требуютъ несуществующаго указа на вольность, ищутъ его въ церквахъ, въ числѣ бумахъ, въ евангеліяхъ и пр. и проч. Тѣ не могутъ дать, чего нѣтъ; эти не вѣрятъ. Раздраженіе ростетъ, священниковъ держатъ въ арестѣ, водятъ отъ села до села, ругаются, грозятъ, бьютъ, подвергаютъ истязаніямъ, пока не наступаетъ кровавая развязка.—*Л—въ.*

Въ одной изъ послѣдующихъ книжекъ „Кіевской Старины“ мы надѣемся помѣстить еще одинъ такой разсказъ священника—очевидца, а затѣмъ полный очеркъ крестьянскихъ волненій въ кіевской губерніи 1855 г., основанный на офиціальныхъ свѣденіяхъ и дополненный личными наблюденіями (въ уѣздахъ васильковскомъ, таращанскомъ, каневскомъ и сквирскомъ) того лица, которому мы обязаны сообщеніемъ настоящаго разсказа и которое само было представителемъ духовной власти въ дѣлѣ умиротворенія мятущагося народа. *Ред.*

Въ 1855 году я былъ благочиннымъ церквей 4-го округа каневскаго уѣзда. Округъ мой состоялъ изъ селъ—Выграева, Ситниковъ, Самородни, Сотниковъ, Корниловки, Бровахъ, Сахновки, Нетеребки, Гарбузина, мѣстечка Корсуна (2-хъ церквей—спасской и

ильинской) и села Мироновки. Всѣ эти села, кромѣ Мироновки, принадлежали свѣтлѣйшему князю Павлу Петровичу Лопухину, Мироновка-же, гдѣ я священствовалъ, принадлежала графу Константину Владиславовичу Браницкому.

Возмущеніе крестьянъ въ 1855 году въ кіевской губерніи началось въ *сквирскомъ уѣздѣ* [1]), *въ селѣ Березнѣ*; оттуда стало распространяться въ таращанскій и каневскій уѣзды. Въ каневскомъ уѣздѣ волненія оказались сперва въ мѣст. Медвинѣ и селѣ Карапишахъ; въ послѣднемъ прихожане продержали своего священника Гавріила Яворскаго въ церкви цѣлый день, требуя выдачи имъ грамоты о своей вольности, съ золотыми печатями.

О волненіи крестьянъ въ с. Карапишахъ я узналъ частно, на страстной недѣлѣ, во вторникъ. Въ среду, выходя изъ церкви по окончаніи утрени, вижу—на церковномъ погостѣ стоятъ человѣкъ 50 моихъ прихожанъ съ хозяйственными орудіями (сокирами, цѣпами и т. п.); когда я съ ними поровнялся, они преградили мнѣ дорогу. Я смекнулъ въ чемъ дѣло, но дабы не показать вида, что догадался, я обратился къ нимъ съ такимъ упрекомъ: „развѣ вамъ мало было поста, что вы теперь собираетесь говѣть?“ Они отвѣчали: „мы говѣли уже; но пришли по другому дѣлу,—просить васъ, чтобы вы выдали намъ указъ на вольность“. Я отвѣчалъ, что указа на вольность въ церкви нѣтъ. Долго еще мнѣ пришлось говорить имъ, что такихъ указовъ нѣтъ нигдѣ, и, казалось, удалось разувѣрить. Всѣ пошли изъ погоста, а я отправился домой. Но не прошло минутъ десять, какъ все подворье мое было уже полно людей; я къ нимъ вышелъ и началъ говорить, что „это до добра не доведетъ; вы знаете, что экономъ мнѣ недоброжелатель; узнавши о вашемъ сборищѣ у меня, донесетъ своему начальству, а то далѣе отрепортуетъ и мнѣ выйдетъ плохо“. Они обѣщали призвать сюда экономa. Чрезъ небольшое время пріѣхалъ подъ арестомъ экономъ и мы всѣ пошли въ церковь. Здѣсь я читалъ инвентарныя правила; но крестьяне симъ недовольствовались и начали шушукать въ церкви. Во избѣжаніе безчинія въ церкви, я благословилъ читать часы и они разошлись; остались только одни говѣльщики.

Послѣ сего, ни въ праздникъ Пасхи, ни послѣ праздника ничего мнѣ прихожане не напоминали про указъ и барщину от-

---

[1]) Невѣрно: въ сквирскій уѣздъ волненіе перешло изъ васильк. уѣзда. П. Л—въ.

работывали исправно; списки впрочемъ писали и посылали въ Кіевъ; но въ сихъ спискахъ не было ничего противнаго,—писали, что въ случаѣ надобности, всѣ согласны идти на защиту поголовно.

Въ Корсунскомъ имѣніи, до праздника Пасхи (до 27 марта), незамѣтно было никакого волненія. На свѣтлой недѣлѣ начали уже въ нѣкоторыхъ селахъ собираться крестьяне толпами —толковать про вольность, писать списки, посылать ихъ въ Кіевъ и разсылать нарочныхъ въ другія имѣнія для разспроса; но возмущенія еще не поднимали, требованія помѣщичьи выполняли, къ священникамъ не привязывались. Волненіе въ имѣніи князя Лопухина началось собственно съ ѳоминой недѣли—съ „проводъ", и первоначально оказалось въ селѣ Бровахъ.

По смерти священника села Бровахъ Леонтія Григоровича, умершаго 22 февраля 1855 года, приходъ бровахскій порученъ мною въ наблюденіе священнику села Корниловки Димитрію Подгаецкому, который, отслуживши въ ѳоминъ понедѣльникъ панихиды въ своемъ приходѣ, во вторникъ пріѣхалъ въ Бровахи для той-же цѣли и здѣсь засталъ уже на служенія новорукоположеннаго въ село Сахновку священника Іосифа Гордіевскаго. Послѣ литургіи священникъ Подгаецкій и Гордіевскій пошли на общее кладбище отпѣвать панихиды; оттуда вдовая священница попросила ихъ отпѣть панихиду въ ея домѣ и пригласила на обѣдъ, на который были приглашены и прихожане. Народа собралось довольно. Когда прихожане подпили, то начали спрашивать священника Подгаецкаго, гдѣ указъ на ихъ вольность, потомъ просили идти въ церковь и выдать имъ сей указъ. Къ счастію, въ это самое время принесли крестить дитя; священникъ Подгаецкій, видя, что крестьяне къ нему сильно пристаютъ, упросилъ св. Гордіевскаго крестить дитя здѣсь, въ домѣ священника, а самъ, улучивши время, когда крестьяне, собравшись въ кучу, толковали между собою, вышелъ изъ дому другими дверями на токъ (гумно) и чрезъ огородъ и леваду ушелъ лѣсомъ домой, въ Корниловку, на разстояніи трехъ верстъ. Побѣга его крестьяне не замѣтили до тѣхъ поръ, пока уже воспріемники вышли и объявили, что дитя окрестилъ священникъ молодой, а корниловскій священникъ давно ушелъ домой. Нѣкоторые крестьяне бросились догонять его, но не догнали; къ священнику-же молодому не привязывались. Когда свящ. Подгаецкій пришелъ въ Корниловку, то въ его приходѣ не слышно было еще никакого возмущенія.

Бровахскіе крестьяне, догонявшіе Подгаецкаго, прибывъ сюда, взволновали и его прихожанъ. На другой день рано собрались на дворъ священника нѣсколько прихожанъ; нѣкоторые вошли въ домъ и просили священника выдать имъ указъ на вольность. Священникъ на первый разъ успѣлъ убѣдить ихъ, что такого указа нѣтъ въ церкви, и они разошлись по домамъ. На слѣдующій день крестьяне опять пришли къ священнику и уже настоятельно требовали идти въ церковь и выдать имъ указъ. Священникъ принужденъ былъ идти; читалъ манифестъ касательно ополченія и инвентарныя правила, но они тѣмъ не довольствовались. Въ это самое время пріѣхалъ въ Корниловку помощникъ пристава Заграйскій. Узнавши о волненіи крестьянъ, онъ пошелъ въ церковь и сталъ увѣщевать ихъ, но они сказали: „мы теперь васъ слушать не будемъ“ и просили его удалиться изъ церкви, что онъ и исполнилъ. Между тѣмъ какъ помощникъ пристава разговаривалъ съ крестьянами, священникъ Подгаецкій успѣлъ какъ-то выйти изъ церкви, чрезъ пономарню, перелѣзъ чрезъ ограду, потомъ сѣлъ на повозку съ вышедшимъ помощникомъ пристава и уѣхалъ въ Корсунь. Крестьяне, видя себя обманутыми, по выходѣ изъ церкви, заперли ее и ключи отдали не старостѣ церковному, а стороннему человѣку. Потомъ всѣ двинулись въ село Гарбузинъ, гдѣ застали уже на дворѣ священническомъ много крестьянъ, состязающихся съ своимъ священникомъ и домогающихся выдачи указа на вольность. Священникъ (Михаилъ Кудревичъ) сперва говорилъ съ своими прихожанами строго и не хотѣлъ идти съ ними въ церковь, но они насильно одѣли его и повели въ церковь; тутъ заставляли его читать разные прежніе манифесты и пробыли вообще въ церкви до полудня. Въ полдень, узнавши, что въ мѣстечкѣ Таганчѣ собираются крестьяне таганчскаго имѣнія, положили идти туда и вести съ собою своего священника. Священникъ ушелъ было въ домъ и заперся; но крестьяне выломали дверь, взяли его насильно, сняли сапоги и повели босаго въ Таганчу [1]), забравъ въ мѣшки всѣ бумаги изъ церкви.

Между тѣмъ въ селахъ Выграевѣ, Сытникахъ, Сотникахъ, Самороднѣ крестьяне также начали собираться къ священникамъ

---

[1]) М. Таганча, канев. уѣзда, въ 20 верстахъ отъ Корсуни, принадлежало полковнику Августу Осиповичу Понятовскому. Въ Таганчу вели священниковъ крестьяне изъ нѣсколькихъ селъ, получивши въ ночь предъ тѣмъ свѣдѣніе, что туда прибыла коммисіи по усмиренію волненія. П. Л—въ.

и требовать выдачи имъ указа на вольность. 6-го апрѣля священники села Выграева Іоаннъ Загродскій и Сытниковъ Іоаннъ Чернодубравскій прислали ко мнѣ репорты о волненіи въ ихъ приходахъ. Надобно знать, что предъ тѣмъ былъ указъ консисторіи, чтобы въ случаѣ волненія крестьянъ въ какомъ-либо приходѣ, священники этихъ приходовъ должны репортовать благочинному, а благочинный долженъ немедленно являться туда для увѣщанія. Нарочному, принесшему репорты, я словесно сказалъ, что завтра рано буду въ тѣхъ приходахъ; и на другой день рано поѣхалъ одинъ, одною лошадью, безъ погонщика. Около с. Яновки узнаю, что въ Таганчѣ возмущеніе, и что тамъ былъ благочинный Николай Дашкевичъ и воротился уже домой. Благочинный Дашкевичъ, священникъ с. Яновки, мой зять, сестра моя родная за нимъ. Я заѣхалъ въ Яновку; но не успѣлъ разспросить подробно о возмущеніи таганскомъ, какъ пріѣхали туда командированные для умиротворенія крестьянъ: законоучитель бѣлоцерковской гимназіи и благочинный, свящ. Петръ Лебединцевъ, состоящій при генералъ-губернаторѣ подполковникъ Аѳанасьевъ и совѣтникъ кіевскаго губернскаго правленія Янкуліо, въ сопровожденіи пристава Саара. Благоч. Дашкевичъ разсказалъ имъ подробно про таганское дѣло; при семъ и я объявилъ, что въ моемъ вѣдомствѣ, въ селѣ Корниловкѣ, уже началось возмущеніе крестьянъ. Г. Аѳанасьевъ просилъ благ. Дашкевича сейчасъ поѣхать въ Таганчу; и когда тотъ отказывался неимѣніемъ лошадей, то Аѳанасьевъ просилъ меня дать свою лошадь благоч. Дашкевичу [1]), а мнѣ предложилъ ѣхать въ Корсунъ съ становымъ приставомъ Сааромъ и тамъ, разузнавши подробно, донесть ему, въ Таганчу, или явиться лично. Я оставилъ Сытники и Выграевъ, куда намѣревался ѣхать изъ дому, а поѣхалъ въ Корсунъ съ пр. Сааромъ. Тамъ, въ домѣ священника Тимоѳея Стрижевскаго, засталъ священника с. Корниловки Димитрія Подгаецкаго, который подробно разсказалъ о волненіи крестьянъ въ Бровахъ и Корниловкѣ. Главное корсунское экономическое управленіе кн. Лопухина, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, извѣстило меня, что въ с. Гарбузинѣ крестьяне взяли своего священника и повели въ Таганчу, а потому просило меня поѣхать въ Гарбузинъ для

---

[1]) Благочинный Дашкевичъ остался все-же дома, не совѣтуя и намъ ѣхать въ Таганчу, явился туда утромъ слѣдующаго дня и тамъ былъ задержанъ крестьянами. П. Л—въ.

подробнаго разузнанія. На другой день, рано, діаконъ м. Корсуна Яковъ Костецкій вызвался ѣхать со мною въ Гарбузинъ на его лошадяхъ, и мы съ нимъ поѣхали; но только что выѣхали на дорогу, идущую изъ Гарбузина въ м. Таганчу, какъ увидѣли, что по той дорогѣ идетъ толпа народа. Приблизясь къ идущимъ, мы спросили, куда они идутъ. Тѣ отвѣчали, что вчера прихожане корниловскіе пришли къ нимъ въ Гарбузинъ, взяли ихъ священника и повели въ Таганчу, забрали и бумаги изъ церкви, а они будто идутъ выручать своего священника. Мы не поѣхали уже въ Гарбузинъ, а направились къ Таганчѣ. Пріѣхавши въ деревню Кичинцы, узнали, что священника Кудревича вечеромъ привели въ Кичинцы, гдѣ онъ переночевалъ въ коморѣ у крестьянина, а сегодня повели его въ Таганчу. Въѣзжая въ Таганчу по улицѣ, гдѣ сходятся дороги изъ с. Голяковъ и Мельниковъ, видимъ толпу крестьянъ и между ними священниковъ—с. Сытниковъ Чернодубравскаго и с. Гарбузина Кудревича, сидящихъ порознь одинъ отъ другаго. Когда мы приблизились, священники начали кричать къ намъ, прося защиты, и хотѣли подойти къ намъ, но ихъ не пустили, а намъ сказали: „ѣдьте, куда ѣдете, а то и вамъ будетъ такая-же честь.“ Поѣхали мы далѣе и когда въѣхали въ мѣстечко, то ужаснулись, увидѣвъ здѣсь больше народа, чѣмъ бываетъ во время ярмарки; все народъ мужескаго пола, пѣшій. Въѣхавши на средину мѣстечка, я спросилъ: „есть-ли тутъ чиновники изъ Кіева и гдѣ они квартируютъ?“ Мнѣ отвѣчали, что есть и что они ночевали въ трактирѣ. Я всталъ съ повозки, а діаконъ поѣхалъ къ тамошнему діакону. Я шелъ между народомъ и здоровался, но никто не отвѣчалъ мнѣ. Вошелъ я въ комнату, гдѣ былъ подполковникъ Аѳанасьевъ; онъ стоялъ у окна, глядѣлъ на площадь—на народъ, слезы были на его глазахъ. Онъ не замѣтилъ моего прихода. Сейчасъ-же вошли въ комнату съ площади о. Петръ Лебединцевъ и г. Янкуліо и начали спрашивать меня, что слышно въ Корсунѣ. Я объявилъ, что въ Корсунѣ пока все благополучно, но въ сосѣднихъ селахъ сильное возмущеніе и что двухъ священниковъ моего вѣдомства привели крестьяне въ Таганчу. Когда я началъ просить пособія освободить ихъ, г. Аѳанасьевъ сказалъ мнѣ на это: „мы сами въ опасности, и мнѣ непріятности дѣлали крестьяне; мы сами придумываемъ средства, какъ-бы убраться въ Корсунъ“. Потомъ прибавилъ: „вы, какъ можно скорѣе, старайтесь убраться отсюда, ибо здѣсь опасность большая и для васъ; только не унывайте, ибо не сегодня, то завтра прій-

дутъ войска для усмиренія, Если можно, пойдите къ мѣстному священнику и скажите ему отъ насъ, чтобы онъ ушелъ изъ дому и до времени схоронился“ [1]).

Я вышелъ изъ трактира, но не успѣлъ пройти десяти шаговъ, какъ толпа народа окружила меня, стиснула и начала кричать: „берить его, вяжить его, винъ все знае, винъ насъ продавъ, уже сёмый годъ, якъ винъ за насъ забравъ гроши отъ панивъ; пристаньте до него лучше, винъ отдасть наше добро; винъ команда всихъ попивъ“. Я спросилъ: „какое добро?“ Тутъ посыпались на меня всякаго рода ругательства; называли меня христопродавцемъ, кровопійцею, панскимъ попыхачемъ. Трудно выразить всѣ хулы, какими порицали меня въ сіе время. Я сильно испугался, особенно, когда натискомъ ударили меня въ спину такъ сильно, что я упалъ-бы, если-бы не былъ въ толпѣ. Я спрашивалъ окружавшихъ меня крестьянъ, изъ какихъ они селъ; говорю: „можетъ быть вы меня неузнали?“ Тутъ поднялся опять крикъ: „вяжить его, душить, винъ насъ продавъ, ёму паны очи золотомъ позалывалы“. Я просилъ ихъ умолкнучь, дабы узнать, чего имъ собственно отъ меня хочется. Тутъ изъ толпы народа выходитъ большой, рыжій человѣкъ; онъ взялъ меня за руку и крикнулъ толпѣ: „молчать!“ Немного утишились. Державшій меня за руки говорилъ мнѣ: „пиши до священникивъ, щобъ вони отдали намъ наше добро“. Я спросилъ: „какое добро?“ Но чуть я проговорю слово, какъ вдругъ опять подымается крикъ: „лучше ёго берить, не жалуйте!“ Я увѣрялъ, божился, клялся, чѣмъ только могъ, что такого указа, какого они требуютъ, нѣтъ въ церквахъ; но моя божба ничего не помогала, а еще больше ихъ раздражала. Вижу, что это не шутка; я началъ говорить имъ: „какъ же я могу писать къ вашимъ священникамъ, когда я нахожусь въ неволѣ, и у меня нѣтъ ни бумаги, ни пера, ни чернилъ?“ Вдругъ выходитъ человѣкъ небольшаго роста, (какъ я послѣ узналъ, это былъ крестьянинъ с. Корниловки, Корнилій Самуйловичъ Кудликъ, онъ же Заиченко, грамотный и состоялъ писаремъ въ экономической конторѣ), вынимаетъ изъ кармана чернильницу, перо и бумагу и даетъ мнѣ. Я спросилъ: „куда я буду писать?“ Одинъ кричитъ: „нашему священнику“, другой— „нашему“ и т. д. Но тотъ рыжій человѣкъ крикнулъ, все держа

---

[1]) Этого священника прихожане держали предъ тѣмъ два дня въ церкви. П. Л.

меня за руки: „куды хочь пиши, а до насъ пидемъ, то самъ намъ выдасы изъ церкви наше добро“. Я спросилъ: „а ты-же изъ какого села?“ Онъ отвѣчалъ: „изъ Бровахъ“. При сихъ словахъ я еще больше испугался и отъ испугу упалъ-бы, но меня такъ стиснули, что я стоялъ, какъ столбъ. Село Бровахи находится въ концѣ каневскаго уѣзда, въ концѣ корсунскаго имѣнія и въ концѣ моего благочинія, въ большомъ черномъ лѣсу, и отъ села сего очень мало сообщенія съ другими селами; посему я опасался туда идти, ибо думалъ, что какъ меня туда поведутъ, то тамъ, хотя и войско прійдетъ, не скоро дадутъ мнѣ защиту. Поэтому я всячески старался отклонять отъ того, чтобъ туда меня вели, и началъ говорить: „хотя къ вамъ и пойдемъ, то ничего въ вашей церкви не найдемъ. У васъ и за жизни вашего священника не было порядку въ церкви, а теперь тѣмъ болѣе“. Къ счастью моему, кто-то изъ толпы народа крикнулъ: „нема чого ити въ нашу церкву. Димитрій якъ утикавъ на проводы, то забравъ вси бумаги важнійши изъ нашои церкви, то наше добро въ корниловскои церкви“. Тутъ поднялся крикъ: „ведимъ его въ Корниловку“. Я при сихъ словахъ немного обрадовался.

Когда все это происходило со мною, вижу—ѣдутъ Аѳанасьевъ, Янкуліо и о. Петръ Лебединцевъ, а съ ними два жандарма. Двое разсыльныхъ разгоняли толпу, я насильно вырвалъ у того рыжаго человѣка руки, поднялъ обѣ вверхъ и кричалъ, прося помощи; но тѣ, на чью помощь я могъ разсчитывать, сами были въ большомъ страхѣ; они посмотрѣли на меня и уѣхали въ Корсунъ.

Тогда люди начали еще горше меня тиснуть и пихать въ спину, ругаясь самыми срамными словами. Подступили ко мнѣ новые люди, требовали писать къ ихъ священнику и давали мнѣ бумагу; я молчалъ, а они толкали меня подъ бока кулаками. Наконецъ рѣшили идти; я проговорилъ, что у меня есть лошадь. При семъ посыпались новыя ругательства, толпа народа разступилась и меня повели тою дорогою, которою я въѣзжалъ въ Таганчу. За мною ринулась вся толпа. Не много прошли, вижу—на встрѣчу мнѣ ведутъ священника с. Гарбузина Михаила Кудревича. Поровнявшись, мы остановились. Я говорилъ тѣмъ, что вели этого священника: „вы говорили, что идете выручать его, а теперь насмѣхаетесь надъ нимъ“. Вдругъ выбѣгаетъ изъ той толпы человѣкъ и съ размаху бьетъ меня по шеѣ; но рыжій не далъ больше бить меня и сказалъ: „бийте свого, а съ

симъ мы знаемъ, що зробить, якъ не выдасть намъ указа". Тутъ немного постояли и рѣшили обоихъ насъ вести въ Корниловку, только не вмѣстѣ, дабы не сговаривались. Около о. Кудревича шли гарбузинскіе люди, а около меня изъ разныхъ селъ; рыжій постоянно шелъ около меня.

Вышли изъ м. Таганчи въ лѣсъ; тамъ были перекрестныя дороги: вижу, по ней идутъ двѣ женщины; я узналъ, что это моя родная сестра, жена свящ. Дашкевича, и ея дочь. Они узнали меня и остановились, встали съ повозки и хотѣли подойти ко мнѣ, но ихъ отпихнули и не допустили. Спрашивала сестра: „гдѣ мой мужъ?" Я отвѣчалъ: „не знаю, не видѣлъ." А одинъ человѣкъ отвѣчалъ: „твого благочиннаго повели въ Мартыновку, твій ще въ чести—поихавъ повозкою, а цей нехай иде, якъ собака, пишки." Свящ. Кудревичъ спросилъ мою сестру, нѣтъ-ли у нихъ хлѣба. Погонщикъ вынулъ кусокъ хлѣба и далъ. Сестра и я заплакали и разошлись.

Насъ повели далѣе. Свящ. Кудревичъ ослабъ и не могъ идти скоро; его повели торною дорогою, а меня по окраинѣ дороги. Я шелъ-бы скоро, но караульные около меня не позволяли; шло впереди человѣкъ десять и сзади меня тоже человѣкъ десять; шли гуськомъ, я среди ихъ. Если я хотѣлъ ступить шире и идти шибче, передній караульный спиной пихалъ меня назадъ, а задній караульный пихалъ въ спину. Я шелъ какъ арестантъ, и такъ меня вели до деревни Кичинецъ на разстояніи 8 верстъ.

Проходимъ чрезъ Кичинцы, женщины и дѣти выходили изъ домовъ, ругали меня, плевали, бросали щепками и соромъ. Подойдя къ корчмѣ, остановились, поджидая свящ. Кудревича. Предлагали мнѣ пить водку, но я не пилъ. Изъ нихъ никто не пилъ водки, кромѣ Кудлика (грамотнаго); онъ былъ очень пьянъ. Здѣсь присоединился къ караулу моему новый человѣкъ — молодой и слѣпой на одинъ глазъ. Только-что начали отходить отъ корчмы, какъ слѣпой ударилъ меня палкою по спинѣ, приговаривая: „отдай, проклятый, наше добро, не мучь насъ"; хотѣлъ ударить другой разъ, но рыжій не позволилъ. Изъ Таганчи шли лѣсомъ, потому не видно было, сколько идетъ народа. Изъ Кичинецъ до Корниловки шли полемъ подымаясь на гору, оглянулся я и ужаснулся, увидѣвши сколько народу—больше пяти сотъ.

Въ Корниловкѣ остановились около церкви. Я сѣлъ на ступенькахъ и началъ говорить: „люди добрые, намъ всѣмъ въ церковь нѣтъ чего идти: будетъ только безпорядокъ и шумъ;

изберите человѣкъ десять и пойдемъ. Я вамъ покажу всѣ бумаги, ищите себѣ вашего указа.“ На мое предложеніе согласились, въ церковь вошло немного людей. Я взялъ эпитрахиль и приказалъ старостѣ церковному вынести изъ ризницы всѣ бумаги; староста вышелъ съ бумагами; тогда въ церковь вошелъ и Кудликъ (писарь), сильно пьяный. Всякую бумагу я перелистывалъ и отлагалъ въ сторону; нашелся одинъ манифестъ, такъ чисто сохраненный, какъ-бы сейчасъ изъ типографіи. Увидѣвши этотъ манифестъ, Кудликъ громко закричалъ: „есть наше добро!“ На его крикъ набѣжало людей полная церковь. Кудликъ взялъ манифестъ: „ни, це не воно, це о новорожденномъ изъ царскои фамиліи.“ Послѣ, обращаясь ко мнѣ, говоритъ: „наше добро въ Евангеліяхъ.“ Поднялся крикъ: „шукайте тамъ.“ Я вошелъ въ алтарь, взялъ Евангеліе и началъ перелистывать; Кудликъ стоялъ съ одной стороны престола, а съ другой — другой человѣкъ и смотрѣли. Осмотрѣли одно Евангеліе и другое. Кудлику пьяному стало трудно стоять и онъ говоритъ: „мабуть наше добро сховано пидъ престоломъ, пиднимить одежду.“ Я ему отвѣчалъ: „сего я не могу для тебя сдѣлать — разоблачать св. престолъ.“ Стоявшій на сѣверныхъ вратахъ слѣпой крикнулъ на меня: „якъ ты сміешь нашого благородного человика Корнилія Самуиловича называть *ты*; ты его не стоишь; перепроси въ нашихъ очахъ.“ Поднялся шумъ въ церкви, я испугался; но Кудликъ отозвался: „я имъ прощаю, воны ще не знають, що я за человікъ.“ Вижу—входитъ въ алтарь человѣкъ пожилой и говоритъ мнѣ: „О. благочинный, не шукайте нашого добра тутъ. О. Димитрій, якъ утикавъ изъ церкви, то взявъ наше добро, бо бачили у іого за пазухою бумагу.“ Услышавши это, люди подняли крикъ въ церкви, вытащили того человѣка изъ церкви, начали бить кулаками и ногами, приговаривая: „а чому-жъ ты не сказавъ сего тоди?“ Рыжій входитъ въ алтарь и говоритъ мнѣ: „нема чого тутъ намъ сидить, ходимъ въ гарбузинску церковь.“ Я закрылъ св. престолъ, снялъ епитрахиль и пошелъ изъ церкви. Св. Кудревичъ сидѣлъ подъ колокольнею. Направились идти въ Гарбузинъ.

Въ Корниловкѣ жилъ лѣсничій—капитанъ; когда шли мимо его квартиры, онъ вышелъ и началъ увѣщевать народъ не дѣлать замѣшательствъ. Человѣкъ нѣсколько погналось за нимъ и онъ ушелъ въ квартиру.

Пришли въ Гарбузинъ (на разстояніи 3-хъ верстъ отъ Корниловки), а шли такимъ-же порядкомъ, какъ изъ Таганчи (я—подъ

карауломъ). Около церкви вышла жена священника Кудревича съ грудным младенцемъ, мать священника съ хлѣбомъ, падали предъ людьми на колѣни, плакали, прося не мучить меня и ея мужа. Люди не обращали на слезныя ихъ просьбы никакого вниманія, а еще смѣялись. Въ дверяхъ церкви стоялъ заштатный священникъ, отецъ мѣстнаго священника, Лука Кудревичъ. Церковь была отворена. Я вошелъ въ церковь. На аналоѣ лежали эпитрахиль и ризы, приготовленные священникомъ; я надѣлъ ризы и вошелъ въ алтарь. Толпа народа вошла за мною въ церковь и закричала: „теперь мы пропали! хто давъ ризы?“ Старосту церковнаго вытолкали въ шею изъ церкви. Я сталъ предъ престоломъ, взялъ Евангеліе и началъ читать. Въ церкви происходили шумъ, крикъ и даже ругательства—зачѣмъ меня впустили въ церковь и дали ризы? Нѣсколько человѣкъ входили въ алтарь, просили и требовали, чтобы я сбросилъ ризы и вышелъ къ нимъ. Я не отвѣчалъ на ихъ слова, а читалъ Евангеліе. Священникъ—старикъ стоялъ на клиросѣ; къ нему не привязывались. Пришелъ въ церковь не скоро и свящ. Михаилъ Кудревичъ, но не долго сидѣлъ,—обомлѣлъ и его отнесли на рукахъ въ домъ. Слѣпой нѣсколько разъ вбѣгалъ въ алтарь, хватался за ризы и хотѣлъ снять съ меня. Я держался, и онъ уходилъ съ ругательствами и похвалками на меня. Я подозвалъ къ себѣ заштатнаго священника и просилъ его (дьячекъ ушелъ въ гарбузинскій монастырь) замѣнить отсутствующаго дьячка при служеніи вечерни, которую я располагалъ тотчасъ начать, причемъ просилъ его пѣть протяжно. Священникъ—старикъ согласился и пошелъ на клиросъ. Пономарь, тоже заштатный, Ѳедоръ Радзивиловскій, глубокій старикъ, взялся прислуживать мнѣ въ алтарѣ. Начали вечерню, отправляли какъ можно медленнѣе; люди въ церкви смолкли, шуму не было; людей сначала было много, а послѣ меньше. Я замѣтилъ, что караулъ стоялъ около церкви подъ окошками, и у иконостаса—на сѣверныхъ и южныхъ вратахъ. Вратъ царскихъ я не отворялъ и кадилъ только около престола, а на средину церкви не выходилъ. Такъ отправлена была вечерня; отслужили и утреню, тропари пѣли, какъ на Свѣтлое Воскресеніе. Когда утреня приходила къ концу, меня занимало, что я буду дѣлать дальше? меня обнималъ страхъ. Ноги у меня подгибались, руки тряслись; присѣсть было не на чемъ, стулья и скамейки повынесли. Я пригласилъ старика Кудревича и просилъ пособлять еще при чтеніи акаѳистовъ Спаси-

телю и Божіей Матери. Въ это время заштатный пономарь Радзивиловскій успѣлъ принесть мнѣ секретно просфоры и вино; сперва за нимъ не присматривали, а послѣ начали слѣдить. Въ Гарбузинѣ жилъ землемѣръ экономическій (Толкуновъ), мнѣ знакомый. Я написалъ секретно записку карандашемъ и вложилъ оную за галстукъ Радзивиловскому, чтобы онъ отнесъ землемѣру. Въ запискѣ я просилъ послать кого-нибудь въ сосѣдній монастырь, дабы пріѣхалъ духовникъ исповѣдать меня, ибо со мною по временамъ дѣлалось дурно. Заштатный свящ. Кудревичъ былъ въ запрещеніи богослуженія, а молодой сынъ его былъ больной. Вскорости Толкуновъ прислалъ мнѣ отвѣтъ, что никто изъ іеромонаховъ не соглашается ѣхать исповѣдывать меня,— боятся возбужденныхъ крестьянъ, и при семъ извѣстилъ, что солдаты уже идутъ въ Корсунъ. По прочтеніи акаѳиста въ, старикъ священникъ попросился идти отдохнуть, а я присѣлъ на полу предъ престоломъ; тихонько входитъ въ алтарь какой-то человѣкъ и, полагая, что я дремлю, схватилъ ризы, бывшія на мнѣ, и хотѣлъ снять, но я удержалъ. Послѣ этого я всталъ и началъ читать молитвы ко св. Причащенію.

Среди народа начался сперва шумъ, а далѣе разговоръ; караульнымъ принесли ужинъ и они сѣли ужинать около клироса. Мнѣ было уныло и тяжело на сердцѣ; я ослабъ, потъ катился съ меня, ноги подкосились и я упалъ; сторожевые вбѣжали въ алтарь и хотѣли меня поднять, но я самъ приподнялся. На стукъ набѣжало много людей въ церковь, а слѣпой вбѣжалъ въ алтарь, схватилъ за ризы и нахально тянулъ меня изъ алтаря; я взялъ въ руки Евангеліе, слѣпой увидѣлъ и оставилъ меня; только идучи изъ алтаря, осыпалъ меня ругательствами и проклятіями.

Вѣрный слуга, пономарь Радзивиловскій съумѣлъ приготовить мнѣ подризникъ, поручи и поясъ. Подъ горнимъ мѣстомъ была скамеечка; пользуясь случаемъ, когда сторожевые вздремнули, я одною рукою поднялъ эпитрахиль и ризы на себѣ, а другою набросилъ на себя подризникъ на ряску. Эту мою находчивость замѣтилъ караульный чрезъ окно алтарное, сейчасъ вбѣжалъ въ церковь, потревожилъ лежавшихъ на сѣверныхъ и южныхъ вратахъ, и тутъ-же завелся между ними споръ и чуть не дошло до драки за то, какъ они допустили мнѣ облачиться во все священническое облаченіе.

Около того времени пришелъ въ церковь землемѣръ Толкуновъ съ своимъ семействомъ и просилъ меня отслужить акаѳистъ

Божіей Матери и молебенъ великомученику Георгію. Я сему случаю очень былъ радъ, чтобы мнѣ не спать и неунывать. Пригласили старика священника Кудревича и я служилъ какъ можно медленнѣе. Спросилъ я сего господина, скоро ли будетъ разсвѣтать. Онъ отвѣчалъ, что чрезъ полчаса. Тогда-же входятъ два человѣка—старика: вошли въ церковь безъ всякаго уваженія ко храму Божію, поздоровались съ караульными и спрашиваютъ: „ащо ничого не помагаеться? не отдае добра? говорятъ, що голякивскій пипъ отдавъ своимъ парахвіанамъ добро, а наше и всихъ насъ и васъ сей благочинный сховавъ пидъ престоломъ въ сотницки церкви и тамъ вси попы присягли не выдавать нашого добра [1]); але возьмимся до нёго лучше, винъ розришить клятьбу и выдасть наши указы". Землемѣръ при семъ глупомъ разсказѣ засмѣялся. Крестьяне это замѣтили и насильно выгнали его изъ церкви съ семействомъ.

Начало свѣтать; я позвалъ Радзивиловскаго пономаря, благословилъ ему звонить и звонить долго, а литургію обѣщалъ начать позже. Время до начатія литургіи я провелъ въ чтеніи Евангелія. Послѣ проскомидіи я опасался выходить съ кадиломъ на церковь, а кадилъ одинъ алтарь; выходя изъ алтаря для малаго входа, я увидѣлъ, что людей было довольно въ церкви и стояли всѣ чинно, на большомъ входѣ я уже кадилъ всю церковь. По окончаніи литургіи (которую я, въ сей разъ, служилъ съ такимъ чувствомъ и благоговѣніемъ, какъ никогда не служилъ во все время моего священства), я раздробилъ просфоры и, раздавая антидоръ, христосовался со всѣми, какъ на праздникъ Воскресенья Христова; послѣ просилъ ихъ забыть все, что происходило между нами недобраго. Но разоблачаться я не думалъ, не довѣряя имъ, и не хотѣлъ выходить изъ церкви; вдругъ сотскій подноситъ мнѣ записку, писанную становымъ приставомъ Деркачевымъ, въ которой строго предписывалось сотскому удерживать крестьянъ отъ ихъ нахальства и нелѣпыхъ претензій къ священникамъ подъ сильною отвѣтственностію. Я прочиталъ записку и отдалъ сотскому. Въ это время нѣсколько человѣкъ—стариковъ вошли въ алтарь съ благоговѣніемъ, положили по земному поклону, испросили у меня благословенія и просили разоблачиться и выходить изъ церкви, обѣщаясь и клянясь не дѣлать мнѣ никакихъ непріятностей. Я повѣрилъ ихъ клятвѣ, разоблачился и вышелъ изъ цер-

[1]) На самомъ дѣлѣ здѣсь священники моего благочинія выполняли присягу на вѣрность и подданство Государю Императору Александру Николаевичу.—*Авт.*

кви, меня провожали и просили благословенія; я ихъ увѣщевалъ и просилъ забыть все прошедшее. Но вдругъ, чуть я вышелъ изъ погоста церковнаго, какой-то старикъ, въ грязной свитѣ, ухватилъ меня за рясу и ударилъ по шеѣ. Отъ внезапнаго испугу, удара, а всего больше отъ усталости, я упалъ на землю и обомлѣлъ; народъ испугался, принесли воды, облили мнѣ рясу и немного привели въ чувство. Я опомнился, но не былъ въ силахъ идти, и сидѣлъ на землѣ, въ грязи. Я еще не совсѣмъ опомнился, какъ опять кто то ударилъ меня ногою въ спину такъ сильно, что я упалъ животомъ на землю и опять обомлѣлъ; подняли меня на рукахъ и замѣтно испугались, ибо стала тишина въ народѣ,—никто не говорилъ ничего. Смотрятъ, пріѣзжаетъ верхомъ человѣкъ (послѣ оказалось изъ с. Сотниковъ); вся толпа къ нему, долго что то говорили тихо; верховой поѣхалъ обратно, а народъ обратился опять ко мнѣ, взяли меня подъ руки и начали вести, не дорогою, а полемъ рабочимъ. Куда вели, я сперва не зналъ. Я просилъ отступить отъ меня, чтобы я шелъ самъ; но слѣпой опять явился, ударилъ меня кулакомъ по спинѣ и сказалъ: „тутъ тоби буде аминь (смерть.“) Вели меня все въ гору; я задыхался и спотыкался, случалось, и падалъ; народъ смѣялся. Вышли на гору; тогда я узналъ, что мы около деревни Кичинецъ. Слышу, говорятъ: „поведимъ его, да покупаемъ въ ставу; винъ подужчае“; но одинъ изъ толпы выходитъ и говоритъ: „ему вода не страшна, винъ рыбалка, уміе плавать добре“. Говорившій былъ житель с. Бровахъ, Петръ Канобасъ; по мастерству онъ былъ рѣщикъ, дѣлалъ иконостасъ въ мироновскую церковь и потому зналъ меня.—Постоявши немного на горѣ, опять пошли полемъ, а куда, я не спрашивалъ. Только показалось село, я сейчасъ узналъ, что это Корниловка. „А що радостно тоби стало, якъ побачивъ Корниловку? не радій, не будешь бачиться съ своею рідною“ [1]). Тутъ-же другой подхватилъ: „ему родня буде сю ничь—булава, а постеля—сыра земля“. Подошли къ селу не дорогою, а чрезъ огородъ, пришли къ одному хозяину. Я истомился, не могъ далѣе идти и сѣлъ на землѣ подъ хатою. Хозяинъ вынесъ мнѣ свитку, положилъ около меня и просилъ прилечь (хозяинъ назывался Волкъ). Я легъ и тотчасъ уснулъ, и уснулъ крѣпкимъ сномъ.

Долго-ли я спалъ, не скажу; только послышался крикъ. Я проснулся, открылъ глаза и вижу: около меня женщины съ кіями.

[1]) Села Корниловки священникъ Подгаецкій—двоюродный братъ моей жены; при немъ жили двѣ его сестры.—*Авт.*

Женщинъ было около десяти и одна тотчасъ же ударила меня по спинѣ „истыкомъ“ [1]). Поднялся крикъ: „чоловики (мужья) тоби блажять, а мы не будемъ миловати тебе, проклятый; ты нашъ збавитель (губитель), ты насъ мучишь, ты насъ продавъ“—приговариваютъ и бьютъ меня то по головѣ, то по спинѣ; сняли съ меня сапоги, рясу, облили водою, на голову насыпали земли; мужчины смотрятъ и ничего не говорятъ имъ. Потомъ немного успокоились и начали совѣтоваться, что со мною далѣе дѣлать? Одни говорятъ: „посадить въ сажъ—къ свиньямъ;“ другіе: „посадить въ яму, гдѣ на зиму хоронятъ картофель и гдѣ лѣтомъ много жабъ“, третьи говорили: „посадить въ колодезь“, и много еще выдумывали, какъ одна женщина—большаго росту и немолодая—громко крикнула: „беримъ ёго та пидемъ въ переваги зъ нымъ“ [2]) и при сихъ словахъ схватила меня за ноги и потянула по землѣ—по кочкамъ. Я обомлѣлъ и не помнилъ, что со мною дѣлали. Отрезвили меня опять водою, обливши рясу на мнѣ и измаравши грязью; кровь лилась у меня изъ носа и ушей. Придя въ себя, я замѣтилъ, что лежалъ не далеко церкви, подъ частоколомъ, на улицѣ. Какъ меня туда перенесли, я не помню. Около меня теперь не было крестьянъ, только стояла женщина, не изъ простыхъ. Сперва я не узналъ ее, такъ у меня въ глазахъ потемнѣло; а послѣ узналъ, что это вдовая священница, сестра двоюродная моей жены. Я сѣлъ подъ частоколомъ; начали собираться опять люди, сперва мужчины, а потомъ женщины; чрезъ частоколъ дѣти сыпали мнѣ на голову землю и всякую гадость, а женщины начали дѣлать надо мною разныя издѣвательства и насмѣшки. Меня томилъ голодъ и жажда. Жена дьячка принесла мнѣ въ мисочкѣ борщу; одна женщина подбѣжала и разлила. Староста церковный принесъ мнѣ въ ведрѣ безоваго соку; подбѣжали женщины, сокъ выпили, а ведро загадили. Вижу—ѣдетъ воловая подвода и на ней кто-то лежитъ; это былъ свя-

---

[1]) Родъ лопатки для очистки земли на плугѣ.

[2]) Перевага или перевѣшиваніе—дѣтская игра. Она состоитъ въ томъ, что двое мальчиковъ или дѣвочекъ, взявъ длинную доску и положивъ ее поперекъ толстаго бревна или просунувъ чрезъ плетень такъ, чтобы серединой она опиралась на плетень, садятся по краямъ доски и попеременно то подымаясь отъ земли, то опускаясь внизъ, качаются и какъ-бы перевѣшиваютъ другъ друга. Въ шутку подростки пробуютъ положить кого-нибудь изъ своей среды вмѣсто доски; но далѣе шутки такая продѣлка, конечно, не идетъ. Бабы задумали замѣнить доску благочиннымъ, авторомъ разсказа, а онъ былъ очень длиненъ и, что называется, поджаристый. Въ этомъ и высшее озлобленіе и юморъ національный.

Ред.

щенникъ с. Гарбузина Кудревичъ—полумертвый. Для чего они его сюда привезли?—Для одного посмѣянія; онъ и не вставалъ съ повозки. Немного спустя привезли дьячка изъ села Бровахъ Максима Григоровича и принесли мѣшокъ бумагъ, взятыхъ изъ бровахской церкви, положили эти бумаги предо мною и приказывали искать между ними ихъ указа; я отказался, но велѣлъ дьячку пересматриватъ всякую бумагу, въ виду всѣхъ. Между бумагами нашлись вѣнчики раззолоченные; увидѣли женщины и закричали отъ радости: „оце наша грамота, зъ золотыми печатьми; бачь, де цей проклятый, нашъ христопродавець, зховавъ“. Я при семъ засмѣялся. Замѣтивши это, женщины схватили меня за ноги и поволокли по дорогѣ, въ колючки. Дьячекъ Григоровичъ хотѣлъ меня защитить, тогда одинъ человѣкъ схватилъ его за волоса и, поваливши, такъ сильно ударилъ о землю, что тотъ обомлѣлъ; всѣ испугались, вскорости принесли воды и освѣжили его; онъ подползъ къ частоколу, гдѣ я сидѣлъ, и легъ, меня-же бросили въ колючкахъ. Начали любопытствовать вѣнчиками, которыхъ былъ цѣлый листъ. Староста церковный, доброй души человѣкъ, началъ имъ объяснять, что это вѣнчики, которые полагаются на умершихъ. Тутъ слѣпой подбѣгаетъ (его долго не было), схватилъ за волосы старосту и повалилъ на землю; послѣ подбѣжалъ ко мнѣ, схватилъ за ноги и, при пособіи другихъ, приволокъ меня на прежнее мѣсто подъ частоколъ. Голова у меня закружилась, я не могъ сидѣть и прилегъ; онъ схватилъ меня за бороду, поднялъ мнѣ голову и посадилъ; гдѣ взялась женщина (говорили, что слѣпаго жена) съ большою палкою и ударила меня по головѣ. Я руками хотѣлъ закрыть голову, меня схватили за руки и кричали: „убій за собаку, де винъ сховавъ те добро, що вираевскій дякъ возивъ по всихъ попахъ“ [1]). Какой-то молодой человѣкъ выступилъ изъ толпы и началъ просить, чтобы меня не мучили; женщины кулаками прогнали его далеко. Я сидѣлъ и какъ собака смотритъ на убивающаго ее, такъ я смотрѣлъ пристально на женщинъ, стоявшихъ предо мною съ палками. Какими словами они меня ругали, нельзя выразить. Жена поручика, сестра свящ. Подгаецкаго, женщина пожилая, пришла на позоръ сей и начала увѣщевать ихъ не дѣлать такихъ безчиній и посмѣяній,—ее прогнали съ безчестіемъ.

Послышался въ далекѣ лошадиный топотъ. Всѣ туда обратили взоры; пріѣхалъ верховой. Вся толпа бросилась къ нему; что

[1]) Возилъ онъ одинъ консисторскій указъ по благочинію.—*Авт.*

тамъ было говорено, мнѣ неизвѣстно, только послѣ сего свиданія всѣ впали въ какое-то уныніе. Женщины начали расходиться. Я принялъ дерзновеніе и началъ говорить къ нимъ: „идите да варите ужинъ для гостей“. „Для якихъ гостей?“ спрашивали меня. Я отвѣчалъ: „и я вашъ гость, а еще, можетъ быть, и другіе будутъ (я разумѣлъ здѣсь солдатъ)“. Женщины разошлись, а мужчины остались.

Въ такихъ истязаніяхъ прошелъ цѣлый день; одна благодать Божія меня укрѣпляла! Уже солнце начало заходить за лѣсъ и послышался звонъ въ гарбузинскомъ монастырѣ. Крестьяне начали креститься. Послышался звонъ и въ Корсунѣ. Ко мнѣ подходитъ нѣсколько человѣкъ, просятъ благословить ихъ, просятъ идти служить. Это было въ субботу. Но я сильно ослабъ, съ трудомъ всталъ. Принесли воды—я умылся, рясу вычистили, принесли сапоги, а шляпы не было (у хозяина Волка осталась). Дьячекъ бровахскій лежалъ больной; пономарь Волошинъ уѣхалъ въ Корсунъ,—не съ кѣмъ было служить. Привели грамотнаго мальчика крестьянскаго. Я пошелъ въ церковь, людей собралось полная церковь. Началась всенощная. Мальчикъ опытный, хорошо читалъ и пѣлъ; люди стояли чинно и молились. На утрени, на 9-й пѣснѣ, послышался на колокольнѣ необыкновенный звонъ,—какъ-бы на какую тревогу. Я послалъ старосту узнать; возвратившись, онъ сказалъ мнѣ тихо: „ратники вошли“. Я при семъ извѣстіи какъ-бы вновь родился; люди всѣ побѣжали изъ церкви и начался опять необыкновенный звонъ. По окончаніи утрени, остались въ церкви только грамотный мальчикъ, староста и поручикъ Гарасименко. Я сталъ совѣтоваться съ ними, что мнѣ теперь дѣлать? они совѣтовали не выходить изъ церкви. Я полагалъ, что солдаты или ратники пришли въ с. Корниловку; но узнаю, что рота солдатъ пришла въ Корсунъ, а сюда пріѣхалъ разсыльный съ извѣстіемъ. Долго я стоялъ въ раздумьѣ; входятъ человѣкъ около десяти и требуютъ, чтобы я шелъ къ нимъ на дворъ. Я думалъ не идти; но они сказали: „поведемъ по неволі“ и я пошелъ. Людей было многое множество; уже смеркалось, гулъ отъ говору по лѣсу раздавался страшно; крикъ женщинъ и плачь дѣтей—все это придавало ужасъ всѣмъ, и особенно мнѣ. Только-что я показался предъ толпою, такъ и закричали: „звяжимъ ёго, або спутаймо, а то винъ одъ насъ утиче“. Я спросилъ: „куда вы думаете идти?“ они отвѣчали: „мы то знаемъ, куда“. Но не очень уже занимались, повидимому, мною,

и я началъ ихъ уговаривать, чтобы они оставили худую мысль—идти противъ войска, а чтобы смирились и послали отъ себя понятыхъ въ Корсунъ просить прощенія; то же говорилъ и поручикъ Гарасименко (онъ изъ крестьянъ, былъ отданъ въ солдаты еще въ 1807 году). При сихъ словахъ, внезапно схватили меня за руки, поворотили спиною, связали поясомъ и поручили какому-то человѣку Кузьмѣ меня караулить. Гдѣ взялся рыжій (его долго не было) и говоритъ мнѣ ласково: „вы знаете, що у насъ уже все начальство нове, управляющимъ уже Петро Кукла (крестянинъ изъ Выграева), секретаремъ—Корнилій Самуйловичь. Князя завтра не буде, не буде и Бирона (управляющаго). А вамъ доступъ на добру волю; якъ пидете зъ нами, то даруемъ жизнь; а не пидете, то поведемъ силою и завтра повисимо на тимъ шпили, що, якъ у князя балъ, то вывишують флагъ“. Я спросилъ: „да куда-же съ вами идти?“. „Мы знаемъ, куда пидемъ“, отвѣчали. „Если на добро, то я согласенъ“,—отвѣчалъ я. Вдругъ послышался крикъ: „то мы зле думаемъ?“ и на меня посыпались кулаки со всѣхъ сторонъ и по спинѣ, и по головѣ, и въ животъ. Я содрогнулся. Поручикъ Гарасименко, стоя около меня, крикнулъ: „меня бейте и убейте; я кровь за васъ проливалъ, а его не бейте, онъ невиновенъ предъ вами; онъ за васъ Богу молился“. Слова сего старика воина сильно подѣйствовали; сейчасъ заговорили: „берить его, Несторъ Гарасимовичъ до себе, пидкріпить его, а мы будемъ радиться, що робить“. Я обрадовался и пошелъ съ поручикомъ въ домъ священника. Не успѣлъ я закусить, какъ входятъ три человѣка въ домъ и требуютъ, чтобы я шелъ къ людямъ. Поручикъ вытолкалъ ихъ изъ дому; но чрезъ минутъ пять уже вошло въ домъ человѣкъ нѣсколько и нахально требовали, чтобы я шелъ къ людямъ. Я взялъ кусокъ хлѣба и заплакалъ, жена поручика дала мнѣ и сала; я попрощался со всѣми ими и пошелъ.

Была ночь темная; дулъ вѣтеръ, народъ шумѣлъ, гулъ страшный раздавался по всему селу и по лѣсу.

(Окончаніе будетъ).

Архивъ Малороссійской Коллегіи

при Харьковскомъ Университетѣ.

Въ послѣдніе годы въ русской ученой литературѣ поднятъ вопросъ о необходимости устройства въ провинціяхъ центральныхъ архивовъ, съ цѣлью ихъ научной разработки. Надъ этимъ вопросомъ особенно много работалъ Н. В. Калачевъ, управляющій центральнымъ архивомъ Министерства Юстиціи въ Москвѣ. Благодаря его-же стараніямъ въ Петербургѣ учрежденъ Археологическій Институтъ для приготовленія ученыхъ архивистовъ и, кромѣ того, подъ его предсѣдательствомъ, при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія учреждена особая коммисія для правильнаго и единообразнаго веденія архивнаго дѣла въ Россіи. Н. В. Калачевъ ожидаетъ особенной пользы отъ устройства въ разныхъ мѣстностяхъ отечества ученыхъ архивовъ и историческихъ обществъ. „Польза эта, по его словамъ, заключается не только въ поощреніи, которое будетъ дано означенными архивами и обществами разработкѣ отечественной исторіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ— въ возвышеніи въ средѣ народа какъ образованія вообще, такъ и любви къ своей родинѣ и, въ особенности, къ своей мѣстности, которую такъ сильно развиваетъ наглядное изученіе ихъ исторіи и памятниковъ“ (т. IV-й Сборника государственныхъ знаній: Архивы, ихъ государственное значеніе). Въ виду подобной высокой пользы отъ провинціальныхъ научныхъ архивовъ, нельзя не пожелать скорѣйшаго осуществленія мысли г. Калачева о распространеніи у насъ хранилищъ подобнаго рода, по крайней мѣрѣ въ такихъ центрахъ науки, какъ университетскіе города. Это тѣмъ болѣе желательно, что до сихъ поръ наша интеллигенція совершенно равнодушно относилась къ какимъ бы то ни было древлехранилищамъ.

На нашемъ югѣ, напримѣръ, можно сказать, вовсе почти нѣтъ частныхъ хранилищъ письменной и печатной старины, собираемыхъ ея любителями. Даже общественныхъ архивовъ старыхъ дѣлъ, существующихъ съ спеціально-научной цѣлью, у насъ всего одинъ: мы разумѣемъ центральный архивъ юго-западнаго края, состоящій при кіевскомъ университетѣ въ завѣдываніи особой археографической коммисіи. Въ Одессѣ, правда, есть также крайне интересный архивъ, но онъ, къ сожалѣнію, составляетъ недоступную для постороннихъ собственность одного лица, хотя, по всей справедливости, ему слѣдовало-бы сдѣлаться общимъ достояніемъ. Это часть запорожскаго архива, пріобрѣтеннаго г. Скальковскимъ изъ екатеринославскаго губернскаго правленія. Конечно, нельзя не быть признательнымъ г. Скальковскому за сохраненіе упомянутаго архива, который, не попади въ его руки, очень легко могъ-бы погибнуть, какъ погибло много малороссійскихъ архивовъ при разнаго рода присутственныхъ мѣстахъ; при всемъ томъ нельзя не пожелать, чтобы онъ, хотя въ будущемъ, перешелъ въ завѣдываніе какого либо ученаго общества [1]). Г. Харьковъ до послѣдняго времени также не имѣлъ историческаго архива. Но въ 1879 г. вслѣдствіе моего доклада, историко-филологическое общество, состоящее при университетѣ, возбудило вопросъ о пріобрѣтеніи архива старыхъ дѣлъ, находившагося въ г. Черниговѣ при губернскомъ правленіи. Подлежащее вѣдомство, къ которому харьковскій университетъ обращался съ просьбой о передачѣ ему упомянутаго архива для научной разработки, изъявило полное свое согласіе на такую передачу. Въ томъ-же году архивъ былъ перевезенъ мною изъ Чернигова и сданъ харьковскому университету.

Переданный университету архивъ носитъ названіе Архива Малороссійской Коллегіи. Въ составъ его вошли дѣла Генеральной Войсковой Канцеляріи, состоявшей при малороссійскихъ гетманахъ почти со времени присоединенія Малороссіи къ Россіи, и затѣмъ дѣла собственно Малороссійской Коллегіи, которая существовала съ 1722 по 1727 г. и потомъ съ 1764 по 1786 г. Кромѣ того тамъ-же есть часть дѣлъ черниговскихъ полковой канцеляріи и гродскаго суда. Первоначально упомянутый архивъ

[1]) Остальная часть архива Сѣчеваго, какъ говорятъ, хранится въ Петербургѣ при Военномъ Министерствѣ, куда онъ отправленъ былъ генер. Текелли. Очень желательно, чтобы кто либо изъ интересующихся южно-русской стариной навелъ справки на мѣстѣ о существованіи и положеніи этого архива.

находился въ г. Глуховѣ, какъ резиденціи гетмановъ и мѣстопребываніи Малороссійской Коллегіи. По закрытіи послѣдней въ 1786 г. архивъ ея, вмѣстѣ съ дѣлами генеральной войсковой канцеляріи, былъ переведенъ въ Черниговъ, въ учрежденный тогда „губернскій архивъ", переименованный впослѣдствіи въ архивъ губернскаго правленія. Въ томъ-же 1786 г. были переданы въ черниговскій губернскій архивъ рѣшенныя дѣла черниговской полковой канцеляріи и гродскаго суда, закрытыхъ при учрежденіи намѣстничествъ (см. Топографич. Описаніе черниг. намѣстничества, составл. въ 1786 г. Шафонскимъ, ч. 1, стр. 135) [1]).

Размѣръ поступившаго въ вѣденіе харьковскаго университета архива довольно значителенъ, но опредѣлить его количествомъ дѣлъ невозможно, такъ какъ при архивѣ имѣются описи только части дѣлъ. Вѣсъ дѣлъ всего около 600 пудовъ, а если разложить дѣла въ одинъ рядъ, высотой въ полулистъ бумаги, то они займутъ пространство длиной въ 120 сажень.

Этотъ архивъ уже тронутъ рукой изслѣдователя. Въ теченіи столѣтняго его нахожденія въ Черниговѣ покой его, вѣроятно, тревожили еще съ прошлаго вѣка разнаго рода любители старины и лица, собиравшія матеріялы для исторіи Малороссіи, въ родѣ Теплова и т. п. А что имъ пользовались разные изслѣдователи съ начала нынѣшняго столѣтія, это положительно извѣстно. Такъ, къ упомянутому архиву обращались за матеріалами южно-русскіе историки Бантышъ-Каменскій и Маркевичъ. Первый упоминаетъ объ архивѣ черниговскаго губернскаго правленія въ числѣ источниковъ для своей исторіи Малороссіи (изд. 3-е т. 1-й стр. X). Второй, хотя и не упоминаетъ въ своей исторіи объ этомъ источникѣ, но, что онъ работалъ въ архивѣ, это видно изъ его статьи „Черниговъ въ историческомъ и статистическомъ отношеніи", помѣщенной въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1852 годъ. Затѣмъ черниговскимъ архивомъ пользовались: бывшій предсѣдатель кіевской временной

---

[1]) Нѣкоторые изъ ученыхъ, какъ мнѣ приходилось читать, смѣшиваютъ архивъ Малорос. Коллегіи съ знаменитой Румянцевской Описью Малороссіи, и думаютъ, что она именно передала харьковскому университету. Но это не вѣрно. Послѣдняя хранится въ г. Черниговѣ при тамошнемъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ. Къ сожалѣнію, надо сказать, что нѣкоторыя книги ея уже изчезли послѣ того, какъ опись была взята изъ Казенной Палаты и передана на храненіе въ Стат. Комитетъ.

археографической коммисіи М. Судіенко, издавшій два тома »Матеріаловъ по отечественной исторіи«, извлеченныхъ изъ дѣлъ этого архива; архіепископъ Филаретъ, авторъ историко статистическаго описанія черниговской епархіи; А. М. Лазаревскій, авторъ прекраснаго изслѣдованія по исторіи малорусскаго крестьянства, доставившій много мѣстнаго историческаго матеріала въ разные спеціальные журналы, и любитель старины, врачъ С. Д. Носъ, состоящій нынѣ на службѣ въ г. Люцинѣ, витебской губ. Авторъ настоящей замѣтки также работалъ въ архивѣ и опыты своихъ трудовъ помѣщалъ въ особомъ прибавленіи къ Черниговскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ за 1877 и 1878 годы.

Какъ извѣстно, много дѣлъ изъ черниговскаго архива перешло въ руки частныхъ лицъ. Намъ сообщалъ г. Лазаревскій, что часть дѣлъ попала даже въ Москву въ румянцевскій музей; туда дѣла были переданы замлевладѣльцемъ полтавской губ. Лукашевичемъ, вмѣстѣ со всѣми матеріалами библіотеки историка Маркевича, пріобрѣтенными Лукашевичемъ.

Хотя часть дѣлъ и ускользнула изъ нашего архива, но можно утѣшаться тѣмъ, что это главнымъ образомъ были дѣла, касавшіяся внѣшней исторіи Малороссіи, т. е. исторіи событій, которыя только однѣ и интересовали нашихъ прежнихъ историковъ. Да, кромѣ того, если дѣла *извлекали* историки, то они, конечно, не преминули внести болѣе интересное изъ почерпнутыхъ такимъ образомъ фактовъ въ свои изслѣдованія. Собственно-же для внутренней, бытовой исторіи юга, доселѣ у насъ не разработанной, хотя и болѣе важной, нежели исторія событій, упомянутый архивъ представляетъ неоцѣненный, единственный въ своемъ родѣ источникъ. Мы не можемъ здѣсь перечислить всего богатства этого архива, такъ какъ нѣтъ ни одной бытовой стороны въ прошломъ, которая не отразилась-бы въ его дѣлахъ. Скажемъ только, что въ немъ найдетъ для себя много любопытнаго и историкъ, и филологъ, и статистикъ, и экономистъ, и этнографъ, и юристъ, интересующійся исторіей права.

Къ сожалѣнію, описываемый архивъ до сихъ поръ не открытъ для занятій и вообще не приведенъ въ порядокъ. Правда, городскимъ обществомъ отведено помѣщеніе для архива вблизи университета, но не совсѣмъ удобное, такъ какъ въ одной и той-же залѣ должны помѣститься и архивъ, и музей техническаго общества. Правда, однимъ изъ мѣстныхъ сахарныхъ заводчиковъ (г. Харитоненко), вслѣдствіе просьбы Н. В. Калачева, принимаю-

щаго живое участіе въ судьбѣ архива, пожертвовано 2000 руб. на предварительную разборку дѣлъ и устройство шкафовъ. Но въ будущемъ положеніе архива остается не обезпеченнымъ, такъ что врядъ-ли вскорѣ начнется правильная разборка дѣлъ, не говоря уже объ ихъ разработкѣ. Архивъ не имѣетъ и, при отсутствіи средствъ, не можетъ имѣть постояннаго архиваріуса; изъ оффиціальныхъ ученыхъ или изъ частныхъ лицъ здѣсь нѣтъ ни одного человѣка, который высказывалъ бы особенное желаніе работать въ архивѣ; университетъ много лѣтъ не имѣетъ даже профессора русской исторіи, который, по одному своему положенію, былъ-бы обязанъ заботиться о разборѣ и разработкѣ архива или лично, или посредствомъ привлеченія къ этому дѣлу студентовъ.

По моему мнѣнію, архивныя дѣла въ относительно небольшихъ архивахъ, каковъ настоящій, должны быть разбираемы по отдѣльнымъ предметамъ, для удобства разработки ихъ, и чѣмъ частнѣе предметъ и дробнѣе группы дѣлъ, тѣмъ лучше. Между тѣмъ лице, присланное отъ археологическаго института для предварительнаго ознакомленія съ архивомъ, работавшее въ теченіи нынѣшняго лѣта, разбило дѣла каждаго отдѣльнаго тюка лишь на три большія группы—дѣла собственно историческія, юридическія и экономическія, т. е. на такія общія группы, которыя очень мало могутъ облегчить изслѣдователя. Но за то упомянутымъ лицемъ составленъ списокъ болѣе интересныхъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ. Надо надѣяться, что этотъ списокъ будетъ помѣщенъ въ Трудахъ археологическаго института. Послѣ такой предварительной работы предстоитъ еще большой трудъ—разбить дѣла на мелкія группы по отдѣльнымъ предметамъ и составить имъ подробную опись, что, конечно, потребуетъ новыхъ расходовъ. Желательно, чтобы кто-нибудь изъ состоятельныхъ лицъ, раздѣляющихъ мысль историка, что *„уваженіе къ своему прошлому есть первый признакъ цивилизованнаго человѣка“*, оказалъ дальнѣйшую поддержку этому возникающему у насъ учрежденію.

П. Ефименко.

Послѣ составленія настоящей замѣтки появилось въ газетѣ „Новое Время“ разъясненіе г. Рагозина, разбиравшаго архивъ Малороссійской Коллегіи, по порученію Археологическаго Инсти-

тута, въ которомъ онъ говоритъ, что въ настоящее время въ архивѣ хранится едва 20-я часть того, что заключалъ въ себѣ черниговскій губернскій архивъ (изъ 478 тыс. дѣлъ сохранилось лишь 30 тыс.), остальное неизвѣстно гдѣ находится.

По этому поводу считаю необходимымъ заявить, что часть дѣлъ черниговскаго губернскаго архива была передана въ Кіевъ и Полтаву, какъ видно изъ того, наприм., что знаменитая Румянцевская Опись Малороссіи хранилась по частямъ и въ Черниговѣ, и въ Кіевѣ, и въ Полтавѣ. Затѣмъ, часть старыхъ дѣлъ оставлена мною въ Черниговѣ въ архивѣ губернскаго правленія (наприм. дѣла новгородъ-сѣверскаго намѣстничества, дѣла, касающіяся первой или второй турецкой кампаніи, веденной при Екатеринѣ 2-й). Этихъ дѣлъ я не могъ перевезти въ Харьковъ по недостатку суммы, отпущенной университетомъ и историко-филологическимъ обществомъ на перевозку архива и потому еще, что мнѣ было поручено взять собственно дѣла бывшей Малороссійской Коллегіи. Наконецъ, остальная часть дѣлъ погибла въ той половинѣ архива черниговскаго губернскаго правленія, которая находилась не при самомъ губернскомъ правленіи, а въ отдаленномъ зданіи, извѣстномъ подъ именемъ мазепинскаго дворца, что на валу. Это зданіе совершенно приспособлено для разложенія и уничтоженія архивныхъ дѣлъ. Оно состоитъ изъ трехъ этажей, въ которыхъ въ лѣтнее время обнаруживается три различныхъ климата. Въ нижнемъ, подвальномъ этажѣ—холодный и необыкновенно сырой, въ среднемъ—умѣренный и въ верхнемъ, состоящемъ изъ чердака подъ желѣзной крышей, необыкновенно жаркій. Все, что попадало въ нижній этажъ, до такой степени проникалось сыростью, что изъ связокъ можно было выжимать воду. Если-же дѣла оттуда переносились для просушки въ верхній этажъ, то они вскорѣ засыхали и принимали видъ бурыхъ плитокъ, совершенно похожихъ на плитки татарскаго чаю. Говорятъ, что въ прежнее время въ нижнемъ этажѣ хранились именно старыя дѣла (разумѣется, невозвратно погибшія); въ мое же время тамъ находились лишь дѣла недавно упраздненныхъ административныхъ присутственныхъ мѣстъ.

Въ виду такихъ и подобныхъ изчезновеній старыхъ дѣлъ желательно-бы, чтобы были приведены въ извѣстность всѣ мѣста, гдѣ хранятся старыя дѣла и чтобы остатки прежнихъ архивовъ были сосредоточены въ нашихъ центрахъ просвѣщенія, въ университетскихъ городахъ. П. Е.

Библіографія.

I.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ И СТАТЕЙ ПО ИСТОРІИ ЮЖНОЙ РОССІИ ЗА 1881 Г.

Считаемъ излишнимъ оговариваться, что предлагаемый библіографическій указатель не имѣетъ претензіи на полноту даже и въ намѣченной имъ сферѣ. Наша цѣль будетъ достигнута, если мы укажемъ наибольшее число сочиненій и статей за прошлый годъ, относящихся къ исторіи и этнографіи южной Россіи, и вызоветъ дополненія и поправки спеціалистовъ по этому предмету. Указатель составленъ въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ, если они извѣстны, или-же сочиненій, если неизвѣстны ихъ авторы.

Авсѣенко В. Г.—Школьные годы,—отрывки изъ воспоминаній (Историческій Вѣстникъ, Апрѣль, 1881 г.). Здѣсь говорится о Кіевскомъ Университетѣ въ 1860-хъ годахъ.

Александровичъ М. Н.—Остерскій уѣздъ. Выпускъ 1. Историческое описаніе. Часть 1. До окончанія смутъ въ Восточной Украйнѣ (1669 г.). Кіевъ. 1881.

Амвросій Келембетъ, архіепископъ тобольскій и сибирскій, какъ проповѣдникъ (Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости, 1881 г., № 12 и слѣд.).

Антоновичъ В. Б.—О произведеніяхъ Т. Г. Шевченка, касающихся историческихъ событій (газета »Трудъ«, 1881 г., № 10).

Антоновъ В., свящ.—Кіево-Печерская Ольгинская церковь (Кіевскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 34 и 35).

Аполлосъ Терешкевичъ, слободско-украинскій епископъ (Полтавскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № 21).

Архимандритъ Августинъ Полонскій, 1791—1865 г. (Тамъ же, № 11).

Багалѣй.—Исторія Сѣверской Земли до половины XIV вѣка (Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1881 г., №№ 2—10).

Балабушевичъ В.—Каменецкій столбъ (Литовскія Епархіальныя Вѣдомости, 1881 г., №№ 24 и 25).

Бартошевичъ Ю.—Князь Курбскій на Волыни (Историческій Вѣстникъ, Сентябрь, 1881).

Бахталовскій Г.—Посадъ Вилковъ. Историко-статистическій и бытовой очеркъ. Кишиневъ. 1881. (Изъ Кишиневскихъ Епарх. Вѣдомостей).

Березинъ В.—Описаніе рукописей почаевской лавры. Кіевъ. 1881.

Beseda na jarmarku w Ździszkowi Sawy iz Monastyriscz chrystyjanynom iz Humanszyny. Ukrainec iz Humania. Krakow. 1881.

Биберштейнъ Г.—Народныя преданія въ Подоліи. Каменецъ-Подольскъ. 1881.

Богоявленскій М.—Варлаамъ Ясинскій, митрополитъ кіевскій. Историческая монографія (Литовскія Епархіальныя Вѣдомости, 1881 № 34 и слѣд.).

Брикнеръ А. Г.—Путешествіе Императрицы Екатерины въ Могилевъ въ 1780 году (Русскій Вѣстникъ, августъ и Сентябрь, 1881 г.).

Будиловичъ А.—Порядокъ образованія недвижимой собственности церковной въ Западной Россіи (Холмско-Варшавскій Епархіальный Вѣстникъ, 1881 г., №№ 3, 4, 6 и 8).

Великановъ А. С.—Развѣдки о доисторическихъ временахъ Русь-славянскаго народа. Москва. 1881.

Веселовскій А.—1) Южно-русскія былины. С.Петербургъ. 1881 г., 2) Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ. III—V. С.Петербургъ. 1881.

Владиміровъ А.—О введеніи русскаго языка въ богослуженіе католической и протестантской церкви въ сѣверо-западномъ краѣ (Вѣстникъ Европы, мартъ, 1881 г.).

Гаврилковъ М. протоіерей:—Письма о штундизмѣ (Полтавскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 1 и 2).

Ганицкій М.—Бессарабская Старина (Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости, 1881 г., №№ 1, 3 и 4).

Гаркави А. Я.—Русь и русское въ средневѣковой еврейской литературѣ. С.Петербургъ 1881.

Гербель Н. В.—1) Игорь князь сѣверскій. Переводъ слова о Полку Игоревѣ. Изданіе 6-е. С.Петербургъ. 1881., 2) Гимназія высшихъ наукъ и Лицей князя Безбородко (въ Нѣжинѣ). С.Петербургъ 1881., 3) Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова. Украинская дума. Стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, октябрь, 1881 г.).

Гиляревскій А. К.—Русскій паломникъ Барскій. Изслѣдованіе. (Русскій Архивъ, 1881 г., т. 1).

Гладкій В. О.—Осипъ Ивановичъ Гладкій, кошевой атаманъ Запорожской Сѣчи 1789—1866 г. Біографическій очеркъ. (Русская Старина, 1881 г., т. 1).

Годовой отчетъ о составѣ и дѣятельности историческаго общества Нестора Лѣтописца за 1880 годъ. Кіевъ. 1881.

Голубевъ С. Т.—Нѣсколько новыхъ данныхъ относительно поѣздки Мелетія Смотрицкаго на Востокъ и перехода его въ унію (газета »Кіевлянинъ«, 1881 г., №№ 6, 9 и 11).

Голубинскій Е.—Исторія русской церкви. Томъ 1. Періодъ первый, кіевскій или до-монгольскій. Вторая половина тома. Москва. 1881.

Горжковскій Маріанъ.—Monumenta ruthenica. Краковъ. 1881.

Григоровичъ. Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени (въ 29 т. Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. С.Петербургъ 1881).

Григоровичъ П.—Нѣсколько историческихъ свѣдѣній о модрынской святопокровской церкви, люблинской губерніи (Холмско-Варшавскій Епарх. Вѣстникъ, 1881 г., № 12).

Де-Пуле М. Ѳ.—Къ исторіи украинофильства (Русскій Вѣстникъ, мартъ 1881).

Ефименко А.—Малорусскій языкъ въ народной школѣ (журн. »Слово«, январь, 1881).

Ждановъ И.—Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи. Кіевъ 1881.

Залѣсскій Бронславъ. Żywot księcia Adama Jerzego Czartoryskiego. Т. 1 Poznań. 1881.

Знаменскій П. В.—Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года. Казань. 1881.

Зотовъ В.—Исторія всемірной литературы въ общихъ очеркахъ, біографіяхъ, характеристикахъ и образцахъ. Томъ III: литература Франціи, Румыніи и Славянскихъ земель. С.Петербургъ. 1881. Здѣсь на послѣднемъ мѣстѣ помѣщенъ обзоръ »русинской литературы«

И. Х.—Изъ записокъ Юліана—Урсина Нѣмцевича о Костюшкѣ. (Русскій Архивъ, 1881 г., т. 1).

Иловайскій Д.—Вопросъ о народности руссовъ, болгаръ и гунновъ. (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Мартъ, 1881).

Истоминъ М. П.—О князьяхъ Всеволодѣ и Игорѣ Ольговичахъ (Кіевлянинъ, 1881 г., № 6).

Корженевскій І.—Состояніе варшавской епархіи подъ управленіемъ преосвященнаго Іоанникія (Холмско-Варшавскій Епарх. Вѣстникъ, 1881 г., № 13).

Костомаровъ Н. И.—1) Черниговка. Быль второй половины XVII вѣка. С.Петербургъ. 1881. 2) Малорусское слово (Вѣстникъ Европы, январь, 1881); 3) Украинофильство (Русская Старина, февраль, 1881); 4) По вопросу о малороссійскомъ словѣ (Вѣстникъ Европы, мартъ, 1881); 5) Еще по поводу малорусскаго слова Московскимъ Вѣдомостямъ (тамъ же, апрѣль); 6) »Изъ поѣздки въ Батуринъ въ 1878 г. (газета »Порядокъ«, 1881 г., въ одномъ изъ апрѣльскихъ №).

Котляревскій А. А.—1) Библіологическій опытъ о древней русской письменности. Введеніе. Воронежъ, 1881., 2) Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ

временъ, сочиненіе И. Е. Забѣлина. Т. 1 и 2. М. 1876—79 г. Критическая оцѣнка. Кіевъ. 1881., 3) Рѣчь объ историческомъ значеніи народныхъ поэтическихъ произведеній (Газета »Трудъ«, 1881 г., № 8).

Крамаренко І.—1) Пребываніе преосвященнаго Іереміи въ Переяславѣ (Полтавскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № 5. Допол., 2) Свято-Троицкая церковь въ м. Великихъ Будищахъ, полтавской епархіи, зѣньковскаго уѣзда (тамъ же, № 9).

Крашевскій.—Безумная (Szalona). Повѣсть изъ жизни соціалистическаго кружка, мѣсто дѣйствія и сходки котораго происходятъ въ Кіевѣ на Подолѣ. Переводъ, съ польскаго. С.Петербургъ. 1881.

Крыжановскій Е. М.—Князь В. А. Черкаскій и холмскіе греко-уніаты (Холмско-Варшавскій Епарх. Вѣстникъ, 1881 г., № 18).

Крыловъ.—Драма страстей Христовыхъ (Вѣстникъ Европы, мартъ и апрѣль 1881).

Кулишъ П. А.—Поэтъ Шевченко въ полномъ разцвѣтѣ,—изъ воспоминаній П. А. Кулиша (газета „Трудъ“, 1881 г., № 6).

Ластивка Е.—Ганна, поэма—былица. Кіевъ. 1881.

Левицкій И. С.—1., Бурлачка. Повисть І. Левицького. Кіевъ. 1881., 2. Прыятелі (въ альманахѣ „Луна“ на 1881 годъ, ч. 1. Кіевъ. 1881); 3., Шевченкова могила (тамъ-же).

Линейкинъ (псевдонимъ).—Гимназическая переписка, собранная бывшимъ инспекторомъ татаровской гимназіи Иваномъ Линейкинымъ, съ дополненіями, почерпнутыми изъ юридической практики судебнаго слѣдователя Петра Линейкина. Кіевъ. 1881.

Лукьяновичъ П.—Къ вопросу объ острожской школѣ XVI вѣка (Волынскія Епархіальныя Вѣдомости, 1881 г., № № 23—27).

Луна (эхо). Украіньскый Альманахъ на 1881 р. Частына перша. Выданне Л. В. Ильвицького, Кіевъ. 1881.

М. Н.—Дополнительныя свѣдѣнія о Гавріилѣ Бодони, впослѣдствіи митрополитѣ кишиневскомъ (Херсонскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № № 13 и 14).

Маврицкій В. А.—Штундисты (Православное Обозрѣніе, февраль и мартъ, 1881 года).

Макарій м. московскій.—Исторія русской церкви. Т. X. Москва. 1881. Этотъ томъ заключаетъ, между прочимъ, исторію западно-русской митрополіи въ борьбѣ съ уніею, подъ гнетомъ уніатскихъ митрополитовъ.

Макушевъ.—1. Чтенія о старопольской письменности. Варшава. 1881 г., 2. Южно-русскія сказанія по рукописи библіотеки Оссолинскихъ въ Львовѣ (Журн. Министерства Народ. Просвѣщенія, май, 1881 г.).

Малышевскій И. И.—1. Рецензія на исторію русской церкви Е. Е. Голубинскаго, удостоенная Академіей Наукъ большой золотой медали (въ Запискахъ Академіи Наукъ), 2. Село Будаевка (Кіевскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 46—47).

Матеріалы для историко-статистическаго описанія екатеринославской епархіи (Екатеринославскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 1 и 2).

Матеріалы для исторіи полтавскаго духовнаго училища (Полтавскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № 21).

Матусякъ С.—Historya Polska w opowiadaniu ludu Krakòw, 1881.

Махно А. и М.—Сборникъ малороссійскихъ узоровъ, Кіевъ. 1881 г.

Милюковъ А. П.—Встрѣча съ Гоголемъ,—отрывокъ изъ воспоминаній (Истор. Вѣстникъ, январь, 1881 г.).

М. Е.—О древнѣйшемъ существованіи русской народности въ Галиціи, въ губерніяхъ люблинской, сѣдлецкой и другихъ мѣстностяхъ Привислянскаго края (Холмско-Варшавскій Епарх. Вѣстникъ, 1881 г., № 2).

Мозговой В. Г.—Очеркъ кіевской губерніи. Кіевъ. 1881.

(Продолженіе будетъ).

II.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Историческіе Матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія, выпускъ I, издалъ редакторъ неоффиціальной части „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ А. А. Кіевъ 1882.

Въ послѣднее время неоффиціальная часть „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ приняла характеръ гораздо болѣе интересный и полезный, чѣмъ обыкновенно имѣютъ губернскія вѣдомости. Новая редакція „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ съумѣла отнестись къ своему дѣлу не какъ къ формальной и скучной обязанности, а какъ къ изданію, которое въ скромныхъ рамкахъ губернскаго листка можетъ собрать и сгруппировать многія данныя, весьма цѣнныя для всесторонняго изученія той области, оффиціальнымъ органомъ которой изданіе должно служить. Въ числѣ другихъ рубрикъ, назначенныхъ для сохраненія научнаго матеріала, относящагося къ губерніи, редакція предназначила мѣсто и для историческаго матеріала, который извлекала изъ той части архива губернскаго управленія, которая не вошла въ опись и потому недоступна или съ трудомъ доступна для изслѣдователей мѣстной старины. Извлекая постепенно изъ кучи полуистлѣвшихъ дѣлъ отдѣльныя связки, редакторъ нечаталъ ихъ въ извлеченіяхъ или in extenso, иногда передавая въ своемъ изданіи только краткое содержаніе бумагъ, стараясь сохранить отъ гибели „всѣ крупицы историческаго матеріала“, попадавшіеся ему при поискахъ въ архивѣ. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ извлеченій этихъ собралось столько, что издатель нашелъ возможнымъ составить изъ нихъ небольшой сборникъ, который и вышелъ отдѣльно подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ.

Документы и извлеченія изъ дѣлъ не сгруппированы по сюжетамъ и связаны между только собою общностью территоріи и единствомъ источника, изъ котораго они извлечены; по времени они всѣ относятся ко второй половинѣ прошлаго столѣтія. Большинство дѣлъ и актовъ относятся къ исторіи кіевскихъ монастырей и духовенства, кіевскаго городскаго хозяйства, кіевской губернской администраціи, а такъ-же къ пограничнымъ отношеніямъ съ польскимъ государствомъ, котораго границы въ прошломъ столѣтіи примыкали близко къ городской чертѣ Кіева. Сверхъ перечисленныхъ дѣлъ, нѣкоторые документы относятся къ отдѣльнымъ событіямъ, имѣвшимъ болѣе или менѣе важный интересъ для края. Такъ мы встрѣчаемъ: цѣлый очеркъ дѣйствій русскихъ властей, направленныхъ къ тому, чтобы обезопасить польскую границу отъ вторженія гайдамакъ (1752 г.), описаніе голода, постигшаго кіевскую область въ 1799 г., и мѣръ, предпринятыхъ для облегченія голодавшихъ, свѣдѣнія о скотскомъ падежѣ, открывшемся въ чертѣ города въ 1790 г., и т. д.

Среди документовъ историко-статистическаго характера, встрѣчаемъ интересныя свѣдѣнія о переписи евреевъ, произведенной въ кіевской губерніи въ 1792 году, съ указаніями на занятія и происхожденіе еврейскаго населенія (которое передвигалось въ Кіевщину частью изъ Польши, частью изъ Бѣлоруссіи, принадлежавшей тогда уже къ Россіи). Вообще все еврейское населеніе губерніи въ тогдашнемъ ея составѣ не достигало цифры 1000 человѣкъ (въ томъ числѣ въ городѣ Кіевѣ только 73 души) и по большей части „упряжнялось въ мастерствѣ".

Нѣсколько документовъ относятся къ разнымъ отраслямъ мѣстной промышленности: есть намеки на шелководство, винодѣліе, приготовленіе варенья, которое выписывалось изъ Кіева въ большомъ количествѣ къ „Высочайшему двору", и т. д.

Конечно, всѣ эти свѣдѣнія не представляютъ особенно крупныхъ историческихъ данныхъ, но мы не можемъ не выразить глубокой признательности скромному губернскому листку за сохраненіе хотя разрозненныхъ, но весьма цѣнныхъ бытовыхъ историческихъ чертъ, которыя несомнѣнно найдутъ себѣ мѣсто при составленіи общаго очерка жизни въ XVIII столѣтіи нашего города и области.

Остерскій уѣздъ Вып. 1-й. Историческое описаніе. ч. 1-я. До окончанія смутъ въ Восточной Украйнѣ. 1669 г. М. Н. Алексѣндровича. Кіевъ. 1881. 8⁰ 109 стр.

Передъ нами книжка, принадлежащая автору, печальная кончина котораго въ Кіевѣ въ прошломъ году, еще на свѣжей памяти тѣхъ, кто его зналъ. Митрофанъ Николаевичъ Александровичъ былъ безспорно очень даровитый человѣкъ; но частью личный характеръ, а частію та среда, въ которой проходила его общественная дѣятельность, препятствовали полезному выраженію дарованій умершаго.—Литературныя занятія покойный Александровичъ началъ, сколько помнится, сотрудничествомъ въ „Основѣ", гдѣ онъ помѣщалъ небольшіе, но исполненные наблюдательности

этнографическіе очерки, подписываясь подъ ними Митромъ Олельковичемъ. Отвлеченный впослѣдствіи отъ литературы общественною дѣятельностью, Александровичъ, кажется, ничего уже болѣе не печаталъ до изданія, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, книжки, заглавіе которой приведено выше. Изъ заглавія видно, что умершій авторъ имѣлъ въ виду представить системное и подробное описаніе той мѣстности, которой посвящена была большая половина его общественой дѣятельности. Уже по началу работы видно, что авторъ приступилъ къ ней послѣ обстоятельнаго знакомства съ литературой предмета, не только печатной, но и рукописной, архивной.

Историческое описаніе уѣзда авторъ начинаетъ съ IX в., объясняя, что по своему положенію территорія остерскаго уѣзда долженствовала быть поприщемъ историческихъ событій, какъ пограничье сначала трехъ великихъ княжествъ древней Руси: Кіева, Переяслава и Чернигова, а потомъ польско-литовскаго королевства, московскаго царства и татаръ. Главный интересъ книжки Александровича заключается въ совершенно новыхъ, неизвѣстныхъ въ печати, свѣдѣніяхъ о заселеніи остерскаго уѣзда въ нач. XVI и нач. XVII в. При этомъ авторъ приводитъ въ подлинникахъ люстраціонныя описи Остра и его староства: 1552, 1616, 1622, 1628 и 1633 гг. Эти описи заключаютъ въ себѣ въ высшей степени интересныя подробности какъ о времени возникновенія отдѣльныхъ поселеній, составлявшихъ остерское староство, такъ и объ отношеніяхъ ихъ жителей къ польскому панству. Съ помощью напечатанныхъ въ книжкѣ Александровича матеріаловъ, исторія народнаго быта Малороссіи лѣваго берега Днѣпра восполняется положительными данными тамъ, гдѣ до настоящаго времени приходилось имѣть дѣло большею частью съ одними лишь догадками. Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ—откуда взяты имъ приводимыя люстраціонныя описи, за исключеніемъ одной—1552 г., взятой изъ Литовской Метрики. Можно догадываться, что оттуда-же заимствованы и остальныя описи; но такъ какъ мы до сихъ поръ не имѣемъ полнаго описанія Литовской Метрики, хранящейся въ сенатскомъ архивѣ и почему то забытой Археографической Коммиссіей, то догадка наша такъ и должна остаться догадкой.

Описывая тѣ историческія событія, которыя касаются территоріи остерскаго уѣзда, авторъ представляетъ обстоятельный разсказъ о послѣднемъ вторженіи поляковъ въ восточную Малороссію—о походѣ Яна Казиміра 1663—64 г., сообщая при этомъ особенно интересныя подробности объ осадѣ Глухова. При описаніи глуховской осады, мѣстные историки обыкновенно кратко говорятъ о какой-то особенной храбрости генер. судьи Животовскаго, который, задержавъ короля пять недѣль подъ Глуховымъ, далъ тѣмъ возможность собраться русскимъ войскамъ, которыя затѣмъ и заставили поляковъ поспѣшно уходить изъ Малороссіи. Не болѣе подробностей сообщено о глуховской осадѣ и Костомаровымъ въ его „Руинѣ“. Между тѣмъ болѣе двадцати лѣтъ уже, какъ изданы гр. Брёлемъ—Платеромъ въ его

сборникѣ „Памятниковъ“ [1]) подробныя свѣдѣнія какъ объ осадѣ Глухова, такъ и вообще о походѣ Яна Казиміра, заключающіяся въ частныхъ письмахъ нѣкоторыхъ изъ участниковъ похода, писанныхъ къ одному изъ Любомирскихъ [2]). Письма эти ни словомъ не упоминаютъ о Животовскомъ, приписывая неудачу глуховской осады распорядительности одного Дворецкаго (кіевскаго полковника). который, по тѣмъ-же письмамъ, былъ и начальникомъ глуховскаго гарнизона.—Дворецкій родомъ былъ остряниНъ, что и подало поводъ Александровичу распространиться объ осадѣ Глухова. Во всякомъ случаѣ, книжка Александровича впервые сообщаетъ на русскомъ языкѣ обстоятельныя свѣдѣнія о послѣдней попыткѣ поляковъ уничтожить дѣло Богдана Хмельницкаго.

Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы наслѣдники умершаго автора описанія остерскаго уѣзда сохранили тотъ матеріалъ, который былъ имъ собранъ для продолженія такъ обстоятельно начатой монографіи.

Памятная книжка кубанской области, изданная 1881 года.—Составилъ дѣйствительный членъ кубанскаго областнаго статистическаго комитета Е. Д. Фелицынъ. Екатеринодаръ, 1881.—Изданіе статистическаго комитета.

Названная книга занимаетъ почетное мѣсто среди лучшихъ изданій русскихъ статистическихъ комитетовъ какъ по разносторонности содержанія, такъ и по обработкѣ предлагаемаго матеріала. Составитель ея, Е. Д. Фелицынъ, извѣстенъ русскимъ археологамъ и антропологамъ какъ составитель прекрасной археологической карты кубанской области, которую онъ представилъ на антропологическую выставку въ Москвѣ въ 1879 г., и какъ дѣятельный членъ 5-го археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ.

Среди многочисленныхъ статей статистическаго и справочнаго характера, при составленіи памятной книжки кубанской области отведено мѣсто и для историческихъ изслѣдованій. Такъ, при статистическомъ описаніи городовъ: Екатеринодара, Ейска, Темрюка и Майкопа разсказана исторія ихъ основанія и постепеннаго развитія, затѣмъ помѣщена статья г. Кравцова *«Наказные атаманы бывшаго кавказскаго линейнаго козачьяго войска»*, содержащая краткія біографіи и характеристики атамановъ; наконецъ въ составъ книжки вошла весьма обстоятельная и подробная статья г.І. Бентковскаго: *«Заселеніе Черноморія—матеріалы для колонизаціи сѣвернаго Кавказа»*. Статья эта, составленная главнымъ образомъ по архивнымъ источникамъ, сообщаетъ весьма точныя, подтвержденныя

[1]) Zbiór Pamiętników do dziejów polskich. Wydał Wł. St. hr. de Brocl-Flater. Warszawa. 1858—59. 4 ре тома.

[2]) Томъ 4-й, стр. 133—158.

статистическими цифрами данныя о постепенномъ приливѣ южно-русскаго населенія въ кубанскую область послѣ того, какъ ногайцы выселились изъ нея къ берегамъ Каспійскаго моря. Первые поселенцы, занявшіе кубанскую область, были козаки бывшаго запорожскаго войска, которымъ императрица Екатерина II пожаловала для поселенія земли между рѣками Кубанью и Еею, грамотою 30 іюня 1792 года переименовавъ запорожцевъ въ „черноморское войско". Уже 25 августа 1792 года первый отрядъ запорожцевъ, около 4000 человѣкъ, высадился въ Тамани подъ начальствомъ войскового полковника Саввы Билого: за нимъ послѣдовалъ кошевой атаманъ Захаръ Чепига, зимовавшій въ ханскомъ городкѣ на рѣкѣ Ёи и впослѣдствіи (1794 г.) основавшій кошъ черноморскаго войска на Кубани (нынѣшній Екатеринодаръ), и войсковой писарь Тимофей Котляревскій. Вообще въ теченіи трехъ лѣтъ (1792—1795) въ кубанскую область переселилось 17,000 душъ мужескаго пола; въ томъ числѣ были и остатки запорожской общины и бужскіе козаки, сформированные Потемкинымъ во время второй турецкой войны, и, наконецъ, многочисленные крестьяне изъ намѣстничествъ: екатеринославскаго, кіевскаго, черниговскаго, харьковскаго, воронежскаго и новгородъ-сѣверскаго, бѣжавшіе отъ крѣпостнаго права и, подъ видомъ бывшихъ козаковъ, примкнувшіе къ новымъ поселеніямъ и вошедшіе въ составъ черноморскаго войска съ согласія козаковъ и ихъ старшинъ. Въ этомъ отношеніи особенно усердно заботился объ успѣшномъ ходѣ колонизаціи войсковой судья Антонъ Головатый, давшій императрицѣ на прощальной аудіенціи обѣтъ отъ имени войска: „воздвигнуть грады, населить села и сохранить безопасность предѣловъ". Въ теченіи цѣлаго года онъ оставался въ новороссійскомъ краѣ, на рѣкѣ Слободзеи, и отправлялъ на Кубань постоянно новыя партіи переселенцевъ.

Послѣ прибытія въ пожалованную имъ область, черноморцы основали городъ Екатеринодаръ, въ которомъ, кромѣ общественныхъ зданій и частныхъ домовъ, выстроили 40 куреней по образцу запорожской сѣчи, для козаковъ бездомныхъ и холостыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ разныхъ урочищахъ края основали 40 куренныхъ селъ (переименованныхъ впослѣдствіи въ станицы). Не смотря на бѣдствія, постигшія переселенцевъ въ первые годы пребыванія ихъ на новыхъ мѣстахъ: неурожаи, падежи скота и эпидемическія болѣзни, похитившія до 15% населенія, приливъ новыхъ охотниковъ, записывавшихся въ войско, былъ столь значителенъ, что количество черноморцевъ не только не уменьшалось, но, напротивъ безпрестанно усиливалось. По сохранившимся даннымъ статистической переписи, народонаселеніе области въ 1802 году достигло уже цыфры 33,000 душъ. Но не смотря на этотъ постоянный приростъ народонаселенія, количество его было далеко не достаточно какъ для защиты границы вдоль Кубани отъ нападенія горцевъ, въ чемъ и состояла главная задача службы черноморскаго войска, такъ и для успѣшнаго водворенія земледѣльческаго хозяйства въ обширной области, заключавшей площадь въ 30,000 квадратныхъ верстъ. На пространствѣ всей области народонаселеніе было

столь жидко, что въ среднемъ выводѣ приходился почти 1 только житель на каждую квадратную версту и каждое куренное село владѣло по среднему разсчету 80,000 десятинъ земли. Потому, уже съ первыхъ годовъ XIX столѣтія, и мѣстныя областныя власти и высшее начальство хлопочутъ о перелесеніи въ Черноморскую землю малоземельныхъ козаковъ и крестьянъ изъ малороссійскихъ губерній. Въ 1880 году, по иниціативѣ войсковаго атамана, Федора Бурсака, и по ходатайству херсонскаго генералъ-губернатора, герцога Ришельё, послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на переселеніе изъ малороссійскихъ губерній въ Черноморье 25,000 душъ мужескаго пола; въ слѣдующемъ году новые переселенцы стали прибывать въ Черноморье и были распредѣлены по куренямъ. Въ теченіи трехъ лѣтъ, 1809—1811 г. число переселенцевъ явившихся изъ Малороссіи для усиленія контингента Черноморскаго войска, достигло цифры 41,500 душъ обоего пола. Очевидно, что результаты переселенія оказались весьма выгодными какъ для самихъ переселенцевъ, такъ и для усиленія производительныхъ силъ области и для умноженія доставляемаго ею военнаго контингента, потому что въ 1820 году главнокомандующій кавказскою арміею, генералъ Ермоловъ, получившій въ управленіе и черноморское войско, немедленно вступилъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи новаго переселенія малоземельныхъ козаковъ черниговской и полтавской губерній въ землю войска черноморскаго. Въ томъ же году послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе о добровольномъ переселеніи 25,000 малоземельныхъ козаковъ изъ малороссійскаго генералъ-губернаторства. Самое переселеніе началось въ слѣдующемъ году и продолжалось въ теченіи пяти лѣтъ (1821—1825); оно усилило народонаселеніе области новыми 48,000 душъ обоего пола. Въ 1831 году главнокомандующій кавказскою арміею, графъ Паскевичъ, вошелъ съ новымъ ходатайствомъ о разрѣшеніи третьяго переселенія въ размѣрѣ равномъ двумъ первымъ, но неблагопріятныя для переселенія условія —неурожай и холера, свирѣпствовавшіе въ 1831 году, заставили отложить исполненіе этого ходатайства. Оно было возобновлено графомъ Воронцовымъ и, вслѣдствіе исходатайствованнаго имъ разрѣшенія, въ 1848 году послѣдовало новое и послѣднее переселеніе въ землю войска черноморскаго 2,000 семействъ изъ губерній черниговской, полтавской и харьковской, доставившее контингентъ въ 5,000 душъ мужскаго пола и, вѣроятно, столько-же женскаго. Такимъ образомъ вслѣдствіе четырехъ послѣдовательныхъ колонизацій, привлекавшихъ жителей въ нынѣшнюю Кубанскую область цѣлыми массами, а также вслѣдствіе постоянной спорадической эмиграціи людей, искавшихъ въ этой области убѣжища отъ крѣпостнаго права, и образовался главный элементъ ея народонаселенія, превратившій въ теченіи 90 лѣтъ пустынныя кочевья ногайцевъ въ область населенную, культурно-воздѣланную, обладающую нынѣ двумя портовыми городами и постоянно развивающую земледѣльческую производительность, благодаря выгоднымъ условіямъ климата и почвы и трудолюбію южно-русскаго населенія, вспахавшаго плугомъ почву, долго попираемую лишь копытами стадъ кочевниковъ.

Главные факты колонизаціи, вкратцѣ намѣченные нами, въ статьѣ г. Бентковскаго разсказаны весьма подробно и подтверждены многочисленными статистическими таблицами о состояніи народонаселенія страны въ различные моменты его существованія и прироста, а также многочисленными документами, которые подробно излагаютъ мѣры, принимавшіяся властями для регулировки переселенія и устройства переселенцевъ.

Гальшка княгиня Острожска, оповѣдане историчне, д-ра Из. Шараневича, у Львовѣ, 1880 г.

Профессоръ львовскаго университета, г. Исидоръ Шараневичъ, извѣстенъ давно въ русской исторіографіи, какъ одинъ изъ самыхъ добросовѣстныхъ тружениковъ на полѣ южно-русской исторіи. Кромѣ принадлежащаго ему капитальнаго труда „Исторіи Галицко-Володимірской Руси до 1453 года", г. Шараневичъ издалъ понынѣ много монографій и изслѣдованій о галицко-русской исторіи, между ними важнѣйшія: „Критическій взглядъ на исторію карпатскихъ народовъ"; „Критическій разборъ ипатской лѣтописи"; „Изслѣдованія о стародавнемъ Львовѣ и Галичѣ"; „Очеркъ внутренняго состоянія Галицкой Руси въ XV столѣтіи" и т. д. Всѣ труды г. Шараневича отличаются основательнымъ изученіемъ источниковъ, критическими пріемами, стоящими на уровнѣ современной исторической науки, и яснымъ логическимъ изложеніемъ. Такими-же качествами отличается и послѣдняя монографія, изданная редакціею львовскаго „литературнаго и ученаго" журнала „Заря". Сюжетомъ монографіи послужила судьба извѣстной княжны Гальшки Ильиничной Острожской, внучки знаменитаго гетмана Константина Ивановича и племянницы славнаго въ исторіи южной Руси поборника православія, кіевскаго воеводы князя Константина-Василія Константиновича. Братъ послѣдняго, князь Илья Константиновичъ, староста брацлавскій и винницкій, скончался въ молодыхъ лѣтахъ, оставивъ громадное состояніе единственной наслѣдницѣ—дочери своей, Гальшкѣ (Елисаветѣ). Обширныя помѣстья, принадлежавшія молодой княжнѣ, и были причиною бѣдствій, преслѣдовавшихъ ее въ теченіи всей жизни. Вдова князя Ильи—Беата Костелецкая, руководившаяся исключительно эгоистическими разсчетами, воспитывая дочь, постаралась лишить ее всякой самостоятельности и сдѣлать совершенно пассивнымъ орудіемъ для того, чтобы не выпускать изъ своихъ рукъ опеки надъ дочерью и управленія ея обширными помѣстьями. Между тѣмъ, уже съ 13-ти лѣтняго возраста Гальшки, многочисленные женихи стали добиваться ея руки; мать употребляла всевозможныя усилія для того, чтобы отдѣлаться отъ нихъ, при чемъ по отношенію къ болѣе знатнымъ, пускала въ ходъ всевозможныя, иногда весьма сложныя, интриги, опираясь главнымъ образомъ на покровительство короля Сигизмунда Августа. Наконецъ, дѣло сватовства кончилось самымъ неожиданнымъ образомъ: одинъ изъ жениховъ, князь Дми-

трій Федоровичъ Сангушко, получившій было согласіе матери и, вслѣдъ за тѣмъ, отказъ, рѣшился добиться брака какими-бы то ни было средствами. Опираясь на дружбу и помощь дяди невѣсты, князя Василія Константиновича, князь Дмитрій Сангушко овладѣлъ, частью хитростію, частью силою, острожскимъ замкомъ и повѣнчался съ Гальшкою, не смотря на протестъ матери. Но княгиня Беата не считала свое дѣло проиграннымъ; она принесла жалобу королю, который кассировалъ бракъ, какъ насильственный и приговорилъ князя Сангушка къ потерѣ чести, имущества и къ смертной казни. За исполненіе этого приговора взялись многочисленные польскіе друзья Беаты, въ числѣ которыхъ были многіе соискатели руки ея дочери. Чувствуя грозу, князь Сангушко бѣжалъ вмѣстѣ съ женою за границу, но за нимъ направилась погоня. Въ чешскомъ мѣстечкѣ Лысой бѣглецовъ нагнали воевода Мартинъ Зборовскій съ сыномъ, братья Гурки и другіе польскіе паны, и послѣ долгихъ звѣрскихъ истязаній, продолжавшихся въ теченіи нѣсколькихъ дней, убили князя Сангушка въ городѣ Яромирѣ. Княжна Гальшка, искренно привязавшаяся къ погибшему мужу, была возвращена матери. Опять начался новый періодъ сватовства и опять княгиня Беата противудѣйствовала женихамъ всевозможными интригами. Въ числѣ жениховъ выступаютъ на первомъ планѣ два самые дѣятельные гонители князя Сангушка: Мартинъ Зборовскій и Лука графъ Гурка; послѣдній, заручившись покровительствомъ короля, успѣлъ повѣнчаться въ придворной королевской церкви съ Гальшкою, не смотря на то, что княжна заявляла о своемъ несогласіи вступать въ бракъ; немедленно послѣ вѣнца, молодая убѣжала къ матери и обѣ княгини, послѣ разныхъ странствованій, нашли убѣжище въ львовскомъ Доминиканскомъ монастырѣ. Но и здѣсь онѣ не долго наслаждались спокойствіемъ: спустя 4 года послѣ вѣнчанія, графъ Лука Гурка явился во Львовъ съ королевскимъ приказамъ львовскому старостѣ о выдачѣ ему жены. Когда-же княжна отказалась отправиться къ насильно навязанному ей мужу, то графъ Гурка вмѣстѣ со старостою осадили монастырь и стали бросать въ ограду его бомбы; нѣсколько разъ пытались взять его приступомъ, наконецъ, перерѣзали водопроводныя трубы и жаждою принудили осажденныхъ къ сдачѣ. Между тѣмъ оказалось, что княгиня Беата приняла мѣры другого рода. Пока гр. Гурка осаждалъ монастырь, туда пробрался по призыву княгини Беаты, переодѣвшись нищимъ, князь Симеонъ Олелькович: княгиня Беата перевѣнчала его съ дочерью, вытребовавъ предварительно у зятя запись, по которой онъ предоставлялъ тещѣ въ пожизненное владѣніе всѣ имѣнія жены. Когда, послѣ сдачи монастыря, графъ Гурка вступилъ въ него, оказалось, что уже 6 дней, какъ жена его была повѣнчана съ другимъ. Начался безконечный процессъ гражданскій, уголовный и духовный, который затянулся до самой смерти графа Луки Гурки. Въ теченіи всего этого времени жертвою процесса оказалась невѣста. Графъ Гурка, овладѣвъ ею, впредь до окончательнаго рѣшенія дѣла, заточилъ ее въ тюрму, въ одномъ изъ своихъ замкомъ въ окрестности Познани, и продержалъ въ темницѣ 14 лѣтъ; только послѣ его смерти, несчастная Гальшка

выдана была ея дядѣ, князю Константину Острожскому, и поселилась въ Острогѣ; но печальная судьба не прошла для нея даромъ: она страдала постоянною меланхоліею, переходившею по временамъ въ припадки помѣшательства, и, девять лѣтъ спустя послѣ своего освобожденія скончалась, отказавъ свои имѣнія дядѣ и его сыновьямъ.

Всѣ указанные факты разсказаны г. Шараневичемъ весьма живо и картинно, и обставлены точными ссылками на весьма тщательно разработанные имъ источники. Весьма хорошіе эпизоды разсказа составляютъ прекрасныя историко-топографическія описанія городовъ Львова и Острога въ половинѣ XVI столѣтія. Весь очеркъ оканчивается любопытною главою, въ которой разсказана исторія послѣднихъ князей Острожскихъ, дѣтей и внуковъ князя Константина, и судьба громадныхъ, принадлежавшихъ имъ имѣній.

А.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

а) Хмельницкій въ представленіи Кромвеля.

Въ числѣ рукописей, хранящихся въ институтѣ Оссолинскихъ во Львовѣ, подъ № 113 находится записная книга, принадлежавшая неизвѣстному намъ лицу, вписывавшему въ нее въ половинѣ XVII столѣтія историческіе отрывки изъ прочтенныхъ книгъ и рукописей, документы, рѣчи, письма и т. п. Среди многихъ другихъ статей и замѣтокъ составитель желалъ внести въ свою книгу ходившую по рукамъ грамоту Кромвеля къ Хмельницкому, но, къ несчастью, списалъ только (на 831 страницѣ книги) первыя три строки, содержавшія титулъ или обращеніе, самой же грамоты или письма не переписалъ, по неизвѣстной причинѣ. Уцѣлѣвшія три строчки открываютъ совершенно новый и въ высокой степени любопытный фактъ сношеній Кромвеля съ Хмельницкимъ; но, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ другихъ указаній—на время, предметъ и продолжительность этихъ сношеній. Тѣмъ не менѣе уцѣлѣвшія строки до того наглядно обрисовываютъ взглядъ Кромвеля на значеніе Богдана Хмельницкаго, что мы рѣшаемся предложить ихъ вниманію любителей отечественной исторіи, интересующихся данною эпохою. Вотъ это оригинальное обращеніе:

Theodatus Chmielnicki, Dei gratia generalissimus ecclesiae Graecorum, imperator omnium cosacorum Zaporoviensium, terror et exstirpator nobilitatis Poloniae, fortalitiorumque expugnator, exterminator sacerdotum Romanorum, persecutor ethnicorum, Antechristi et Iudaeorum.

(Богданъ Хмельницкій, Божіею милостью генералиссимусъ грекосточной церкви, вождь всѣхъ козаковъ запорожскихъ, гроза и искоренитель польскаго дворянства, покоритель крѣпостей, истребитель римскаго священства, гонитель язычниковъ, антихриста и іудеевъ).

б) Властная гетманша.

Власть гетмановъ малороссійскихъ была вообще весьма значительна. Исключительныя обстоятельства доводили ее до широкихъ размѣровъ, давали ей высшія прерогативы. Было время, когда Хмельницкій велъ сношенія съ сосѣдними державами, въ качествѣ независимаго владѣтеля, принималъ ихъ пословъ, отправлялъ своихъ и ни одна держава не находила такого его положенія ненормальнымъ,—имѣлъ пословъ даже отъ своего короля въ ту пору, когда еще не порвалъ съ нимъ всѣхъ связей. Вообще же гетманъ былъ полновластный пожизненный правитель страны, по избранію народа, въ лицѣ войска запорожскаго, не ограниченно и безотчетно распоряжавшійся ея силами, средствами и всѣмъ достояніемъ. Онъ объявлялъ походы, заключалъ миръ, имѣлъ право жизни и смерти, каралъ и миловалъ, жаловалъ чины и маетности.

Правительскую свою волю гетманы выражали обыкновенно въ формѣ универсаловъ, которые исходили отъ нихъ непосредственно и скрѣплялись ихъ подписью.

Власть свою гетманъ могъ передать временно тому или другому лицу изъ войсковой старшины, которое въ такихъ случаяхъ титуловалось наказнымъ гетманомъ. Случаевъ, когда гетманъ могъ-бы передавать свою власть женѣ, пообычаямъ „*Войска Запорожского*“, повидимому быть не могло. А между тѣмъ такой случай былъ и гетманская власть была передана женѣ никѣмъ другимъ, какъ самимъ Богданомъ Хмельницкимъ. Въ одномъ старинномъ перечнѣ грамотъ и универсаловъ, данныхъ густынскому монастырю на маетности, мы нашли слѣдующее упоминаніе объ универсалѣ *гетманши*: „*1655 году іюля 22 дня. Унъверсалъ отъ гетмановой Богдановой Хмельницкой Анны, приказуючій обывателямъ прилуцкимъ, въ грунта бы до монастыря отъ княжатъ Вишневецкихъ наданные и унъверсаломъ малжонка* (мужа) *еи, гетмана Хмельницкаго конфирмованніе, не втручалися и жадныхъ бы перешкодъ не чинили, подъ виною тисячи талярей до скарбу войскового и подъ суровымъ каранемъ. Виправилъ игумен Іосифъ Ѳеодоровичъ*“. Былъ-ли этотъ универсалъ единичнымъ случаемъ, или же бывали и другіе случаи выдачи универсаловъ, хотя-бы тою-же Анною Хмельницкою,—рѣшить трудно. Тѣмъ не менѣе выдача и одного универсала *гетманшею*—фактъ очень интересный, указывающій на то значеніе, которымъ пользовалась третья жена Богдана

Хмельницкаго—Анна Никифоровна, урожденная Золотаренкова, такъ какъ универсалъ 22 іюля 1655 г. былъ выданъ ею [1]).

Интересно было бы найти самый универсалъ. Земельные документы густынскаго монастыря хранятся, сколько мы знаемъ, въ архивѣ черниговской казенной палаты, вмѣстѣ съ такими-же документами другихъ монастырей.

Ал. Лазаревскій.

в) Петръ I въ Русской Равѣ въ 1698 году.

Помѣщенный ниже разсказъ принадлежитъ современнику и участнику описываемаго событія, русскому (т. е. червонорусскому воеводѣ Яну-Станиславу Яблоновскому, изъ записокъ котораго онъ извлеченъ. Записки эти хранятся въ рукописномъ отдѣленіи Института Оссолинскихъ во Львовѣ (№ 437) и обнимаютъ собою только 3 года: 1698—1700. Отрывокъ, о пребываніи Петра Великаго въ Червоной Руси, сообщаемъ въ точномъ переводѣ.

Русскій царь Петръ, по условію съ королемъ, хотя совершенно неожиданно для насъ, явился въ Раву на обратномъ пути изъ Вѣны. Мѣстечко это лежитъ въ 5 миляхъ отъ Львова, въ воеводствѣ белзскомъ; принадлежитъ роду Глоговскихъ. Оба монарха условились встрѣтиться въ этомъ мѣстѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Извѣстно всѣмъ, что царь Петръ возъимѣлъ безпримѣрное дотолѣ въ Россіи желаніе посѣтить чужіе края. Съ этою цѣлью онъ снарядилъ большое посольство, во главѣ котораго находился французъ Лефортъ (послѣдователь Кальвина), бывшій нѣкогда учитель фехтованія и выдвинутый царемъ на мѣсто перваго министра. Другой посланникъ, товарищъ Лефорта, былъ русскій—канцлеръ Головинъ. Ихъ окружала свита, состоявшая болѣе чѣмъ изъ 200 лицъ; самъ царь находился среди свиты подъ именемъ простаго дворянина и для виду даже прислуживалъ посланнику, хотя и свои, и иностранцы хорошо знали, кто скрывается подъ принятымъ incognito; но государю угодно было стать товарищемъ и даже слугою посланниковъ. Отправившись кораблемъ изъ Архангельска, посольство высадилось прежде всего въ Пилявѣ, въ Пруссіи брандебургской (т. е. восточной). Здѣсь устроилось свиданіе царя съ Фридрихомъ, электоромъ брандебргскимъ, и оба монарха гостили вмѣстѣ въ Кенигс-

---

[1]) Соч. Максимовича, I, 430.

бергѣ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ то именно время, когда подъ Варшавою происходили совѣщанія избирательнаго сейма. Изъ Кенигсберга царь писалъ настоятельныя письма къ штатамъ рѣчи постолитой и къ примасу, поддерживая кандидатуру Августа, курфирста саксонскаго, и даже угрожая войною, въ случаѣ, если-бы избранъ былъ сеймомъ его соискатель, герцогъ Конти. Это послужило основаніемъ дружбы и довѣрія, установившихся между царемъ и королемъ Августомъ.

Русское посольство вмѣстѣ съ царемъ Петромъ отправилось въ дальнѣйшій путь и, посѣщая многія земли и государства, странствовало въ теченіи $2^1/_2$ лѣтъ. Оно объѣхало Данію, Англію, Голландію. Въ амстердамскомъ портѣ царь самъ занимался плотничествомъ при постройкѣ корабля; оттуда онъ отправился въ Вѣну, желая потомъ посѣтить Венецію и Римъ. Но во время пребыванія въ Вѣнѣ, гдѣ императоръ Леопольдъ принималъ царя съ величайшими почестями, послѣдній получилъ извѣстіе о сильномъ возмущеніи противъ него, произшедшемъ въ Москвѣ, которое подавилъ весьма удачно Шереметьевъ; однако царь, не зная послѣдняго обстоятельства, рѣшился лично поспѣшить, черезъ Польшу и Литву, для укрощенія мятежа. Бросивъ свиту и багажъ, онъ вмѣстѣ съ Лефортомъ и Головинымъ, на десяти простыхъ повозкахъ, нанимая лошадей отъ города до города, даже не взявъ для себя коляски, пріѣхалъ въ Краковъ, а оттуда въ Раву.

Отецъ мой [1]) въ то время, ожидая пріѣзда короля во Львовъ, призвалъ туда своего товарища, гетмана польнаго коронаго, Феликса Потоцкаго, и многихъ сенаторовъ, пановъ и военныхъ чиновниковъ. Вдругъ къ нему явился саксонскій офицеръ съ собственноручнымъ письмомъ короля Августа, извѣщавшимъ о неожиданномъ пріѣздѣ царя въ Раву. Король писалъ, что постарается удержать царя, и приглашалъ гетмана пріѣхать для свиданія съ нимъ.—Любопытство и желаніе видѣть царя въ Польшѣ, особенно такого царя, котораго называли чудомъ среди монарховъ, заставили пановъ гетмановъ поторопиться; мы собрались поспѣшно и прилично. Случилось это въ 1698 году, послѣ праздника св. Іоанна (т. е. послѣ 24 іюня). За $^1/_4$ мили передъ Равою гетманы и сопровождавшіе ихъ паны сѣли на верховыхъ лошадей, ихъ окружилъ отрядъ отборной конницы до полуторы тысячи. На рынкѣ города Равы мы увидѣли королевскія палатки, примыкавшія къ еврей-

[1]) Станиславъ Яблоновскій, гетманъ великій коронный.

скимъ домамъ, въ которыхъ квартировали царь и король. Король ожидалъ насъ въ палаткѣ и, поговоривъ немного съ отцомъ моимъ, сказалъ: „Мой гость немного своенравный, потому пойду спрошу: много-ли лицъ онъ пожелаетъ принять вмѣстѣ съ вашею милостію?“ Возвратившись, король сказалъ, что царь желаетъ видѣть только гетмановъ и сенаторовъ; потому пригласили насъ только 8 человѣкъ (меня въ качествѣ русскаго воеводы) и король провелъ насъ частнымъ ходомъ чрезъ заднюю улицу въ домъ, гдѣ царь остановился. Отецъ мой сказалъ привѣтственную рѣчь по польски, благодарилъ за честь, оказанную посѣщеніемъ королю и всей рѣчи посполитой, и вспомнилъ о древней дружбѣ и союзѣ между обоими государствами. Во время этой рѣчи царь какъ-будто нѣсколько отстранялся. когда-же мой отецъ кончилъ рѣчь, онъ быстро подошелъ и сказалъ: „благодарю *вашей милости, шосьте брата моего Августа королемъ обрали*“ [1]); затѣмъ онъ увѣрялъ насъ въ дружбѣ своей къ полякамъ. Вслѣдъ затѣмъ король пригласилъ царя и всѣхъ насъ присутствовавшихъ къ обѣду, приготовленному въ другомъ домѣ. Въ срединѣ стола сидѣли король и царь; послѣдній съ лѣвой стороны, потому—что онъ все таки настаивалъ на своемъ incognito. Затѣмъ возлѣ короля мой отецъ и всѣ мы, польскіе сенаторы; возлѣ царя его посланники, а за ними саксонскіе генералы. За обѣдомъ случилось три произшествія: первое—всѣ мы до пьяна напились; второе—царь приказалъ принести драгунскій барабанъ и исполнилъ на немъ всѣ сигналы такъ искусно, какъ не съумѣлъ-бы исполнить ни одинъ музыкантъ въ арміи. Виновникомъ третьяго произшествія былъ панъ Потоцкій, тогда стражникъ коронный, а впослѣдствіи воевода белзскій; разсердившись за то, что его не допустили къ царю и не пригласили къ столу (хотя та же участь постигла и моихъ братьевъ, обознаго и хорунжаго коронныхъ), онъ побилъ пана Пребендовскаго, управлявшаго въ то время дворомъ королевскимъ. Его насилу успокоили тѣмъ, что допустили его послѣ обѣда въ царскую комнату.

Цѣлую недѣлю прожили мы на глазахъ у обоихъ монарховъ, наши-же собственные глаза были слишкомъ слабы для того, чтобы прозрѣть дѣла, занимавшія вѣнценосцевъ; они очень секретно, безъ вѣдома рѣчи посполитой, трактовали тогда о тяжелой войнѣ со Швеціею и обязались дѣйствовать совмѣстно. Для того,

[1]) Подчеркнутыя слова въ подлинникѣ по русски—оставлены безъ перемѣны.

чтобы прикрыть свои переговоры благовиднымъ предлогомъ, король пригласилъ однихъ только гетмановъ, будто на тайное совѣщаніе, мнѣ-же предоставилъ честь быть на этой конференціи въ качествѣ переводчика, знающаго французскій и русскій языки. На совѣщаніи король жаловался царю на германскаго императора за то, что онъ, безъ вѣдома своихъ союзниковъ, подписалъ предварительныя условія мира съ Турціею въ Карловичѣ, весьма для насъ тягостныя, именно условіе, по которому каждому признавалось право на тѣ области, которыми онъ владѣлъ; между тѣмъ мы не завладѣли никакою турецкою областью, а турки сохраняли Каменецъ. Затѣмъ онъ спросилъ царя, какія инструкціи онъ далъ своимъ уполномоченнымъ въ Карловичѣ: подписать-ли трактатъ совмѣстно съ императоромъ, принявъ это условіе, или продолжать войну съ турками въ случаѣ, если императоръ, отставши отъ союзниковъ, заключитъ трактатъ только отъ своего имени?—Царь отвѣтилъ: „хотя указанный пунктъ для меня не вреденъ, ибо я овладѣлъ славнымъ приморскимъ городомъ Азовомъ и двумя турецкими крѣпостями, расположенными на Днѣпрѣ: Асланъ керменомъ и Кизикъ-керменомъ, однако, ради любви къ брату моему Августу и ради интересовъ рѣчи посполитой, я готовъ продолжать войну съ турками, хотя-бы императоръ и заключилъ отдѣльный миръ безъ нашего участія.“ Все это говорилъ онъ, согласившись предварительно съ королемъ, для того, чтобы скрыть условленную войну противъ Швеціи, предполагая вести ее безъ согласія рѣчи посполитой. Кончилъ онъ рѣчь свою увѣреніемъ, что онъ останется вѣрнымъ союзникомъ рѣчи посполитой и братомъ и другомъ короля Августа и т. п. Такимъ образомъ мы, поляки, не имѣли и тѣни подозрѣнія относительно шведской войны и заключеннаго съ королемъ по этому поводу союза, пока дѣло это не разразилось два года спустя.

Между тѣмъ мы провели цѣлую недѣлю среди пьянства и маневровъ саксонскаго войска, котораго отъ 7 до 8,000 кавалеріи и пѣхоты король собралъ подъ Равою. Оба монарха забавлялись ежедневно маневрами и потомъ сильно пили. Царь, одѣтый въ простое сѣрое платье, страшно бѣгалъ по полямъ во время маневровъ. Однажды въ толпѣ на него нечаянно натолкнулся лошадью конюшій польнаго гетмана, Феликса Потоцкаго. Царь немедленно ударилъ его нагайкою. Тогда конюшій (не знаю, узналъ ли онъ лице или нѣтъ) обнажилъ саблю; то-же сдѣлали его товарищи и быстро бросились на него. Царь бѣжалъ отъ нихъ, пока

кто-то, узнавъ его, не крикнулъ: „остановитесь, это царь“. Царь прибѣжалъ запыхавшись къ королю, возлѣ котораго стояли мы съ отцемъ, и сказалъ моему отцу: „*Твои Ляхи хотилы мене розрубаты!*“ [1]). Отецъ мой хотѣлъ немедленно произвести слѣдствіе и наказать виновныхъ; но царь остановилъ его, утверждая, что онъ первый кого-то ударилъ; вѣроятно онъ не желалъ придавать дѣла огласкѣ. Моего отца царь полюбилъ чрезмѣрно и повторялъ ему нѣсколько разъ: „еслибы ты былъ моимъ подданнымъ, то я бы уважалъ тебя и выслушивалъ, какъ отца“. Меня всегда называлъ „*сусидомъ*“ по поводу Бѣлой Церкви [2]), и ради этой чести я долженъ былъ пить вмѣстѣ съ нимъ водку, пока отъ нея не заболѣлъ. Наконецъ, кончивши частные переговоры съ королемъ, царь уѣхалъ въ королевской колискѣ, въ сопровожденіи своихъ тележекъ, направляясь черезъ Литву въ Москву, а гетманы возвратились во Львовъ, ожидая прибытія туда короля.

г) Осиротѣлые колокола.

Осенью минувшаго года, въ Черниговѣ сдѣлана слѣдующая случайная находка. Во дворѣ чиновника Терлецкаго, по воздвиженской улицѣ, находящемся между домомъ Кранца и садомъ Оришкевича, рыли погребъ и на глубинѣ трехъ съ половиною аршинъ открыли три старые колокола. Форма ихъ не представляетъ ничего особеннаго, надписей на нихъ нѣтъ никакихъ. Вѣсъ большаго изъ колоколовъ около двухъ пудовъ. Колокола значительно повреждены: у того уши отбиты, у другого языки, или кольца нѣтъ. Замѣтно, что они были въ огнѣ, и уши ихъ немного повреждены отъ этого. Всѣ колокола покрыты внутри мѣдною окисью.

Первый изъ колоколовъ найденъ лежащимъ ва боку, а два остальные, въ разстояніи полъ аршина отъ него, найдены стоящими почти вмѣстѣ одинъ съ другимъ. Не далеко отъ нихъ найдены и два желѣзные языка. Внутри и вокругъ колоколовъ значительное количество золы и древеснаго угля; ниже этого глина—материкъ, выше, до трехъ съ половиною аршинъ, черная насыпная земля.

---

[1]) Въ подлинникѣ по русски—слова оставлены безъ измѣненія.

[2]) Авторъ былъ старостою бѣлоцерковскимъ, слѣдовательно староство его прилегало къ тогдашнимъ границамъ Россіи. Слово „сусидомъ“ въ текстѣ по русски.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что это колокола церковные, т. е. принадлежали когда-то какой-то церкви; но какой именно и какъ они попали въ землю на такую глубину?—Смотря на планъ бывшей черниговской крѣпости архитектора Дитерихштейна, мы можемъ отмѣтить, что мѣсто, гдѣ найдены колокола, находилось въ сѣверо-западномъ углу крѣпости, около крѣпостнаго вала, недалеко отъ западныхъ крѣпостныхъ воротъ. Но въ этомъ мѣстѣ на планѣ не обозначено никакой церкви, а значатся вообще въ бывшей черниговской крѣпости только слѣдующія церкви: 1) соборная преображенская, 2) архангело-михайловская на востокъ за соборомъ; 3) каѳедральный каменный монастырь съ архіерейскимъ домомъ (нынѣ борисоглѣбскій теплый соборъ) и 4) каменная церковь великомученицы Варвары (нынѣ церковь Екатерины).

Между тѣмъ по лѣтописямъ значится, что въ черниговскомъ замкѣ, т. е. крѣпости болѣе ранняго времени, была церковь деревянная во имя князя *Михаила* и боярина его *Ѳеодора* и что она пользовалась ругою московскаго правительства съ 1500 года [1]), т. е., со времени подчиненія черниговскаго княжества московскому государству, а слѣдовательно и построена раньше 1500 г. По описи 1766 года значится: „въ замку (въ Черниговѣ) церковь деревянная во имя черниговскихъ чудотворцевъ кн. Михаила и боярина его Ѳеодора“ [2]). По епархіальному-же списку всѣхъ церквей г. Чернигова и числа прихожанъ ихъ, за 1770 годъ, церкви кн. Михаила и боярина его Ѳеодора уже вовсе нѣтъ [3]). Когда-же именно церковь эта могла уничтожиться или сгорѣть такъ, что даже не позаботились взять изъ пепла колокола и они оставались до настоящаго времени въ землѣ?

Галятовскій, въ „Скарбницѣ“ [4]), разсказывая о томъ, какъ поляки въ 1611 году взяли обманомъ Черниговъ и сожгли острогъ его, пишетъ слѣдующее: „Черниговъ од Горностая (региментара польскаго войска) спаленный былъ и през многіе лѣта пустый заставалъ.... По Горностаю въ 12 лѣтъ почали знову до Чернигова люде збиратися и будуватися“.

Сгорѣла-ли деревянная церковь, въ честь черниговскихъ мучениковъ князя Михаила и боярина его Ѳеодора, еще во время

---

[2]) Черн. Епарх. Изв. за 1863 г. ч. неоф. стр. 340.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibid. p. 351.

[4]) Ibidem. p. 67.

погрома „*ласкаваго пана*“ Горностая, и въ числѣ другихъ была потомъ вновь отстроена и существовала еще въ 1766 г., на что указываетъ опись церквей этого года, или она погибла отъ пламени 1766—1770 г., остается неизвѣстнымъ для насъ.

Когда-бы ни случилось это, съ достовѣрностію полагать можно, что мѣсто храма, которому принадлежали найденные колокола, находилось долго въ запустѣніи и получило наслоеніе земли, а впослѣдствіи, при уравненіи мѣстности, еще болѣе засыпано землею, особливо въ то время, когда разрывали валъ черниговской крѣпости. Отъ того такъ глубоко подъ землею и остались колокола.

Какъ-бы то ни было, мѣста всѣхъ прежде бывшихъ въ Черниговѣ церквей хорошо извѣстны, извѣстно одно только мѣсто бывшей деревянной церкви черниговскихъ мучениковъ князя Михаила и болярина его Ѳеодора, и никто изъ старожиловъ не знаетъ, чтобы на мѣстѣ, гдѣ найдены колокола, была когда-нибудь церковь, и никто не знаетъ мѣста, гдѣ была церковь въ честь черниговскихъ мучениковъ. Найденные колокола, окруженные слоемъ золы и угля, какъ кажется намъ, и открываютъ то мѣсто, гдѣ была церковь въ честь князя Михаила и болярина его Ѳеодора.

К.

д) Скоромная водка.

1809 года 12 ноября изъ духовной консисторіи молдавской митрополіи разослано было предписаніе: „подтвердить всѣмъ благочиннымъ и священникамъ, дабы они отнынѣ впредь никакъ не дерзали служить на винѣ, продаваемомъ жидами, ниже покупать отъ жидовъ никакихъ напитковъ; а притомъ объявляли-бы въ церквахъ, чтобы христіане остерегались отъ напитковъ, продаваемыхъ жидами: ибо доказано, что они оскверняютъ напитки, продаваемые ими христіанамъ, запрещенными веществами, какъ напримѣръ: *мѣстами* (или плодомъ), что родильницы послѣ младенцовъ выбрасываютъ, и другими скверностями, каковыя найдены въ сосудахъ (бочкахъ), которые отъ нихъ проданы съ дрождьми виноградными“.

Особеннаго впечатлѣнія не произвело это предписаніе; о немъ въ Бессарабіи забыли: тамъ каждый хозяинъ, владѣтель ви-

ноградnаго сада, имѣлъ свое вино и изъ виноградныхъ выжимокъ выкуривалъ свою водку. Но вотъ Бессарабія присоединена къ Россіи; помѣщики получили исключительное право выдѣлывать и продавать водку. Это право они переуступали арендаторамъ евреямъ и евреи со всею свойственною имъ страстностью накинулись на водочный гешефтъ. Въ казенныхъ имѣніяхъ, въ городахъ правительство предоставляло водочное право откупщикамъ, которыми были преимущественно евреи. Никто не только не имѣлъ права выдѣлывать водки, но и покупать внѣ предѣловъ откупа или аренды. Откупщики и арендаторы врывались въ дома, производили обыски, печатали погреба. Тогда-то возникъ своеобразный народный протестъ среди крестьянъ нынѣшняго аккерманскаго уѣзда, гдѣ особенно было развито виноградарство.—Въ с. Тараклiи заложили церковь; закладку нужно было, по обычаю народному, вспрыснуть. Арендаторъ отпустилъ водки *въ горшкѣ*.

Не будемъ пить, проклятый жидъ оскоромилъ водку, замѣтилъ кто-то изъ людей, собравшихся на закладку.

— Неправда, сказала баба, державшая чарку.

— Да въ этомъ горшкѣ жидъ мясо варилъ.—Дѣло было въ Петровку, 21 іюня 1813 года.

— Вотъ по краямъ горшка видны куски мяса. Развѣ не видишь, глупая баба?

— Да мы давно уже примѣчаемъ, что нашъ арендаторъ съ умысломъ въ постные дни скоромитъ всѣ напитки, отозвался церковный староста.

Въ тотъ-же день отвезли горшокъ съ водкой въ Аккерманъ къ цинутному протопу.

— Жалуемся вамъ, а вы, паnотче, донесите, куда слѣдуетъ. Можно-ли жидамъ ругаться такъ надъ нашею вѣрою?

— Да, и у насъ вотъ аккерманскій откупщикъ *евреинъ* запечаталъ погребъ у отца благочиннаго. Донесу обо всемъ этомъ архіерею, сказалъ протопопъ.

„Поступокъ аккерманскаго откупщика послѣдовалъ въ противность *мнѣнію*, учиненному по именному повелѣнію бывшимъ бессарабскимъ господиномъ гражданскимъ губернаторомъ и кавалеромъ Скарлатомъ Дмитріевичемъ Стурзою, и сообщенному генваря 14 дня 1813 года, при отношеніи къ его высокопреосвященству святѣйшаго правительствующаго синода члену и ексарху Гавріилу митрополиту, коего *мнѣнія* въ 7 пунктѣ между прочимъ сказано: „священникъ или діяконъ не свободны держать вино или

другіе напитки въ домахъ своихъ для продажи: ибо сіе право одному только помѣщику принадлежитъ; но вино изъ собственныхъ своихъ виноградовъ и другой напитокъ, для собственнаго своего дому, а не для продажи, можетъ держать безъ всякаго препятствія со стороны помѣщика. Таковое отношеніе къ священникамъ и діяконамъ должны блюсти и арендаторы вотчины. Свободно также священнику или діякону, когда не будетъ имѣть своихъ виноградовъ, покупать вино или другіе напитки, откуду хочетъ, собственно для своего дому, а не для другихъ". Поэтому „бессарабскаго областнаго правительства 1-й департаментъ строго приказалъ откупщикамъ, дабы они священникамъ и діяконамъ отнюдь не дѣлали никакихъ притѣсненій и не препятствовали имъ имѣть для домашняго ихъ обихода все дозволенное помянутымъ пунктомъ".

Съ погреба аккерманскаго благочиннаго печати, наложенныя откупщикомъ, были сняты; а народъ православный вынужденъ былъ, по прежнему, пить еврейскую водку—скоромную!

1-е января 1882 г.
Кишиневъ.

Notus.

е) Процессъ стариннаго церковнаго суда, выраженный въ малорусскихъ междометіяхъ.

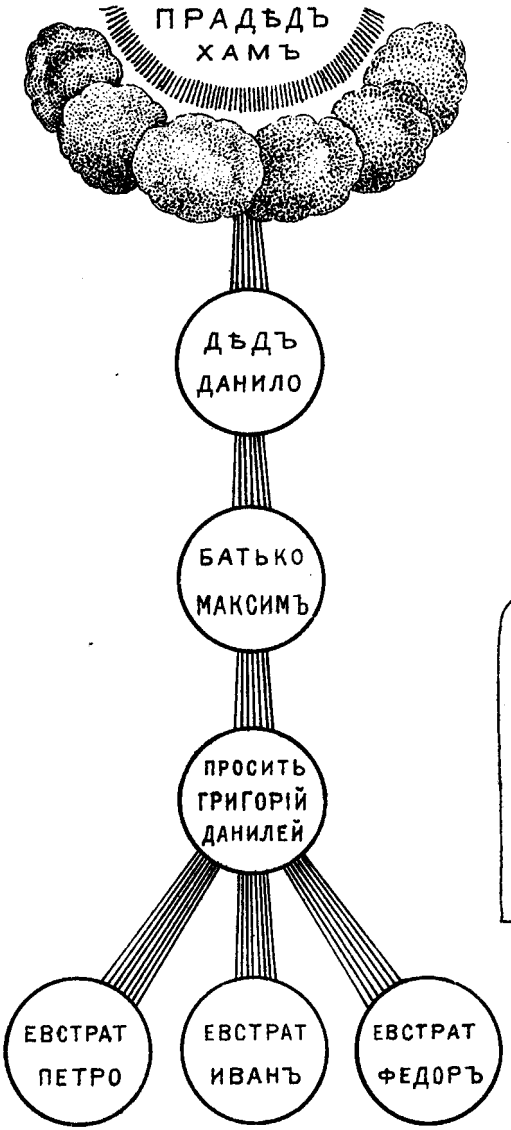
Прошлое нашего церковнаго суда пользуется, какъ это всѣ знаютъ, не совсѣмъ хорошею репутаціею. Консисторская судная процедура оставила по себѣ не лестные слѣды въ историческомъ преданіи... Извѣстенъ курьезный комментарій термина *докладъ*, примѣняемый вообще къ прежнему русскому суду и въ особенности—къ консисторскому. Не мѣшаетъ здѣсь вспомнить этотъ комментарій:

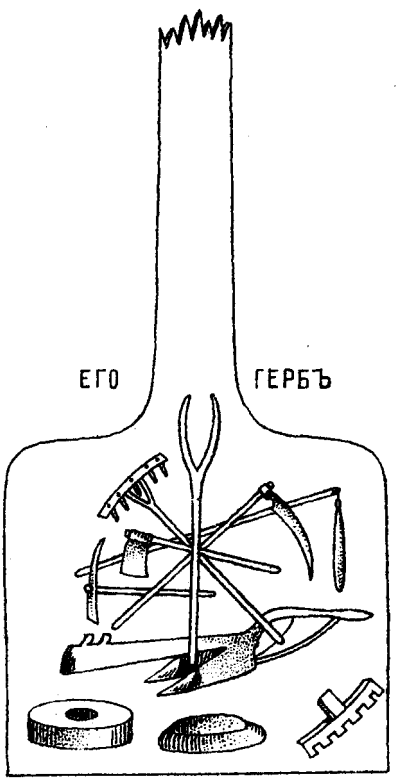
Докладъ — канцеляріи,
Окладъ — секретарю,
Кладъ — члену,
Ладъ — отвѣтчику,
Адъ — истцу.

Въ дополненіе къ этому историко-бытовому, юридически-грамматическому курьезу сообщаемъ другой подобный. Въ немъ посредствомъ характерныхъ, звучныхъ малорусскихъ междометій выражена исторія жертвы—какого-нибудь сельскаго священника

Къ стран. 223.

Родословная и доказательство Хама ДАНИЛЕЯ КУКСЫ потомственны





ГЕРБЪ

или дьячка, имѣвшаго несчастіе попасть въ горнило прежняго церковно-суднаго процесса. Начинается дѣло съ *тихонькаго* „доношенія“ отца благочиннаго и кончается *громкимъ* ниспаденіемъ жертвы въ преисподняя какого-нибудь монастыря—на »черныя работы“... Вотъ эта старинная звукоподражательная церковно-судная послѣдовательность:

Благочинный — *шу-шустъ* въ правленіе!
Правленіе — *тарáхъ* до архіерея!
Архіерей — *бебéхъ* въ консисторію!
Консисторія — *ге--гéпъ* въ монастырь!..

Это бытовое преданіе мы записали въ Кишиневѣ, со словъ рѣдкаго знатока стариннаго южнорусскаго быта—Л. С. *Радкевича*. Онъ владѣетъ богатѣйшимъ запасомъ всевозможныхъ народно-бытовыхъ анекдотовъ, и съ нѣкоторыми изъ нихъ намъ еще не разъ прійдется знакомить читателей „Кіевской Старины“. Уроженецъ Подоліи, воспитанникъ подольской духовной семинаріи, взятый за тѣмъ въ Петербургъ—въ придворную пѣвческую капеллу и получившій здѣсь прекрасное музыкальное образованіе, перешедшій наконецъ на службу въ Каменецъ и проходившій здѣсь многоразличныя должности какъ по гражданскому, такъ и по духовному вѣдомству,—Л. С. Радкевичъ, при природномъ своемъ юмористическомъ талантѣ, имѣетъ за собою продолжительный и разнообразнѣйшій жизненный опытъ, и его *воспоминанія*, которыя онъ давно уже началъ писать, представятъ собою любопытнѣйшіе историко-бытовые эскизы...

Левъ Мацѣевичъ.

ж) Забавная родословная.

(Рисунокъ и стихи).

Помѣщаемое ниже стихотвореніе по многимъ признакамъ принадлежитъ концу XVIII или вѣрнѣе началу XIX ст. и относится къ разряду памятниковъ весьма распространенной въ это и болѣе раннее время обличительной малорусской литературы. Оно сообщено намъ А. М. Лазаревскимъ, а имъ получено отъ одного изъ черниговскихъ его знакомыхъ, которымъ случайно найдено въ одномъ изъ тамошнихъ архивовъ, если не ошибаемся, въ

„дѣлѣ“ о дворянскихъ правахъ какого-то рода. Стихотвореніе представляетъ собою ѣдкую сатиру на нарождавшуюся тогда уже изъ поспольства мелкую чиновную буржуазію, не уходившую далѣе своего русла, но выбивавшуюся изъ узкой своей тропы на дворянскую стезю, къ привилегированному дворянскому положенію, посредствомъ нехитраго ученья и полученія чина регистратора (*евстрата*) съ помощію подарковъ и подкуповъ. Стихотвореніе писано, или переписано безъ знаковъ препинанія и занимаетъ двѣ страницы обыкновеннаго листа, а на первой его страницѣ помѣщенъ прилагаемый здѣсь отдѣльно рисунокъ, представляющій краткую генеалогію измышленнаго рода и гербъ въ видѣ лопаты со всѣми принадлежностями быта крестьянскаго рабочаго класса. Мы удерживаемъ и оригинальное заглавіе стихотворенія и отчасти его орѳографію.

„*Доказательства Хама Данилея Куксы потомственны.*

Да вжежъ наши дворяне гербы посилають,
А що я бувъ дворянинъ, то то й не знають.
Я надумався й соби пѣсеньку спивати
И дворянство по своймy гербу доказати.
Онъ у мене гербъ якій—въ деревянімъ цвити,
Що ни в кого не було в остерськімъ повити:
Лопата написана держаломъ у гору
(Побачивши, скаже всякъ, що воно безъ спору),
У середыни грабли, вила и сокира,
Якими було роблю, хоть якая сквира;
Также ципомъ молотывъ, скажу правду матку,
Що ажъ скинешъ було шапку;
Взявши косу на плечи, ходивъ въ косовицю,
А щобъ не голодный бувъ, бравъ и молодицю,
Якъ же витеръ, то бижу до млина из поля,
Бо й худоба тамъ моя,—отъ мини неволя!
Дализъ трохи, якъ розживсь, той годи робыти,
А надумавсь отдати въ школу свои дѣти.
Якъ вивчились, въ судъ упхавъ—учиця писати,
Да вже того й гляди—гостинци давати,
Щоб воны такъ, якъ люде, *Евстраты* *) получили,

*) Чины калѣзкии регистрат.

Бо мене розумные на те паны вчили,
Хочъ було и имъ даси борошна потроху,
А инколи, якъ уродить, той чвертку гороху.
Якъ винницю поставивъ, ставъ гнаты горилку
И за купця у Остеръ отдавъ свою дивку,
Зъ казенного мужика зробывся я паномъ
И дворянство доказавъ, хоть уже й недаромъ.
А дали сыны мои стали вси Евстраты,
За старшого взявъ дочку з маіорскои хаты:
Защожъ мене неговать, за що волочити,
Коли стали панами ужей мои диты?
Кажуть, що я у выныци робити не буду,
Сталось лихо на старость, не знаю видкуду;
Греблю до Жуковки зробывъ черезъ воду,
Да й тутъ сказалы, що я мужикъ зроду.
Нехай же й такъ, що паномъ мини не буваты;
Дайте ридъ свий до конца спершу росказаты.

Якъ стари вики бували,
Якъ прадидъ мий бувъ,
Его вси Хамомъ звали,
Дай самъ того я не забувъ;
И дидъ у мене бувъ Данило,
Ни що було ему не мило,
Якъ тилько у млини сидить,
А батько мій Максимъ звався
И Данилеемъ прозивався,
Чого и я хочу просить—

Щобъ я хамовимъ бувъ внукомъ,
И Данилеемъ прозивавсь,
Щобъ такъ горилку пивъ кубкомъ,
Якъ батько мій впивавсь,
Щобъ минѣ добре пани зробыли,

И такъ щобъ гербъ мій утвердили,
Якъ есть въ гаи столитній дубъ,
Щобъ гербовимъ Хамомъ звався,
Щобъ бильше биди не сподивався
И щобъ нихто не бравъ зачубъ.

3) Къ портрету Хмельницкаго.

Выступая съ изданіемъ, посвященнымъ всецѣло исторіи южно-русскаго народа, мы сочли наиболѣе сообразнымъ съ цѣлями его, въ видѣ перваго приложенія, представить вниманію нашихъ читателей найлучше обставленный образъ того лица, которому принадлежитъ первенствующая роль въ судьбахъ южно-русскаго народа и которому теперь вся Россія воздвигаетъ памятникъ въ древнемъ Кіевѣ, матери градовъ русскихъ, гдѣ приносилъ онъ благодарную молитву Господу Богу за побѣду надъ врагами, подготовившую соединеніе двухъ разрозненныхъ половинъ великаго нынѣ русскаго народа.

Готовилась фототипія портрета;—она не удалась и вмѣсто нея приходится предложить фотографію, правда болѣе отвѣчающую цѣлямъ археологическимъ и стоющую гораздо дороже, но имѣющую нѣкоторыя другія неудобства. Не наша въ томъ вина: таковы мѣстныя средства, а другихъ подъискать мы не могли за крайне позднимъ разрѣшеніемъ изданія.

Переходя къ самому портрету, скажемъ, что прилагаемый фотографическій снимокъ сдѣланъ съ старинаго подлинника, обязательно сообщеннаго намъ В. В. Тарновскимъ изъ его богатой коллекціи всякаго рода памятниковъ южно-русской старины, которые собраны имъ съ достойною уваженія любовію, съ затратою большихъ денежныхъ средствъ и хранятся въ его имѣніи, Качановкѣ, борзен. уѣз., черниг. губерніи.

Подлинникъ портрета, по свѣденіямъ, несомнѣнности которыхъ мы не могли провѣрить, находился въ субботовской церкви, построенной Хмельницкимъ; оттуда онъ попалъ въ сосѣдній медвѣдовскій монастырь, изъ него въ монастырь кіево-выдубицкій и уже отсюда перешелъ къ нынѣшнему его владѣльцу. Какъ-бы ни было, подлинникъ происхожденія давняго и во всякомъ случаѣ не позднѣе конца XVII в. Писанъ на холстѣ масляными красками. Вышина его 1 арш. 9 в., и ширина 1 арш. 3½ в. Работа нѣсколько простая, но тщательная. Собственно это даже не портретъ въ строгомъ смыслѣ, а картина, на которой любимый гетманъ представленъ со всѣми знаками его достоинства, власти и славы. Хмельницкій изображенъ въ сравнительно молодые годы его жизни: художникъ или не имѣлъ подъ рукою другаго образца, или не хотѣлъ нарушать основной цѣли своего изображенія,

рисуя гетмана-батька нѣсколько старымъ, осунувшимся, какимъ мы видимъ его на другихъ портретахъ и гравюрахъ.

Но прежде объ этихъ портретахъ, а потомъ о нашей картинѣ.

Въ былое время, сравнительно даже весьма недавнее, портреты Хмельницкаго составляли предметъ благодарной памяти весьма распространенный. Гетманъ, *„свободивій церковь Божію и отечество отъ враговъ и оныхъ до основанія поколебавій“*, встрѣчался, въ большихъ и малыхъ изображеніяхъ, не только въ частныхъ домахъ, но и въ церквахъ. Покойный М. А. Максимовичъ видѣлъ еще въ 1834 г. прекрасный портретъ Хмельницкаго, во весь ростъ, въ кіево-печерской лаврѣ, на сѣверной стѣнѣ великой церкви, подлѣ мощей митрополита Михаила; но въ этомъ-же году портретъ былъ замазанъ, по поводу Высочайшаго повелѣнія объ устраненіи изъ церквей вообще изображеній не святыхъ лицъ. Съ того, кажется, времени портреты Хмельницкаго начали рѣдѣть, пока не стали достояніемъ любителей. Тѣмъ не менѣе и теперь находится еще значительное число ихъ, какъ писанныхъ масляными красками, такъ и гравированныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ XVII-му вѣку. Вотъ они-то и требуютъ особаго изслѣдованія. Но печатныя свѣдѣнія объ этихъ портретахъ такъ кратки и недостаточны, что нужно сначала собрать матеріалы. Къ этому мы приглашаемъ тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые обладаютъ или свѣденіями о портретахъ, или самыми портретами, предлагая въ свою очередь имѣющіяся у насъ свѣденія.

Отмѣтимъ прежде всего весьма цѣнный портретъ Хмельницкаго масляными красками, XVII в., бывшій у М. А. Максимовича. Объ этомъ пишетъ намъ извѣстный библіографъ нашъ С. И. Пономаревъ, видѣвшій этотъ портретъ не разъ, за достоинства-же его ручаются намъ вкусъ и пониманіе такого знатока южно-русской старины, какимъ былъ М. А. Максимовичъ. Къ сожалѣнію, ничего болѣе пока объ этомъ портретѣ сказать не можемъ и ждемъ обстоятельныхъ о немъ свѣденій.

Интересно было-бы получить болѣе подробныя свѣденія о другомъ портретѣ Хмельницкаго, писанномъ масляными красками и относящемся также къ XVII в., о которомъ упоминаетъ польскій журналъ Kłosy (томъ XXIV, № 604). Вотъ это упоминаніе: „w galeryi Króla Stanisława zachowywał się z natury wizerunek (Bohdana Chmielnickiego) w połowie figury, olejno malowany, w pąsowej czapce, z dwoma piórami, w *delii* futrzanéj téjże barwy, w białym bogatym na żupanie pasie, trzymającego w prawéj ręce buławę

ozdobną, jako znak godności hetmana Ukrainy, lewą ściskającego rękojeść szabli.—Obraz ten z galeryi Królewskiey przeszedł w posiadanie Tomasza Święckiego, autora „Starożytnej Polski“, a teraz znajduje się w zbiorach K. Wł. Wójcickiego“ [1]).

(Въ картинной галлереѣ короля Станислава сохранилось изображеніе съ натуры въ половинѣ фигуры Богдана Хмельницкаго, писанное масляными красками,—въ красной шапкѣ съ двумя перьями, въ мѣховой *киреи* того-же цвѣта, держащаго въ правой рукѣ разукрашенную булаву, какъ знакъ достоинства гетмана Украины, лѣвою рукою сжимающаго рукоятку сабли.—Портретъ этотъ изъ королевской галлереи картинъ перешелъ къ Ѳомѣ Свѣнцицкому, автору „Starożytnej Polski“, а въ настоящее время находится въ коллекціи К. В. Войцицкаго).

Гравированныхъ портретовъ Хмельницкаго въ Словарѣ Ровинскаго (стр. 171) перечислено—16-ть; но описаніе ихъ сдѣлано до того кратко, что трудно разобрать, къ какому времени относятся гравюры, названныя подъ №№ 2, 4, 5, 11 и 13—16. Повидимому, наиболѣе интересный портретъ представляетъ гравюра, такъ описанная у него подъ № 1: „поясн. G. Hondius Sculp. Р. очень рѣдк. у Мюсаера 10 ф.“. Эта гравюра есть, между прочимъ, въ собраніи В. В. Тарновскаго. Судя по внѣшности этого портрета, она *вполнѣ* сходна съ только что приведеннымъ описаніемъ портрета, о которомъ говорятъ Kłosy. На этой гравюрѣ имѣется слѣдующая подпись: „*Bohdan Chmielnicky Exercitus S. R. M-tis Zaporohscensis Praefectus.* Guilh Hondius sculpsit Genadi at. MDCLI“. Кругомъ герба, сдѣланнаго на гравюрѣ вверху лѣвой стороны—русскія буквы: „Б. Х. Г. В. Е. К. М. За“. Изъ подписи такимъ образомъ видно, что гравюра сдѣлана за шесть лѣтъ до смерти Хмельницкаго и, очень можетъ быть, что сдѣлана на основаніи того портрета, о которомъ говорятъ Kłosy, такъ какъ описаніе одежды, приведенное этимъ журналомъ, вполнѣ сходится съ тою одеждою, въ которой изображенъ Хмельницкій и на гравюрѣ Хондіуса. Послѣдняя важна и въ томъ отношеніи, что несомнѣнно она служила прототипомъ найболѣе извѣстныхъ русскихъ *печатныхъ* портретовъ Хмельницкаго, въ томъ числѣ напр. приложенныхъ къ книгамъ Бантыш-Каменскаго и Ригельмана. Во всѣхъ этихъ портретахъ выглядываетъ изъ подъ шапки даже и тотъ клокъ *чуба*, который ясно видѣнъ на гравюрѣ Хондіуса. Гравюра портрета Хмельницкаго 1683 г., описанная у Ровинскаго подъ № 3, представляетъ черты лица совсѣмъ уже другія и нужно полагать, что эта гравюра, помѣщенная въ книгѣ Ellogii di Capit. illustr., сдѣлана по рисунку фантастическому.

[1]) Замѣтка эта сдѣлана по поводу помѣщенія въ томъ-же номерѣ журнала портрета Хмельницкаго работы Матейко.

Въ собраніи А. М. Лазаревскаго, котораго указаніями и свѣденіями на этотъ разъ мы пользуемся, имѣется снимокъ съ гравюры, какъ полагать надо, той самой, которая у Ровинскаго, показана подъ № 11. Надпись на ней: „Boguslaus Chmielnicki Cosacorum dux generalis". Гравюра по внѣшнимъ признакамъ принадлежитъ также XVII вѣку. Портретъ поясной; Хмельницкій изображенъ въ шапкѣ безъ перьевъ; булавы также нѣтъ; руки опущены. Едва-ли не фантазіею рисовальщика изображенъ и этотъ портретъ.

Болѣе свѣденій о портретахъ Хмельницкаго на этотъ разъ представить не можемъ, потому переходимъ къ тому портрету, снимокъ съ котораго предъ глазами читателя.

У ногъ Богдана Хмельницкаго изображена á vol d'oiseau система рѣкъ, орошающихъ Украину: Днѣпръ, съ притоками, Днѣстръ и Бугъ, а лежащими на берегахъ этихъ рѣкъ булавами (собственно, должны-были быть изображены не булавы, а перначи, какъ знаки полковничьяго достоинства) отмѣчены казацкіе полки, находившіеся подъ управленіемъ гетмана. У каждой булавы надпись обозначаетъ названіе полка. На низовьяхъ Днѣпра изображена палатка, съ воткнутыми у входа ея бунчукомъ и булавою. Палатка эта изображаетъ Сѣчь Запорожскую; булава и бунчукъ могутъ быть приняты, какъ атрибуты власти кошеваго; но, быть можетъ, живописецъ имѣлъ въ виду этими знаками гетманской власти припомнить, что выборъ въ гетманы Богдана Хмельницкаго состоялся именно въ Запорожьѣ весною 1648 года. Перечень полковъ заставляетъ предполагать, что композиція портрета должна быть отнесена не ко времени, близкому Хмѣльницкому, а къ болѣе позднему, когда козачество сосредсточилось на лѣвой сторонѣ Днѣпра и было почти совсѣмъ вытѣснено изъ правой, т. е. по крайней мѣрѣ къ концу XVII столѣтія. Къ такому предположенію приводятъ слѣдующія данныя: въ числѣ полковъ названы: 1) лубенскій, возникшій уже въ гетманство Выговскаго 1659 года, вмѣсто бывшаго при Хмельницкомъ кропивянскаго; 2) стародубскій, учрежденный гетманомъ Брюховецкимъ въ 1663 г., и 3) богуславскій, возникшій только въ 1685 и теряющійся въ 1712 г., во время попытки Самуся и Палія возстановить козачество на правой сторонѣ Днѣпра. Какъ стародубскій, такъ и богуславскій полки не существовали при Хмельницкомъ. Сверхъ того въ перечнѣ полковъ есть ошибки, которыя могли быть сдѣланы только въ то время, когда изгладилось ясное

воспоминаніе о состояніи Украины при Хмельницкомъ; такъ на берегу Днѣстра названы два полка: подольскій и могилевскій, составлявшіе постоянно одинъ полкъ подольскій съ полковымъ городомъ Могилевомъ; за то пропущены, существовавшіе нѣкоторое время при Хмельницкомъ, полки: лисянскій, паволоцкій, овручскій, звягельскій, брагинскій, гадячскій и ичанскій.

На предлагаемомъ портретѣ Хмельницкаго, фигура гетмана окружена нѣсколькими группами и эмблемами. По правую руку гетмана виднѣется группа козаковъ, идущихъ съ распущенными знаменами; группа состоитъ изъ 23 человѣкъ, отвѣчающихъ 23 полкамъ, обозначеннымъ булавами на картѣ. Впереди группы выступаетъ войсковой „*довбышъ*“, ударяющій въ лежащіе передъ нимъ 2 котла, замѣнявшіе въ козацкомъ войскѣ барабаны. Надъ этою группою въ медальонѣ читается слѣдующая надпись въ 12 строкъ: »*Бонданъ. Зіновіи. Хмельницкіи. Малой—Росіц. войскъ. Запорожскіхъ. козацкіхъ. гетманъ свободівий. церковъ. Божію. и отечество отъ враговъ. о нихъ до основанія поколѣбавій вѣчно да славится: Преставися. 1657 года: Августа 17 числа. погребенъ Суботовъ полку Чегринскомъ*“.

По лѣвую руку гетмана, у ногъ его помѣщена группа, состоящая изъ трехъ поляковъ; одинъ изъ нихъ упалъ на колѣни, всѣ три выпустили изъ рукъ сабли и изображаютъ жестами и выраженіемъ лица (на сколько оно видно въ рисункѣ) страхъ, смущеніе и безпокойство. Подъ этою группою слѣдующая подпись въ 4 строки: „*А Ляхамъ такъ страшно, что ідъ либо повпьютъ вътри, вси яко Хмилницкій идетъ разумѣютъ*“.

Надъ группою поляковъ изображена гетманская палатка, охраняемая двумя сторожевыми козаками съ мушкетами и осѣненная многочисленными знаменами и бунчуками, водруженными за нею; черезъ открытую портьеру палатки видѣнъ внутри ея войсковой писарь (вѣроятно, Иванъ Выговскій), сидящій на креслѣ у стола и внимательно пишущій—грамоту или универсалъ. На горѣ, возвышающейся сзади за палаткою, на второмъ планѣ, виднѣется каменное одноэтажное зданіе съ башнею на одномъ крылѣ,—можетъ быть субботовскій каменный домъ Богдана Хмельницкаго. Наконецъ еще выше, на одномъ уровнѣ съ медальономъ противуположной стороны, среди арматуры, составленной изъ знаменъ, пушекъ, сабель и булавъ, изображенъ „гербъ войска запорожскаго“—козакъ съ мушкетомъ на плечѣ.

Такова композиція портрета—картины. Самые анахронизмы въ ней доказываютъ сильнѣйшее желаніе неизвѣстнаго творца представить Хмельницкаго въ такомъ видѣ, чтобы память о немъ не ослабѣвала въ народѣ. Достойны вниманія заключительныя слова приведенной выше надписи на медальонѣ: „*вѣчно да славится*“. Не мѣшаетъ и нынѣшнему времени помнить эти глубоко правдивыя слова.

Мы не сопровождаемъ приложенія никакимъ другимъ текстомъ, въ видѣ какой либо монографіи о Хмельницкомъ. Такая монографія не можетъ быть дѣломъ краткаго времени, да едва ли въ ней и есть надобность послѣ блестящей монографіи знаменитаго исторіографа нашего Н. И. Костомарова. Къ ней и отсылаемъ желающихъ за подробностями о жизни и подвигахъ Хмельницкаго, суть-же его дѣлъ обозначена здѣсь, на портретѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

въ 1882 году

будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки **шесть рублей** и съ пересылкою **шесть рублей 50 коп.** Въ случаѣ выхода *приложеній* (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **Извѣстій**, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20 %.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета Св. Владиміра, въ Кіевѣ.

Гг. иногородные могутъ также обращаться съ своими требованіями къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину (С.-Петербургъ, Малая Садовая, № 4, и Кіевъ, Крещатикъ, бывшій книжный магазинъ Литова),

Каждая книжка **Извѣстій**, за исключеніемъ текущихъ оффиціальныхъ свѣденіи посвященныхъ Университету (до трехъ печатныхъ листовъ), состоитъ изъ сочиненій и статей научнаго содержанія, которые распредѣляются въ такомъ порядкѣ: отдѣлъ I—*историко-филол лический*; отдѣлъ II—*юридическій*; отдѣлъ III—*физико-математическій*; отдѣлъ IV—*медицинскій*; отдѣлъ V—*научная хроника*, въ которой помѣщаются извѣстія о дѣятельности учебныхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ; отдѣлъ VI—*критико-библіографическій*. Послѣдній отдѣлъ, посвященный критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), по разнымъ отраслямъ знанія, составляетъ въ годъ до 500 страницъ. Кромѣ того въ *прибавленіяхъ* къ каждой книжкѣ печатаются научные матеріалы и переводы болѣе замѣчательныхъ сочиненій; а также указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПРОДАЮТСЯ:

Выпускъ 1-й. Отдѣлъ Историко-Филологическій. Содержаніе: Объ основахъ для критики текста Динарховыхъ рѣчей. Карла Томазина. Осетинскіе этюды. Всеволода Миллера. Цѣна 1 р. 75 к.

Выпускъ 1-й Отдѣла Юридическаго. Содержаніе: Формальныя ограниченія свободы завѣщаній въ римской классической юриспруденціи. И. И. Боголѣпова. Цѣна 2 руб.,

Выпускъ 1-й Отдѣла Физико-Математическаго. Содержаніе: Объ интегрированіи дифференціальныхъ уравненій съ частными производными. П. С. Назимова.—Изъ теоріи электричества (по Кирхгоффу и Гельмгольцу) А. П. Соколова. Цѣна 1 р. 50 коп.

Выпускъ 1-й Отдѣла Естественно-историческаго. (Съ 10-ю таблицами рисунковъ) Содержаніе: О корпускулахъ и половомъ процессѣ у голосѣменныхъ. И. Н. Горожанкина.—Tetrastes griseiventris n. sp. М. А. Мензбира цѣна 2 руб.

Выпускъ 2-й Отдѣла Физико-Математическаго. Содержаніе: Курсъ теоротической механики. Профессора Ѳ. А. Слудскаго. Цѣна 1 р. 50 коп.

Выпускъ 2-й Отдѣла Юридическаго. Содержаніе: О соучастіи въ преступленіи Г. Е. Колоколова.—Изслѣдованія о Русской Правдѣ. П. Мрочекъ-Дроздовскаго. Цѣна 2 р. 75 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Выпускъ 3-й Отдѣла Физико-Математическаго. Содежаніе: Курсъ теоретической механики. (Окончаніе). Ѳ. А. Слудскаго.

„ЮГЪ“
УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Журналъ „**ЮГЪ**“ выходитъ ежемѣсячно въ размѣрѣ отъ **десяти** до **пятнадцати** листовъ по слѣдующей программѣ:

I. *Словесность*: романы, повѣсти, разсказы, драматическія произденія и стихотворенія (оригинальныя и переводныя.)

II. *Наука*: популярныя статьи по антропологіи, исторіи, искуствамъ, философіи, политическимъ, юридическимъ и естественнымъ наукамъ.

III. Критика и библіографія русскихъ и иностранныхъ книгъ.

IV. Сельско-хозяйственная хроника и статьи по сельскому хозяйству.

V. Коммерческая хроника.

VI. Внутреннее обозрѣніе, общественая жизнь — преимущественно юга Россіи.

Подписная цѣна 10 руб.; съ доставкой въ г. Одессѣ 11 руб.; съ пересылкой въ другіе города 12 руб.

Подписка принимается въ г. Одессѣ въ конторѣ редакціи журнал „Югъ“: Надеждинская ул. д, Савича, въ книжныхъ магазинахъ: В. И. Бѣлаго, Е. П. Распопова, библіотекѣ для чтенія Бортневскаго.

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться въ контору редакціи.

Редакторъ-издатель **В. Яковлевъ**.

ВЪ ХАРЬКОВѢ,

ВЫХОДИТЪ

Ежемѣсячный Политическій, Литературный, Научный и Экономическій Журналъ.

„МИРЪ“

по слѣдующей, утвержденной правительствомъ, программѣ:

1. Статьи по различнымъ отраслямъ знанія, имѣющія своей задачею, въ доступной формѣ, знакомить читателей съ текущими вопросами и пріобрѣтеніями въ области наукъ.

2. Внутреннее и иностранное обозрѣніе главнѣйшихъ явленій политической и общественной жизни.

3. Экономическая, земская и промышленная хроника, преимущественно по отношенію къ югу Россіи.

4. Словесность: романы, повѣсти, разсказы, очерки, стихотворенія и другія произведенія литературы русской и въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ.

5. Обозрѣніе текущей литературы русской и иностранной (критика и библіографія).

6. Смѣсь: корреспонденціи и другія сообщенія касательно текущей жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ.

7. Справочный отдѣлъ и объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ доставки.	*Съ доставкою.*	*Съ пересылкою.*
Годъ	10 р. — к.	11 р. 50 к.	12 р. — к.
Полгода	6 „ — „	7 „ — „	7 „ 50 „
Четверть года . .	3 „ — „	3 „ 50 „	4 „ — „
Мѣсяцъ	1 „ 25 „	„ „ — „	1 „ 50 „

Подписка принимается въ конторѣ редакціи при Книжномъ Магазинѣ **В. А. Сыхра**, по Екатеринославской улицѣ № 1-й, въ Харьковѣ и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Издатель **В. А. Сыхра.**

Редакторъ **А. П. Шимковъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

„ХУДОЖЕСТВЕННАГО ЖУРНАЛА“

съ приложеніемъ

„ХУДОЖЕСТВЕННАГО АЛЬБОМА“,

въ которомъ принимаютъ участіе слѣдующіе художники: *И. Айвазовскій, А. Богомбовъ, М. Боткинъ, П. Брюловъ, В. Верещагинъ, В. Васнецовъ, Е. де-Вильє, Е. Волкъ въ, И. Крамской, баронъ М. П. Клодтъ, П. Кузнецовъ, Л. Лагоріо, К. Лемохъ, В. Маковскій, В. Масаловъ, А. Мещерскій, Г. Мясоѣдовъ, В. Поленовъ, И. Прянишниковъ, И. Рѣпинъ, К. Савицкій, В. Суриковъ, К. Трутовскій, И. Шишкинъ, Шишкозъ и Шарлеманъ.*

Программа журнала заключается въ слѣдующемъ: 1) **Беллетристическій отдѣлъ.** Повѣсти, разсказы, сцены и т. п., по преимуществу изъ жизни русскихъ художниковъ. Біографіи художниковъ (въ повѣствовательной формѣ), а также и замѣчательныхъ дѣятелей въ искусствѣ. 2) **Критическій отдѣлъ.** Критическія статьи по искусству. Художественный фельетонъ. Рецензіи и критическія замѣтки, касающіяся, какъ художественныхъ произведеній, такъ равно и книгъ по искусству. 3) **Смѣсь.** Теоретическія и практическія указанія и совѣты какъ художникамъ, такъ и любителямъ. Обзоръ дѣятельности русскихъ художественныхъ обществъ и

школъ существующихъ въ Россіи. Разныя мелкія замѣтки, извѣстія и слухи. 4) **Послѣдняя страница.** Справочный отдѣлъ, въ который входятъ, по преимуществу, отвѣты на вопросы публики и художниковъ. 5) **Приложеніе. „ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ“.**

„**Художественный Альбомъ**“ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) картинъ и портретовъ въ форматѣ журнала и 2) картинъ въ форматѣ большаго альбома.

Рисунки и портреты въ „Художественномъ Журналѣ“ исполняются посредствомъ **фототипіи, фотогравюры и гравюры на мѣди** (офортъ).

Журналъ выходитъ ежемѣсячно въ форматѣ большой книги отъ трехъ до четырехъ листовъ.

Годовые подписчики получаютъ журналъ съ приложеніемъ, которое состоитъ изъ 24 оригинальныхъ рисунковъ, портретовъ и **отдѣльнаго большаго альбома**, который данъ будетъ въ видѣ преміи; полугодовые же подписчики получатъ журналъ съ рисунками и портретами, но безъ преміи.

„Художественный Альбомъ“ (**ПРЕМІЯ**) 1881 г. состоитъ изъ трехъ большихъ картинъ, величиной 1 аршинъ на $^{5}/_{4}$ арш.

Первый листъ — Крахъ банка. Картина В. Маковскаго.

Второй листъ — Утро стрѣлецкой казни. Картина В. Сурикова.

Третій листъ — Подъ липами. Картина В. Каульбаха.

Иногородніе подписчики для пересылки премій—„**Художественнаго Альбома**“ за 1881 г., благоволятъ дослать 50 коп. марками. Подписчики Петербурга и Москвы, когда будетъ объявлено о выховѣ премій, могутъ получать въ Петербургѣ, въ конторѣ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, а въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Мамонтова, на Кузнецкомъ.

«**Художественный Альбомъ**» (премія) въ 1882 году будетъ выходить по третямъ.

Количество премій или большихъ картинъ „**Художественнаго Альбома**“ будетъ зависѣть отъ количества подписчиковъ; но во всякомъ случаѣ всѣхъ премій будетъ выдано не менѣе **трехъ** и не болѣе **пяти**.

Первый листъ альбома выйдетъ вмѣстѣ съ январскимъ нумеромъ.

ОФОРТЪ И. И. ШИШКИНА.

Величина этого офорта **одинъ аршинъ** $2^{1}/_{2}$ **вершка** вышины и $^{3}/_{4}$ **аршина** ширины.

Офортъ этотъ печатается въ Берлинѣ, въ знаменитой мастерской Л. Беккера. Чтобы судить о трудности вполнѣ художественнаго выполненія этого громаднаго офорта, мы должны указать на то обстоятельство, что г. Беккеръ взялся исполнить этотъ офортъ при печатаніи его не болѣе двадцати экземпляровъ въ сутки.

Иногородные подписчики на 1882 г. для полученія преміи—„Художественного Альбома“ по третямъ благоволятъ добавлять къ подписной цѣнѣ 1 руб. 50 коп. Эту же сумму должны добавлять и тѣ изъ городскихъ подписчиковъ Москвы и Петербурга, которые пожелаютъ получить премію съ доставкою на домъ .

Цѣна „Художественнаго Журнала“ съ приложеніями и съ „Художественнымъ Альбомомъ“ остается та-же. Съ пересылкою и доставкою на годъ:

6 рублей и на полгода 4 рубля; съ пересылкою за границу 8 рублей. Съ пересылкою премій 7 рублей 50 копѣекъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Петербургѣ—въ конторѣ редакціи, на углу Невскаго и Троицкаго (подъѣздъ съ Троицкаго), д. Ростовцева, кв. № 24; въ книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени“, на Невскомъ д. № 58, и Мамонтова, на б. Садовой, д. № 12 и въ эстампныхъ: Фельтена и Беггрова, на Невскомъ; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, на Никольской; Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту и въ эстампныхъ: Даціаро, на Кузнецкомъ и Осберга, на Петровкѣ.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться исключительно въ контору редакціи: Петербургъ, уголъ Невскаго и Троицкаго, домъ Ростовцева.

Редакторъ издатель **Н. Александровъ.**

Открыта подписка

на ежемѣсячный журналъ модъ и рукодѣлій

„Женскій трудъ“

на 1882 годъ.

(годъ третій.)

„ЖЕНСКІЙ ТРУДЪ“ будетъ издаваться въ 1882 г. по той-же программѣ какъ и въ 1881 г. Объемъ каждаго нумера журнала состоитъ не менѣе 32 стр.

Программа журнала слѣдующая:

1. Моды дамскія, дѣтскія, бѣлья и шляпъ.
2. Рукодѣлья: тамбурныя, канвовыя, филейныя, гипюрныя, филе-гипюрныя и вязанія на спицахъ.
3. Монограмы.
4. Романы, повѣсти и разсказы.
5. Разныя общеполезныя свѣдѣнія въ домашнемъ быту.
6. Ребусы и загодки.

КАКЪ ПРИЛОЖЕНІЯ БУДУТЪ:

а) листы выкроекъ; б) листы узоровъ; в) вырѣзныя выкройки въ натуральную величину; г) изящныя, раскрашенныя картинки дамскихъ и дѣтскихъ модъ; д) раскрашенные рисунки канвовыхъ работъ; е) монограммы.

Подписная цѣна на 1882 г., остается та-же что 1881 г., т. е.

НА ГОДЪ:		НА ПОЛГОДА:	
Безъ доставки	3 р. 50 к.	Безъ доставки	2 р. — к.
Съ доставкой и пересылкой	4 „ — „	Съ доставкой и пересылкой	2 „ 50 „

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи, въ С. Петербургѣ, Моховая ул., д. № 24; въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Мамонтова и въ провинціи у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Для служащихъ въ различныхъ учрежденіяхъ, по особому соглашенію съ конторою редакціи, допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ.

Издатель **Гетце.**

ОБЪ ИЗДАНІИ „ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННАГО ВѢСТНИКА“ ВЪ 1882 ГОДУ.

Съ будущаго 1882 года «Церковно-Общественный вѣстникъ» превращается въ **ПОЛУЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ** и будетъ выходить аккуратно черезъ день; исключая времени скопленія нѣсколькихъ праздниковъ въ недѣли Св. Пасхи и Рождества Христова.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее его интересовать

въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Рядомъ съ вопросами о духовенствѣ, и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политичесвихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества.

Для лицъ, незнакомыхъ съ нашимъ изданіемъ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что «Церковно-Общественный Вѣстникъ» наравнѣ съ другими газетами выходитъ безъ предварительной цензуры и не имѣетъ никакого отношенія къ духовному вѣдомству. Просимъ также не смѣшивать наше изданіе съ журналомъ «Церковный Вѣстникъ», издающемся при здѣшней духовной академіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ при «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ» въ 1882 г. будетъ изданъ въ видѣ безплатнаго приложенія «**Календарь для духовенства**», въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, мы имѣемъ въ виду, помѣстить **собраніе узаконеній**, относящихся какъ къ организаціи, такъ и къ разнообразнымъ правамъ и обязанностямъ духовенства, заимствуя ихъ, частію изъ «Полнаго собранія законовъ Россійской Имперіи», частію изъ дѣйствующаго «Свода Законовъ», а равно и изъ другихъ источниковъ.

При «календарѣ» будетъ приложенъ также подробный **адресъ-календарь** лицъ служащихъ по духовному вѣдомству, преосвященныхъ архіереевъ, начальствующихъ и учащихъ въ духовныхъ заведеніяхъ и пр.

Условія подписки на «Церковно-Общественный Вѣстникъ» тѣ-же какъ и въ предыдущіе годы, т. е. на годъ 7 рублей, на полгода 4 рубля, на три мѣсяца 2 рубля 50 копѣекъ, на мѣсяцъ 1 руб. Годовая цѣна за границей 10 рублей—Отдѣльные № № по 10 копѣекъ.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: «въ редакцію «Церковно-Общественнаго Вѣстника», мъ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., д. № 3, кв. 5.

Объявленія для напечатанія въ газетѣ принимаются въ конторѣ редакціи въ размѣрѣ 10 коп. за мѣсто занимаемое строкой петита. За разсылку отдѣльныхъ объявленій взимается по 5 руб. съ тысячи.

Редакторъ-издатель **А. И. Поповицкій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„СТРАННИКЪ“

ВЪ 1882 ГОДУ.

Журналъ »Странникъ« **издается по слѣдующей программѣ:**

1) Общедоступныя статьи по *русской церковной исторіи.*

2) Общедоступныя статьи по *общей церковной исторіи.*

3) Церковныя *слова*, *поученія*, рѣчи, бесѣды и другія правоучительныя произведенія.

4) *Разсказы*, *повѣсти*, *характеристики*, *очерки* изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовенства.

5) *Бытовые очерки.*

6) Стихотворенія.

7) Ежемѣсячное *внутреннее обозрѣніе.*

8) Отдѣльныя статьи, посвященныя *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта.

9) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей.

10) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ

11) *Иностранное обозрѣніе*: церковно-религіозной жизни на Востокѣ и Западѣ, *особенно у славянъ.*

12) Обзоръ русскихъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій.

13) *Свѣтскіе журналы*, газеты и книги: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала.

14) *Новыя книги:* критическія и библіографическія статьи.

15) *Книжная лѣтопись*: ежемѣсячный указатель русскихъ книгъ, выходящихъ въ свѣтъ подъ духовной цензурой; библіографическія новости.

16) Разныя отрывочныя *извѣстія* и *замѣтки* по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и единовѣрія, миссіонерскихъ. просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и др. обществъ, и проч.; новости; корреспонденціи; отвѣты редакціи.

17) Объявленія.

Журналъ выходитъ въ началѣ каждаго мѣсяца, книгами отъ 10-ти до 12-ти и болѣе листовъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе журнала *съ пересылкою внутри Имперіи и доставкою въ С.-Петербургѣ* **шесть рублей**; съ пересылкою за границу **восемь рублей.**

Гг. иногородныхъ подписчиковъ просимъ обращаться съ требованіями исключительно по слѣдующему адресу: **въ редакцію журнала »Странникъ«, въ С.-Петербургѣ** (Невскій просп., д. № 105 кв. № 1).

Редакторы-издатели:

А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.—Е. Прилежаевъ.

"ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ"

въ **1882** году.

будетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, *ежемѣсячно*, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за полное годовое изданіе „Православнаго Собесѣдника" на 1882 годъ, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: **съ доставкою на домъ по г. Казани и съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи.**

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

Подписка принимается въ Казани, въ Редакціи „Православнаго Собесѣдника", при Духовной Академіи.

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ,

издаваемыя при „Православномъ Собесѣдникѣ" съ 1867 года, будутъ выходить и въ 1882 г. два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Цѣна »**Извѣстій**« для мѣстъ и лицъ **другихъ епархій** и **другихъ вѣдомствъ:** а) отдѣльно отъ »Православнаго Собесѣдника« **четыре** руб., б) а для

выписывающихъ и »Православный Собесѣдникъ« **три** руб. Всего за оба изданія **десять** руб. сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается также въ редакціи «Православнаго Собесѣдника».

„ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

въ 1882 году

будетъ издаваться на прежнихъ основаніяхъ.

Православное обозрѣніе, учено-литературный журналъ богословской науки и философіи, особенно въ борьбѣ ихъ съ современнымъ невѣріемъ, церковной исторіи, критики и библіографіи, современной проповѣди, церковно-общественныхъ вопросовъ и извѣстій о текущихъ церковныхъ событіяхъ внутреннихъ и заграничныхъ, выходитъ **ежемѣсячно** книжками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна съ пересылкою **7 рублей**. Подписка принимается въ Москвѣ, у редактора журнала священника при церкви ѲеодораСтудита, у Никитскихъ воротъ, **П. Преображенскаго** и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Иногородніе благоволятъ адресоваться исключительно такъ: въ редакцію Православнаго Обозрѣнія въ Москвѣ.

Просимъ обратить **особенное вниманіе**: желая облегчить пополненіе церковныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства и Министерства Народнаго Просвѣщенія, для коихъ „Православное Обозрѣніе“ рекомендовано учебнымъ начальствомъ, редакція „Православнаго Обозрѣнія“ находитъ возможнымъ доставить подписчикамъ это изданіе за 1876, 1877, 1878, 1879, 1880 и 1881 гг., по слѣдующимъ **пониженнымъ цѣнамъ** для выписывающихъ его за одинъ какой либо годъ—**пять** руб. за два года—**семь** руб. за три—**десять** руб., за четыре—**тринадцать** руб., за пять лѣтъ—**пятнадцать** руб. съ пересылкою.

Редакторъ Свящ. **П. Преображенскій.**

ВЪ 1882 ГОДУ
ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ
будутъ издаваться
ПО ПРЕЖДЕ УТВЕРЖДЕННЫМЪ ПРОГРАММАМЪ:

1, Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости.

Церковная, по преимуществу мѣстная, *газета*. Программа ея въ общемъ слѣдующая: **Отдѣлъ оффиціальный**: Высочайшіе манифесты и повелѣнія, сѵнодальные указы и правительственныя распоряженія, относящіяся къ Кіевской епархіи, мѣстныя административныя распоряженія и извѣстія и проч. **Отдѣлъ неоффиціальный**: мѣстныя церковныя историко-статистическія извѣстія и до-

стопримѣчательные письменные памятники, хроника мѣстная и общецерковная, извѣстія о замѣчательныхъ событіяхъ церковной жизни въ церкви русской, восточной, западной и проч.

2, Воскресное Чтеніе.

Журналъ *религіозно-нравственнаго* содержанія и характера въ общедоступномъ и общеназидательномъ изложеніи и въ томъ духѣ, направленіи и видѣ, какъ онъ издавался *первоначально*. Въ немъ будутъ помѣщаемы общепонятныя статьи, служащія къ уразумѣнію Слова Божія, богослуженія и обрядовъ православной церкви, къ утвержденію въ сердцѣ любви, вѣры и упованія христіанскаго, краткія житія святыхъ и тому под.

3, Труды Кіевской Духовной Академіи.

Журналъ *научнаго* содержанія и характера. Въ немъ будутъ помѣщаемы научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей и никакъ не въ видѣ сырыхъ матеріаловъ. При журналѣ **будутъ продолжаться переводы твореній блаженнаго Іеронима и Августина.**—Изъ твореній бл. Іеронима въ слѣдующемъ 1882 г. будутъ издаваться его **толкованія на ветхозавѣтныя книги;** изъ твореній бл. Августина—его твореніе **о градѣ Божіемъ.**

Такимъ образомъ изданія Кіевской духовной академіи имѣютъ въ виду удовлетвореніе потребностей: 1, своевременнаго знакомства съ текущими церковными событіями (*газетное* чтеніе,—„Епархіальныя Вѣдомости"); 2, *религіозно-нравственнаго*, общеназидательнаго и общепонятнаго чтенія („Воскресное Чтеніе"), и 3, научнаго образованія, богословскаго („Труды Кіевской Духовной Академіи").

„Епархіальныя Вѣдомости" будутъ выходить *два раза* въ мѣсяцъ, въ 8 долю, *не менѣе двухъ листовъ*. „Воскресное Чтеніе" будетъ выходить *еженедѣльно*, въ прежнемъ форматѣ, въ четвертку, въ два столбца, *не менѣе одного листа въ недѣлю*. „Труды Кіевской Духовной Академіи" будутъ выходить *ежемѣсячно* книжками *отъ 10 до 12* листовъ, изъ коихъ отъ 3 до 4 листовъ будутъ заняты переводомъ твореній блаж. Іеронима и Августина и не менѣе 7—оригинальными статьями. Изъ годоваго изданія „Трудовъ" составятся: **одинъ томъ** твореній **бл. Августина, одинъ томъ** твореній бл. **Іеронима и три тома** статей, съ особымъ счетомъ страницъ.

Цѣна *за годъ* съ пересылкою: Епархіальныхъ Вѣдомостей 4 р.;

Воскреснаго Чтенія—4 р; Трудовъ Кіевской Духовной Академіи—7 р. Цѣна Епархіальныхъ Вѣдомостей *вмѣстѣ* съ Воскреснымъ Чтеніемъ—7 р.; Епарх. Вѣдомостей съ Трудами—10 р; Воскреснаго Чтенія съ Трудами—10 р.; Епархіальныхъ Вѣдомостей съ Воскреснымъ Чтеніемъ и Трудами—12 р. с.

Адресъ: въ Редакцію Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, *или* Воскреснаго Чтенія, *или* Трудовъ, при Кіевской духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, 2) Игн. Л. Тузова—въ С.Петербургѣ, 3) А. Н. Ферапонтова—въ Москвѣ.

Открыта подписка на 1882 годъ

экономической, общественной, политической и литературной

газеты

„ТРУДЪ.“

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

I. **Оффиціальный отдѣлъ:** Правительственныя распоряженія по всѣмъотраслямъ государственнаго управленія. II. **Руководящія статьи** по разнымъ государственнымъ вопросамъ въ сферахъ: законодательной, судебной и административной, а также обсужденіе вопросовъ, порождаемыхъ общественною жизнью, въ сферахъ: экономической, образовательной и въ сферѣ самоуправленія. III. *Статьи, относящіяся къ политическому, экономическому и соціальному положенію Южнаго и Юго-западнаго края.* IV. *Статьи по вопросамъ городскаго хозяйства и управленія. Хроника городскихъ событій и происшествій.* V. *Статьи по части исторіи, статистики, педагогіи, этнографіи и другимъ отраслямъ человѣческаго знанія* VI. **Критика и библіографія.** VII. Отдѣлъ **„Среди газетъ и журналовъ“.** VIII. **Фельетонъ.** Очерки и разсказы беллетристическаго характера въ прозѣ и стихахъ. Обозрѣнія и статьи литературно-критическія. Рецензіи театральныя, музыкальныя и художественныя. Фельетонъ изъ мѣстной общественной жизни и мѣстныхъ событій и происшествій. IX. **Корреспонденціи.** X. **Политическія заграничныя новости,** заимствуемыя изъ иностранныхъ газетъ и журналовъ. **Отдѣльныя статьи** по разнымъ вопросамъ иностранной политики. XI. **Телеграммы** международнаго телеграфнаго агентства, Гавасъ и собственныхъ корреспондентовъ. XII. **Судебная хроника** безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. XII. **Финансовая, торговая, акціонерная и биржевая хроника.**

XIV. **Справочный отдѣлъ:** базарныя цѣны, приходъ и отходъ параходовъ и поѣздовъ, зрѣлища и увеселенія; перечень дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ. XV. **Объявленія.**

Газета ВЫХОДИТЪ въ форматѣ обыкновеннаго газетнаго листа три раза въ недѣлю: **по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ**, съ *ПРИЛОЖЕНІЯМИ ПО МѢРѢ НЕОБХОДИМОСТИ.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Кіевѣ:	на годъ	**6**	руб.	—	коп.,	на полгода	**4**	руб.
Безъ доставки	» » »	**4**	»	**50**	»	» »	**3**	»
Съ пересылкою иногороднимъ»	»	**8**	»	—	»	» »	**5**	»

Пріемъ подписки и объявленій въ главной конторѣ редакціи, въ Кіевѣ. на Михайловской ул., въ д. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Кромѣ того, подписка принимается: въ **С.-Петербургѣ**—въ книжномъ магазинѣ Н. Г. Мартынова.—Въ **Москвѣ:** въ отдѣл. варшавск. агентства Райхмана и Френдлера, малая Лубянка, д. Обидиной, при Славянской библ., въ центр. конторѣ объявленій, бол. Дмитровка, и въ конторѣ Плетникова, Москва, Софійка, церковн. домъ.—Въ **Парижѣ,** Agence Havas et C-ie—Place de la Bource 8, à Paris.—Въ **Варшавѣ,** аген. объявл. Райхманъ и Френдлеръ, Сенаторск., № 22.—Въ **Черниговѣ,** у гг. Кранца и Данюшевскаго, въ **Нѣжинѣ** у г. Куриленка, въ **Стародубѣ** у г. Неронова, въ **Харьковѣ** у г. Сыхры, въ **Екатеринославѣ** у г. Голубовскаго, въ **Полтавѣ** и г. Бойно-Родзевича, въ **Елисаветградѣ** у г. Н. К. Менчица, въ **Каменецъ-Подольскѣ** у г. Симоновскаго, въ **Житомірѣ** у г. Будкевича.

Редакторъ-издатель **Г. Т. Корчакъ-Новицкій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежедневную общественную, литературную и политическую газету

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,

1882 ГОДА.

(Второй годъ изданія).

Программа газеты: I. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. II. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. III. Дѣйствія правительства.

IV. Городская и земская хроника. V. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ »Южнаго Края« и телеграфныхъ агентствъ. VI. Послѣднія извѣстія. VII. Внутреннія извѣстія: корреспонденціи »Южнаго Края« и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Политическое обозрѣніе. IX. Внѣшія корреспонденціи. X. Фельетонъ научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XI. Судебная хроника. XII. Критика и библіографія. XIII. Смѣсь. XIV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XV. Календарь. XVI. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковскаго военно-окружнаго суда. XVII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ южной Россіи: *въ Азовѣ, Александровскѣ, Ахтыркѣ, Бердянскѣ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ, Бирючѣ, Бахмутѣ, Валкахъ, Волчанскѣ, Боронежѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославѣ, Зѣньковѣ, Зміевѣ, Изюмѣ, Кіевѣ, Кишиневѣ, Кобелякахъ, Константиноградѣ, Кременчугѣ, Купянскѣ, Курскѣ, Керчи, Кутаисѣ, Лебединѣ, Миргородѣ, Мелитополѣ, Маріуполѣ, Нѣжинѣ, Новочеркаскѣ, Новомосковскѣ, Одессѣ, Острогѣ, Полтавѣ, Павлоградѣ, Поти, Переяславѣ, Путивлѣ, Ширятинѣ, Ромнахъ, Ростовѣ-на-Дону, Славянскѣ, Славяносербскѣ, Ставрополѣ, Старобѣльскѣ, Старомъ Осколѣ, Симферополѣ, Севастополѣ, Суджѣ, Сумахъ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Таганрогѣ, Херсонѣ, Черниговѣ и Ялтѣ.*

Кромѣ постоянныхъ корреспонденцій изъ Петероурга и Москвы, редакція позаботилась полученіемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ западной Европы и Америки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки . . .	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою . . .	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногород. .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается только, съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Главная контора редакціи въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ д. Харьковскаго Университета, № 7-й при „Публичной библіотикѣ“ А. А. Іозефовича, принимаетъ подписку и объявленія.

Издатель **А. А. Іозефовичъ.**

Редакторъ **А. Н. Стояновъ.**

2-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ,

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГАЗЕТА

„ЗАРЯ“.

Открыта подписка на 1882-й годъ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ

I. Телеграммы. Важнѣйшія событія русской и иностранной жизни.

Кромѣ телеграммъ „Международн. Телеграфнаго Агентства“, редакція получаетъ телеграфическія извѣстія отъ спеціальныхъ корреспондентовъ заграницей, въ Петербургѣ (ежедневно), Москвѣ и въ главныхъ городахъ Юга Россіи.

II. Отдѣлъ внутренній. А) Извѣстія о дѣйствіяхъ правительства, о законодательныхъ мѣрахъ и предположеніяхъ, Б) руководящія статьи, по важнѣйшимъ вопросамъ общественной жизни Россіи, какъ-то: по вопросамъ государственнаго хозяйства, путей сообщенія, народнаго образованія, земскаго, городскаго и крестьянскаго самоуправленія; В) корреспонденціи изъ столицъ и краевыя; Г) свѣдѣнія изъ другихъ періодическихъ изданій; Д) обозрѣніе русской и иностранной печати; Е) вопросы хозяйства, промышленности и торговли въ районѣ южной полосы Россіи, въ губерніяхъ входящихъ въ составъ генералъ-губернаторствъ: юго-западнаго, одесскаго и харьковскаго.

III. Отдѣлъ городской. А) Хроника г. Кіева, Б) вопросы городскаго благоустройства.

IV. Отдѣлъ судебный. А) Руководящія статьи по юридическимъ вопросамъ, Б) отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ.

V. Отдѣлъ иностранный. А) Руководящія статьи по вопросамъ внѣшней политики; Б) корреспонденціи изъ иностранныхъ государствъ; В) извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ общественной и политической жизни заграницей.

VI Фельетонъ. Очерки и разсказы (оригинальные и переводные). Обозрѣнія и статьи литературно-критическія, рецензіи театральныя, музыкальныя и художественныя. Научная хроника.

VII. Смѣсь. Разныя извѣстія, важнѣйшія изобрѣтенія въ области наукъ искусствъ и промышленности и проч.

VIII. Отдѣлъ торговый. Свѣдѣнія объ урожаяхъ, о цѣнахъ на зерновые продукты и на главные товары, составляющіе главный предметъ мѣстнаго производства или мѣстной торговли. Торговыя корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ внутреннихъ рынковъ. Свѣдѣнія о состояніи полей. Биржевыя телеграммы и бюллетени. Курсы русскихъ и иностранныхъ монетъ, цѣнныхъ бумагъ и проч. Періодическія торговыя и биржевыя обозрѣнія.—Желѣзнодорожная хроника.

IX. Отдѣлъ справочный. Желѣзно-дорожное и пароходное движеніе. Метеорологическій бюллетень. Судебный указатель по судебнымъ учрежденіямъ округа кіевской судебной палаты: списокъ назначенныхъ къ разсмотрѣнію дѣлъ и резолюціи. Ежедневные списки получателей груза по юго-западн. жел. дор. и свѣдѣнія о наложенныхъ платежахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ доставкой или пересылкой.	Безъ доставки.
На годъ . . .	10 руб.	8 руб.
„ 6 мѣсяцевъ .	6 руб.	5 —
„ 3 мѣсяца . .	4 руб.	3 —
„ 1 мѣсяцъ . .	1 руб. 50 к.	1 —

Выписывающимъ газету *съ 1-го января 1882 года на цѣлый годъ* допускается **разсрочка** годоваго взноса, причемъ при подпискѣ вносится 3 руб., 1-го марта 3 руб., 1-го іюня 2 р. и 1-го сентября 2 р. Подписывающіеся въ срединѣ года разсрочкой не пользуются.

Правительственныя, общественныя и частныя учрежденія могутъ выписывать газету въ кредитъ по письменнымъ, на бланкѣ этихъ учрежденій, предложеніямъ. Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ выписка газеты въ кредитъ допускается чрезъ ихъ казначеевъ.

Подписка принимается:

Въ Кіевѣ, въ главной Конторѣ газеты „ЗАРЯ“, на Крещатикѣ, при книжномъ магазинѣ Л. В. Ильницкаго.

Иногородніе благоволятъ адресовать свои требованія исключительно въ Главную Контору или подписываться у агентовъ ся, обозначенныхъ въ каждомъ нумерѣ газеты.

Редакторъ-издатель *И. А. Андреевскій.*

годъ 2-й. **годъ 2-й**

Открыта подписка

на литературную и общественную

газету

„ПОДОЛЬСКІЙ ЛИСТОКЪ“

(второй годъ изданія).

„Подольскій Листокъ“ будетъ выходить въ 1882 г., какъ и прежде, три раза въ недѣлю, по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, въ форматѣ обыкновеннаго газетнаго листа, по нижеслѣдующей программѣ:

а) Распоряженія Правительства и мѣстной администраціи. б) Руководящія статьи по вопросамъ внутренней жизни края. в) Хроника каменецъ-подольской городской жизни. г) Судебная хроника (мѣстная).

д) Фельетонъ: разсказы, повѣсти, научныя свѣдѣнія и т. п. е) Корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ края. ж) Среди газетъ. з) Краткія свѣдѣнія изъ политической жизни иностранныхъ державъ. и) Телеграммы. і) Смѣсь: анекдоты, случаи и т. п. к) справочный листокъ *(перечень дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Каменецъ-Подольскомъ Окружномъ Судѣ, краткія резолюціи по дѣламъ,* свѣдѣнія о пріѣзжающихъ, и т. п.) л) Объявленія.

Подписная цѣна „Подольскаго Листка".

	на годъ.	на полг.	на 3 м.	на 1 м.
Для иногородныхъ подписчиковъ съ пересылкою. .	6 р. 50 к.	4 р.	2 р. 50 к.	1 р. 30 к.

Иногородніе обращаются съ своими требованіями: **въ Каменецъ-Подольскъ, въ редакцію газеты „Подольскій Листокъ".**

Редакторъ-издатель **Б. Сторожевскій**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на газету
„ДОНСКОЙ ГОЛОСЪ"

(3-й годъ существованія).

НА 1882-Й ГОДЪ

Какъ сроки выхода (по воскресеньямъ и четвергамъ), такъ и размѣръ газеты остаются прежніе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ пересылкой по почтѣ и доставкой на домъ городскимъ подписчикамъ

на годъ	6 руб.
на полгода	3 руб. 50 к.
одинъ мѣсяцъ . . .	« 75 к.

Просятъ адресоваться: въ Новочеркаскъ въ редакцію «Донскаго Голоса».

Редакторъ-издатель **Е. Жигмановскій.**

ОТКРЫТА
ПОДПИСКА
НА ГАЗЕТУ
„ВОРОНЕЖСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“
на 1882 годъ.

Газета будетъ выходить въ 1882 году, какъ и прежде, три раза въ недѣлю:

ПО СРЕДАМЪ, ПЯТНИЦАМЪ И ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

Согласно принятой программѣ, работа «Воронежскаго Телеграфа» состоитъ:

1) въ обсужденіи вопросовъ изъ жизни общественной, нравственной и умственной; 2) выясненіи нуждъ и потребностей общественныхъ; и 3) своевременной передачи всѣхъ событій и новостей общественной жизни, въ возможной полнотѣ и разнообразіи.

Подписная цѣна на „Воронежскій Телеграфъ“:

ЗА ГОДЪ:		ЗА ПОЛГОДА:	
въ Воронежѣ безъ доставки	4 р. 50 к.	въ Воронежѣ съ доставкой	2 р. 75 к.
» » » съ доставкой	5 р. — к.		
съ пересылкою въ др. город.	6 р. — к.	съ пересылкою въ др. гор.	3 р. — к.

ЗА ТРЕТЬ ГОДА:

въ Воронежѣ съ доставкой 2 руб. 25 коп.
съ пересылкою въ др. гор. 2 руб. 75 коп.

Подписка на «Воронежскій Телеграфъ» принимается въ конторѣ редакціи, при типографіи Исаева, въ Воронежѣ, въ д. доктора Столль, на Большой Дворянской улицѣ.

Редакторъ издатель **В. И. Исаевъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на общественную и литературную газету

„ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“

(СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ, 1882).

Въ газету войдутъ слѣдующіе отдѣлы:

1) Статьи и изслѣдованія по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ и промышленности оренбургскаго края. 2) Общія политическія извѣстія и полити-

ческія телеграммы. 3) Хроника, или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и оренбургскаго края. 4) Сообщенія о театральныхъ и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ съ рецензіями о нихъ. 5) Фельетонъ:въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ будутъ помѣщаемы очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи. 6) Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной и желѣзно-дорожной, театральный репертуаръ, почтовыя и календарныя свѣдѣнія, мѣстный и метеорологическій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также частныя объявленія. 7) Прибавленіе къ „Оренбургскому Листку"

„ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ"

Газета «Оренбургскій Листокъ» выходитъ по воскресеніямъ, а «Листокъ Объявленій» по четвергамъ.

Подписная цѣна годовому изданію **ПЯТЬ РУБЛЕЙ** съ доставкою и пересылкой.

Для оренбургскихъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписныхъ денегъ.

Статьи, корреспонденціи и требованія редакція проситъ адресовать въ Оренбургъ, въ редакцію газеты **„Оренбургскій Листокъ"**, Перовская улица, домъ № 33, близъ театра, при типо-литографіи Ивана Ивановича Евфимовскаго—Мировицкаго.

Редакторъ-издатель **Ив. Евфимовскій—Мировицкій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Тамбовскія Губернскія Вѣдомости"

1882 года.

«Тамбовскія Губернскія Вѣдомости» будутъ издаваться въ 1882 году по слѣдующей программѣ, разрѣшенной правительствомъ:

I. Часть оффиціальная. II. Отдѣлъ неоффиціальный.

Программа неоффиціальнаго отдѣла:

1. Правительственныя распоряженія. Придворныя извѣстія. Телеграммы. Статьи о предметахъ внутренняго управленія и внѣшней политики, а также о выдающихся явленіяхъ и потребностяхъ мѣстной общественной жизни; вопросы городскаго благоустройства.

2. *Мѣстная хроника.* Текущія событія въ г. Тамбовѣ и въ губерніи. Корреспонденціи и извѣстія изъ различныхъ мѣстъ губерніи. Свѣдѣнія и матеріалы, касающіеся мѣстнаго края: историческіе, географи-

ческіе, топографическіе, археологическіе и проч. Статьи о сельскомъ хозяйствѣ, урожаѣ, промыслахъ, торговлѣ, фабрикахъ, ярмаркахъ, рынкахъ, состоявшихся торговыхъ и другихъ обществахъ. Некрологи извѣстныхъ въ губерніи лицъ. Извѣстія (былевые очерки) изъ прошлой жизни губерніи.

3. *Внутренній отдѣлъ*, посвященный обозрѣнію важнѣйшихъ событій въ Россіи, имѣющій общій и одинаковый интересъ для всѣхъ.

4. *Внѣшнія извѣстія*, посвященные обозрѣнію выдающихся событій иностранной жизни.

5. *Разныя извѣстія*. Полезныя и интересныя извлеченія изъ журналовъ и газетъ; общеполезныя свѣдѣнія изъ жизни, наукъ и искусствъ.

6. *Справочный отдѣлъ*. Метеорологическія и календарныя свѣдѣнія. Биржевыя извѣстія. Движенія желѣзныхъ дорогъ.

Неоффиціальный отдѣлъ будетъ занимать **цѣлый особый печатный листъ**. Газета будетъ печататься только **на хорошей бѣлой бумагѣ** и выходить по прежнему три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, за исключеніемъ дней праздничныхъ и послѣ праздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою на домъ въ Тамбовѣ	На годъ	На полг.	На 3 м.	На 1 м.
. . . . .	5 р.	3 р.	2 р. — к.	„ р. 75 к.
Съ пересылкою.	6 р.	4 р.	2 р. 50 к.	1 р. — к.

Отдѣльные №№ газеты продаются въ редакціи по 10 коп.

Подписка принимается въ редакціи „Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, у всѣхъ уѣздныхъ исправниковъ и городскихъ головъ тамбовской губерніи.

Редакторъ неоффиц. отдѣла **Мих. Григоровскій**.

ВЪ ЕКАТЕРИНОГРАДѢ
издается
„КУБАНЬ“

газета общественная, литературная и политическая

Срокъ выхода въ свѣтъ газеты— отъ одного до двухъ разъ въ недѣлю, въ размѣрѣ одного газетнаго листа средняго формата. Въ экстренныхъ случаяхъ будутъ выходить особыя прибавленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

для городскихъ подписчиковъ	для иногородныхъ
съ доставкою на годъ 6 р.	съ пересылкою на годъ 7 р.
на полгода 3 р. 50 к.	на полгода 4 р.

для служащихъ допускается разсрочка.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи на Красной улицѣ, при типографіи Н. Г. Мойсеенко, куда просятъ адресовать статьи, письма и мелкія сообщенія.

Редакторъ-издатель **Н. Г. Мойсеенко.**

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** руб. съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **«Новаго Времени»** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 58. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **«Новаго Времени»**, Никольская, д. Ремесленной управы.

Программа **»Историческаго Вѣстника«**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **»Историческому Вѣстнику«** прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отечество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

Издатель **А. С. Суворинъ.**